Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Вятский государственный университет»

XLIX Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых учёных

Материалы всероссийской конференции с международным участием

1–3 февраля 2017 г., г. Киров

Киров
2017

УДК 902 (470.5) (063)
ББК 63.48 (235.5)
С654

Печатается по рекомендации научного совета
Вятского государственного университета

Ответственный редактор:
А. О. Кайсин, заведующий научно-исследовательской археологической лабораторией ВятГУ
Научный редактор:
В. А. Коршунков, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и политических наук ВятГУ

С654 XLIX Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых учёных. Материалы всероссийской конференции с международным участием. 1–3 февраля 2017 г., г. Киров / отв. ред. А. О. Кайсин, науч. ред. В. А. Коршунков. – Киров, 2017. – 251 с.

Сборник предназначен для студентов исторических факультетов, археологов, культурологов и всех интересующихся историей. При перепечатке ссылка на издание обязательна. Перепечатка публикуемых материалов допускается только с разрешения авторского коллектива.

УДК 902 (470.5) (063)
ББК 63.48 (235.5)

ISBN 978-5-98228-127-2 © Вятский государственный университет (ВятГУ), 2017

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЗОЛЮЦИЯ XLVIII УРАЛО-ПОВОЛЖСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ 7

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА

Батуева Н. С. (г. Пермь) Посуда зауральского происхождения (керамика с искусственной примесью талька) на стоянке Чашкинское озеро III А 12

Батуева Н. С., Куцерубова К. М. (г. Пермь) Технико-технологический анализ керамики Волго-Камской культуры стоянки Чашкинское озеро IIIА 15

Воронков С. А., Косорукова Н. В. (г. Череповец) Костяные орудия охоты на Неолитическом памятнике Караваиха 4 (в бассейне озера Воже) 18

Грехов С. В. (филиал в г. Нижний Тагил) Использование костей мамонта палеолитическим населением Среднего Зауралья 21

Демаков Д. А. (г. Пермь) Особенности расположения памятников эпохи Неолита в Пермском крае 24

Канаука Н. В. (филиал в г. Нижний Тагил) Первые результаты эксперимента по изготовлению отверстий крупного диаметра 27

Куандык С. Р. (г. Актобе) О находке «Каменного утюжка» в песках Малые Барсуки в 2015 году 30

Кудашов А. С. (г. Самара) Проблема происхождения ранненеолитической керамики Марийского Поволжья 33

Лукинцева В. А., Косорукова Н. В. (г. Череповец) Костяной инвентарь стоянки Погостище 15 (по материалам исследований 2011–2016 годах) 35

Назмутдинова Н. В. (филиал в г. Нижний Тагил) Использование огня в погребениях Каменного века Урала 39

Неволин А. С. (г. Уфа) Пещеры Южного Урала со следами отправления культа 41

Попов А. С. (г. Самара) Каменный инвентарь стоянки Курпеже-Молла в Северном Прикаспии 44

Сомов А. В. (г. Самара) Сравнительный анализ накольчатой неолитической керамики бассейнов рек Самара и Сок в лесостепном Поволжье 48

Телегина Е. В. (г. Екатеринбург) Комплекс неолитической керамики памятника Вижай I в Северном Зауралье 51

Храмов Д. Ю. (г. Самара) Керамика луговского типа 55

Чеченин А. С. (филиал в г. Нижний Тагил) Культовая деревянная посуда Урала 57

Шабардина Т. А. (филиал в г. Нижний Тагил) Использование кристаллов древним населением Урала 60

Юркина Е. С. (г. Липецк) Кремневые наконечники эпохи Неолита – бронзы на Верхнем Дону по материалам памятника Липецкое озеро 63

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛОВ

Башатов В. А. (г. Самара) Вопрос о происхождении «воротничковой» керамики Среднего Поволжья 67

Булакова Е. А. (г. Екатеринбург) Керамика с текстильными отпечатками укрепленного поселения эпохи бронзы каменный амбар: опыт изучения 69

Голышкин А. О. (г. Липецк) Курганы эпохи бронзы на территории Верхнего Дона (по материалам Липецкой области) ... 73
Жуков Р. В. (г. Самара) Сравнительный анализ Покровской и срубной погребальных традиций позднего бронзового века (по материалам курганов Самарского Поволжья) ... 76
Конева А. Ю. (г. Курган) Керамическая коллекция Субботинского могильника поздней бронзы по материалам раскопок 1997 г. ... 79
Мосунова А. В. (г. Екатеринбург) Погребальная обрядность населения Среднего Зауралья в III–II тыс. до н. э. ... 81
Осипов С. Г. (г. Самара) Каменные скипетры из погребения 45 могильника Екатериновский мыс ... 84
Сулейманова С. А. (г. Челябинск) Жертвоприношения домашних животных Петровской культуры бронзового века Южного Зауралья ... 86
Тимофеева О. Е. (г. Уфа) Орнаментальные традиции населения, оставившего Акназаровский курганный могильник ... 89
Юмакаева Э. А. (г. Астана) Поселение Шагалалы II в Северном Казахстане ... 93

АРХЕОЛОГИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
Азаров А. Г. (г. Волгоград) Импортная керамика у сарматов Волги и Дона ... 96
Александрова А. И. (г. Оренбург) Анализ форм сарматской керамики из Шумаевских курганов ... 101
Белынцева К. В. (филиал в г. Нижнем Тагиле) Горные ландшафты в культовой практике древнего населения Урала ... 105
Битюшкова А. А. (г. Волгоград) Погребения сарматской знати в курганном могильнике Писарёвка II ... 108
Жавнерко О. Д. (г. Оренбург) Детские погребения ранних кочевников V–II в. до н. э. в бассейне р. Илек ... 111
Жанпеисов Б. О. (г. Астана) Археологический комплекс «Қырықұнгір» в Восточной Сарыарке ... 114
Жанузак Р. Ж. (г. Актобе) История исследования погребальных памятников раннего Железного века на территории Актюбинской области (70–90 е XX в.) ... 118
Ипатова Л. А. (г. Ижевск) Подарочные наборы могильников мазунинского типа в Удмуртском Прикамье: сравнительный анализ ... 120
Кравцова Ю. Д. (г. Ростов-на-Дону) Позднесарматские ременные гарнитуры по материалам Некрополя Танаиса: анализ историографии ... 124
Кучеров П. Ю. (Республика Казахстан, г. Астана) Колчанные наборы Раннесакского времени Тасмолинской археологической культуры ... 128
Левкова К. С., Саттаров Р. Р. (г. Самара) Бусы пьяноборской археологической культуры: историографический обзор ... 131
Сосновцева И. М. (г. Оренбург) Конская сбруя из Сарматского погребения Сорочинско-Никольского курганного могильника в Оренбургской области ... 134
Суркова К. И. (г. Челябинск) Новый памятник Позднесарматского времени Южного Зауралья ... 136
Ясаков В. С. (г. Ижевск) Находки раковин в воинских погребениях Прикамья первых веков нашей эры ... 139

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Ахмадуллина А. И. (г. Елабуга) Немонетные денежные средства из памятников Нижнего Прикамья X – начала XIII в. 143

Багаутдинов А. Р. (г. Казань) Лепная и подправленная керамика Билярского городища (XVIL раскоп, предварительные данные) 145

Бичкурова К. А. (г. Йошкар-Ола) Комплекс украшений женского костюма Мордвы VIII–XI вв. (по материалам второго Журавкинского могильника)..... 147

Близнюкова В. И. (г. Казань) Статистический анализ стеклянных украшений раскопа № 179 2015 г. Болгарского городища 149

Ведерников Н. Н. (г. Киров) Ножи Никулицкого городища (по материалам с раскопок 1956–1960 гг.) 151

Вельдер М. И. (г. Пермь) Технико-типологический анализ погребальной керамики Плотниковского могильника..... 154

Габдулхаева Р. М. (г. Ульяновск) Типологический анализ городищ Волжской Булгарии (на примере Ундоровско-Алейкинской группы памятников)..... 156

Емельянова А. Ю. (г. Ижевск) Привозные и местные подвески Верхнего Прикамья эпохи Средневековья: подражание и изменение 158

Жигалова В. В. (г. Пермь) Аскизские предметы из коллекции Калинского селища (по материалам раскопок 2011–2015 гг.)..... 161

Жилина М. В. (г. Киров) Кожаная обувь Хлыновского Кремля (по раскопкам 1956–1958 гг.) 165

Загайнова А. Ю. (г. Йошкар-Ола) Архитектурный декор раскопа XLVII Селитренного городища: статистический анализ..... 168

Каравашкина Е. А. (г. Ульяновск) Керамика населения Верхнего Прикамья на памятниках Среднего Поволжья в VIII – начале XIII в. 170

Каракулова И. В. (г. Ижевск) Погребальный обряд Верх-Саинского могильника: общее и частное 173

Купцова М. С. (г. Елабуга) Уральские истоки посуды в керамическом комплексе Староромашкинского городища 175

Кутузова Д. О. (г. Йошкар-Ола) Бусы погребения № 31 Анаткасинского могильника: обзор, систематизация и типология 178

Лунегова А. Ю. (г. Пермь) Датировка закрытых комплексов Рождественского городища..... 181

Половников Л. В. (г. Пермь) Усложнение интерьера Родановского жилища XII–XIII вв. (на примере Рождественского городища) 185

Сафаргалина Г. Р. (г. Елабуга) Зооморфные изделия из памятников Нижнего Прикамья (к проблеме интерпретации) 188

Соболь А. С., Прокопова К. А. (г. Пенза) Посуда Золотарёвского городища (по итогам экспедиции 2016 г.)..... 190

Султангулов В. Р. (г. Уфа) Проблема хронологии поясной гарнитуры раннесредневековых памятников Приуралья в системе Евразийской хронологии (поиск метода) 193

Шельдешова Ю. В. (г. Астрахань) Опыт статистической обработки керамического материала из нижних слоёв самосдельского городища..... 198

Якимова Д. А. (г. Пермь) Реконструкция головного убора из погребения № 264 Мокинского могильника Пермского края 200

АРХЕОЛОГИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Авдеенко А. Л. (г. Курган) Исследование культурного слоя города Кургана в 2009 г. 205

Бочагова М. С. (г. Курган) Охранные раскопки памятника «Культурный слой города Кургана XVIII–XIX вв.» в 2016 г. 208

Васильева К. А. (г. Пермь) Материальная культура поселка Орел 210

Комарова М. С. (г. Пенза) Засечный вал XVII в. у села Пяша 214

Котов И. А. (г. Кострома) Богоявленский и Успенский соборы Костромского Кремля: история разрушения 215

Леконцева В. П. (г. Ижевск) Перстни по материалам Марийских могильников XVI–XVIII вв. 216

Нурмаханов А. К. (г. Астана) Доисламские реликты в культовом зодчестве казахов Восточной Сарыарки 219

Огородников А. Д. (г. Йошкар-Ола) Детская кожаная обувь Царевококшайска (по материалам археологических раскопок г. Йошкар-Олы в 2008–2012 гг.) 222

Янченко Е. С. (г. Курган) Фарфоровые и фаянсовые изделия из культурного слоя Кургана на примере раскопа усадьб на углу ул. Советская–Пичугина 223

Яранцева Н. С. (г. Йошкар-Ола) Керамические ядра г. Царевококшайска 227

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ АРХЕОЛОГИИ

Акулова Е. А. (филиал в г. Нижний Тагил) Малоисследованные святилища на вершинах гор на территории Среднего Зауралья 230

Гутторов А. А., Чевтаев М. В. (г. Пенза) Применение аэрофотосъемки для исследования средневековых памятников Пензенского края 233

Евдокимов И. А. (г. Йошкар-Ола) Использование технологии «дополненной реальности» при проведении полевых археологических исследований. 234

Елкин В. А. (г. Москва) К вопросу о происхождении поверхностных воронок в пределах урочища борок (Левобережье р. Актай, Республика Татарстан) 236

Медная А. Н. (г. Пермь) Поминальная обрядность финно-угорских народов Волго-Камского региона: археолого-этнографические параллели 239

Михайлова К. В. (г. Йошкар-Ола) Отражение языческих верований средневековых мари в современном этнографическом материале 242

Мусакаева Р. Э. (г. Уфа) Костюмный комплекс как исторический источник 245

Чемкова Е. О. (г. Кострома) Археология для детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста по средством игр и интерактивных моментов 247

Шарнина Н. Н. (г. Чебоксары) О возможностях реконструкции чувашского костюма по археологическим данным 248

РЕЗОЛЮЦИЯ XLVIII УРАЛО-ПОВОЛЖСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Научно-исследовательская работа студентов и молодых ученых является одним из важнейших средств повышения качества подготовки специалистов в области археологии, способных творчески применять в практической деятельности достижения научно-технического прогресса и, следовательно, быстро адаптироваться к современным условиям развития археологической науки.

Основной целью конференции является активизация творческой деятельности студентов и молодых ученых, совершенствование форм привлечения молодежи к научно-исследовательской, конструкторской, технологической и внедренческой деятельности, обеспечивающих единство учебного и воспитательного процессов и способствующих повышению качества высшего профессионального образования, формированию исследовательской культуры студентов и молодых ученых, демонстрация результатов исследования.

Учредителями конференции выступили ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ.

XLVIII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых с международным участием (УПАСК) проводилась с 01 по 05 февраля 2016 года в г. Йошкар-Ола на базе ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» согласно приказу «О проведении XLVIII Урало-Поволжской археологической конференции студентов и молодых ученых с международным участием (УПАСК)».

Для участия в XLVIII УПАСКе были приняты заявки от 135 человек из 35 вузов России и стран СНГ: ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный университет», ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», ФГАО ВПО «Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина», ФГБОУ ВПО «Курганский государственный университет», ФГАОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет, филиал в г. Нижний Тагил», ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского», ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина», ФГАОУ ВПО «Елабужский институт Казанского федерального университета», ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», ФГБОУ ВПО «Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова», ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского», ФГБОУ ВПО «Нижнетагильский гуманитарный социально-педагогический институт», ФГБОУ ВПО «Новоси-

бирский национальный исследовательский государственный университет», ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный педагогический университет», ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет», ФГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», ФГБОУ ВО «Поволжская государственная социально-гуманитарная академия», ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», Российская национальная библиотека (РНБ), Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей им. И. Д. Воронина, ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева», ФГБОУ ВО «Тюменский государственный университет», ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова», ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова», ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет», ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет», ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет», ФГБОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет», Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского, Костанайский государственный педагогический институт, ГБУК РМЭ «Замок Шереметева», МБУ «Новочебоксарский музейный комплекс».

Непосредственно на секциях конференции заслушаны доклады и сообщения 77 студентов, аспирантов, молодых ученых, научных сотрудников музейных комплексов из 20 городов страны: Астрахань, Пермь, Череповец, Самара, Нижний Тагил, Омск, Сыктывкар, Екатеринбург, Ульяновск, Курган, Новосибирск, Челябинск, Чебоксары, Новочебоксарск, Нижний Новгород, Оренбург, Ижевск, Волгоград, Санкт-Петербург, Елабуга, Саранск, Пенза, Казань, Йошкар-Ола, Кострома, Уфа, Пермь, Киров, Тюмень, Симферополь, Костанай.

Программа конференции включала теоретические и практические разделы по основным проблемам археологии. В рамках конференции работали следующие секции: «Археология камня», «Археология бронзового века», «Археология раннего железного века», «Археология средневековья лесной зоны Урало-Поволжья», «Археология средневековья лесостепной и степной зоны Урало-Поволжья», «Археология раннего нового времени», «Вопросы теории и археологического наследия».

Руководителями секций были ведущие специалисты-археологи Урала и Поволжья, принимавшие активное участие в обсуждении докладов на секциях:

«Археология камня» – руководитель к.и.н., зав. отделом археологии МарНИИЯЛИ А. В. Михеев (г. Йошкар-Ола);

«Археология бронзового века» – руководитель к.и.н., ассист. каф. ист. Ульяновского госуниверситета Н. А. Горбунов (г. Ульяновск);

«Археология раннего железного века» – руководитель к.и.н. А. Н. Сарапулов (г. Пермь);

«Археология средневековья лесной зоны Урало-Поволжья» – руководитель д.и.н., зам. директора МарНИИЯЛИ Т. Б. Никитина (г. Йошкар-Ола); к.и.н. С.А.Перевозчикова (г. Ижевск);

«Археология средневековья лесостепной и степной зоны Урало-Поволжья» – к.и.н., декан А.З. Нигамаев (г. Елабуга);

«Археология раннего нового времени» – руководитель зав. НИ археологической лабораторией ВятГУ А.О.Кайсин (г. Киров);

«Вопросы теории и археологического наследия» – руководитель к.и.н., начальник Управления по сохранению, использованию и охране объектов культурного наследия Министерства культуры, печати и по делам национальностей А. И. Михеева.

По результатам презентаций докладов на секциях выделены лучшие работы:

«Археология камня» – А. В. Сомов (г. Самара), диплом I степени за доклад «Развитие керамических комплексов по материалам неолитической стоянки Калмыковка 1»;

И. Г. Толпыгина (г. Самара), грамота за лучший аспирантский доклад «Технико-технологический анализ ямочно-гребенчатой керамики Среднего Посурья»;

Н. А. Дога (г. Самара), грамота за активное участие.

«Археология бронзового века» – А. П. Григорьев (г. Оренбург), диплом I степени за доклад «Человеческие жертвоприношения в погребальном обряде ямной культуры Волго-Уралья»;

Е. А. Ионова (г. Ульяновск), диплом I степени за доклад «Погребальная керамика могильников Слуг I и Слуг II»;

А. А. Машенцева (г. Челябинск), диплом II степени за доклад «Посуда для производства кисломолочных продуктов в бронзовом веке Волго-Уральского региона»;

А. А. Швецова (г. Нижний Новгород), грамота за лучший аспирантский доклад «Окско-Сурское междуречье в позднем бронзовом веке: историко-культурная характеристика и этапы осовения»;

Э. Д. Насонова (г. Новосибирск), грамота за активное участие.

«Археология раннего железного века» – О. Ф. Хайруллина (г. Ижевск), диплом I степени за доклад «Гривны Боярского “Арай” могильника»

Археология средневековья лесной зоны Урало-Поволжья – А. С. Морозов (г. Нижний Новгород), диплом I степени за доклад «Погребение № 11 Желтухинского могильника»;

А. Е. Емельянова (г. Ижевск), диплом II степени за доклад «Колесовидные и кольцеобразные подвески Приуралья эпохи раннего средневековья»;

– А. В. Пермякова (г. Пермь), диплом III степени за доклад «Технологические особенности изготовления пластинчатых кованых браслетов (на примере браслета из погребения № 59 Баяновского могильника)»;

А. Н. Медная (г. Пермь), грамота за активное участие.

«Археология средневековья лесостепной и степной зоны Урало-Поволжья» – Г.Р. Сафаргалина (г. Елабуга), диплом I степени за доклад «Предметы украшения и туалета из Джучидской коллекции»;

О. С. Крапачева (г. Уфа), диплом II степени за доклад «Обувные наборы из памятников эпохи раннего средневековья Уфимско-Бельского междуречья»;

В. И. Близнюкова (г. Казань), диплом III степени за доклад «Стеклянные бусы Болгар»;

С. И. Юсупов (г. Елабуга), диплом III степени за доклад «Предметы вооружения из Елабужского городища по результатам последних лет».

«Археология раннего нового времени» – Д.С. Блинова (г. Йошкар-Ола), диплом I степени за доклад «Погребения новокрещенов Входоиерусалимского некрополя»;

Н. С. Яранцева (г. Йошкар-Ола), грамота за активное участие

«Вопросы теории и археологического наследия» – Л. В. Половников (г. Пермь), диплом I степени за доклад «Методика выявления особенностей жилищ родановской культуры»;

Р. М. Габдудхаева (г. Ульяновск), грамота за новый подход в исследовании археологических проблем.

В ходе работы конференции были обобщены результаты исследований студентов, аспирантов и молодых специалистов в области археологии, обсуждены поиски новых путей решения проблем ранней истории народов Волго-Уральского региона от эпохи камня до эпохи раннего нового времени, организованы дискуссия и обмен мнениями по наиболее актуальным вопросам археологии, установлены научные контакты между представителями вузов региона, определены и поставлены новые задачи в практической и теоретической археологии региона.

Заслушав и обсудив констатирующую часть резолюции, Оргкомитет XLVIII Урало-Поволжской археологической конференции студентов и молодых ученых с международным участием (УПАСК) постановляет:

1. Считать цели и задачи конференции успешно выполненными.

2. Выразить благодарность ректорату Марийского государственною университета за финансирование конференции и издание сборника материалов.

3. Выразить благодарность Оргкомитету конференции и участникам рабочей группы.

4. Наградить Благодарственными письмами Оргкомитета за активное участие в работе XVLVIII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции делегации следующих вузов и научных учреждений: ФГАОУ ВПО «Елабужский институт Казанского федерального университета», ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», ФГБОУ ВПО «Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова», ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. П. И. Лобачевского», ФГБОУ ВПО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», ФГБОУ ВПО «Оренбург-

ский государственный педагогический университет», ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет», ФГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», ФГБОУ ВО «Поволжская государственная социально-гуманитарная академия», Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей им. И. Д. Воронина, ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева», ФГБОУ ВО «Тюменский государственный университет», ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова», ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова», ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет», ФГБОУ ВПО «Челябинский государствеипый университет», ГБУК РМЭ «Замок Шереметева», МБУ «Новочебоксарский музейный комплекс».

5. Отметить высокий научный уровень представленных докладов, большую практическую пользу материалов конференции для научного осмысления проблем истории народов Урала и Поволжья.

6. Создать выборный Координационный совет Урало-Поволжской конференции сроком на пять лет.

7. Включить в состав единого Оргкомитета УПАСКа представителей следующих вузов:

Удмуртский государственный университет в лице к.и.н. С. А. Перевозчиковой;

Марийский государственный университет в лице к.и.н. Е. Е. Воробьевой;

Пермский государственный педагогический университет в лице к.и.н. А. Н. Сарапулова;

Ульяновский государственный педагогический университет в лице к.и.н. Н. А. Горбунова;

Сыктывкарский государственный университет в лице канд. культурологии Н. А. Волокитиной.

8. Для эффективного развития научного статуса УПАСКа обратиться с письмом в ведущие организации и вузы с просьбой включать в состав делегации на конференцию ведущих специалистов в области археологии.

9. Организовать и провести XLIX Урало-Поволжскую археологическую конференцию студентов и молодых ученых (УПАСК) в г. Кирове на базе ФГБОУ ВПО «Вятский государственный университет» на основании гарантийного письма указанного вуза.

Резолюция принята единогласно на итоговом пленарном заседании XLVIII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции в Марийском государственном университете 05 февраля 2016 года.

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА

Н. С. Батуева (г. Пермь)
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
Научный руководитель: Е. Л. Лычагина, к.и.н., доц.

Посуда зауральского происхождения (керамика с искусственной примесью талька) на стоянке Чашкинское озеро III А[1]

Стоянка Чашкинское Озеро III а расположена на восточном берегу озера в 10 км к северу от г. Березники. Этот памятник был открыт в 2013 г. Е. Л. Лычагиной и Н. И. Жеребцовым и исследовался Е. Л. Лычагиной в 2013–2014 гг. [Батуева, 2015, с. 8].

На стоянке известны четыре группы керамики, имеющие типологические и технологические отличия – неолитические камская, волго-камская, энеолитическая гаринская и керамика, относимая нами к неолиту Зауралья из-за присутствия в ее формовочной массе искусственной примеси талька. В данной работе будет рассматриваться последняя группа керамики.

К посуде зауральского происхождения мы отнесли шесть сосудов, имеющих минеральную примесь (визуально определенную как тальк) в формовочной массе (далее ФМ). Данный тип сырья является типичным для керамики Зауралья, в Предуралье он неизвестен. Сосуды были подвергнуты анализу исходного пластичного сырья (далее ИПС) и ФМ в рамках историко-культурного подхода, разработанного А. А. Бобринским, и выделенной им структуры гончарного производства [Бобринский, 1978, с. 275]. Анализ проводился при помощи микроскопа МБС-9 на базе ЛАЭИ ПГГПУ.

Анализ ИПС позволяет говорить об использовании гончарами одного типа сырья – илистых глин. В характеристике навыков отбора ИПС важно определение запесоченности сырья, влияющего на его пластичность. При изготовлении керамики «зауральского» типа применялось только незапесоченное сырье.

Для изучения навыков труда на ступени составления формовочных масс (ФМ) были привлечены данные о рецептах, которые включают ИПС и искусственные добавки. При анализе ФМ были выявлены следующие типы рецептов: с несмешанным составом – «ИПС + дресва» и со смешанным многокомпонентным составом [Цетлин, 2012, с. 68] – «ИПС + шамот + дресва». Анализ показал, что приоритет гончары отдавали составу «ИПС + шамот + дресва» (67%).

[1] Работа проведена при поддержке гранта РГНФ, проект №15-11-59001 «Комплексное исследование материальной культуры памятников каменного века в районе Чашкинского Озера. Пермский край».

Помимо этого нами был проведен спектральный анализ минеральной добавки – дресвы. Анализ осуществлялся с помощью электронного микроскопа JEOL JSM-6390LV. Он показал, что в рецепте «ИПС + шамот + дресва» в качестве отощителя практически во всех случаях использовался тальк. Исключение составляет рецепт «ИПС + дресва», где в одном из случаев использовался в качестве примеси альбит. Однако на основании сходства по другим показателям мы отнесли этот сосуд к исследуемой группе.

Типологический анализ керамики зауральского происхождения показал, что для нее характерен красный или песочный цвет. Толщина стенок колеблется от 0,5 до 0,8 см. Все четыре венчика – скошенные внутрь без наплыва. Орнамент на посуду наносился только естественными орнаментирами. В основном это зубы или кости мелких хищников. Узор характеризуется горизонтальными или вертикальными рядами оттисков зубчатого штампа в два или три зубчика. Поверхность сосудов тщательно заглажена мягким предметом или же слегка залощена.

В целом, керамику зауральского происхождения можно охарактеризовать как тонкостенную посуду, со скошенными венчиками и прямыми стенками, изготовленную из илистых глин, при доминирующем рецепте ФМ – «ИПС + шамот + тальковая дресва», орнаментированную оттисками зубчатого естественного орнаментира.

Если сравнивать описанный комплекс с другими коллекциями неолитической керамики стоянки Чашкинское Озеро III а, то можно отметить схожесть с керамикой Камской культуры в использовании в качестве ИПС илистых глин в незапесоченном состоянии [Батуева, 2015, с. 8–9]. С посудой волго-камской культуры их объединяет распространенность скошенных внутрь венчиков и наличие группы тонкостенной посуды с толщиной стенок менее 0,8 см.

Мы полагаем, что на стоянке Чашкинское Озеро III а, в результате долгого совместного проживания, происходило смешение различных культурных традиций как на технологическом (ИПС, ФМ), так и на типологическом уровне. В пользу такого предположения свидетельствует наличие тальковой дресвы в шамоте некоторых сосудов посуды Камской и Волго-камской культур стоянки Чашкинское Озеро III а.

Определенные трудности вызывает вопрос о более точной культурной атрибуции посуды с тальком «зауральского» типа. Проведенный И. Н. Васильевой технико-технологический анализ керамики Кокшаровского холма позволяет выделить наиболее близкие к нашему комплексу керамические группы [Васильева, 2011, с. 103]. Кокшаровский холм – известный археологический памятник лесного Среднего Зауралья, использовавшийся в неолитическое энеолитическое время в качестве межродового или межплеменного святилища. И. Н. Васильевой была проанализирована посуда кокшарово-юрьинского, кошкинского, басьяновского, полуденковского и аятского типов. Искусственная примесь тальковой дресвы характерна только для керамики басьяновского типа. Остановимся на ней подробней.

Керамика басьяновского типа характеризуется использованием орнаментиров, состоящих из двух зубчиков, техникой орнаментации – прочерчи-

ванием и накалыванием, на срезах венчиков часто фиксируются узкие насечки. В качестве ИПС применялись глины в запесоченном или незапесоченном виде, рецепты составления ФМ: «ИПС + органический раствор + шамот», «ИПС + органический раствор», «ИПС + органический раствор + дресва». В качестве дресвы использовался тальк.

По приведенным данным видно, что керамика «зауральского» типа стоянки Чашкинское Озеро III а по нескольким критериям близка керамике басьяновского типа (использование тальковой дресвы в качестве отощителя в ФМ, использование двухзубчатого штампа), но главные критерии представления мастера о сырье – ИПС и рецепты ФМ различны. Поэтому культурная атрибуция керамики «зауральского» типа стоянки Чашкинское Озеро III а затруднена.

Возможно, в случае с керамикой стоянки Чашкинское Озеро III а мы имеем дело с уже произошедшими под влиянием носителей других культурных традиций изменениями, которые и были зафиксированы в ходе нашего анализа. Для решения этого вопроса необходимо продолжение технико-технологического анализа керамики с искусственной примесью талька.

Результаты изучения
исходного пластичного сырья (ИПС) керамики

	Исходное пластичное сырье (ИПС)				Итого:
	Илистые глины		Глины		
	Не запесоченные	Запесоченные	Не запесоченные	Запесоченные	
Поселение Чашкинское Озеро III а	Гребенчатая керамика				
	33	1	11	1	46
	Накольчатая керамика				
	9		16	1	26
	Зауральская керамика				
	6				6

Литература

Батуева Н. С. Комплексный анализ гребенчатой керамики поселения Чашкинское Озеро III а // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета ПГГПУ. Серия 1 (11). Пермь, 2015. С. 8–9.

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978.

Васильева И. Н. О технологии изготовления керамики Кокшаровского холма // ВАУ. 2011. Вып. 26. С. 103–124.

Васильева И. Н., Выборнов А. А. К разработке проблем изучения неолитического гончарства Верхнего и Среднего Прикамья // Труды КАЭЭ. 2012. Вып. VIII. Пермь: Изд-во ПГГПУ. С. 33–50.

Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М: ИА РАН, 2012. С. 68–75.

Н. С. Батуева, К. М. Куцерубова (г. Пермь)
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
Научный руководитель: Е. Л. Лычагина, к.и.н., доц.

Технико-технологический анализ керамики Волго-Камской культуры стоянки Чашкинское озеро IIIА[2]

Стоянка Чашкинское Озеро III а расположена на восточном берегу озера в 10 км к северу от г. Березники. Она была открыта в 2013 г. Е. Л. Лычагиной и Н. И. Жеребцовым. Археологические раскопки на памятнике были произведены в 2013–2014 гг. КАЭЭ ПГГПУ под руководством Е. Л. Лычагиной [Батуева, 2015, с. 8].

На территории памятника в результате исследования были обнаружены две основные группы неолитической керамики, относящиеся к Камской и Волго-камской культурам. Помимо этого был зафиксирован небольшой комплекс посуды с примесью талька в формовочной массе, который имеет зауральское происхождение. В данном исследовании мы коснемся только анализа керамики волго-камской неолитической культуры. Этот комплекс представлен посудой, орнаментированной наколами.

Технико-технологическому анализу подверглись фрагменты 26 сосудов волго-камской культуры. Анализ проводился при помощи микроскопа МБС-9 на базе ЛАЭИ ПГГПУ. Аналитические исследования осуществлялись в рамках историко-культурного подхода, разработанного А. А. Бобринским, и выделенной им структуры гончарного производства [Бобринский, 1978].

Прежде чем перейти к технико-технологическому анализу, остановимся на типологической характеристике изучаемой посуды. Типологический анализ включал характеристику форм венчиков, цвет, толщину стенок и описание орнамента.

Исходя из данного анализа мы можем говорить, что для керамического комплекса волго-камской культуры стоянки Чашкинское Озеро III а характерна как толстостенная (толщина от 0,8 см встречена у 14 сосудов – 54%), так и тонкостенная посуда (12 сосудов – 46%); цвет стенок колеблется от песочного до коричневого или серо-коричневого. Для описываемого керамического комплекса характерны венчики двух видов: скошенный внутрь (90%) и с уплощенным торцом (10%). В первой группе венчиков (скошенные внутрь) можно выделить два типа: с наплывом (22%) и без него (78%).

Орнаментация керамики Волго-камской культуры, как уже упоминалось, представлена наколами различной формы. Наиболее часто встречались отдельные наколы овальной – 8 сосудов (30%), квадратной – 6 сосудов (23%) или прямоугольной формы – 4 сосуда (15%). Реже были отмечены наколы треугольной формы и орнаментация в виде «отступающей палочки» – по

[2] Работа проведена при поддержке гранта РГНФ, проект № №15-11-59001 Комплексное исследование материальной культуры памятников каменного века в районе Чашкинского Озера. Пермский край.

2 сосуда (по 7%). К единичным случаям можно отнести орнаментацию круглыми наколами, полой палочкой, ногтевидными вдавлениями. Один сосуд не имел орнаментации.

Технико-технологический анализ включал изучение исходного пластичного сырья (далее ИПС) и состава формовочных масс (далее ФМ).

Анализ ИПС позволяет говорить об использовании гончарами двух типов сырья – илистых глин (35%) и глин (65%). В характеристике навыков отбора ИПС важно определение запесоченности сырья, влияющего на его пластичность. При изготовлении посуды Волго-камской культуры стоянки Чашкинское Озеро III а применялось не запесоченное сырье – 96%, только в одном случае было зафиксировано сильно запесоченное – 4% (Табл. 1).

Обычно выделяют следующие приемы подготовки ИПС: 1) дробление ИПС в сухом виде (фиксируется по наличию в формовочной массе не растворившихся до конца комочков сухой глины и линз вытянутых слоев чистой глины); 2) использование ИПС в естественно увлажненном состоянии (при отсутствии признаков его дробления) [Васильева, Выборнов, 2012, с. 33].

Проведенный анализ показал, что глины использовалось чаще в сухом (дробленном) состоянии – 64%, а илистые глины в основном во влажном – 67% (см. Табл. 1).

Для изучения навыков труда на ступени составления формовочных масс (ФМ) привлечены данные о рецептах, которые включают ИПС и искусственные добавки. При анализе ФМ был выявлен один тип рецепта: с несмешанным двухкомпонентным составом – «глина + шамот» или «илистая глина + шамот» (см. Табл. 2) [Цетлин, 2012, с. 68].

Таким образом, мы можем охарактеризовать керамику Волго-камского типа стоянки Чашкинское Озеро III а как посуду песочного или коричневого цвета, со скошенным внутрь венчиком с наплывом или без него, орнаментированную наколами в основном овальной или подквадратной формы, изготовленную из незапесоченных глин с добавлением в формовочную массу шамота.

Как уже было отмечено, другой ведущий комплекс керамики стоянки Чашкинское Озеро III а относится к Камской культуре. Данная посуда уже была подробно описана одним из авторов [Батуева, 2015, с. 8]. Для нее характерны следующие черты: светло-коричневый – песочный цвет, полуяйцевидная форма сосудов со скошенным внутрь венчиком с наплывом, плотная орнаментация гребенчатым штампом, использование увлажненных незапесоченных илистых глин в качестве ИПС, основным рецептом ФМ является «ИПС + шамот».

При сравнении посуды Камской и Волго-камской культуры мы видим, что они отличаются наличием разного ИПС (в Волго-камской преобладают глины, а в Камской – илистые глины), но имеют одинаковый доминирующий рецепт ФМ – «ИПС + шамот». Возможно, появление сходных рецептов ФМ связано с хронологически одновременным проживанием на одной территории и наличием заимствований, взаимовлияний и т. д.

В связи с этим интересно сравнить керамику волго-камской культуры с материалами памятников средневолжской культуры т. к. именно с носителя-

ми керамических традиций средневолжского региона многие исследователи связывают появление посуды волго-камской культуры [Лычагина, Митрошин, 2013, с. 68–71].

В качестве одного из ключевых неолитических памятников Среднего Поволжья рассматривается Ильинская стоянка, расположенная в бассейне р. Сок – левого притока р. Волги. На данном памятнике известны два комплекса неолитической керамики – Елшанской и Средневолжской культур [Васильева, Выборнов, 2016, с. 5]. Посуда Средневолжской культуры характеризуется прямостенными или слегка приоткрытыми сосудами. Поверхность сосудов орнаментирована треугольными или овальными наколами, в технике отступающей палочки. По срезу венчика иногда встречаются насечки. Данная посуда была изготовлена из запесоченных илистых глин, главным рецептом являлся «ИПС + органический раствор». Сравнивая средневолжскую керамику с керамикой волго-камского типа стоянки Чашкинское Озеро III а, мы можем говорить о наличии определенных сходств в формах и способах орнаментации сосудов, т.е. схожих типологических чертах. Однако по составу ИПС и ФМ эти комплексы серьёзно отличаются. По всей видимости, долгое проживание в инородной среде приводило к коренным изменениям в изготовлении посуды, прежде всего, на технологическом уровне, в то время как некоторые типологические черты (форма сосудов, орнаментация) оказывались более устойчивыми.

Таблица 1

Результаты изучения исходного пластичного сырья (ИПС) керамики

Чашкинское Озеро III (а)	Исходное пластичное сырье (ИПС)								Итого:
	Илистые глины				Глины				
	жирные		тощие		жирные		тощие		
	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	
	6	3			6	10		1	26

Таблица 2

Результаты изучения формовочных масс (ФМ) керамики

Чашкинское Озеро III (а)	Формовочные массы (ФМ)		Итого:
	Шамот		
	Ш<2 мм	Ш<3–5мм	
	6	20	26

Литература

Батуева Н. С. Комплексный анализ гребенчатой керамики поселения Чашкинское Озеро IIIа // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета ПГГПУ. Серия 1(11). Пермь, 2015. С. 8–9.

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 275 с.

Васильева И. Н., Выборнов А. А. К разработке проблем изучения неолитического гончарства Верхнего и Среднего Прикамья // Труды КАЭЭ. 2012. Вып. VIII. Пермь: Изд-во ПГГПУ. С. 33–50.

Васильева И. Н., Выборнов А. А. Неолитический керамический комплекс Ильинской стоянки: датировка и технология // Археологические памятники Оренбуржья: сб. науч. тр. 2016. Вып. 12. Оренбург: ООО ИПК «Университет». С. 5–21.

Лычагина Е. Л., Митрошин Е. Н. Влияние неолитических культур Среднего Поволжья на процесс неолитизации Среднего Прикамья // Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность. Самара: ПГСГА, 2013. С. 68–71.

Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М: ИА РАН, 2012. С. 68–75.

С. А. Воронков, Н. В. Косорукова (г. Череповец)
Череповецкий государственный университет

Костяные орудия охоты на Неолитическом памятнике Караваиха 4 (в бассейне озера Воже)

Памятник Караваиха 4 находится в Кирилловском районе Вологодской области на левом берегу реки р. Еломы (рукав р. Модлоны, обе впадают в озеро Воже), поблизости от известного Караваевского могильника, расположенного на правом берегу Еломы, раскопки которого проводил А. Я. Брюсов в 1930–1950 гг. [Брюсов, 1961]. Караваиха 4 является единственным ранненеолитическим памятником в бассейне озера Воже. Памятник был открыт в 2002 г. под руководством Н. В. Косоруковой объединенной экспедицией Череповецкого музейного объединения и Череповецкого государственного университета. Место расположения стоянки представляет собой низкий заболоченный берег [Венедиктова, Косорукова, 2011, с. 130–131].

С 2002 г. на памятнике заложено 16 раскопов общей площадью 484 кв. м. На исследованном участке были выявлены две западины удлиненной вытянутой формы шириной 2-3 м, расположенные по направлению от леса к реке, представляющие собой древние заросшие заливчики или ручьи. В этих западинах выявлены столбовые конструкции: деревянные хорошо заточенные на нижних концах столбы глубоко вбиты в материковую глину вдоль краев западин, а также внутри западин в виде перегородок. Сооружения из деревянных столбов в западинах интерпретируются как рыболовные ловушки.

Находки данного комплекса залегают под слоями торфа, оторфованного суглинка и сапропеля на глубине, мощность последнего составляет от 0,1 до 0,9 м. Находки залегают тонким горизонтом, насыщенность слоя находками невелика. Уровень залегания артефактов связан с очень тонкой прослойкой песка, фиксируемой на контакте тёмно-зелёного оторфованного сапропеля и материковой глины на прибрежном участке памятника [Воронков, Косорукова, 2015, с. 108]. Для данного уровня залегания находок имеется серия радиоуглеродных дат, охватывающая диапазон от 7015+35 (ЛЕ–7190) до 6670+50 (ГИН–12513), которые позволяют датировать ранненеолитический комплекс стоянки концом VI – началом и первой половиной V тыс. н. э. [Кирьянова, Косорукова,2013, с. 107].

Наибольший интерес на памятнике Караваиха 4 представляют костяные изделия, прекрасно сохраняющиеся здесь в силу особенностей почвы.

Общее количество изделий из кости составляет 351 экз. Наиболее многочисленны среди них пешни (или орудия, напоминающие пешни) и их обломки. В составе костяных орудий представлены 16 наконечников стрел, 15 зубчатых острий или гарпунов и их обломков, среди которых встречаются вкладышевые или орнаментированные изделия.

Наконечники стрел представлены несколькими типами. Наиболее распространенным является тип простого игловидного наконечника с округлым сечением и плавным сужением иглы к концу орудия [Жилин, 2001, с. 55]. Подобные изделия представлены в памятниках Веретье 1, Нижнее Веретье и Оленеостровский могильник (Рис. 1–2). Единично представлен вкладышевый игловидный наконечник, сохранившийся не полностью (Рис. 7). Изделие имеет небольшой паз, в который вставлялись микропластинки, что говорит о существовании микролитической техники. Представляет интерес тип однокрылого асимметричного наконечника с шипом и различной длиной пера, аналогии которому известны в материалах Оленеостровского могильника и Нижнего Веретья [Жилин, 2001, с. 78]. Один наконечник напоминает игловидный, однако он, в отличие от других, имеет не круглое, а подтреугольное сечение. Не менее интересным артефактом является наконечник весловидного типа (Рис. 5–6). Это изделие длиной 10,2 см, с трапециевидным в сечении пером и заостренным уплощенным концом, на расстоянии 3 см от которого поперек пера выполнена насечка. Аналогии этому изделию можно найти в материалах памятников Окаемово 5 и Озерки 5 на территории Волго-Окского междуречья [Жилин, 2001, с. 79]. К более позднему времени относится наконечник ромбовидного типа с нарезкой в центральной части пера и наконечник с массивным пером треугольного сечения. Впервые на стоянке Караваиха IV был обнаружен костяной наконечник стрелы, украшенный орнаментом в виде вертикальных рядов из коротких горизонтальных насечек. Наконечник стрелы можно определить как биконический. Аналогии наконечнику можно найти в материалах памятника Ивановское 3 [Кирьянова, Косорукова, 2013, с. 108].

Почти все найденные зубчатые острия или гарпуны имеют типологические различия. Выделяются следующие типы изделий: 1) с одним треугольным зубцом, аналоги встречаются в Оленеостровском могильнике; 2) массивные с двумя крупными уплощенными зубцами и отверстием на расширенном насаде, аналогии которому имеются в Веретье 1; 3) с двумя подтреугольными зубцами; 4) с мелкими и частыми зубцами различных размеров, расширяющиеся к насаду изделия (Рис. 10); 5) имеющие четыре частых, но небольших по сравнению с основанием, слегка уплощенных зубца (Рис. 11); 6) с четырьмя крупными зубцами, также уплощенными к основанию; 7) с тремя клювовидными зубцами, аналогии которым имеются в Нижнем Веретье и Оленеостровском могильнике (Рис. 12) [Жилин, 2001, с. 99]; 8) довольно необычный, относительно крупный, с удлинённо-поперечным сечением, редко поставленные короткие зубцы расположены с двух сторон. Не удалось установить, к какому типу он относится [Воронков, Косорукова, 2015, с. 108].

Также представлены орудия из массивных расколотых пополам костей, с приострённым концом (рис. 1–14). Выделяются два способа оформления рабочего конца, в первом случае конец скошен под углом 45°, во втором является симметричным. Все артефакты выполнены из продольно разрезанных костей и имеют аналоги в памятниках Веретье и Озерки 5 [Жилин, 2001, с. 162]. В числе предметов, относящихся к охотничьему промыслу, можно назвать кинжал длиной 20,5 см, сделанный из трубчатой кости, расколотой пополам вдоль, с желобком посередине, имеющий приостренный симметричный конец.

Один обломок костяного изделия представляет собой, вероятно, фигурно оформленную рукоятку орудия типа ножа или кинжала, которое сделано из ребра, боковые края оформлены волнистой линией; аналогии данному изделию можно найти в материалах стоянки Веретье 1 [Ошибкина, 1997].

В числе изделий из кости на памятнике Караваиха IV преобладают орудия охоты и рыболовства. Здесь найдены наконечники стрел разных типов, гарпуны, наконечники копий и рогатин, пешни. Похожий костяной инвентарь можно встретить на мезолитических памятниках Веретье 1 и Оленеостровский могильник.

Литература

Брюсов А. Я. Караваевская стоянка // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961.

Венедиктова Н. Н., Косорукова Н. В. Исследование ранненеолитического поселения Караваиха 4 в бассейне озера Воже в 2011 г // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Сыктывкар, 2011. Т. XIV. С. 130–131.

Воронков С. А., Косорукова Н. В. Исследование торфяниковой стоянки Караваиха IV в бассейне озера Воже в 2015 г // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Сыктывкар, 2015. Т. XVIII. С. 108.

Жилин М. Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М., 2001.

Кирьянова А. В., Косорукова Н. В. К вопросу о датировке торфяниковой стоянки Караваиха IV бассейне озера Воже // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Сыктывкар, 2013. Т. XVI. С. 107.

Ошибкина С. В. Веретье 1. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М., 1997.

С. В. Грехов (филиал в г. Нижний Тагил)
Российский государственный профессионально-педагогический университет
Научный руководитель: А. Б. Сериков, д.и.н., проф.

Использование костей мамонта палеолитическим населением Среднего Зауралья

Кость наряду с камнем и деревом широко использовалась древним населением в качестве материала, применявшегося для изготовления различных изделий.

На территории Среднего Зауралья наиболее крупным палеолитическим памятником является Гаринская стоянка, расположенная на р. Сосьва на севере Свердловской области. К настоящему времени на стоянке собрано 674 каменных изделия и 228 костей со следами обработки. На материалах этой стоянки можно показать многие аспекты жизнедеятельности древнего населения Среднего Зауралья [Сериков, 2007].

Находки разнообразны по своему назначению. В первую очередь стоит выделить кости, которые, возможно, являлись частями каких-то конструкций. Это бедренная кость мамонта длиной 70,5 см. На дистальном ее конце проделано глухое каналовидное отверстие диаметром 5,5 см и длиной 13 см. Другой тип отверстия выявлен на берцовой кости мамонта длиной 41,5 см. Оно расположено на боковой поверхности кости, имеет округлую форму диаметром 5,3 см и глубиной 3,8 см. Интерес представляет и лопатка мамонта с двумя пробитыми в ней отверстиями. Отверстия имеют овальную (8 × 4 мм) и круглую (диаметр 10 мм) форму [Сериков, 2007а, с. 167]. Назначение лопатки не совсем понятно, но, возможно, это деталь какой-либо конструкции, так как подобные изделия известны на поселении Юдиново. В первом жилище, например, было найдено 20 лопаток с отверстиями, во втором – 16 [Васильев и др., 2005, с. 31].

В палеолите Урала подобных изделий больше не зафиксировано, но они выявлены на верхнепалеолитическом поселении Межиричи на Украине, где входили в состав конструкций жилищ из костей мамонта [Пидопличко, 1976, с. 107, 109, 116–119]. Кость мамонта с канальным отверстием могла использоваться в качестве части вертельной перекладины. Подобная вертельная перекладина в Межиричах состояла из бедренной и вставленной в торцовое отверстие лучевой кости мамонта [Пидопличко, 1976, с. 121–125].

В Гарях выявлены также различного рода инструменты из костей мамонта. Скуловая дуга мамонта длиной 26 см залощена, выступающий угол кости срезан. Ее могли использовать в качестве ударного инструмента, так как кость имеет естественный скуловой выгиб, на котором очень удобно лежит рука. Две сломанные лучевые кости мамонта предназначались для нанесения ударов, о чем говорят глубокие вмятины на их расширенных концах. На одной имеется две вмятины размером 6,4 × 5 см, глубиной 1,5 см, а на обратной стороне 6,3 × 3,2 см, глубиной 0,6 см. На второй кости вмятины поменьше: 5,5 × 3 см и 5 × 2,9 см. Обе кости примерно одинаковы по размерам: длина 35,5 и 34,5 см [Сериков, 2007а, с. 168–169].

Среди находок есть два землекопных орудия, сделанных из ребер мамонта, и различного рода подставки. Подставка из эпифиза бедренной кости мамонта (диаметр 14,4 см), на которой есть линейные следы двух типов. Первый тип представлен тонкими порезами (длина от 0,8–1,2 см до 2–3,7 см). Второй тип – прямые вдавленности в поверхность кости (длина от 1 до 3 см, ширина 1–1,5 мм). Скорее всего, она использовалась в качестве подставки для рубки или резания. Еще одной подставкой служил найденный обломок тазовой кости мамонта со следами порезов, их длина приблизительно такая же – до 2,5 см.

Из обломка бивня молодого мамонта диаметром 4,1 см и длиной 19,7 см выполнено рубящее орудие. Концевой участок бивня имеет естественную сточенность с одной стороны, противоположная сторона обработана сколом. Данный скол позволил получить симметричное в профиле лезвие рубящего орудия. На образованном лезвии присутствуют выкрошенность и микросколы от ударов. На вогнутой стороне бивня имеются две группы парных насечек от ударов рубящим орудием. Насечки выражены рельефно. Их глубина доходит до 1 мм. Обе группы насечек патинированы. Это свидетельствует о том, что нанесены они по свежему бивню.

Уникальной находкой является струг из ребра мамонта. Орудие представляет собой фрагмент ребра длиной 31,5 см, шириной 4,3 см и толщиной 1,6 см. Имеет четкие следы сработанности – кромка лезвия сточена на 3 см. Лезвие орудия находилось в центре обломка, процесс строгания осуществлялся заостренным боковым краем ребра.

Следы абразивной обработки выявлены на плечевой кости молодого мамонта длиной 48 см. На ней присутствуют четыре участка со следами шлифования. Такие же следы использования обнаружены на 39 ребрах мамонта. Большая часть пришлифовок возникла от кратковременного использования ребер в качестве своеобразных «напильников». Линейные следы в виде вытянутых овалов длиной 4–7,5 см идут небольшими участками. Сработанность на ребрах выглядит в виде длинных, рельефно выраженных параллельных царапин глубиной до 1–1,5 мм. На некоторых ребрах присутствует сразу несколько (до трех) участков со следами абразивной обработки.

Проведенные эксперименты помогли понять происхождение абразивной обработки костей. Дело в том, что в окрестностях стоянки полностью от-

сутствуют зернистые породы камня. Именно поэтому палеолитический человек стал использовать для абразивной обработки кости мамонта. Причем для этого применяли кости не свежие, а полежавшие, с растрескавшейся поверхностью. Именно мелкие трещинки на кости удерживали в себе зерна песка и превращали относительно гладкую поверхность кости в абразивную.

Также в Гаринской коллекции выявлены десятки костей с порезами, насечками, зарубками и отщепы из бивня мамонта. Необходимо отметить, что на «кладбищах» мамонтов, расположенных в окрестностях стоянки, также найдены кости с аналогичными следами использования [Сериков, 2008, с. 92–96].

Нельзя не упомянуть и уникальную находку личины медведя, сделанную из межпозвоночного диска мамонта. В симметричном диске размером 9,8 × 8,6 см были пробиты два отверстия, в результате чего природная форма обрела образ медведя. Отверстия стали глазами, нижний зауженный конец диска превратился в нос, выступы в его верхней части стали ушами. Возраст находки составляет 15–16 тысяч лет [Сериков, 2014, с. 72].

Еще более выразительной находкой является плоская скульптура хищника из грота Безымянного (Свердловская обл.), выполненная из тонкой пластинки бивня мамонта. Длина фигурки 7, 9 см, толщина – всего 2 мм [Бадер, Петрин, 1978, с. 30–31].

Орнаменты на Гаринской стоянке представлены ритмическими насечками на шести ребрах мамонта. На одном фрагменте ребра охрой нанесено несколько поперечных полос [Сериков, 2014, с. 103].

Таким образом, кости мамонта широко использовались древним населением Урала в различных сферах жизни.

Литература

Бадер О. Н., Петрин В. Т. Произведение искусства и костяные изделия эпохи палеолита с восточного склона Уральских гор // У истоков творчества: (Первобытное искусство). Новосибирск: Наука, 1978. – С. 26–31.

Васильев С. А., Абрамова З. А., Григорьева Г. В., Лисицын С. Н., Синицына Г. В. Поздний палеолит Северной Евразии: палеоэкология и структура поселений. СПб: ИИМК РАН, 2005. 107 с.: ил.

Пидопличко И. Г. Межиричские жилища из костей мамонта. / И. Г. Пидопличко. Киев: «Наукова думка», 1976. – 240 с.: ил.

Сериков Ю. Б. Гаринская палеолитическая стоянка и некоторые проблемы уральского палеолитоведения. Нижний Тагил: НТГСПА, 2007. 138 с.: ил.

Сериков Ю. Б. Костяные изделия Гаринской палеолитической стоянки (к вопросу о костяной индустрии палеолита Урала) // Северная Азия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: материалы всерос. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию со дня рождения М. М. Герасимова. Иркутск: Оттиск, 2007а. Т. 2. С. 167–174.

Сериков Ю. Б. Новые местонахождения палеолита на Сосьве // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. V. Университет и историко-культурное наследие региона: сб. науч. тр. Пермь: ПГПУ, 2008. С. 92–96.

Сериков Ю. Б. Очерки по первобытному искусству Урала. Нижний Тагил: НТГСПА, 2014. 268 с: ил.

Д. А. Демаков (г. Пермь)
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
Научный руководитель: Е. Л. Лычагина, к.и.н, доц.

Особенности расположения памятников эпохи Неолита в Пермском крае

Пермский край расположен на восточной окраине Восточно-Европейской (Русской) равнины и западном склоне Уральских гор. Он находится на стыке двух частей света – Европы и Азии. По внешнему очертанию территории Пермское Прикамье представляет собой почти правильный прямоугольник, который вытянут в меридиональном направлении. Максимальная протяженность края с севера на юг – 645 км, с запада на восток – почти 420 км [Назаров, 2006, с. 6].

Основная особенность географического положения Пермского края заключается в том, что он находится на стыке Русской равнины с Уральским горным хребтом. Размещение в пределах умеренного пояса, в зонах тайги и подтайги, наличие геологических пород различного возраста и происхождения, значительная протяженность края в меридиональном направлении создают большое географическое и природное разнообразие, которое влияло на расселение в прошлом по территории Пермского края древних людей. Пермский край расположен в глубине материка Евразия на значительном удалении от морей и океанов. Территория региона почти полностью расположена в бассейне реки Камы, которая является крупнейшим притоком Волги [Назаров, 2006, с. 6].

Географическое положение Пермского Прикамья, определяющее характер атмосферной циркуляции, количество солнечной радиации и особый тип рельефа, способствовало формированию умеренно-континентального климата с продолжительной холодной и многоснежной зимой и умеренно-теплым сравнительно коротким летом [Назаров, Черепанова, 2012, с. 39–40].

За время своего длительного развития (сотни тысяч лет, в некоторых случаях более миллиона лет), реки сформировали широкие поймы и до 4–5 надпойменных террас, сложенных аллювием. Поймы и террасы, как правило, развиты вдоль левых берегов, в то время как правые склоны остаются высокими, крутыми и представлены коренными породами [Назаров, Черепанова, 2012, с. 39]. Самые крупные водотоки региона: Кама (протяженность русла 1805 км), Чусовая (592 км), Сылва (493 км), Колва (460 км), Вишера (415 км) и Яйва (304 км) [Назаров, 2006, с. 61].

Территория Пермского Прикамья входит в зону тайги с типичными для нее хвойными насаждениями, преимущественно из ели и пихты. Учитывая сложный характер рельефа, различные свойства климата, а также историческое прошлое развития самой растительности, лесная растительность неоднородна и встречается в различных ее сочетаниях [Назаров, Черепанова, 2012, с. 47]. Ранее почти вся территория была занята сплошным покровом леса,

сведенным в настоящее время интенсивными лесозаготовками. Преобладающими породами являются ель и пихта, образующие однообразные пихтово-еловые леса с примесью сосны и березы. По краям широко распространенных болот и в низинных участках с господством торфяно-болотных почв развиты сильно заболоченные низкорослые леса из сосны. По долинам рек распространены лиственные насаждения и различные кустарники, а поймы рек заняты злаковыми заливными лугами [Назаров, Черепанова, 2012, с. 47–48].

Природно-географические условия региона играли большую роль в расселении древнего человека в эпоху неолита. Особенно здесь стоит отметить важность долин крупных рек, таких как Кама, Чусовая, Вишера, которые служили естественными путями миграции древних людей.

Всего в Пермском крае известно 75 памятников эпохи неолита. На настоящий момент точное местоположение известно у 55 памятников. Пятнадцать памятников было уничтожено в ходе интенсивной хозяйственной деятельности человека (строительство Камского и Воткинского водохранилищ), расположение еще пяти точно неизвестно.

Особенностью расположения памятников неолитического времени в регионе является то, что практически все они находятся либо на берегах р. Камы, либо на ее притоках. Те же из них, что привязаны к озерным старицам, на самом деле тоже относятся к Каме, так как в прошлом также располагались на ее берегу. Памятники, расположенные вдоль русла еще одной крупной реки края – Вишеры, носят кратковременный характер и по своему типу относятся к святилищам. Ярким примером такого памятника является святилище Писаный камень.

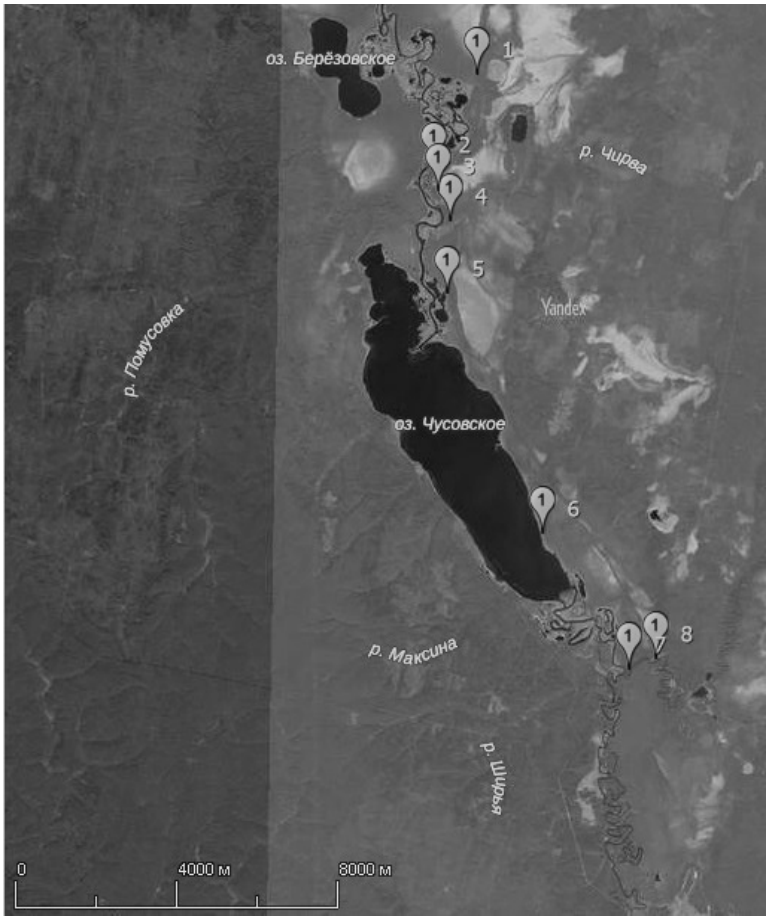
Интересно, что на других крупных реках региона – Чусовой и Сылве – памятники неолитического времени практически неизвестны. Исключение составляли устья этих рек, но они, как уже писалось ранее, были разрушены в ходе строительства Камского водохранилища. Мы полагаем, что средние течения этих рек могут быть перспективными для изучения.

При проведении картографирования памятников удалось выделить два района их концентрации: первый привязан к берегам Чашкинского старичного образования (11 памятников). Данный район был изучен в ходе работ комплексной палеоэкологической экспедиции в 2012–2014 гг. [Лычагина и др., 2015, с. 183–188]. Были сделаны выводы об изменении русла Камы на участке исследования, реконструирована природная и климатическая среда.

Другое скопление (8 памятников) сосредоточено на берегах р. Березовки в районе Чусовского озера на границе с Республикой Коми (Рис). Чусовское озеро имеет ледниково-остаточное происхождение и образовалось в позднем плейстоцене в результате Печорско-Камского спиллвея. О возможности существования перетока вод из верхней Печоры в бассейн Камы говорят геоморфологические и ландшафтные особенности данной части водораздела, отчетливо видимые на топографических картах, аэро- и космических снимках [Назаров и др., 2015, с. 111–118]. Таким образом, р. Березовка и Чусовское озеро уже имели сформировавшийся вид к моменту их заселения в

эпоху неолита. Данный район является очень перспективным местом для исследований совместно с учеными-палеорусловиками, палинологами и др.

Перейдем к выводам: памятники эпохи неолита тяготеют к левому берегу р. Камы и к ее левым притокам (42 памятника на левом берегу против 13 памятников на правом). По отношению к величине водных артерий памятники распределяются практически одинаково – 29 памятников на крупных реках и 25 – на малых. К озерным котловинам не старичного происхождения практически ни один памятник не приурочен. В ходе картографирования выделилось несколько участков, перспективных для исследований: во-первых, это долины рек Чусовой и Сылвы, где отсутствуют маркирующие памятники эпохи неолита. Во-вторых, это район р. Березовки и Чусовского озера, который в эпоху позднего плейстоцена являлся руслом Камы, а в голоцене активно осваивался древним человеком.

Литература

Лычагина Е. Л., Чернов А. В., Зарецкая Н. Е. и др. Чашкинское озеро и древний человек в голоцене // Неолитические культуры восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. Материалы междунар. науч. конф. СПб., 12–16 мая 2015 г. СПб.: Ин-т истории материальной культуры, 2015.С. 183–188.

Назаров Н. Н. География Пермского края: учеб. Пособие. Пермь, 2006. Ч. I. Природная (физическая) география. 139 с.

Назаров Н. Н., Черепанова Е. С. Пойменно-русловые комплексы Пермского Прикамья. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т 2012. – 158 с.

Назаров Н. Н., Чернов А. В., Копытов С. В. Печорско-Камский и Вычегодско-Камский водоразделы: геоморфологические и ландшафтные маркеры межбассейновых перестроек речной сети в позднем плейстоцене // География и регион: материалы междунар. науч.-практ. конф. Т. 1. Физическая география и ландшафтная экология. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2015. С. 111–118.

Н. В. Канаука (филиал в г. Нижний Тагил)
Российский государственный профессионально-педагогический университет
Научный руководитель: А. Б. Сериков, д.и.н., проф.

Первые результаты эксперимента по изготовлению отверстий крупного диаметра

Сверленые изделия (в основном украшения) на территории Урала известны с начала верхнего палеолита. В последующие эпохи все сверленые изделия (подвески, бусы, пряслица) обычно имеют небольшой диаметр отверстий – от 0,2 до 0,8 см. Предметы с отверстиями крупного диаметра (1,5 см и больше) на территории Урала встречаются достаточно редко, тем не менее известны на различных памятниках от Южного до Северного Урала. Датируются они в широком хронологическом диапазоне от неолита до раннего железного века. Всего найдено около сорока изделий, которые можно разделить на несколько видов: фигурные молоты, булавы и диски; также они делятся на каменные и костяные изделия. Для их изготовления использовали как мягкие породы (тальк, серпентинит, сланец, бурый железняк), так и твердые (диорит, диабаз, гранодиорит, кварцитопесчаник, горный хрусталь) [Сериков, 2015, с. 492–501]. Функциональное и сакральное назначение данных предметов разнообразно. Их использовали в качестве тотемов, жертвенных вещей, погребального инвентаря, маркеров территорий, оберегов, древних календарей, но чаще всего они являлись навершиями жезлов или посохов социально значимых лиц [Сериков, 2014, с. 10].

При изучении подобных изделий возникает множество вопросов. Ответу на один из них посвящена данная работа по экспериментальной археологии: каким образом и с какими трудозатратами древний человек изготовлял отверстия крупного диаметра? В этом плане стоит отметить мнение И. В. Калининой, связанное с экспериментами в археологии: «В ходе эксперимента накапливаются знания, которые теоретическим путем получить невозможно» [Калинина, 1998, с. 22].

Первым этапом эксперимента стал подбор материалов. В качестве заготовки для сверления выбран мягкий минерал – тальк, так как большая часть фигурных молотов, булав и дисков изготовлена из мягких минералов. Его твердость – 1 по десятибалльной шкале Мооса. Необходимый минерал был взят в тальковом карьере «Старая линза» (пос. Шабры в окрестностях Екатеринбурга). Размеры заготовки: длина – 14,5 см, ширина – 9,8 см, толщина – 3,4 см.

Для сверла взят материал, который легко могли добыть в древности – кость теленка. Следуя классификации сверл, его можно определить как пустотелое сверло. Размеры: длина – 12 см, внешний диаметр режущей кромки – 4,5 см, внутренний диаметр режущей кромки – 3 см, толщина стенок кости варьируется от 4 до 7 мм. Насад для сверла изготовлен из молодой ели. Длина насада – 78 см, диаметр – 3-4 см. Рычаг также изготовлен из древесной породы в виде доски длиной 41 см. В центре проделано граненое отверстие для крепления к насаду для сверла (Рис). В целом, инструмент делается в зависимости от комплекции экспериментатора для удобства и эффективности использования.

Сверление происходило следующим образом. На плоской части минерала был выбран наиболее удобный участок для постановки сверла. Инструмент приходит в действие в результате давления корпусом и вращательными движениями.

В ходе эксперимента возникли трудности – сверло не фиксировалось на месте и перемещалось в разные стороны. После того как удалось просверлить небольшое углубление, сверло оказалось зафиксированным. Сверление происходило медленно, за первые 10 минут сверло углубилось на 4 мм. Увеличение скорости произошло в результате добавления абразива. Им послужил песок, смоченный водой, что значительно ускорило процесс сверления.

Для дальнейшего увеличения производительности на режущей кромке сверла были сделаны 20 надрезов глубиной 2–4 мм. Данный шаг существенно увеличил скорость углубления сверла, так как крупицы песка проникали в углубления, тем самым увеличив количество абразива, соприкасавшегося с тальком. Однако сверло начало быстро изнашиваться, и надрезы необходимо было углублять.

Эксперимент не удалось довести до конца – тальк начал расслаиваться. В целом, минерал удалось просверлить на 2,6 см. Планируемое отверстие получилось конусообразным, причем разница диаметра углубления от начала сверления до конечной точки составила 8 мм. Режущая кромка сверла зашлифовалась, острые грани сгладились. Неровности на кости, которые присутствовали в начале сверления, также сгладились.

В ходе эксперимента удалось установить, что древний человек мог проделывать отверстия в мягких минералах с минимальной затратой труда, так как на создание простейшего механизма и на сверление изделия уходит меньше суток. Археологические находки с отверстиями диаметром от 2 см, вероятно, были изготовлены костяным сверлом. Полые кости с пришлифованным концом, найденные на археологических памятниках, могут являться древними пустотелыми сверлами.

Рис. Инструмент для сверления.
1 – Пустотелое сверло. 2 – Насад для сверла 3 – Рычаг

Литература

Калинина И. В. Функционально-технологический подход // Теория и методология архаики. Ч. I. Своя и чужие культуры; Ч. II. Сознание. Искусство. Образ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 21–27.

Сериков Ю. Б. Очерки по первобытному искусству Урала. Нижний Тагил: НТГСПА, 2014. 352 с.: ил.

Сериков Ю. Б. Об одном из признаков статусных изделий // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. I: Материалы V Тверской археологической конференции и 16-го и 17-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь: ООО Изд-во «Триада», 2015. С. 492–504.

С. Р. Куандык (г. Актобе)
Актюбинский региональный государственный университет имен К. Жубанова
Научный руководитель: Т. Б. Мамиров,
руководитель отдела Национального музея РК

О находке «Каменного утюжка» в песках Малые Барсуки в 2015 году

Каменные «утюжки» – одни из занимательных и вызывающих особый интерес археологических находок. Для степных районов Евразии такие находки немногочисленны, чаще единичны. Практически все данного рода артефакты, по мнению ученых, свидетельствуют о широких культурных связях племен различных районов степей Евразии. Поэтому зачастую каменные «утюжки» нередко привлекают для реконструкции этнокультурных взаимосвязей [Усачева, 2012, с. 22–23].

В вопросе о функциональном назначении «утюжков» исследователи расходятся во мнениях. Изделия такого рода, по предположению некоторых, использовались для разглаживания швов кожи. Тогда как другие высказывают мнение о том, что они применялись как выпрямители древков стрел. Помимо них имели место и другие гипотезы по их функциональному назначению. Например: «утюжки» использовались для растягивания ремней; или как утяжелители для копьеметалок; абразивы для заточки изделий из кости, дерева и рога; полировальники для изделий из дерева; маховички лучковых сверл [Усачева, 2012]. Ученые не исключают и сакральное значение «утюжков» [Ковалева, Зырянова, 2007].

Один такой «утюжок» был обнаружен в 2015 г. в ходе проведения разведочных работ в песках Малые Барсуки (Шалкарский район Актюбинской области). К сожалению, сам памятник был уничтожен в ходе прокладки нефтепровода. Стоянка представлена подъемными материалами на плотной песчаном выдуве, площадью 100х150 м на северной окраине песчаного массива, к юго-востоку от родника.

Артефакт имел следующие размеры: длина – 13,8 см, ширина – 8,3 см, и максимальная высота – 4,4 см. В изделии имелся поперечный желобок, дуговидный по форме, размеры желобка 4,7х1,2х0,5 см. Также отличительной чертой «утюжка» является наличие в центральной части продольно расположенного выступа, с максимальной шириной в центральной части 1,8 см, и минимальной у концов – 1,1 см, высотой 0,1 см. Выступ изделия декорирован косыми и параллельными друг другу насечками. «Утюжок» с плоским основанием и овальной формой был изготовлен из темно-зеленой сланцевой породы (см. рис.).

Кроме «утюжка» на разрушенной дневной поверхности был собран разновременный материал, представленный массивным нуклеусом со следами снятий сколов из светло-серого кварцитовидного песчаника, пестами, орудиями из кремнистой породы и кварцитовидного песчаника (концевой скре-

бок, фрагменты двусторонне обработанных бифасиальных изделий, фрагмент наконечника стрелы и отщеп с ретушью) и фрагментами малоинформативной лепной керамики.

К сожалению, хронологию памятника затруднительно определить ввиду разрушенности памятника и малочисленности сопутствующего инвентаря. По сопутствующему инвентарю стоянку можно датировать в рамках позднего неолита – энеолита.

Что касается ближайших находок «утюжков», то их можно проследить в Восточном Приаралье, на материалах кельтеминарской культуры, например на стоянке Толстова и Джингильде 11 из песчаника [Виноградов, 1981, с. 85, 89]. Данный материал автором относится к периоду развитого неолита кельтеминарской культуры (джанбасский этап) и датируется концом V–IV тыс. до н. э. [Виноградов, 1981, с. 133].

Также две случайных находки «утюжков» были найдены в Северо-Западном Казахстане и в Тургайской долине [Дуанбеков, Мусырманкул, 2015, с. 93]. Что примечательно, оба выполнены в антропоморфном стиле. И если первый, вытянутой формы с очертаниями лица на спинке, имеет три поперечных желобка на оборотной стороне, то второй, более массивный, с поперечным желобком на спинке и рельефным изображением человеческого лица с торца, имеет на оборотной гладкой стороне специальную выемку в виде литейной формы для отлива тесла. Оба экземпляра хранятся фондах Национального музея Республики Казахстан в г. Астане.

Находки каменных «утюжков» имеются также на стоянке Соленое Озеро 2 в Кустанайском Притоболье [Логвин, 1991, с. 27], на Ботае в Северном Казахстане [Зайберт, 1993, с. 226–227] и в других регионах.

«Утюжок», обнаруженный на Ботае, по форме, размерам, желобку имеет схожие черты с артефактом из песков Малые Барсуки.

По времени функционирования «утюжков» И. В. Усачева выделяет несколько хронологических периодов, где первые ранненеолитические экземпляры «утюжков» были обнаружены на территории Ближнего Востока [Усачева, 2005, с. 12].

В V – конце IV тыс. до н. э. в связи с освоением зоны умеренных пустынь и полупустынь территория распространения «утюжков» начинает быстро увеличиваться, включая регионы Северного Приаралья, Казахстана, Южного и Среднего Урала и других. По мнению И. В. Усачевой, культур и культурных типов, в которых зафиксированы «утюжки», насчитывается около двадцати [Усачева, 2006, с. 318]. В дальнейшем, в IV–II тыс. до н. э. ареал распространения каменных «утюжков» смещается северо-восточнее [Усачева, 2005, с. 19].

Каменный «утюжок», обнаруженный в песках Малые Барсуки, судя по схожести с аналогичными «утюжками» соседних регионов, а также, судя по ареалу распространения каменных «утюжков» в Евразии, который, в частности, затрагивает территорию Малых и Больших Барсуков, Северного, Северо-Восточного Приаралья и Центрального Казахстана можно отнести к V–

IV тыс. до н. э. Этому не противоречит и предварительная датировка разрушенного памятника Шагыр поздним неолитом – энеолитом. Культура-носитель данного «утюжка», возможно, была связана с соседней кельтеминарской культурой, откуда шло распространение утюжков далее к северо-востоку.

Таким образом, находка каменного «утюжка» имеет свою уникальность. Их декоративно-морфологические характеристики напрямую зависят от окружающих культурных контекстов. Поэтому следует считать, что «утюжки» являются своеобразными представителями культур, позволяющими идентифицировать их ареал распространения, быт, культуру и др.

Литература

Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы среднеазиатского Междуречья. М: Наука, 1981. 174 с.

Дуанбеков Р., Мусырманқул П. Жумбагы мол тас утикшелер // Мадени Мура. Астана, 2015. №2 (59). С. 91–97.

Зайберт В. Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск: Наука, 1993. 246 с.

Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Ближневосточный след в неолитической культуре Среднего Зауралья // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2007. №49. Вып. 13. С. 5–18.

Логвин В. Н. Каменный век Казахстанского Притоболья (мезолит-энеолит). Алма-Ата: Изд-во Казах. ГПУ, 1991. 63 с.

Усачева И. В. «Утюжки» в культурах Евразии. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2005. Вып. 6. С. 12–23.

Усачева И. В. «Утюжки» как маркеры культурного взаимодействия в Евразии в VII–II тыс. до н. э. // Современные проблемы археологии России: сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2006. Т. 1. С. 317–319.

Усачева И. В. Критический обзор гипотез функционального назначения «утюжков». // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. Вып. 1. С. 22–30.

А. С. Кудашов (г. Самара)
Самарский государственный социально-педагогический университет
Научный руководитель: К. М. Андреев, к.и.н., доц.

Проблема происхождения ранненеолитической керамики Марийского Поволжья

Проблема неолитизации лесного Среднего Поволжья весьма актуальна в отечественном неолитоведении. Значительное количество исследований по данной проблематике явное тому подтверждение. Изучение культурного взаимодействия, происходившего в раннем неолите лесного Среднего Поволжья, имеет важное значение для понимания процесса неолитизации данного региона и сопредельных территорий.

В лесном Поволжье ранненеолитическая посуда представлена небольшими прямостенными или округлобокими банками с плоским, а также плосковогнутым дном. Их поверхность тщательно заглажена, внешняя залощена. Формовочная масса визуально плотная, из илистых глин, иногда содержащих примеси песка, ракушки или органики. Большинство сосудов лишены орнамента, а остальные, в основном, украшены наколами треугольной или округлой формы. В то же время на стоянке Сутырская V преобладают сосуды, орнаментированные наколами треугольной формы [Выборнов и др., 2004, с. 28]. Орнамент сильно разрежен, композиции простые: горизонтальные или диагональные пояса наколов, зигзаги, волны или пересекающиеся линии, редки геометрические фигуры. Характерным является наличие горизонтального пояска круглых вдавлений по краю горла, которые иногда являются сквозными. Орнамент занимает верхнюю или нижнюю треть сосуда, иногда заходит на плоское дно.

Наиболее представительные коллекции ранненеолитической керамики получены на стоянках Отарское VI, Сутырская I, V, VII, Дубовские III, VII, VIII и IX. С точки зрения типологии керамика данных памятников обнаруживает наибольшую близость с комплексами второго этапа развития елшанской культуры лесостепного Поволжья, которые имеют очень близкие хронологические рамки [Выборнов и др., 2013, с. 257–258]. Керамика второго этапа елшанской культуры, выделяемая в луговской тип, достаточно тонкостенна, имеет лощение или загладку на внутренней и внешней поверхности. Шейка венчика прямая, срез преимущественно округлый или приостренный. Выделяются яйцевидная и баночная формы сосудов. Среди днищ превалируют плоские. Орнамент, в основном, приурочен к верхней трети горшка. Многие сосуды лишены орнамента, большая часть фрагментов украшена лишь ряда-

ми жемчужин или сквозных отверстий под срезом венчика. Для посуды западной группы елшанской культуры, выделяемой рядом исследователей, менее характерны жемчужины под срезом венчика, однако распространение получили накольчатые элементы [Андреев, 2015, с. 12–13]. Стоит заметить, что исходным пластичным сырьем при изготовлении данной посуды являются, преимущественно, илистые глины [Васильева, 2011, с. 78].

Примечательны результаты анализа Ю. Б. Цетлина, исследовавшего часть керамики Дубовского III поселения [Никитин, 2011, с. 147–149]. Было установлено, что на поселении бытовали в разное время две родственные группы населения, ранняя использовала в качестве сырья для изготовления керамики природный ил, другая – илистую глину. Гончарные традиции второй группы сложились за пределами данного поселения, так как природный ил использован в сочетании с шамотом. И. Н. Васильевой также был проведен технико-технологический анализ керамики Марийского Поволжья эпохи неолита и энеолита [Васильева, Выборнов, 2015, с. 68–98]. Было изучено 48 образцов относящихся к группе без орнамента и с пояском сквозных отверстий в верхней части сосуда. Исходное пластичное сырье определено одно – илистые глины. Исследование показало высокую степень сходства керамического производства лесного Среднего Поволжья с регионом Волго-Уралья – елшанской культурой. Проанализировав образцы с накольчатым орнаментом, специалист пришла к выводу о высокой степени сходства двух ранненеолитических групп населения Марийского Поволжья, что, видимо, свидетельствует об их сосуществовании и взаимодействии.

Продвижение елшанских коллективов на северо-запад Среднего Поволжья, вероятно, происходило в последней четверти VII тыс. до н. э. С этим же временем, видимо, связано движение нижневолжских коллективов в лесостепное Поволжье [Андреев, 2015, с. 16–20]. В результате взаимодействия пришлых и аборигенных групп населения в лесостепном Поволжье происходит формирование средневолжской культуры. Вероятно, в это же время, а возможно и несколько ранее неолитическое население из лесостепного Поволжья перемещается в лесное Среднее Поволжье, способствуя неолитизации данного региона. Даты по нагару с неорнаментированной керамики Дубовского III поселения – 6892±40 BP [Выборнов и др., 2014, с. 246] и 7000±150 BP [Васильева, Выборнов, 2015, с. 69] практически совпали с датировками стоянки Красный Городок – 6730±100 BP, Елшанка X – 6820±90 BP, Ильинской стоянки – 6820±150 BP [Андреев, 2015].

Примечательно, что датировки, связанные с накольчатой керамикой лесного Среднего Поволжья, являются более поздними, чем радиоуглеродные определения неорнаментированной посуды. Массовое распространение накольчатой традиции в лесном Среднем Поволжье происходит около 6500 BP [Васильева, Выборнов, 2015, с. 70]. Исходным регионом, видимо, является также лесостепное Поволжье.

Продвижение елшанского населения в Марийское Поволжье являлось длительным процессом, в ходе которого происходили контакты с местными

мезолитическими коллективами, что, видимо, отразилось на некоторых локальных вариациях в технологии изготовления и орнаментации мигрантов. Традиция изготовления посуды, которую принесло юго-восточное население, проделавшее долгий путь, имеет ряд отличий от керамических комплексов лесостепного Поволжья, при этом сохраняет свои основные характеристики.

Таким образом, на сегодняшний день наиболее вероятным источником неолитизации Марийского Поволжья является лесостепное Поволжье. Это подтверждается сходством орнамента, технологии изготовления ранненеолитической керамики, а также данными радиоуглеродного датирования. Также следует констатировать более позднее формирование накольчатой традиции орнаментации посуды в регионе по сравнению с неорнаментированной. Данная керамическая традиция так же, видимо, проникла в рассматриваемый регион из лесостепного Поволжья. В то же время в изучении раннего неолита региона остается ряд вопросов, которые требуют дальнейшие исследования.

Литература

Андреев К. М. Ранний неолит лесостепного Поволжья: автореф. дисс…. канд. ист. наук. СПб, 2015. 25 с.

Васильева И. Н. Ранненеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011, № 2 (46). С.70–81.

Васильева И. Н., Выборнов А. А. Некоторые аспекты изучения неолита Марийского Поволжья // Вопросы археологии эпохи камня и бронзы в Среднем Поволжье и Волго-Камье. Йошкар-Ола, 2015. С. 68–98.

Выборнов А. А., Королев А. И., Ставицкий В. В. Неолитический комплекс Сутырского V поселения (по итогам раскопок 2000 года) // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. Вып. 2. С. 27–40.

Выборнов А. А., Андреев К. М., Барацков А. В., Кулькова М. А., Кольцов П. М., Юдин А. И., Джалл Т., Гослар Т., Ойнонен М., Посснерт Г., Филиппсен Б. Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолита лесостепного и степного Поволжья // Известия СНЦ РАН. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2013. Т. 15, № 5. С. 254–260.

Выборнов А. А., Андреев К. М., Барацков А. В., Гречкина Т. Ю., Лычагина Е. Л., Наумов А. Г., Зайцева Г. И., Кулькова М. А., Гослар Т., Ойнонен М., Посснерт Г. Новые радиоуглеродные данные для материалов неолита – энеолита Волго-Камья // Известия СНЦ РАН. Самара: Издательство СНЦ РАН, 2014. Т.16. № 4. С. 242–248.

Никитин В. В. Ранний неолит Марийского Поволжья // Труды Марийской археологической экспедиции. Том IX. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. 470 с.: ил.

В. А. Лукинцева, Н. В. Косорукова (г. Череповец)
Череповецкий государственный университет

Костяной инвентарь стоянки Погостище 15 (по материалам исследований 2011–2016 годах)

Стоянка Погостище 15 находится в Кирилловском районе Вологодской области на берегу реки Модлоны, на территории бывшей деревни Погостище. Памятник был открыт в 2010 г. экспедицией Череповецкого государственного

университета и Череповецкого музейного объединения под руководством Н. В. Косоруковой, за 2011–2016 гг. на нем исследована площадь 360 кв. м. Памятник является торфяниковым, мезолитический слой залегает ниже уровня воды, что способствует сохранности предметов из органических материалов. Мезолитические находки представлены изделиями из кости, кремня, сланца, дерева, а также костями животных и рыб [Марков, Косорукова, 2016, с. 169–170].

Общее количество изделий из кости, найденных в мезолитическом слое, составляет 120 экз. Примерно половина костяного инвентаря приходится на наконечники стрел и их обломки (47 экз.). Все наконечники были найдены в сломанном виде, однако многие орудия можно составить из обломков в целые предметы. Наконечники представлены разными типами, но преобладают орудия с биконической и конической головкой (24 экз.) (Рис. 1–2). Кроме орудий с биконической и конической головкой единично представлены еще семь типов наконечников стрел. Одно изделие представляет собой массивное тяжелое орудие, у которого рабочий конец отдаленно напоминает биконическую головку, только она значительно более длинная, стержень изделия также утолщенный (Рис. 3). Второе изделие сломано, нет острия, длина сохранившейся части составляет 21,5 см; имеющийся конец изделия представляет собой насад, на котором оформлен выступ в 3,8 см от конца насада, имеется небольшое расширение к выступу. Третье изделие представляет собой узкий уплощенный наконечник с рельефным ободком в нижней трети орудия (над насадом) и уплощенно-овальным сечением, этот наконечник украшен орнаментом в виде нескольких продольных рядов из коротких горизонтальных насечек, а сразу над рельефным ободком прочерчены короткие крестики (Рис. 4). Четвертое изделие представляет собой однокрылый асимметричный наконечник с относительно коротким пером и уплощенно-овальным сечением, длина изделия составляет 9,5 см (Рис. 9). У пятого наконечника обломано острие, на конце обломанного стержня – характерный язычковый слом, без острия его можно определить как игловидный с пазами для вкладышей, но возможно, что данный наконечник тоже имел биконическую головку. [Лукинцева, Косорукова, 2015, с. 112–116]. У шестого наконечника обломанный кончик, его можно определить как игловидный с круглым массивным сечением в центральной части. Седьмой – вкладышевый, паз лишь на одном краю, в нём сохранились два вкладыша из микропластин [Марков, Косорукова, 2016, с. 173–174].

На втором месте по количеству находятся орудия, выделенные в общую категорию: инструменты для плетения сетей, проколки, шилья, кочедыки, которые составляют 10 экз. Эти орудия отличает выделенный приостренный подшлифованный рабочий конец. Одно орудие можно определить как кочедык, сделанный из грифельной кости. Три изделия представляют собой заточенные подшлифованные «палочки» с приостренным концом, второй конец обломан, поперечное сечение округло-овальное, подчетырехугольное, уплощенно-овальное. Пятое изделие – такая же «палочка» с приостренным концом, второй конец – целый, естественный конец кости. Шестое орудие сдела-

но на небольшой пластинчатой заготовке, вырезанной из кости, один конец которой оформлен в виде проколки или шила. Наиболее интересно седьмое изделие, у которого выделено острие и короткий черешок, возможно, орудие вставлялось в рукоятку, возможно, оно использовалось в качестве проколки или сверла. Есть фрагмент орудия типа проколки [Косорукова, 2014, с. 8].

Были найдены ещё две проколки, они имеют небольшие размеры, приостренный конец, сделаны из трубчатых костей, одна – из кости, расколотой пополам вдоль, вторая – из нерасколотой кости небольшого диаметра (рис. 1, 13, 12) [Косорукова, 2014, с. 8].

Семь орудий отнесены к категории пешни и обломки орудий типа пешней. Одно орудие сделано из массивной расколотой пополам вдоль трубчатой кости, имеет приостренный рабочий конец, скошенный под 45°, его длина составляет 28 см (Рис. 14) [Воронков, Косорукова, 2014, с. 125]. Есть изделие, представленное обломком орудия типа пешни, его рабочий конец не скошенный, а скругленный. Оставшиеся пять орудий типа пешен массивные, два из них – это обломки орудий из крупных расколотых пополам вдоль трубчатых костей [Марков, Косорукова, 2016, с. 174].

Зубчатые острия составляют 4 экз. Три из них – с обломанными нижними концами, в т. ч. два относятся к типу мелкозубчатых с частыми, четко выделенными зубцами: одно орудие имеет 10 зубцов и длину 7,8 см, уплощенное сечение, обломаны верхний и нижний концы (Рис. 6). Второе орудие имеет пять зубцов, длину 6 см, уплощенное сечение, конец заострен (рис. 1, 7). Третье орудие с обломанным нижним концом относится к типу редкозубчатых, его длина 8 см, сохранилось два редко поставленных коротких зубца, сечение уплощенно-овальное (Рис. 5). Четвертое зубчатое острие представляет собой целое орудие длиной 13,5 см с едва намеченными тремя зубцами, имеет следы обмотки и орнамент из косых насечек (Рис. 8) [Косорукова, 2014, с. 8].

На памятнике есть изделия, определенные как обломки наконечников копий. В 2015 г. было найдено два таких интересных изделия. Одно представляет собой обломок массивного наконечника копья с пазом для вкладышей (рис. 1, 11). Второе – это обломок наконечника копья (или кинжала), уплощенного, с острым концом (рис. 1, 10) [Косорукова, 2014, с. 9].

Одно целое вкладышевое изделие, возможно, представляет собой нож, это изделие подовальной в плане формы, уплощенное, имеет паз для вставки вкладышей на торцевой или боковой стороне; длина изделия составляет 8,8 см, длина паза – 5,5 см, обушковый край – скругленный, с пазом – прямой [Косорукова, 2014 с. 9]. Имеются и изделия, определенные как обломки ножей или кинжалов. Один из них имеет паз для вкладышей с остатками смолы (сами вкладыши не сохранились) [Марков, Косорукова, 2016, с. 174].

Было найдено изделие, представляющее собой кинжал. Оно сделано из грифельной кости, довольно длинное – 16,9 см, имеет приостренный заточенный рабочий конец, правда, обломанный на самом кончике [Косорукова, 2014, с. 9].

Подвески из зубов животных составляют 12 экз., в т. ч. представлены 4 подвески из резцов бобра, 3 экз. – из резцов лося, 2 экз. – из зуба куницы и

2 экз. – из клыка какого-то другого животного. Все подвески имеют нарезки для привязывания [Косорукова, 2014, с. 9]. Одно изделие – это обломок подвески со следами нарезок на одном конце [Марков, Косорукова, 2016, с. 174].

Самая необычная находка – очень тонкий костяной диск диаметром 2 см, с отверстием в центре [Марков, Косорукова, 2016, с. 174].

В целом, костяной инвентарь стоянки Погостище 15 имеет широкий круг аналогий на других мезолитических стоянках лесной зоны Восточной Европы. Однако, некоторым находкам так и не удалось найти аналогий.

Рис. 1–4,9 – наконечники стрел; 5–8 – зубчатые острия;
10,11 – обломки наконечников копий; 12,13 – проколки; 14 – пешни

Литература

Воронков С. А., Косорукова Н. В. Исследование торфяникового памятника Погостище 15 в бассейне озера Воже в 2014 г. // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Т. XVII. Сыктывкар, 2014. С. 119–127.

Косорукова Н. В. Костяной инвентарь мезолитической стоянки Погостище 15 в бассейне озера Воже // Археология Севера. Вып. 5. Череповец, 2014. С. 4–15.

Марков С. В., Косорукова Н. В. Исследование торфяникового памятника Погостище 15 в бассейне озера Воже в 2016 г. // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Т. XIX. Сыктывкар, 2016. С. 169–175.

Лукинцева В. А., Косорукова Н. В. Костяные наконечники стрел мезолитической стоянки Погостище 15 (по материалам исследований 2011–2015 гг.) // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Т. XVII. Сыктывкар, 2014. С. 111–116.

Н. В. Назмутдинова (филиал в г. Нижний Тагил)
Российский государственный профессионально-педагогический университет,
Научный руководитель: А. Б. Сериков, д.и.н., проф.

Использование огня в погребениях Каменного века Урала

Считается, что огонь символизирует трансформацию, очищение, обновление жизни, силу, мощь, защиту, разрушение, слияние, перемену одного состояния на другое либо переход в него. Также огонь являлся посредником между богами и человеком. Использование огня зафиксировано в целом ряде погребений каменного века на Урале.

В 1939 г. в Усть-Катавской II пещере (Челябинская обл.) были обнаружены кости человека. Они были обожжены, окрашены охрой и лежали вперемешку с украшениями. Среди украшений – 20 окрашенных охрой резцов байбака, 53 бусины из раковин, 36 круглых плоских бусин, 32 каменных подвески и пронизки из птичьих костей.

Автор раскопок С. Н. Бибиков реконструирует обряд захоронения как неполное трупосожжение с захоронением в специальной ямке, заполненной затем камнями, сверху присыпанной суглинком, над которым и был разложен огонь [Бибиков, 1960, с. 129–135].

Еще одно погребение в Челябинской области было обнаружено в 1962 г. в Гроте у Каменного Кольца. Кости и вещи (38 перламутровых бусин) залегали в беспорядке, череп лежал в центре могилы затылочным отверстием вверх. Над погребением зафиксированы остатки кострища [Бадер, 1973, с. 104–109].

В 1959 г. на Аятском озере (Невьянский р-н Свердловской обл.) было исследовано энеолитическое погребение. Оно было засыпано ярко-красной охрой и углем. Под слоем охры в анатомическом порядке лежали жженые кости человека, сгоревшие не полностью, череп отсутствовал. Большая часть погребального инвентаря была найдена в слое охры: подвески из пирофиллитового сланца (52 экз.) и кости (16 экз.), пластина слюды, полированный каменный диск, отщеп хрусталя.

Интересно отметить, что у стенки в жилище № 1 было обнаружено небольшое зольное пятно с включением кусочков охры, два человеческих зуба и две подвески из шифера. Автор раскопок Е. М. Берс предполагает, что именно там и была сожжена голова погребенного.

Сложный обряд захоронения, по ее мнению, реконструируется следующим образом: погребенный без головы, положенный на спину с вытянутыми вдоль туловища руками, был засыпан толстым слоем охры, поверх которой разводился костер [Берс, 1976, с. 190–200].

В 1978 г. на возвышенной части острова Большой Вишневый (оз. Аргази, Челябинская обл.) были найдены два погребения (Березки V г). Оба погребения были перекрыты набросом из необработанных камней.

Костяк из 1-го погребения лежал в вытянутом положении на спине и не имел сопровождающего инвентаря.

Основное погребение находилось в каменном ящике, образованном вертикально врытыми плитами и сверху перекрыто такими же плитами. Костяк лежал в вытянутом положении на спине головой на запад. Череп и правая часть костяка частично обожжены. Так как кости погребенного частично обожжены и в самом погребении отсутствовали следы костра, А. Ф. Шорин предполагает, что погребальный костер возводился над перекрывающими могилу каменными плитами. Погребальный инвентарь представлен 18 костяными подвесками и одной каменной [Шорин, 1991, с. 68–72].

На Шигирском торфянике (Свердловская обл.) на культовой площадке Скворцовская гора V в процессе раскопок 2003–2004 гг. было обнаружено два энеолитических погребения.

Погребение № 1 содержало останки трех человек: двух взрослых и ребенка. Они были помещены в расселину между двумя скальными грядами. Могильная яма своей формой напоминает очертания лодки, обращенной носом к югу, в сторону озера. Все три скелета были подвержены воздействию огня. Н. М. Чаиркина предполагает, что погребальный обряд включал придание телам скорченного положения и последующее оборачивание их множественными пеленами. Затем образовавшийся сверток помещался в могильную яму, где в течение длительного времени подвергался термической обработке. Богатый погребальный инвентарь кроме 150 каменных изделий содержал свыше сотни подвесок, бус и бисера.

В разрушенном втором погребении было найдено около 400 мелких кальцинированных костей, засыпанных охрой, которые предположительно принадлежали ребёнку в возрасте 10–12 лет [Чаиркина, 2011, с. 49–50].

Необычный погребально-жертвенный комплекс эпохи энеолита с применением огня выявлен на памятнике Палатки I (окрестности г. Екатеринбурга). Состоял он из восьми скоплений кальцинированных человеческих костей и двух погребений. Предполагается, что они являются остатками погребений, произведенных при помощи кремации. Но, учитывая толщину скоплений косточек (2–3 см), их можно считать и остатками жертвоприношений. Здесь же были найдены два погребения, оформленных по способу ингумации. Погребальный инвентарь представлен наконечниками стрел рыбковидной и листовидной формы, каменными подвесками и бусинами [Викторова, Румянцева, 2010, с. 64–65].

На северном берегу Шайтанского озера (Свердловская обл.) в расселине между гранитными плитами были обнаружены засыпанные охрой кальцинированные кости человека (Шайтанский шихан). Кости залегали вперемешку с обломками костяных подвесок, отщепами, дробленой керамикой, кусочками талька и охры.

По всей видимости, человек был сожжен вместе с костюмом, украшенным 80 костяными подвесками. Затем остатки трупосожжения были помещены в расселину и засыпаны слоем мелких пластинок серебристого талька [Сериков, 2013, с. 130–134].

Аналогичные обряды с использованием огня обнаружены и в смежном регионе. В могильнике Чепкуль-21 (оз. Чепкуль, Тюменская обл.) умерших

частично сжигали в деревянных сооружениях за пределами могил [Зах, 2006, с. 38]. Также обожжённые кости погребенных были обнаружены в могильнике на Андреевском озере (2, 7 и 11 погребение) [Зах и др., 1991, с. 14–43].

Таким образом, использование огня в погребальной практике зафиксировано уже в эпоху мезолита. Культ огня был связан как с полным, так и с частичным трупосожжением. При этом погребальный костер мог разводиться и в погребальной яме, и на её перекрытии. Стоит учесть еще тот факт, что огонь являлся символом очищения и перехода в другой мир. Огню также приписываются функции защиты. Возможно, полное трупосожжение было связано со страхом перед умершим и стремлением полного уничтожения его останков. Но в то же время сохранение этих останков свидетельствует о том, что данный человек играл важную роль в первобытном коллективе.

Литература

Бадер О. Н. Неолитическое погребение в гроте у Каменного Кольца на Урале и его аналоги // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 104–109.

Берс Е. М. Поздненеолитическое погребение на р. Аять в Среднем Зауралье // СА. 1976. № 4. С. 190–200.

Бибиков С. Н. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала // Советская археология. М., 1950. Т. 13. С. 95–139.

Викторова В. Д., Румянцева О. А. Энеолитические погребения на памятнике Палатки I // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. Уфа: Башкир. гос. пед. ун-тет им. М. Акмуллы, 2010. С. 64−65.

Зах В. А. Грунтовый могильник Чепкуль-21 на севере Андреевской озерной системы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. № 6. С. 24–41.

Зах В. А., Зотова С. В., Панфилов А. Н. Древние могильники на Андреевском озере близ Тюмени // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: ОмГУ, 1991. С. 14–43.

Панина С. Н. Фрагмент сакрального пространства эпохи энеолита у подошвы Усть-Вагильского холма в лесном Зауралье // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том I. Казань: ИА АН РБ; ИА РАН, 2014. С. 330–333.

Сериков Ю. Б. Шайтанское озеро – священное озеро древности. Нижний Тагил: НТГСПА, 2013. 408 с.: ил.

Чаиркина Н. М. Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья (по материалам погребально-культовой площадки Скворцовская гора V). Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 224 с.: ил.

Шорин А. Ф. Доандроновское погребение могильника Березки V г в горно-лесном Зауралье // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 68–72.

А. С. Неволин (г. Уфа)
Башкирский государственный университет
Научный руководитель: Р. Р. Русланова, к.и.н.,
ст. преподаватель кафедры истории Республики Башкортостан

Пещеры Южного Урала со следами отправления культа

Южный Урал в силу своего геологического положения богат пещерами, гротами, скальными навесами. Пещеры предоставляют широкое поле для изучения различных сторон жизни древнего человека: местах их обитания,

погребениях, материальной культуре. А пещеры со следами отправления культа раскрывают духовную сторону жизни населения давнего прошлого.

Ряд пещер (гротов) имеют следы относительно долгого пребывания (кострища, погребения, находки из камня, орудия труда). Но наиболее распространены пещеры с преимущественно культовой ролью, с галереями рисунков, погребениями, костями и черепами животных, расположенных определенным, ритуальным, порядком.

Исследование пещер остается проблематичным, так, некоторые исследователи палеолита Южного Урала специализируются на изучении мифологической составляющей сакральных пещер (В. Г. Котов, В. Е. Щелинский), другие – на исследовании и датировке находок и предметов культа, определении их специфики (В. Г. Котов, Ю. Б. Сериков и др.).

Во-вторых, при накоплении материала многие исследователи пещер высказывают сомнения об их культовой роли. Как, например, пещера Смеловская 2, в которой найдено много украшений и бус, что косвенно позволило автору раскопок указать на ее роль как святилища [Сериков, эл. ресурс]. В этой пещере, отнесенной Ю. Б. Сериковым к эпохе верхнего и среднего палеолита (датируется 41 тыс. до н. э.), найдены самые древние изделия на Южном Урале (тальковые куски пластин, каменные орудия, подвески из талька) [Сериков, 2009, с. 4].

Также пещеры способны иметь разный способ представления культа: некоторые пещеры выполняют роль галерей, преимущественно сохранявших рисунки на скалах, как пещера Шульган-Таш или Игнатьевская [Котов, 2001, с. 54–74], некоторые не имели рисунков, но в них располагались предметы ритуала и культа, как, например, пещера Заповедная [Котов, 2001, с. 86– 105].

Пещеры имели разный культ в своей основе: известны пещеры со следами культа медведя [Котов, 2001, с. 86–105], лошади [Щелинский, 2001, с. 33–53], других тотемических животных, а также культа стрельбы из лука [Сериков, 2009, с. 68–121].

Все это говорит о сложностях в классификации и изучении сакральных пещер Южного Урала и трудностях в описании мифологии человека прошлого [Щелинский, 2001, с. 33–53].

Критерии характеристики пещер со следами культа:

а) проведение исследований сейчас, открытие пещеры;

б) подтверждение культовости;

в) наличие рисунков и предметов культа, захоронений;

г) наличие следов духовной деятельности человека (наличие культа, описание сотворения мира и др.)

Капова пещера (Шульган-Таш) открыта А. В. Рюминым в 1959 г., в 1961 по 1978 г. исследовалась О. Н. Бадером, который нашел и очистил рисунки, обнаружил следы охры, угля. С 1982 г. исследовалась В. Е. Щелинским. Им был проведен радиоуглеродный анализ останков угля [История башкирского народа, 2009, с. 38]. Исследование пещеры продолжается и сейчас в направлении сохранения культурного наследия (2016 г.) [Респ. ис.-арх. ланд.-спел. музей зап., эл. ресурс].

Пещера признается культовой, имеющей следы захоронений [Котов, эл. ресурс]. Им же проводились попытки трактовки и интерпретации древних рисунков [Котов, 2001, с. 54–79]. Рисунки исследованы В. Г. Котовым, высказавшим предположение об обрядовой роли пещеры, и В. Е. Щелинским, который определил господствующий в рисунках культ лошади [Щелинский, 2001, с. 33–53]. Также в пещере Шульган-Таш выявлены захоронения [Котов, эл. ресурс].

Пещера Игнатьевская (Ямазы-Таш). Впервые пещера была обследована П. С. Палассом в 1760 г. В 1960–1961 гг. О. Н. Бадер исследовал привходовые отложения. Рисунки были открыты В. Т. Петриным, С. Е. Чаиркиным, В. Н. Широковым в 1980 г. [История башкирского народа, 2009, с. 42].

Последние исследования пещеры проводились в 2009 г. В. Г. Котовым, обнаружившим находки из кости и проведшим исследования рисунков [Котов, эл. ресурс]. Им найдены различные сколы породы со стен, что, по мнению исследователя, подтверждает мнение об обрядовой роли пещеры [Котов, 2001, с. 54–79].

Пещера Заповедная. Открыта уфимскими туристами-спелеологами в 1980 г. В 1990 г. она была исследована археологом В. К. Федоровым, который определил ее как культовый памятник со следами почитания пещерного медведя. Исследуется с 1993 г. В. Г. Котовым [Котов, эл. ресурс].

В ней нет рисунков и захоронений, зато о культовой роли пещеры говорит наличие и расположение останков медведей и других диких животных. В пещере обнаружены кострища, каменные орудия, кусочки угля и небрежно выполненные кремниевые оружия, возможно, использовавшиеся для ритуальных обрядов [Котов, 2001, с. 86–105].

Серпиевская 2 и Киселевская на р. Сим. Соотносятся по стилистике рисунков с Игнатьевской пещерой. Исследователи говорят об их вспомогательной роли к Шульган-Таш и Игнатьевской. К сожалению, сохранность рисунков плохая.

Тем самым на Южном Урале можно причислить к культовым пещерам четыре пещеры, даты и время находок в которых отличаются. Замечен тот факт, что в мезолите обращение людей к пещерам сокращается, рисунки теряют своё качество, создание стоянок почти прекращается [История башкирского народа, 2009, с. 44–53].

В настоящее время исследования пещер не прекращаются, каждый год публикуются материалы об археологических экспедициях, проводится анализ находок, предпринимаются попытки их интерпретации. Для большего понимания человека в палеолите нам следует обращаться к культовым местам Среднего Урала, Алтая. Важным фактором в работе с пещерами остается проблема сохранности рисунков и находок, подвергающихся каждый год уничтожению.

Литература

История башкирского народа: в 7 т. / гл. ред. М. М. Кульшарипов. М.: Наука, 2009. 400 с.: ил.

Котов В. Г. Культ медведя на Урале по данным пещеры Заповедная // Проблемы первобытной культуры. Уфа: Гилем, 2001. С. 86–105.

Котов В. Г. Итоги исследования палеолита в Башкортостане в 2009–2011 гг. / Археологическое общество Республики Башкортостан. URL: http://www.archeologyrb.ru/index.php/arkheologiya-v-rb/expedicii/96-itogi-issledovaniya-paleolita-v-bashkortostane-v-2009-2-011-gg

Сериков Ю. Б. Пещерные святилища реки Чусовой. Нижний Тагил: Нижнетагил. гос. соц-пед. акад, 2009. 368 с.

Сериков Ю. Б. Об освоенности территории Урала в эпоху верхнего палеолита / Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. URL: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-251-7/978-5-8843151-7_25.pdf

Шульган-Таш: Республиканский историко-археологический и ландшафтно-спелеологический музей-заповедник / URL: http://shulgancave.ru/proveden-uspeshnyj-ehksperiment-po-izolirovaniyu-novogo-dalnego-rajona-v-peshchere-shulgan-tash/; https://www.ipae.uran.ru/article/Gimranov_08_2015

Щелинский В. Е. Настенное искусство верхнепалеолитического святилища в пещере Шульган-Таш (Каповой) на Южном Урале: композиция «Лошади и знаки» // Проблемы первобытной культуры. Уфа: Гилем, 2001. С. 33–53.

А. С. Попов (г. Самара)
Самарский государственный социально-педагогический университет,
Научный руководитель: А. А. Выборнов, д.и.н., проф.

Каменный инвентарь стоянки Курпеже-Молла в Северном Прикаспии

Северный Прикаспий представляет собой южную часть Нижнего Поволжья и, по мнению ряда исследователей, именно здесь происходили важные процессы культурогенеза. В 1970-х г. А. Н. Мелентьевым в данном районе были проведены работы, которые позволили исследователю выделить прикаспийскую культуру, характерной чертой которой стало преобладание кварцитового сырья [Мелентьев, 1976, с. 24]. В 1980-х г. раскопки в районе продолжились и вновь открытые памятники позволили ввести в научный оборот хвалынскую культуру, отличительной чертой которой стал кременевый инвентарь [Васильев, 1981].

В своей работе А. Н. Мелентьев относил прикаспийскую культуру к позднему неолиту, однако это утверждение подверглось сомнению и существует мнение, что эта культура энеолитическая [Юдин, 2012]. Такое решение основывается на анализе керамики, который выявил примесь толченой раковины в тесте, орнамент в виде отпечатков гребенчатого штампа и воротничок на внешней стороне венчика (рис 2.10). Данные признаки есть на стоянке Курпеже молла (в том числе и преобладание кварцита), открытой в 1986 г. в 70 км к востоку от станции Досанг Красноярского района Астраханской области [Барынкин, Васильев 1985, с. 58]. После того как П. А. Косинцев пришел к выводу, что на памятнике присутствуют кости доместицированной фауны, интерес ученых к ней возрос, так как этот факт ставит вопрос о происхождении домашнего хозяйства на Нижней Волге. Однако для уверенности необходимо вновь проанализировать материалы памятника. Можно ли доверять данному источнику?

Специальный анализ каменного инвентаря дал следующие результаты. Коллекция насчитывает 1820 артефактов из камня, из которых 1091 из кварцита, а 729 – из кремня. Значительная часть изделий 1202 представляет собой отходы первичной обработки, что отражает процесс расщепления камня на месте стоянки. Из них 753 из кварцита, а 449 – из кремня. Выделяются несколько ребристых сколов и несколько сколов с плавающим окончанием, а также 1 нуклеус из кремня (рис 2.8). Среди изделий с вторичной обработкой преобладают пластины в количестве 375 экземпляров (из них 197 из кварцита ширина от 9 до 40 мм и 178 – из кремня). Ретушированных пластин из кварцита присутствует 45 их ширина от 10 до 44 мм (рис 2.1). Из кремня – 5, и их ширина от 10 до 20 мм, при этом кремень темно-прозрачного цвета. Ретушь частичная и сплошная наносилась по одной – двум боковым граням. Следующий массовый тип в коллекции памятника-скребки. Они так же встречаются из кварцита
109 и кремня 58. Среди кварцитовых скребков преобладают изделия концевого типа на пластинах, из всей серии только 8 изготовлены на отщепах. Округлый рабочий край имеет 63 (рис 2.6), прямой – 25, скошенный – 16 (рис 2.5) и дублированный – 5, их ширина варьируется от 10 до 40 мм. Что касается скребков из кремня, то 21 экземпляр выполнен на отщепах. Округлый рабочий край у 31 (рис 2.7), прямой у 13, скошенный у 10 и дублированный – у 4. Наконечники стрел в коллекции представлены симметричными двусторонне обработанными изделиями подтреугольной формы с прямым основание (1 из кремня, типичный для хвалынской культуры) (рис 2.2) и один с вогнутым основанием. Также представлены симметричные наконечники стрел вытянутые с вогнутым основанием в форме “рыбки” (3 из кремня и 1 из кварцита, типичные для прикаспийской культуры) (рис 1.3), еще от одного кремневого наконечника сохранилась только верхняя часть. Также присутствуют обломки от нескольких кварцитовых изделий подобного типа. Острия в коллекции представлены в основном симметричными изделиями. Их рабочие края оформлены ретушью по боковым граням, 5 выполнены из кварцита и 15 – из кремня. Присутствуют 16 обломков от различных кварцитовых орудий, 2 многофункциональных орудия из кремня. Одна проколка и 3 части от кремневых орудий. Также в комплекс орудий входят изделия определяемое как «вкладыши» (11 из кварцита и 8 из кремня), которые имеют характерную обработку, по их продольным граням наносилась ретушь (рис 2.4) [Барынкин, 1992, с. 14].

После данного анализа мы можем констатировать сочетание микро – и макротехники на данном памятнике, что характерно для хвалынской культуры [Попов, 2015, с. 65]. Однако для прикаспийской культуры такое сочетание ставилось под сомнение, из-за того что на памятниках, где техника фиксировалась, имелась более поздняя культурная примесь в виде хвалынских артефактов [Лопатин, 1989, с. 135]. Ситуация изменилась с раскопками памятника Орошаемое I, где предположительно имеется чистый прикаспийский слой, здесь был обнаружен вкладыш из темно-прозрачного кремня [Дога, Попов, 2016, с. 21]. Следующий вывод, который можно сделать исходя из этого анали-

за, – сочетания кремня и кварцита на памятниках прикаспийской культуры. Но следует заметить, что на хвалынских памятниках Кара-худук [Барынкин, Васильев, 1988, с. 123] и Каиршак VI [Барынкин, 1989, с. 106] встречается кварцит, и сделать однозначный вывод невозможно. Для решения проблемы мы обратились к керамике стоянки. В коллекции были выявлены черепки округлодонной формы сосудов, с орнаментом в виде рядов ногтевидных насечек, такие признаки характерны для хвалынской культуры (рис 2.9) [Дога, 2016, с. 40]. Таким образом, кремень Курпеже может быть привязан именно к ней.

Поскольку мы сделали вывод о том, что на стоянке есть хвалынские материалы, домашнюю фауну можно отнести к ним. Единственным аргументом в пользу прикаспийской принадлежности служит преобладание материалов данного типа. Но этот аргумент косвенный и нуждается в подтверждении. Большое значение опять принимают материалы стоянки Орошаемое I, где для прикаспийского слоя была получена дата 5890±120 [Выборнов, Юдин, Косинцев, Кулькова, Васильева, Дога, Попов, 2016, с. 144], которая согласуется с датами для Курпеже 6050±80 и 6020±80 [Выборнов, 2008]. Таким образом, можно говорить о наличии домашней фауны в раннем энеолите у прикаспийского населения.

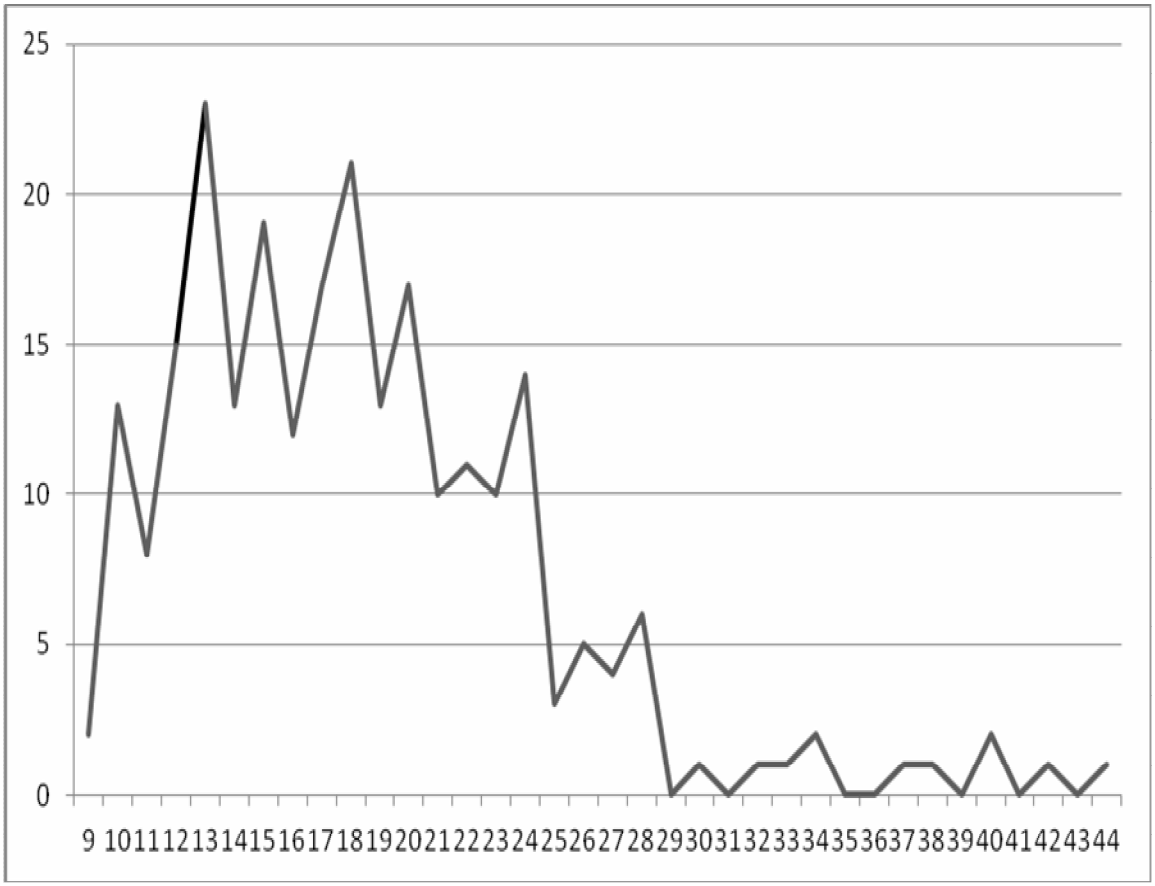

Рис. 1. Ширина орудий из кварцита
на стоянки Курпеже Молла (мм)

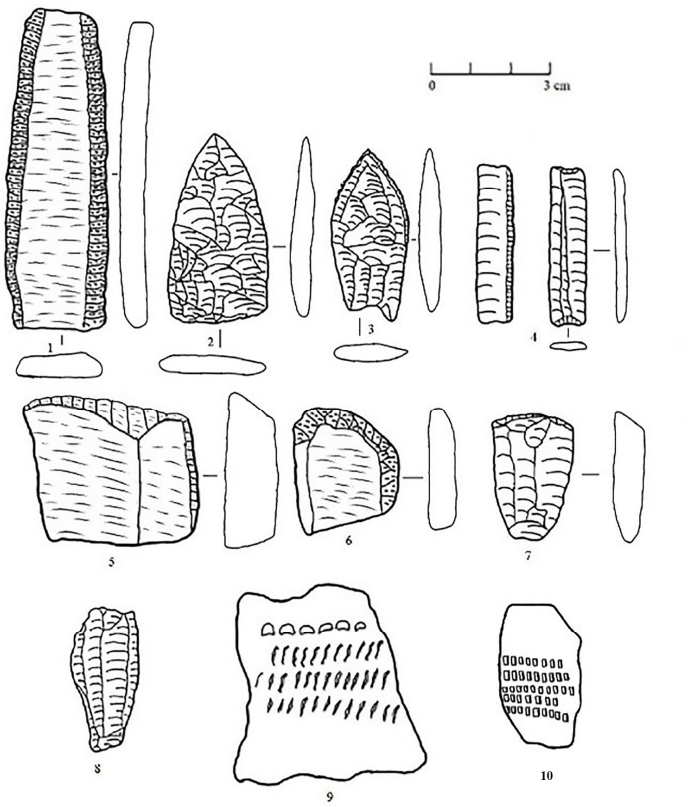

Рис. 2. Стоянка Курпеже Молла. 1,5,6 – кварцит; 2,3,4,7,8 – кремень; 9,10 – керамика

Литература

Барынкин П. П. Энеолит и ранняя бронза Северного Прикаспия: автореф. дис. … канд. ист. наук. М. 1992. 24 с.

Барынкин П. П. Энеолитический памятник Каир-Шак VI из южной части Волго-Уральского междуречья // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 1989. С. 106–118.

Барынкин П. П., Васильев И. Б. Новые энеолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические памятники на европейской территории СССР. Воронеж. 1985. С. 58–73.

Барынкин П. П., Васильев И. Б. Стоянка хвалынской энеолитической культуры Кара-Худук в Северном Прикаспии // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988. С. 123–142.

Васильев И. Б. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1981. 129 с.

Выборнов А. А. Неолит Волго-Камья. Самара. 2008. 490 с.

Выборнов А. А., Юдин А. И., Косинцев П. А., Кулькова М. А., Васильева И. Н., Дога Н. С., Попов А. С. Исследование поселения Орошаемое в Нижнем Поволжье // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т.18. №3. С. 140–146.

Дога Н. С. Новые подходы и интерпретации в изучении стоянки Курпеже-Молла в Северном Прикаспии // Материалы международной археологической конференции. СПб., 2016. С. 40–42.

Дога Н. С., Попов А. С. Итоги исследования стоянки Орошаемое I в Нижнем Поволжье // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Выпуск 8. Йошкар-Ола, 2016. С. 21–24.

Лопатин В. А. Стоянка Озинки II в Саратовском Заволжье // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 1989. С. 135–148.

Мелентьев А. Н. Памятники неолита Северного Прикаспия (памятники прикаспийского типа) // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век). Куйбышев, 1976. С. 22–25.

Попов А. С. К историографии хвалынской культуры // Новые материалы и методы археологического исследования. М., 2015. С. 65–67.

Юдин А. И. Поселение Кумыска и энеолит степного Поволжья. Саратов, 2012. 213 с.

А. В. Сомов (г. Самара)
Самарский государственный социально-педагогический университет
Научный руководитель: К. М. Андреев к.и.н., доц.

Сравнительный анализ накольчатой неолитической керамики бассейнов рек Самара и Сок в лесостепном Поволжье

Во второй половине XX – начале XXI в. в лесостепном Поволжье выявлено более 30 неолитических памятников. Посуда, орнаментированная наколами и оттисками гребенчатого штампа, была отнесена исследователями к развитому и позднему этапам местного неолита и объединена в средневолжскую культуру [Васильев, Выборнов, 1988; Выборнов, 2008]. Ключевой этап становления и развития данной неолитической общности – появление накольчатой орнаментальной традиции. Однако отмечаются определенные локальные различия в посуде двух микрорегионов – бассейнов р. Самары и р. Сок. Цель работы – сравнение данных материалов и выявление причин их некоторого отличия.

Источниками исследования послужили материалы стоянок: Ивановская, Виловатовская, Максимовская I и II Старо-Елшанская (бассейн р. Самара) и Лебяжинка IV – V, Ильинка, Калмыковка I (р. Сок).

При обобщении материалов стоянок бассейна реки Сок можно наблюдать следующую картину. Керамика представлена венчиками и фрагментами стенок, орнаментированными наколами различной формы. Сосуды в основном прямостенные с плоским или округлым срезом венчика, в то же время на II Большераковской стоянке встречаются S-видные венчики и венчики с отогнутым наружу срезом. Большинство сосудов украшены ямочно-жемчужным орнаментом под срезом, что подтверждает гипотезу об участии в формировании средневолжской культуры позднеелшанского населения. Наколы представлены следующими формами: подтреугольные, округлые или овальные, подпрямоугольные или подквадратные, точечные. В большинстве случаев обозначенные наколы образуют как простые линейные мотивы в виде горизонтальных, вертикальных или диагональных рядов, так и более сложные мотивы косой решетки и горизонтального зигзага.

Несмотря на разнообразие в элементах и мотивах орнамента, керамика по технико-типологическим признакам составляет единый комплекс. Представление о пластическом сырье, сложившееся в среде средневолжского населения бассейна реки Сок, орнаментировавшего посуду накольчатым орна-

ментом, оказались близко елшанским, изготавливавшим сосуды из илистых глин без естественной примеси раковины [Васильева, Выборнов, 2016]. В то же время в этой группе неолитического населения прослеживается традиция использования ила для изготовления бытовой посуды, что свидетельствует о распространении в регионе южной традиции, для которой характерно использование ила с раннего неолита. В середине V тыс. до н. э. процентная доля посуды, изготовленная из ила, составляет 20–80%. Однако влияние елшанских культурных традиций на пришлое степное население шло по возрастающей: так уже в IV тыс. до н. э. процент посуды, изготовленной из ила, сокращается до 12 – 48% [Васильева, Выборнов, 2012].

Для памятников бассейна р. Самары характерны следующие особенности. Большинство сосудов прямостенные либо слабопрофилированные, также часть сосудов с Виловатовской стоянки имеют несколько прикрытую профилировку. Значительная часть сосудов имеет ямочно-жемчужный поясок, но, в отличие от материалов сокского бассейна, данный признак не является абсолютно преобладающим. Форма наколов в основном округлая и треугольная. Но стоит отметить, что на Ивановской стоянке доминируют округлые наколы, а на II Старо-Елшанской и Виловатовской округлая и треугольная форма представлена в равной степени, также на Виловатовской стоянке встречаются наколы подквадратной формы. Обозначенные элементы орнамента, в отличие от сокских материалов, в большинстве случае образуют сложные мотивы: сочетание зигзагов и горизонтальных рядов, треугольники, сочетание горизонтальных и наклонных рядов, горизонтальные или вертикальные зигзаги, косую решетку. Также на Виловатовской стоянке встречаются меандры и единично представлены сочетания наколов и прочерков. В то же время наколы образуют и более простые мотивы в виде горизонтальных, вертикальных или диагональных рядов.

По результату технико-технологического анализа вместе с распространением накольчатой керамики в бассейне р. Самара начинает господствовать традиция отбора илов в качестве сырья для производства керамики (50–90%), что свидетельствует о смешении различных групп населений. Также при изготовлении 60% сосудов данной группы в керамическое тесто добавлялись раковины моллюсков [Васильева, 2007].

Сравнительный анализ накольчатой керамики обозначенных микрорегионов позволяет сделать ряд важных замечаний. Форма венчиков в основном прямостенная, но выделяются локальные особенности. Так, для стоянок бассейна р. Самара, характерны слабопрофилированные сосуды, которые на р. Сок единичны. Срезы венчиков разнообразны, но преимущественно плоские. Для сокского микрорайона характерны наколы различной формы, в том числе и точечные, которые не встречаются в материалах бассейна р. Самара, где форма наколов в основном округлая и треугольная. Различия наблюдаются и в сложности орнамента. Материалам бассейна р. Сок присущ в основном простой линейный мотив. А для посуды стоянок бассейна р. Самары, характерны сложные узоры (треугольники, горизонтальные или вертикальные зиг-

заги, косая решетка). В технологии изготовления керамики также прослеживаются некоторые особенности. Так в бассейне р. Самара выявлена керамика с примесями раковины в керамическом тесте, которая в сокских материалах не представлена.

Накольчатая группа своими корнями восходит к степным нижневолжским культурам, где в раннем неолите уже сформировался накольчатый орнамент в виде горизонтальных рядов и геометрических композиций треугольной формы [Юдин, 2004]. Нижневолжскую керамику по форме сосудов можно разделить на четыре основные группы: 1) прямостенные сосуды с широким открытым устьем; 2) сосуды с прикрытым устьем; 3) слабопрофилированные; 4) небольшие чашевидные округлодонные. По технике нанесения узоров доминируют наколы – 54%, прочерки – 28% и сочетание наколов и прочерков – 12%. Среди узоров представлены горизонтальные линии, зигзаги, сочетание линий и зигзагов, косая решетка, меандры, ромбы.

Вероятно, на материалах памятников бассейна реки Самара мы фиксируем непосредственное проникновение южного населения в лесостепь, что отразилось в заимствовании целого комплекса «южных» признаков местным населением (сложный геометрический орнамент, использование при изготовлении посуды илов с примесью раковины и прочее). В то время как обитатели сокского бассейна испытали опосредованное влияние степного населения и сохранили в технологии изготовления посуды и ее орнаментации многие черты елшанского гончарства. По всей видимости, именно данное обстоятельство привело к определенным локальным различиям накольчатой посуды бассейнов рек Самара и Сок.

Литература

Васильев И. Б., Выборнов А. А. Неолитические культуры лесостепного Поволжья и их взаимодействие с населением лесного Волго-Камья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск, 1988. С. 78–91.

Васильева И. Н. О гончарной технологии населения Волго-Уралья в эпоху неолита (по материалам Ивановской стоянки) // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: ОГПУ, 2007. С. 23–38.

Васильева И. Н., Выборнов А. А. Неолитический керамический комплекс Ильинской стоянки: датировка и технология // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: ОГПУ, 2016. С. 5–20.

Васильева И. Н., Выборнов А. А. Новые подходы к изучению неолитизации в Среднем Поволжье // Самарский край в истории России. Вып. 4. Самара: Самарский областной краеведческий музей, 2012. С. 61–68.

Выборнов А. А. Неолит Волго-Камья. Самара, 2008. 490 с.

Юдин А. И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов, 2004. 199 с.

Е. В. Телегина (г. Екатеринбург)
Уральский федеральный университет
им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина
Научный руководитель: С. Ю. Зырянова, ст. преподаватель

Комплекс неолитической керамики памятника Вижай I в Северном Зауралье

Начало археологическим исследованиям восточного склона Северного Урала было положено в 1920–1930-х гг. В. Н. Чернецовым, проведшим разведочные работы в нескольких пещерах. В 1970–1990-е гг. В. Т. Петрин, В. Н. Широков, С. Г. Пархимович, С. Е. Чаиркин исследовали ряд пещерных и поселенческих памятников, где были обнаружены немногочисленные материалы, относящиеся к неолиту. Данная территория остается пока малоизученной, так как разведочные работы велись лишь на небольших участках региона, а раскопами частично было исследовано несколько памятников. В последние годы активные полевые изыскания, давшие представительные неолитические коллекции, проводились на Нижнем озере III, Усть-Вагильском холме [Чаиркин, Чаиркина, Шакаев, 2009, с. 168; Панина, 2008, с. 137–146; 2011, с. 141–144].

Памятник Вижай I расположен в окрестностях муниципального образования г. Ивдель на территории поселка Вижай, на вершине невысокого скального выхода, который в виде останца находится в пойме Лозьвы (правый берег) и безымянного притока [Чаиркин, 2004, с. 317–318]. Полевые исследования проводились в 2003–2004 гг., в результате было выявлено несколько объектов, по большей части – кострищ, в пределах которых обнаружены каменный инвентарь, фрагменты керамики, изделия из металла, относящиеся к неолиту, энеолиту и раннему железному веку.

Коллекция неолитической керамики с поселения представлена фрагментами сосудов, которые можно разделить на две условные группы.

Первую группу составляют фрагменты двух сосудов и отдельные фрагменты стенок и венчиков. Характерными признаками данной группы является массивность (толщина стенок 0,8–1,2 см) и наплыв, оформленный с внутренней стороны венчика. Край венчика сосуда ровный либо волнистый; срез плоский либо округлый. Орнаментация выполнена в отступающе-накольчатой и прочерченной техниках.

Ко второй группе относятся 44 сосуда, отдельные фрагменты стенок и венчиков. Это ёмкости, как правило, закрытой формы или с прикрытым устьем (36 экз.), реже прямостенные (3 экз.). Форма дна округлая (реконструируется у 22 экз.); одно из днищ слегка приострено. Диаметр устья восстанавливается для 30 сосудов. Он варьируется от миниатюрных размеров (диаметр устья 5–10 см, 4 экз.) до средних (12–27 см, 16 экз.) и крупных (диаметр 32–40 см, 8 экз.). Сосуды, как правило, тонкостенные (0,25–0,65 см), с тенденцией к утончению к срезу венчика и к утолщению в придонной и донной части сосуда.

Срез венчика в большинстве случаев плоский (30 экз.), реже округлый (7 экз.) или приостренный (2 экз.). В некоторых случаях имеется скос наружу (20 экз.). Край у сохранившихся венчиков ровный, только у одного сосуда оформлены фигурные образования в виде «ушек».

В рамках экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства под руководством И. Н. Васильевой и Ю. Б. Цетлина частично проведен анализ технологии изготовления сосудов. По его результатам был определен состав формовочной массы для рассматриваемых ёмкостей, включающий малозапесоченную жирную глину, отобранную во влажном состоянии, примесь шамота (в концентрации около 1:4 – 1:3) и, вероятно, некоторую долю органического раствора, на что указывают щелевидные полости. Шамот использован в мелкораздробленном состоянии, он выполнен из более запесоченного теста с примесью шамота, что свидетельствует об устойчивости традиции.

Технология формовки сосудов из-за сильной фрагментарности комплекса реконструируется частично. На отдельных емкостях (17 экз.) фиксируются места стыковки конструктивных элементов (возможно, лент), подлеп осуществлялся, как правило, с внутренней стороны. На сосудах № 1 и № 12 зафиксированы свидетельства уплотнения (выбивания) твердым предметом (камень, кость?). Тонкостенность сосудов при достаточно большом объеме позволяет предположить, что формовка осуществлялась на форме-основе либо наращивание стенок сосуда производилось кольцевым налепом с последующей выбивкой. Внешняя поверхность сосудов обычно выровнена и хорошо заглажена (41 экз.), внутренняя поверхность обработана менее тщательно, на некоторых сосудах она сохранила бугристость или трещины (12 экз.).

Сосуды орнаментированы только с внешней стороны, орнамент, как правило, плотный, покрывает всю поверхность. Для нанесения орнамента использовались стержень с расщепленным (13 экз.) или гладким (17 экз.) рабочим краем, два вида штампов: гребенчатый (36 экз.) и веревочный (9). Использование веревочного штампа установлено по характерным признакам – неглубокий отпечаток овальной формы; ложе со сглаженным невыраженным рельефом; слегка оплывший край оттиска с округлой конфигурацией; пологая, а не вертикальная стенка отпечатка. Инструмент, которым наносился орнамент, по всей видимости, представлял собой составное орудие, на твердую основу которого намотано несколько витков нити из растительного материала или, возможно, жил животных. Подобный орнамент был зафиксирован Е. Н. Дубовцевой на сосудах в неолитических комплексах Севера Западной Сибири, ею также были проведены экспериментальные исследования [Дубовцева, 2011, с. 16–23].

Длина рабочей части гребенчатого штампа варьируется от 1 до 5 см, ширина русла прочерчивания – от 0,1 до 1 см. Срез венчика единично орнаментирован оттисками гребенчатого штампа (3 экз.). Орнаментация выполнена, в основном, в технике шагания зубчатого штампа (34 экз.) и прочерчивания, нанесенного стержнем, двузубым или многозубым инструментом (31 экз.). При использовании веревочного штампа, вероятно, применялась техника шагания с

протаскиванием, когда середина штампа практически не отрывается от орнаментируемой поверхности. На ряде сосудов встречаются разреженные наколы, составляющие горизонтальные линии (10 экз.), и прочерченные линии, выполненные с периодическим отступанием инструмента (1 экз.). В орнаментальном поле одного сосуда зачастую сочетаются несколько техник – прочерчивание с шаганием зубчатого штампа (23 экз.), отпечатки шагающего штампа с отступающе-накольчатой техникой, 9 экз.), кроме того, на одной емкости использовались и разные штампы (гребенчатый и шнуровой, 7 экз.). Также отмечено нанесение прочерченного или накольчатого орнамента поверх оттисков шагающего гребенчатого штампа (12 экз.).

Мотивы и композиции довольно однообразны, в целом – монотонны. Это горизонтальные пояса оттисков шагающего штампа, разделенные горизонтальными волнистыми прочерченными линиями либо прямыми линиями, составленными из наколов; сочетание прочерченного орнамента в верхней части сосуда с поясами оттисков шагания гребенчатого штампа в нижней части сосуда; чередование зон, заполненных наклонными прочерченными линиями, и горизонтальными оттисками шагающего штампа. Также в композициях встречаются наклонные линии, отходящие от края сосуда, прочерченные или накольчатые зигзагообразные и ромбические мотивы, которые наносились поверх гребенчатого орнамента.

Рассматривая культурно-типологическую атрибуцию комплекса, можно отметить близость сосудов первой группы к неолитическим комплексам поселений Шоушма 10 и Усть-Тетер 1 (бассейн верхнего течения р. Конды) [Дубовцева, Клементьева, 2014, с. 247], аналоги которым в свою очередь находят в Среднем Зауралье на памятниках евстюнихского типа козловской культуры и памятниках полуденской культуры [Швалева, 2012, с. 67].

По основным типологическим признакам сосуды второй группы (морфология, использование веревочного штампа, техника орнаментации и основные мотивы) имеют значительное сходство с неолитическим комплексом группы 2, выделенной на памятнике Нижнее озеро III в Северном Зауралье [Чаиркина, Дубовцева, 2014, с. 10–14]. Наличие такой особенности, как нанесение прочерченного орнамента поверх гребенчатого, а также используемые мотивы, все эти черты сближают данный комплекс с комплексом поселения Сумпанья IV, на основании материалов которого был выделен сумпаньинский тип керамики [Ковалева, Устинова, Хлобыстин, 1984, с. 87–89]. В то же время, в отличие от сосудов с поселений Нижнее озеро III и Сумпанья IV, на сосудах памятника Вижай I отсутствует пояс ямочных вдавлений под венчиком – характерный признак неолитических сосудов Севера Западной Сибири [Дубовцева, Клементьева, 2014, с. 247–248].

Таким образом, можно признать обоснованным вывод о большей близости неолитических комплексов Северного Зауралья с неолитическими материалами памятников Севера Западной Сибири, чем Среднего Зауралья [Чаиркина, Дубовцева, 2014, с. 12]. Однако вопрос генезиса керамического производства Северного Зауралья требует дальнейшей проработки путем углуб-

ления знания о технологии изготовления сосудов данной коллекции, а также изучения материалов других неолитических памятников региона.

Поселение Вижай I. Керамика эпохи неолита. Сосуд № 5.

Литература

Дубовцева Е. Н. Использование веревки для орнаментации неолитической керамики Севера Западной Сибири // Российская археология. 2011. № 2. С. 16–26.

Дубовцева Е. Н., Клементьева Т. Ю. Традиции керамического производства неолитического населения бассейна Конды // IV (XX) Всероссийский археологический съезд в Казани. Казань, 2014. Т. 1. С. 247–251.

Ковалева В. Т., Устинова Е. А., Хлобыстин Л. П. Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне Конды // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1984. С.87–89.

Панина С. Н. Археологические исследования на Усть-Вагильском холме (2005–2006 гг.) // Вопросы археологии Урала: Сб. науч. тр. Екатеринбург; Сургут: Изд-во «Магеллан», 2008. Вып. 25. С. 137–146.

Панина С. Н. Рельефные и графические изображения личин под венчиком сосудов эпохи неолита Усть-Вагильского холма // Вопросы археологии Урала. Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. Екатеринбург; Сургут: Изд-во «Магеллан», 2011. Вып. 26. С. 141–146.

Чаиркина Н. М., Дубовцева Е. Н. Керамические комплексы эпохи неолита поселения Нижнее Озеро III // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 4–13.

Чаиркин С. Е. Святилище Вижай I // Культовые памятники горно-лесного Урала / коллектив авторов. Екатеринбург: Уро РАН, 2004. С. 317–318.

Чаиркин С. Е., Чаиркина Н. М., Шакаев Б. А. Археологические исследования восточного склона Северного Урала (предварительные итоги) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Том. ун-т, 2009. Вып. 7. С. 168–178.

Швалева С. В. Неолитический комплекс керамики поселения Шоушма 10. XLIV международная Урало-Поволжская студенческая конференция (Екатеринбург, 5–9 февраля 2012 г.): тез. докл. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 65–67.

Д. Ю. Храмов (г. Самара)
Самарский государственный социально-педагогический университет,
Научный руководитель: К. М. Андреев, к.и.н., доц.

Керамика луговского типа

Проблема изучения керамики луговского типа Среднего Поволжья является одной из дискуссионных в новом каменном веке региона. К рассмотрению данного вопроса в свое время обращались: И. Б. Васильев, А. А. Выборнов, А. В. Вискалин, В. В. Ставицкий, К. М. Андреев и ряд других специалистов.

За последние тридцать лет обнаружено более десяти комплексов слабо орнаментированной плоскодонной керамики луговского типа. Радиоуглеродное датирование показало, что ее формирование связано с концом раннего неолита и бытует она в регионе до развитого и позднего этапов неолитического периода.

Главная причина недостаточной изученности луговской посуды заключается в ее невыразительном облике. У керамики луговского типа нет определенных отличительных признаков, как, например, ямочная или прочерчено-накольчатая орнаментация. Она представлена плоскодонными, орнаментированными лишь поясками ямочно-жемчужных вдавлений под срезом венчика, иногда достаточно крупными сосудами.

Наиболее представительные комплексы посуды луговского типа выявлены на стоянках Красный Городок, Луговое III, Елшанка XI, Ильинка, Большая Раковка II и Лебяжинка IV.

На стоянке Луговое III обнаружено около 150 сосудов, из которых двадцать процентов лишены орнамента. Еще 64% украшены только ямками под срезом венчика, преимущественно в один ряд. Прямостенные сосуды в подавляющем большинстве плоскодонные, два сосуда имеют биконические очертания. Часто небольшое дно вогнуто вовнутрь. Важно отметить наличие закраин у нескольких придонных частей [Буров, 1980, с. 120].

На стоянке Красный Городок в развалах выявлено два реконструированных неорнаментированных сосуда с двумя рядами жемчужных вдавлений под срезом, изогнутой верхней частью и плоским дном [Кузьмина, Ластовский, 1995, с. 30].

В неолитической коллекции стоянки Елшанка XI выявлен ряд плоскодонных и неорнаментированных сосудов, проявляющих сходство с посудой луговского типа. У небольшой части венчиков представлен пояс ямочных

вдавлений под срезом. Один сосуд имеет ребро в средней части, что придает его форме биконические очертания [Вискалин, 2015, с. 35].

На стоянке Ильинка также выявлена посуда луговского типа. Внешняя поверхность сосудов заглажена. Срезы венчиков округлые или плоские. Днища плоские, иногда слабо вогнутые. Часть посуды украшена лишь горизонтальным пояском ямочных вдавлений под срезом [Мамонов, 1988, с. 182].

На стоянке Лебяжинка IV представлены фрагменты, орнаментированные горизонтальными рядами под срезом венчика, либо ямочных вдавлений, либо «жемчужин». Восемь венчиков от нескольких сосудов имеют гофрировку среза и двойные ряды «жемчужин» [Выборнов, Мамонов, Овчинникова, Королев, 2007, с. 123].

Также на стоянке Большая Раковка II найден крупный реконструированный сосуд, имеющий широкое горло, сужающиеся к плоскому дну стенки, плоский срез венчика и ряд ямочных вдавлений под ним [Барынкин, Козин, 1991, с. 102].

Для посуды луговского типа обозначенных выше стоянок получена серия радиоуглеродных дат: Красный Городок – 6730±100 л.н., Елшанка XI – 6820±90 л.н., Луговое III – 6700±100 л.н., Лебяжинка IV – 5880±90 л.н., Ильинка – 6680±70 л.н., Большая Раковка II – 5610±90 л.н. [Выборнов, 2008, с. 238]. На наш взгляд, посуда луговского типа в лесостепном Поволжье формируется на позднем этапе развития елшанской культуры в начале VI тыс. до н. э. и продолжает бытовать до третьей четверти V тыс. до н. э., сосуществуя с посудой, украшенной накольчатым и гребенчатым орнаментом.

Заинтересованными специалистами предлагаются различные гипотезы происхождения посуды луговского типа. И. Б. Васильев и А. А. Выборнов предположили, что луговской тип посуды формируется в лесостепном Поволжье в результате взаимодействия елшанского и нижневолжского населения. При этом елшанский компонент являлся доминирующим [Выборнов, Васильев, 1998, с. 112]. В. В. Ставицкий предложил гипотезу о формировании луговской традиции под влиянием Ракушечного Яра [Ставицкий, 2014, с. 120]. Еще одна точка зрения на формирование луговского типа посуды под влиянием буго-днестровского населения, предложена А. В. Вискалиным [Вискалин, 2015, с. 38]. Она впоследствии была пересмотрена исследователем и в новом виде весьма близка позиции В. В. Ставицкого [Вискалин, 2016, с. 58].

В гипотезах В. В. Ставицкого и А. В. Вискалина есть ряд дискуссионных моментов. Керамика буго-днестровской культуры имеет ряд существенных типологических отличий от посуды луговского типа. Также технология производства посуды ракушечноярской культуры изготовленной из илов значительно отличается от луговской (илистые глины). Немало важно и то, что на ранненеолитических стоянках, расположенных между Приазовьем и Средним Поволжьем, выявлены единичные фрагменты плоских днищ и доминируют остродонные формы.

На наш взгляд, наиболее аргументированной является точка зрения А. А. Выборнова и И. Б. Васильева. По мнению данных исследователей, в ре-

зультате влияния нижневолжского населения в елшанском гончарстве получает распространение традиция изготовления небольшой части сосудов из илов, появляются единичные слабоорнаментированные плоскодонные сосуды. Вероятно, контакты нижневолжского и елшанского населения носили нерегулярный характер и были обусловлены брачно-родственными взаимоотношениями, в ходе которых заимствовалась лишь незначительная часть навыков керамического производства. Данная ситуация нашла отражение в формировании луговского типа посуды.

Таким образом, вероятно, формирование луговского типа керамики происходит в начале VI тыс. до н. э. в результате взаимодействия елшанского и нижневолжского населения.

Литература

Барынкин П. П., Козин Е. В. Некоторые результаты исследований II Большераковской стоянки // Древности Восточно-Европейской лесостепи. – Самара: СГПУ, 1991. С. 94–119.

Васильев И. Б., Выборнов А. А. Неолит Поволжья. Куйбышев: КГПИ, 1988. – 112 с.

Вискалин А. В. Елшанка XI – новая стоянка средневолжской неолитической культуры на Верхней Свияге // Исторические исследования. Вып. 5. Самара: Изд-во СГПУ, 2004. С. 144–154.

Вискалин А. В. Проблема культурного единства и происхождения комплексов ранненеолитической керамики луговского типа на Средней Волге и в Прикамье // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего Средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 4 Иваново: Издатель Ольга Епишева, 2015. С. 33–38.

Вискалин А. В. Миграции и их роль в становлении и развитии раннего неолита Среднего Поволжья // Археология восточноевропейской лесостепи. – Воронеж: ВГПУ, 2016. С. 56–62.

Выборнов А. А. Неолит Волго-Камья. Самара, 2008. 484 с.

Выборнов А. А., Мамонов А. Е., Королев А. И., Овчинникова Н. В. Неолитическая керамика стоянки Лебяжинка IV в лесостепном Поволжье // Вестник СГПУ. Исторический факультет. Самара: СГПУ, 2007. С. 107–155.

Кузьмина О. В., Ластовский А. А. Стоянка Красной Городок // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара: СГПУ, 1995. С. 25–50.

Мамонов А. Е. Ильинская стоянка и некоторые проблемы неолита лесостепного Заволжья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск: Удм. ИИЯЛИ УО АН СССР, 1988. С. 78–91.

Ставицкий В. В. К вопросу о взаимодействии неолитического населения степной и лесостепной зоны в Поволжье // Самарский научный вестник. Самара: ПГСГА, 2014. № 4 (9). С. 117–121.

А. С. Чеченин (филиал в г. Нижний Тагил)
Российский государственный профессионально-педагогический университет
Научный руководитель: А. Б. Сериков, д.и.н., проф.

Культовая деревянная посуда Урала

Древесина – весьма распространенный, прочный и одновременно податливый для обработки материал. Хотя у древесины, как у материала, есть и весьма весомый минус – подверженность гниению. Поэтому деревянные из-

делия и посуда каменного века дошли до нас лишь в виде единичных экземпляров.

Появляются, например, благодаря способности торфа не пропускать кислород благоприятные условия для сохранности деревянных изделий. Без доступа кислорода дерево не подвергается разложению и хорошо сохраняется. Именно поэтому основными источниками артефактов из дерева являются торфяники, где торф играет роль консерванта.

Интересной категорией таких находок является культовая деревянная посуда. Данный тип находок встречается на многих памятниках. Зачастую это изделия зооморфной формы в виде водоплавающих птиц, лосей, медведей, змеи [Погорелов, 2002, с. 151].

Вероятно, данные изделия создавались под влиянием быта древнего населения Урала [Берс, 1951, с. 240]. Человек выбирал для жизни, как правило, места у воды, особенно у проточных озер, где всегда можно было добыть пропитание. Здесь гнездились водоплавающие птицы и приходили на водопой животные. Более того, такие озера обогащаются кислородом даже зимой, что дает изобилие рыбы [Сериков, Серикова, 2002, с. 117].

Первый тип деревянной посуды – это сосуды, выполненные в форме лося. Чаще всего изделия использовались в культовой практике. Внешний вид сосуда – тело животного с ногами и выдолбленным в спине углублением от горба до крупа. Встречаются довольно массивные находки, как, например, сосуд из торфяниковой части стоянки Разбойничий остров. Сосуд достигал длины 40–45 см, в ширину до 24 см [Чаиркина, 1998, с. 86].

Подобные находки были обнаружены на Шигирском торфянике и на VI разрезе Горбуновского торфяника [Чаиркина, 2005, с. 220]. Д. Н. Эдинг считал, что сосуды в форме лося использовались в ритуалах. Они наполнялись пищей во время соответствующих обрядов [Эдинг, 1940, с. 48–49]. Противоположенной точки зрения придерживается С. Н. Погорелов. Он отмечал, что цвет полости и внешней части сосуда одинаков. Это означает, что данная посуда не использовалась для хранения продуктов питания и не предназначалась для охотничьих ритуалов. Возможно, полость в спине служила вместилищем для солярного знака в процессе каких-либо обрядов. Автор предположил, что в этом случае играло роль семантическое значение лосихи как посредника между средним и верхним миром [Погорелов, 2002, с. 159 – 160].

Кроме сосудов-лосих, с углублением в спине, на Новом Шигирском прииске была найдена крупная деревянная ложка, рукоять которой украшена головой лося [Толмачев, 1914, с. 183].

Другой тип культовой посуды – это черпаки и ложки-ковши. Интересным является то, что ручки у ложек-ковшей чаще всего выполнены в виде головы утки или болотной курицы, а у ковшей-черпаков – в виде лебедя и гуся [Погорелов, 2002, с. 153]. Ковши, как правило, имеют более длинные ручки, подобно вытянутым и изогнутым шеям лебедей и гусей, а ложки, напротив, более короткие, как шея утки. Вероятнее всего, выбор образа связан с физиологическими особенностями этих птиц. С. Н. Погорелов предполагает, что ложки-ковши бы-

ли посудой личного пользования, а черпаки – общего. Видимо, что, жидкую пищу зачерпывали черпаком и разливали по ложкам-ковшам или ели из него по очереди [Погорелов, 2002, с. 154]. На VI разрезе Горбуновского торфяника было обнаружено 17 ковшей и ложек. Интересными находками являются черпаки-дуршлаги с навершием рукояти в виде головы лося и медведя.

Создание данной посуды проходило в ходе трех основных операций: строгания, выскабливания и резьбы. Строганием придавалась нужная форма заготовки, затем выскабливанием получали выемку необходимой глубины. После чего наступал самый сложный этап – с помощью резаков заготовке придавалась антропоморфная форма. Завершалось производство сглаживанием и зашкуриванием [Семенов, 1968, с. 120]. Иногда уже на готовое изделие наносилось множество зарубок, срезов и прочих неровностей, которые не сглаживались. Они изображали шерсть у медведей и лосей, а также оперение у птиц. При этом встречаются изделия, схематично изображающие животное, с проработанными элементами [Сериков, 2014, с. 82].

С. Н. Погорелов связывает образ животного с функциональным назначением предмета. Он считает, что древний человек в выборе того или иного образа для изделия руководствовался повадками животного. Так, лебеди, как перелетные птицы, ассоциировались со сменой сезона, приходом холодов и тепла. Одновременно с этим они символизировали женское начало. Утки были символом плодородия, влаги. Автор утверждает их связь с рыболовством. Ложка-ковш, выполненная в виде змеи, могла использоваться в качестве сосуда для лекарственных отваров [Погорелов, 2002, с. 154].

Любопытная находка обнаружена аквалангистами Челябинска в 2001 г. на дне озера Увильды (Челябинская обл.). На расстоянии 25–30 м от берега, на глубине 22–23 м в донном иле был найден целый глиняный сосуд, внутри которого находился сосуд поменьше высотой 8,5 см и деревянный ковш длиной 14,5 см, выполненный в виде водоплавающей птицы. Рукоятка, которая вставлялась в отверстие на конце ковша, у него отсутствовала. Учитывая форму ковша, она была изготовлена в виде головки водоплавающей птицы [Юрин, 2006, с. 62–64].

На территории Урала обнаружено около 65 деревянных сосудов, выполненных в виде животных и птиц. Большая их часть представлена ковшами и ложками в виде водоплавающих птиц. На втором месте – сосуды, стилизованные под лосей/лосих. Два ковша с рукоятью в виде медведя и один сосуд-змея. Существуют фрагменты изделий, не подвергающиеся идентификации [Сериков, 2014, с. 84].

Важно отметить, что другие животные не представлены в культовой посуде, даже несмотря на то, что человек довольно тесным образом с ними контактировал. Это объясняется тем, что животные, чьи образы были использованы, представлены в мифологии, а значит и в обрядовой практике.

Этнографические данные очень близки с археологическими. Образы животных, использованных в создании посуды, так или иначе фигурируют в мифах местного населения. К примеру, утка, доставшая со дна мирового

океана кусочек ила, из которого впоследствии появилась земля. Или лось, похитивший солнце.

Существуют разные мнения на счет того, вся ли посуда, выполненная в виде животных, культовая. С. Н. Погорелов утверждает, что вся без исключения. По его мнению, посуда делилась на часто используемую и используемую только в особых случаях. Часто используемая со временем могла превратиться в условно культово-бытовую [Погорелов, 2002, с. 162].

Культовая посуда играет важную роль в изучении религиозных обычаев древнего населения Урала. Это важный вид источников, дающий представление о духовном мире и обрядах древних людей.

Литература

Берс Е. М. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // МИА. 1951. Вып. № 21. С. 182–248.

Погорелов С. Н. Культовая деревянная посуда из торфяниковых памятников Среднего Зауралья. // Вопросы археологии Урала. 2002. Вып. № 24. С. 151–164.

Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л.: «Наука», 1968. 376 с.: ил.

Сериков Ю. Б. Очерки по первобытному искусству. Нижний Тагил: НТГСПА, 2014. 268 с.: ил.

Сериков Ю. Б., Серикова Л. В. Древний человек и природа. – Нижний Тагил: НТГПИ, 2002. 200 с.: ил.

Толмачев В. Я. Древности восточного Урала // Записки УОЛЕ 1914. Т. 34. Вып. № 8. С. 150–216.

Чаиркина Н. М. Антропо- и зооморфные образы энеолитических комплексов Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. 1998. Вып. № 23 С. 80–102.

Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 311 с.: ил.

Эдинг Д. Н. Резная скульптура Урала. Москва: ГИМ, 1940. 102 с.: ил.

Юрин В. И. Неолитическое местонахождение Красный Камень. Челябинск // Пятые Берсовские чтения. Екатеринбург: Изд-во «Квадрат», 2006. С. 62–64.

Т. А. Шабардина (филиал в г. Нижний Тагил)
Российский государственный профессионально-педагогический университет
Научный руководитель: А. Б. Сериков, д.и.н., проф.

Использование кристаллов древним населением Урала

Урал – край, богатый разнообразным минеральным сырьем, среди которого встречаются и минералы, имеющие кристаллическую форму: горный хрусталь, раухтопаз (дымчатый кварц), аметист, гранат, исландский шпат, пирит и др.

Богатый хрустальный комплекс выявлен на палеолитическом святилище на озере Большие Аллаки (Челябинская обл.). Памятник представлен 208 находками, 164 (78,85%) из которых изготовлены из горного хрусталя. Исходной формой служили друзы кристаллов и гальки [Петрин и др., 2012, с. 32–33].

На мезолитической стоянке Серый Камень на Горбуновском торфянике (Свердловская обл.) обнаружен нуклеус высотой 2,9 см, изготовленный из

чистого кристалла хрусталя. Изделие имеет 17 граней, которые при определенном освещении создают интересный оптический эффект. Поскольку в районе Горбуновского торфяника известно несколько выходов хрусталеносных жил, вероятнее всего, нуклеус был изготовлен именно из кристалла. На этом же памятнике найдены два кристалла горного хрусталя высотой 2,4 и 2,8 см. Меньший из них использовался в качестве ретушёра. Также отдельные находки кристаллов горного хрусталя известны на нескольких памятниках, расположенных в окрестностях: стоянка Береговая IX (Горбуновский торфяник), мезолитические поселения Гаревая II и Выйка II. Следует отметить, что на Выйке II кристаллы были найдены в жилищных комплексах, причем во втором жилище это была щётка кристаллов. В составе мезолитического клада на г. Трехскалка в черте г. Нижний Тагил один из двух хрустальных нуклеусов выполнен из окатанного кристалла горного хрусталя [Сериков, 2004, с. 227–228].

Редкой находкой является кристалл граната-альмандина, обнаруженный на многослойном поселении Палатки I (окрестности г. Екатеринбург) [Сериков, 2014, с. 125].

На энеолитическом поселении Шитовской Исток I (Свердловская обл.) найден обломок достаточно крупного кристалла аметиста (аметистизированного кварца). Его высота около 5 см [Сериков, 2011, с. 45].

Кристаллы хрусталя встречаются не только в поселенческих комплексах, но и на культовых памятниках. На неолитическом святилище Кокшаровский холм (Свердловская обл.) обнаружен обломок кристалла горного хрусталя высотой 1 см и шириной в основании 1,5 см [Сериков, 2011, с. 44].

В пещерном святилище Камень Дыроватый на р. Чусовой (Свердловской обл.) известны две находки кристаллов горного хрусталя высотой 0,7 и 1,3 см. На одном из кристаллов была обнаружена коричневая нашлёпка. Вероятно, это остатки вещества, использовавшегося для крепления кристалла в украшении (или же таким образом он был прикреплен к стреле). Также окатанный кристаллик горного хрусталя небольшого размера представлен в Усть-Койвинской пещере (Пермский край) [Сериков, 2008, с. 172].

Сросток небольших кристаллов кварца выявлен на святилище горы Голый Камень (окраина г. Нижний Тагил) [Сериков, 2005, с. 29]. Крупный кристалл хрусталя найден на святилище, расположенном на вершине г. Рогали под г. Качканаром [Сериков, 2011, с. 44].

Культовые комплексы Шайтанского озера (Свердловская обл.) также известны находками кристаллов. Так, кристалл горного хрусталя высотой около 2 см с включениями хлорита выявлен на памятнике Шайтанское озеро II. Наличие включений хлорита придаёт минералу зеленоватый оттенок. Кроме хрусталя там же представлены два кристалла кальцита. На энеолитическом культовом памятнике Шайтанское озеро I найдена необычная подвеска, выполненная из светло-серого глинистого сланца ноздреватой структуры. Эта ноздреватость объясняется тем, что когда-то внутри породы находились кристаллы кальцита, которые со временем растворились, а на их месте остались пустоты геометрической формы [Сериков, 2013, с. 52, 73].

На памятниках бронзового века также встречаются находки кристаллов. Например, в могильнике у д. Ростовка (окрестности г. Омска) в одном из погребений обнаружен кристалл раухтопаза. В другом погребении кристалл горного хрусталя лежал под черепом ребёнка. В большом могильнике Синташта (Челябинская обл.) в одном из богатых женских погребений с серебряным нагрудником был зафиксирован крупный кристалл горного хрусталя и два крупных осколка. В синташтинском Больше-Караганском могильнике кристалл хрусталя залегал перед глазницами погребённого [Михайлов, 1999, с. 427]. Еще один кристалл хрусталя высотой 4,1 см обнаружен в энеолитическом могильнике Бузан-3 (Тюменская обл.) [Матвеев и др., 2015, с. 51].

Однако несмотря на то что кристаллы довольно часто использовались в культовой практике древнего населения Урала, украшения из кристаллов практически отсутствуют. Кроме того, один такой случай зафиксирован на палеолитической стоянке Мальта (р. Белая, Иркутская обл.). Там найдены украшения из кристаллов исландского шпата. В отложениях доломита, находящихся в окрестностях памятника, имеются гнезда перекристаллизованного кальцита. Из них древний человек и добывал образцы исландского шпата, раскалывал их на плитки определённого размера, прорезал посередине углубления для крепления в качестве подвесок или бус [Сериков, 2014, с. 125].

На Урале тоже известен единичный случай использования кристаллов в качестве украшений, но из пирита. Интересной находкой является украшение, найденное при исследовании кургана 21 могильника Магнитный II–III вв. н. э. (Челябинская обл.). Представлено оно остатками плетеного изделия, расшитого синим и желтым бисером, маленькими сверлеными кубиками из пирита, золотыми полусферическими и треугольными бляшками. Использование кристаллов пирита особенно уникально, поскольку данный минерал хрупкий, что сильно затрудняет его сверление [Боталов, Иванов, 2012, с. 273].

Вполне логично возникает вопрос: кристаллов на Урале достаточно, они известны в разных археологических комплексах, но почему-то очень редко использовались для украшений. Обычно крепление подвесок производилось при помощи сверления, круговой нарезки или двух противолежащих выемок. Но, возможно, были и другие способы крепления. Например, при помощи оплетения. Автором была проведена попытка сделать подвеску из кристалла хрусталя. Кристалл был оплетён кожаным шнуром. В оплётке он держался крепко и вполне мог использоваться в качестве подвески. В настоящее время достоверно ответить на поставленный вопрос, к сожалению, нельзя. Остается ждать находку кристалла с остатками крепления.

Литература

Боталов С. Г., Иванов А. А. Новый комплекс кочевой аристократии гунно-сарматского времени в Южном Урале // Проблемы истории, филологии, культуры. М.: Племенной мир, 2012. С. 269–287.

Матвеев А. В., Матвеева Н. П., Сериков Ю. Б., Скочина С. Н. Культовые памятники эпохи энеолита. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун.-та, 2015. 156 с.: ил.

Михайлов Ю. И. Божество «хрустального неба» в культурных традициях древнеиранского населения // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопре-

дельных территорий. Т. V. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. С. 427–432.

Петрин В. Т., Нохрина Т. И., Кулик Н. А., Усачева И. В. Верхнепалеолитический комплекс из горного хрусталя с юго-восточного побережья озера Большие Аллаки (Южный Урал) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 4 (52). С. 28–40.

Сериков Ю. Б. Сакральные свойства хрусталя // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. С. 224–232.

Сериков Ю. Б. Пещерные святилища реки Чусовой. Нижний Тагил: НТГСПА, 2008. 368 с.: ил.

Сериков Ю. Б. Благородные минералы в изделиях древнего населения Урала // Шестые Берсовские чтения: сб. ст. Всерос. археологической науч-практ конференции. Екатеринбург: Изд-во КВАДРАТ, 2011. С. 44–48.

Сериков Ю. Б. Шайтанское озеро – священное озеро древности. Нижний Тагил: НТГСПА, 2013. 408 с.: ил.

Сериков Ю. Б. Очерки по первобытному искусству Урала. Нижний Тагил: НТГСПА, 2014. 268 с.: ил.

Сериков Ю. Б., Серикова Л. В. Святилище на вершине горы Голый Камень (Нижний Тагил). Нижний Тагил: НТГСПА, 2005. 79 с.: ил.

Е. С. Юркина (г. Липецк)
Липецкий государственный педагогический университет
им. П. П. Семенова-Тян-Шанского
Научный руководитель: Н. А. Бессуднов, к.и.н., доц.

Кремневые наконечники эпохи Неолита – бронзы на Верхнем Дону по материалам памятника Липецкое озеро

Многослойное поселение Липецкое Озеро расположено в бассейне Верхнего Дона, в пойме правого берега р. Воронеж, и представляет собой широко рассеянное во времени сезонно-промысловое стойбище. Об этом свидетельствуют находки, отражающие развитие трёх археологических эпох и принадлежащих различным археологическим культурам, подчас не связанных между собой генетически [Синюк, Клоков, 2000, с. 7].

Из всей коллекции поселения Липецкое Озеро были взяты кремневые наконечники стрел и дротиков с целью поиска им аналогий на памятниках сопредельных территорий с опорой на морфологические особенности орудий [рис. 1]. Не считая сильно фрагментированных обломков, здесь найдено 100 наконечников. С опорой на их типологию, разработанную Н. Н. Гуриной, в рассматриваемой коллекции они делятся по форме пера на три типа: овальные, треугольные и ромбические. Отметим, что в нашем случае некоторые наконечники несут, как бы переходный облик и лишь условно включены в тот или иной тип, поскольку облик каждого изделия из камня не может быть изготовлен сугубо по шаблону.

Типы **овальных** наконечников:

1. *Листовидные* – наконечники, у которых длина превышает ширину в 1,5–2 раза. В рассматриваемой коллекции они представлены в количестве

шести экземпляров. В обработке их использовалась техника двустороннего скалывания и отжимной ретуши. Типы овальных форм были широко распространены по всей лесной и степной зонах Евразии, начиная с VI и вплоть до II тыс. до н.э. (Терешковский Вал: [Синюк, 1992, с. 61], Университетская – III [Синюк, 1986, с. 162], Засечная 2 [Челяпов, Барышев, 1998, с. 15], Русское Труёво [Ставицкий, Хреков, 2003, с. 147], Имерка [Третьяков, 1990, с. 135], Стан I [Воронин, 1996, с. 324], Курино-I [Бессуднов, 1996, с. 27]).

2. *Листовидно-черешковые*. Представлен всего одним экземпляром. Данный тип встречается на памятниках Верхнего и Среднего Поволжья [Зимина, 1976, с. 73; Грехова, Полякова, Попова, Раушенбах, Цветкова, 1976, с. 73] и ряда других районов лесной зоны. Для бассейна Дона это пока вторая находка. Первая же происходит из могильника Терешковский Вал [Синюк, 1992, с. 63].

3. *Листовидные обоюдоострые*. Включает 5 экземпляров. Обработаны с двух сторон с разной степенью качества, от грубой обивки до тщательного отжимного ретуширования. Такой тип наконечников распространен по всей лесной зоне (Стоянка Стан I [Воронин, 1996, с. 325], Замостье 2 [Лозовская, Лозовский, 2015, с. 103], Саконовская стоянка [Алихова, 1975, с.118], Волосовская стоянка [Цветкова, 1957, с. 24], Стрелица [Археология СССР, 1987, с. 168], Отрожка [Левенок, 1973, с. 196]).

Тип **треугольных** наконечников:

1) *С прямым основанием*. Самый представительный по численности тип, а именно – 23 единицы. Наконечники в основном тщательно обработаны по всей поверхности отжимной ретушью, а отдельные только по краям. Аналогии им хорошо представлены и на других памятниках (Селезни-2 [Пряхин, Моисеев, Беседин, 1998, с. 8], Васильевский Кордон-17 [Смольянинов, 2014, рис. 50], Ямное [Сурков, Скоробогатов, 2012, с. 32], Пензенская стоянка [Третьяков, 1990, с. 77]).

2) *С вогнутым основанием*. Всего выявлено восемь единиц. Обработаны краевой и двусторонней отжимной ретушью. Также имеют достаточно широкое распространение (Васильевский Кордон-17, Ямное, Университетская III, на поселении Стрелица и урочище Белынец [Археология СССР, 1987, с. 169], Ховринское поселение I [Вискалин, Овчинникова 2003, с. 217]).

3) *С заостренным черешком и резко выраженными шипами*. Представленные семь экземпляров обработаны по-разному: струйчатой, пильчатой ретушью и с нанесением ее по краям. В качестве ближайших аналогий назовем материалы памятников Русское Труёво [Ставицкий, Хреков 2003, с. 147], Ховринское поселение I [Вискалин, Овчинникова 2003, с. 217], Стоянка Стан I [Воронин, 1996, с. 325].

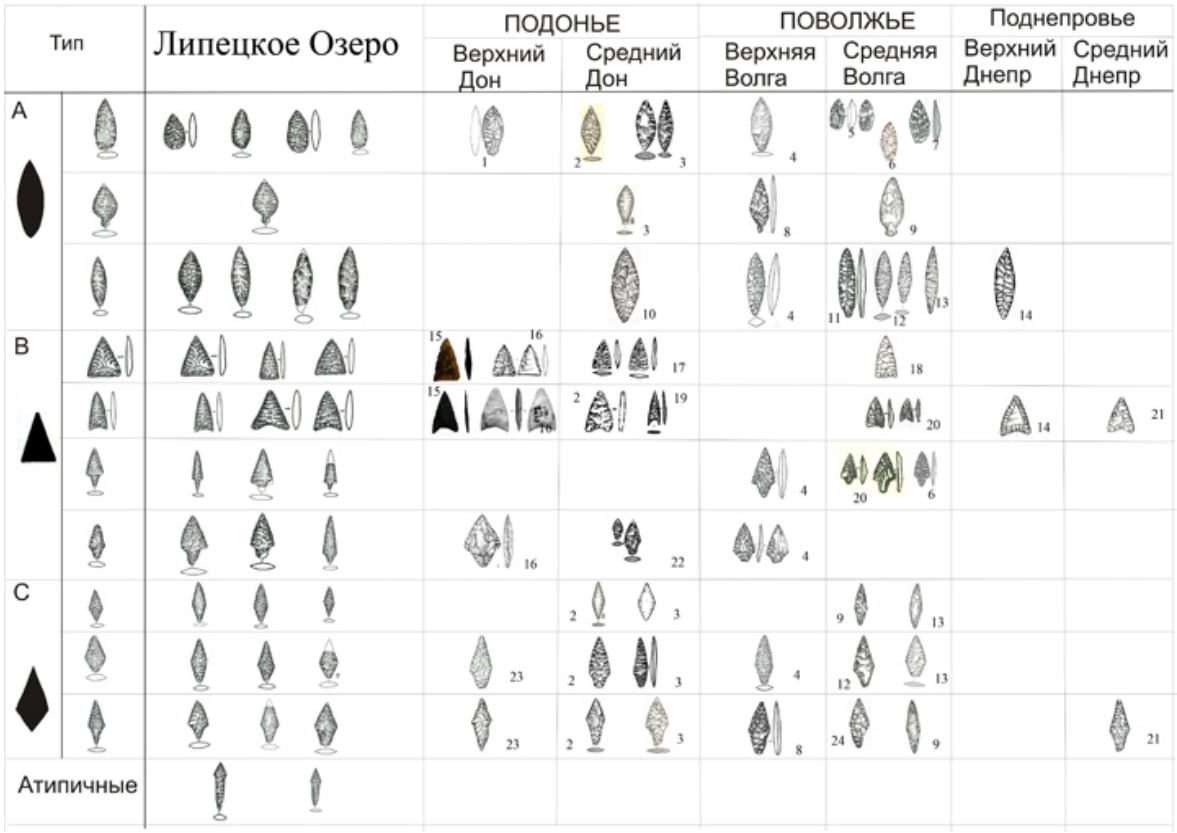
4) *С широким усеченным черешком и слабовыраженными шипами*. Включает 14 экземпляров. Наряду с двусторонним отжимом использовалась и струйчатая ретушь. Наконечники данного типа встречаются на стоянках Ямное [Сурков, Скоробогатов , 2012, с.32], Ярво [Синюк, 1986, с. 162], Стан I [Воронин, 1996, с. 325].

Наконечники **ромбического** типа:

1) *Обоюдоострые*. Включает пять экземпляров. Некоторые из них тщательно обработаны струйчатой ретушью. Ближайшие аналогии можно встретить на многих памятниках лесостепной зоны: Черная Гора [Грехова, Полякова, Попова, Раушенбах, Цветкова, 1976, с. 109], Университетская III [Синюк, 1986, с. 162], Волосовская стоянка [Цветкова, 1957, с. 24], Терешковский Вал [Синюк, 1992, с. 63].

2) *С усеченным основанием*. Представлены шестью экземплярами. Сделаны в технике отжимной ретуши. Также имеют ближайшие аналогии преимущественно в материалах Волго-Донских памятников (Долговская [Левенок, 1965, с. 233], Университетская III [Синюк, 1986, с. 162], Стан I [Воронин, 1996, с. 325], Черная Гора, Саконовской стоянка, Терешковский Вал).

3) *Черешковые* – включает семь экземпляров, сделанных путем двусторонней обивки с последующей подправкой краевой ретушью. Ближайшие аналогии выявлены на многих памятниках Волго-Донья (Долговская, Университетская III, Усть-Валдайка II, Черная Гора [Грехова, Полякова, Попова, Раушенбах, Цветкова, 1976, с. 73], Маслово Болото [Каверзнева, 1990, с. 18], Белынец, Терешковский Вал).

Типы наконечников поселения Липецкое Озеро и их аналогии. 1 – Курино-I, 2 – Университетская III, 3 – Терешковский Вал, 4 – Стан I, 5 – Засечная 2, 6 – Русское Труёво, 7 – Имерка, 8 – Усть-Валдайка II, 9 – Черная гора, 10 – Отрожка, 11 – Замостье 2, 12 – Саконовская стоянка, 13 – Волосовская стоянка, 14 – Стрелица, 15 – Васильевский Кордон – 17, 16 – Ямное, 17 – Селезни 2, 18 – Пензенская стоянка, 19 – Сасовские курганы, 20 – Ховринское поселение, 21 – Белынец, 22 – Ярво, 23 – Долговская стоянка, 24 – Маслово Болото.

Кроме этого, среди рассматриваемых наконечников поселения Липецкое Озеро есть два экземпляра, выпадающих из существующих типологий. Они имеют короткое, расширенное в виде ромба перо и длинный, зауженный к концу или завершающийся ровным срезом черешок. Находки подобного типа единичны, аналогий обнаружить не удалось.

Культурно-хронологический диапазон рассматриваемых памятников достаточно широк. В целом наконечники представленных типов выявлены в коллекциях многокультурных комплексов. Предполагается, что часть из них были оставлены носителями волосовской, рязанско-долговской, рыбноозерской, нижнедонской, стреднестоговской и среднеднепровской культур.

Таким образом, наконечники поселения Липецкое Озеро отражают периоды развития эпох неолита – бронзы, что в целом соответствует времени от первой половины V до начальных веков II тыс. до н. э.

Литература

Алихова А. Е. Саконовская неолитическая стоянка // Памятники древнейшей истории Евразии. АН СССР. М.: Наука, 1975. С. 117–123.

Бессуднов А. Н. Материалы эпохи неолита многослойного памятника Курино I // Археологические памятники лесостепного Придонья. Липецк: ЛГПИ, С. 5–29.

Ставицкий В. В., Хреков А. А. Неолит – ранний энеолит лесостепного Посурья и Прихоперья. Саратов: СГУ, 2003. 166 с.

Челяпов В. П., Барышев И. Б. Новые материалы с Засеченской II стоянки // Труды Рязанского исторического общества. Вып. II. Рязань, 1998. С. 7–18.

Вискалин А. В., Овчинникова Н. В. Ховринское поселение эпохи раннего металла в Восточном Посурье (итоги исследования 1994 года) // Археология восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2003. С. 208–219.

Воронин К. В. Стоянка Стан 1 и ее место в круге памятников энеолита – бронзового века Валдайской возвышенности и Верхнего Поволжья // Тверской археологический сборник, Вып. 2. Тверь, 1996. С. 319–332.

Окский бассейн в эпоху камня и бронзы / Грехова Л. В., Полякова Г. Ф., Попова Т. Б., Раушенбах В. М., Цветкова И. К. М.: Советская Россия, 2003. 263 с.

Зимина М. П. Неолитическая стоянка Усть-Валдайка II // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976, 240 с.

Каверзнева Е. Д. Неолитическая стоянка в карьере на Масловом Болоте // Учен. труды государственного ордена Ленина исторического музея. 1990. Вып. 74. С. 15–22.

Левенок В. П. Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону // Палеолит и неолит СССР. Т. V. Ленинград: Наука. 1965. С. 223–251.

Левенок В. П. Неолитические племена лесостепной зоны европейской части СССР // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита. Ленинград: Наука, 1973. с. 187–197

Лозовская О. В., Лозовский В. М. Костяной и каменный инвентарь льяловского слоя стоянки Замостье 2: попытка вычленения // Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию В. П. Третьякова. СПб.: ИИИМК РАН, 2015. 304 с.

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛОВ

В. А. Башатов (г. Самара)
Самарский государственный социально-педагогический университет,
Научный руководитель: О. Д. Мочалов, д.и.н., проф.

Вопрос о происхождении «воротничковой» керамики Среднего Поволжья

Происхождение «воротничковой» керамики волнует исследователей с начала открытия материалов самарской культуры. Прежде всего, сложность заключается в относительно малом количестве воротничковых материалов региона и, как следствие, отсутствии конкретных работ по теме. Тем не менее у исследователей существуют определенные представления по поводу происхождения и дальнейшего развития носителей воротничковой керамики.

Впервые вопрос о происхождении «воротничковой» керамики самарской культуры был поднят И. Б. Васильевым. По его мнению, воротничковая керамика сформировалась на базе местных неолитических культур под влиянием северных (широкое распространение гребенчатой орнаментации, шагающей гребенки, формы сосудов, что характерно для средневолжской неолитической культуры) и южных (плоскодонность, ракушечная примесь, меандровые композиции) [Моргунова, 1995, с. 62] групп племен, при отсутствии разрыва в истории населения степного и лесостепного Поволжья на стыке неолита – энеолита. При этом прием оформления венчика «воротничком» следует рассматривать как проявление воздействия, продиктованного в определенный период наиболее влиятельной этнической группировкой, которая оказала воздействие на территорию степи и лесостепи Урала, Волги и Днепра. Такая обширность ареала распространения воротничковой керамики связана с общей консолидацией племен, которые базируются на скотоводческом укладе, при меньшей роли других хозяйственно-экономических направлений, а конкретнее – оформление и развитие коневодства, которое способствовало развитию племенам, носителям воротничковой керамики. Как раз степные и лесостепные районы Восточной Европы рассматривались как исконная область обитания дикой лошади [Васильев, Синюк, 1985, с. 28]. Коневодство стало основанием формирования культа коня, что отобразилось в устройстве жертвенников с головами коней и изображениями лошади на костяных пластинках. Коневодство не исключает подвижности быта, вместе с тем присутствует относительная быстрота и легкость осуществления межплеменных контактов. При этом гораздо сильнее, чем раньше, воспринимались идеи единства принадлежности, идеологии, обрядов, что нашло свое материальное воплощение в единстве рассмотренных нами признаков, одним из которых является воротничок на сосудах [Васильев, Синюк, 1985, с. 29].

Н. Л. Моргунова отмечает, что материалы позднего неолита самарского Поволжья находят свое продолжение в посуде самарской культуры, это преимущественное применение гребенчатого штампа, которое получило распространение в позднем неолите под влиянием волго-камских племен [Моргунова, 1985, с. 62], что свидетельствует о правильности выводов, предложенных И. Б. Васильевым.

С накоплением материалов по энеолитичекой эпохе концепция происхождения «воротничковой» керамики претерпела изменения. И. Б. Васильевым было отмечено взаимодействие энеолитических культур Среднего и Нижнего Поволжья и значительные связи с более западными культурами Приазовья и Причерноморья – нижнедонской и днепро-донецкой позднего этапа [Юдин, 2012, с. 70]. Из этого следует, что формирование «воротничковой» керамики самарской археологической культуры в лесостепном Поволжье напрямую увязывается с предполагаемыми юго-западными культурными импульсами, по-видимому, из Приазовья, а также со значительным усилением культурных контактов на территории степи и лесостепи Восточной Европы в период перехода от неолита к раннему энеолиту. Эти широкие контакты и привели к сложению мариупольской культурно-исторической области в целом и самарской культуры в частности [Васильев, 2003, с. 73].

П. П. Барынкин, отмечая немногочисленные «воротничковые» материалы Поволжья и Прикаспия, указывает на их малую репрезентативность, что не позволяет выделять данные материалы в самарскую и прикаспийскую культуры, так как культурная доминанта на протяжении раннего и развитого энеолита отдается населению хвалынской культуры, которое существует одновременно с носителями керамики «воротничкового» культурного типа [Барынкин, 2003, 49]. Близкой точки зрения придерживается С. В. Богданов, который считает, что в раннем энеолите степного Приуралья существовали синхронно две линии культурного развития – хвалынская и съезженская. По его мнению, воротничковая керамика Ивановской и Турганикская стоянок скорее относится не к особой «самарской» культуре, а к одной из локальных групп хвалынско-бережновского типа. Таким образом, в лесостепном и степном Волго-Уралье культурная доминанта в раннем энеолите признается за хвалынской культурой, а памятники мариупольского круга не играли существенной роли в этногенетических процессах энеолитического времени [Юдин, 2012, с. 72]. Данные точки зрения остаются достаточно спорными из-за существования крупного культурного пласта мариупольских «воротничковых» памятников, которые впоследствии, в рамках самарской культуры, оказали существенное влияние на формирование более северного лесного энеолита, в результате которого сложились памятники русско-азибейского типа в Нижнем Прикамье и агидельская культура в Приуралье [Юдин, 2012, с. 70].

Вопрос о происхождении воротничковой керамики в настоящее время представляет определенную сложность, которая заключается в относительно малом количестве воротничковых материалов. Несмотря на это у археологов сложилось определенное представление о ее происхождении. Вызывает дове-

рие концепция И. Б. Васильева, которая была дополнена Н. Л. Моргуновой, А. Т. Синюком, Р. С. Габяшевым и др. умами о том, что воротничковая керамика Среднего Поволжья сформировалась на основе местного неолита под влиянием северных и южных групп племен. Появление же самого «воротничка» объясняется следствием воздействия влиятельной этнической группировки, которая стала основой для появления коневодства в регионе.

Появление новых материалов по воротничковой керамике подготовило почву для формирования у исследователей нового взгляда на концепцию развития носителей воротничковой керамики, что подтверждается новыми исследованиями энеолитических памятников в бассейне р. Сок (Лебяжинка VI) в настоящее время, а полученные материалы пополняют источниковую базу по теме.

Литература

Барынкин П. П. Керамический комплекс раннего энеолита Большераковской II стоянки // Краеведческие записки. Вып. XI. Самара. 2003.

Васильев И. Б. Хвалынская энеолитическая культура Волго-Уральской степи и лесостепи (некоторые итоги исследования) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3 / Изд-во СНЦ РАН. Самара. 2003. С. 61–99.

Васильев И. Б., Синюк А. Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Самара, 1985. 118 с.

Моргунова Н. Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья / Оренбург: Изд-во ОГПУ. 1995. 222 с.

Юдин А. И. Поселение Кумыска и энеолит Степного Поволжья. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2012.

Е. А. Булакова (г. Екатеринбург)
Уральский федеральный университет им. Б. Ельцина
Научный руководитель: Л. Н. Корякова, д. и. н., проф.

Керамика с текстильными отпечатками укрепленного поселения эпохи бронзы каменный амбар: опыт изучения

Использование керамики в качестве главного маркера археологической культуры известно науке давно. Поэтому особенно интересно рассмотреть в рамках такой парадигмы керамику, способную отразить следы не только древнего гончарного производства, но и текстильного. К такой категории относится так называемая «текстильная» керамика. При этом имеется в виду особая технология производства керамики, при которой формовка изделия происходит на модели с использованием тканевой прокладки, оставляющей отпечатки на внутренней поверхности сосуда. Этот отпечаток представляет собой характерный оттиск тканевого переплетения.

Изучению феномена «текстильной» керамики посвящены работы многих известных исследователей (Виноградов Н. Б., Глушкова Т. Н., Глушков И. Г., Галиуллина М. В.), однако керамика с текстильными оттисками в

большинстве случаев была взята из комплекса погребальных памятников. В данном же случае речь пойдет о керамическом комплексе с укрепленного поселения бронзового века Каменный Амбар.

Для данной работы были отобраны 198 фрагментов керамики, на которых имелись текстильные отпечатки. Это составило 3,17% от общего числа коллекции керамики за полевые сезоны 2005–2013 гг. Кроме того, в 2007 г. во время раскопок детского погребения на территории поселения был обнаружен фрагмент ткани. Размеры 3,2х1,2 см. Волокно предположительно растительного происхождения, переплетение полотняное (определение сделано А. Берсеневым) [Корякова, 2009]. Появление такого вида находки и позволило высказать гипотезу о наличии текстильного производства на поселении Каменный Амбар.

На начальном этапе исследования была разработана система атрибутов (критериев) для формализованного описания фрагментов и включения их в базу данных. Затем каждый фрагмент просматривался под микроскопом с 30-кратным увеличением, и вся полученная информация фиксировалась в электронной базе данных.

Визуальное исследование фрагментов керамики с поселения бронзового века Каменный Амбар велось на основании выявленных атрибутов. Рассмотрим подробнее некоторые особенности керамики с текстильными оттисками, выявленные при работе с фрагментами.

Культурная принадлежность

Как видно из табл. 1, в анализируемой коллекции числовое соотношение фрагментов по этому признаку следующее:

– петровская культура: 5 фрагментов керамики с текстильным оттиском;

синташтинская культура: 23 фрагмента керамики с текстильным оттиском;

– синташтинско-петровский тип: 6 фрагментов керамики с текстильным оттиском;

– срубно-алакульская культура: 5 фрагментов керамики с текстильным оттиском;

– неопределимый культурный тип: 159 фрагментов керамики с текстильным оттиском.

Таблица 1

Распределение фрагментов керамики с текстильным оттиском по видам культурной принадлежности

Культурная принадлежность	Кол-во фрагментов	% от общего числа фрагментов
Петровская	5	2,5%
Синташтинская	23	11,7%
Синташтинско-петровский тип	6	3,3%
Срубно-алакульская	5	2,5%
Н/о	159	80%
Итого	189	100%

Такое большое количество фрагментов неопределимого типа объясняется спецификой культурной атрибуции керамики, которая, как правило, осуществляется по целому сосуду, для фрагментов – по венчику, шейке сосуда или по орнаменту с внешней стороны. Но в данном случае большая часть фрагментов – это стенки или же обломки придонной либо донной части сосуда. Это значит, что интерпретация по венчику невозможна. Тем не менее там, где это было возможно, культурная принадлежность фрагмента была установлена.

Качество текстильного оттиска

Все оттиски разделяются на четыре группы: оттиски с плохим качеством текстильного рисунка (60 экз.) – это фрагменты керамики с нечетким и неглубоким оттиском, текстильный рисунок на которых читается слабо или почти не читается; оттиски со средним качеством текстильного рисунка (73 экз.) – данная группа является самой многочисленной и представляет фрагменты керамики с более четким отпечатком нитей, в связи с особенностью волокон [Галиуллина, 2000, с. 98]. Ввиду особенности глинистого сырья (менее пластичное сырье передает оттиск хуже) анализ оттиска вызывает некоторые трудности, при его визуальном изучении; оттиски с хорошим качеством текстильного рисунка (58 экз.) – текстильный оттиск в данной группе является четким и глубоким, что позволяет с точностью интерпретировать тип переплетения нитей и материал; оттиски с отличным качеством текстильного рисунка (7 экз.) – фрагменты данной группы с особой тщательностью передают текстильный отпечаток на керамике, позволяют рассмотреть какие-либо особенности нити.

Таблица 2

Распределение керамики по качеству текстильного оттиска

Качество оттиска	Кол-во фрагментов	% от общего числа фрагментов
Плохое	60	30,5%
Среднее	73	36,8%
Хорошее	58	29,2%
Отличное	7	3,5%
Итого	198	100%

Тип переплетения нити

Полотняное переплетение – представляет собой такой тип переплетения, при котором нити расположены под прямым углом друг к другу. В данной группе насчитывается 37 экз. керамики; саржевое переплетение – тип, в котором нити основы и утка расположены таким образом, что уток «обходит» нить основы то сверху, то снизу. При этом типе переплетения на оттиске видно своеобразное перекрещивание коротких линий, с повторяющимся смещением то вверх, то вниз. Данная группа представлена 51 фрагментом керамики; диагональное переплетение является видоизмененным полотняным переплетением, в котором нити расположены под острым углом по отношению друг к другу. Такой тип встречается чаще всего (106 экз.), так как представляет са-

мый простой способ переплетения нитей; неопределимый тип включает 4 фрагмента керамики, на которых из-за плохого качества оттиска, небольшой площади покрытия оттиском фрагмента или из-за повреждения фрагмента невозможно проанализировать тип переплетения нитей.

Таблица 3

Распределение керамики по типам текстильного переплетения

Тип переплетения	Кол-во фрагрментов	% от общего числа фрагментов
Полотняное	37	18,7%
Саржевое	51	25,8%
Диагональное	106	53,5%
Н/о	4	2%
Итого	198	100%

Материал нити

На основании визуального наблюдения все текстильные оттиски были разделены на три группы по видам материала: растительная нить, шерстяная нить и неопределимая нить – такие фрагменты либо повреждены физически, либо сам оттиск отпечатан на керамике очень слабо. Группа керамики с растительной нитью насчитывает 98 экз. При визуальном изучении фрагментов керамики с растительным оттиском были выявлены следующие характерные черты данного типа нити. Во-первых, это более глубокий и четкий оттиск, так как наличие лигноэлементов растительной нити обеспечивает ее большую жесткость, во-вторых, след от растительной нити тоньше, в-третьих, такой тип нити при саржевом переплетении оставляет оттиск, с прямоугольными по форме ячейками. Вторая группа керамики с шерстяной нитью представлена 81 экз. Оттиск текстиля с шерстяной нитью в основе будет менее четким, так как животное волокно отличается извитостью и мягкостью. Также след от такого волокна по форме обычно более округлый, а при толщине нити около 1 мм можно рассмотреть на оттиске следы от шерстяных волокон. Третья группа – неопределимый тип материала нити – состоит из 19 экз.

Таблица 4

Распределение керамики по материалу нити

Материал нити	Кол-во фрагментов	% от общего числа фрагментов
Растительная	98	49,5%
Шерстяная	81	41%
Н/о	19	9,5%
Итого	198	100%

Такое положение в распределении нитей по материалу вполне обоснованно, скотоводческая направленность экономики населения Каменного Амбара вовсе не исключает активное использование как в пище, так и для хозяйственных нужд некультурных видов растений. Палеоботанический анализ показал, что обитатели поселения использовали широкий спектр растений, пыльца которых и их макроостатки обнаружены в слое памятника и за его

пределами [Krause, Koryakova, 2013, с. 235–237]. Отсутствие же в инвентаре каких-либо инструментов для стрижки скота и чесания шерсти может быть объяснено тем, что такие изделия, скорее всего, изготавливались из дерева, а потому не сохранились.

Подводя итог, стоит сказать, что данная работа позволила установить у обитателей поселения бронзового века Каменный Амбар присутствие такой гончарной традиции, которая предполагала использование текстиля для изготовления нового сосуда. Относительно небольшое количественное присутствие фрагментов такой керамики в коллекции частично объясняется спецификой процесса формовки, но также позволяет предположить, что это, видимо была не основная технологическая традиция, а методика, присущая какой-то части населения, но стабильно встречающаяся на протяжении всего периода существования поселения. Однако исследование не ограничивается изучением лишь одного памятника, в перспективе возможно расширение как атрибутов описания, так и географии расположения памятников.

Литература

Виноградов Н. Б., Мухина М. А. Новые данные о технологии гончарства у населения алакульской культуры южного Зауралья и Северного Казахстана // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. ун-т, 1985. С. 79–84.

Галиуллина М. В. К реконструкции сырьевой базы ткацкого производства на поселении эпохи бронзы Аркаим // Археологический источник и моделирование древних технологий: тр. музея-заповедника «Аркаим». Челябинск: Изд-во Ин-т истории и археологии УроРАН, 2000. С. 95–103.

Корякова Л. Н. Отчет об археологических раскопках укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) в 2007 г. Екатеринбург, 2009.

Rüdiger Krause, Ludmila N. Koryakova (eds.) Multidisciplinary investi-gations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia) // Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH. Bonn, 2013. 352 p.

Структура ткани. Классификация ткацких переплетений Сайт «О ткани». URL: http://www.otkani.ru/textile/fabricstructura/1.html (дата обращения 07.06.2016).

А. О. Голышкин (г. Липецк)
Липецкий государственный педагогический университет имени
П. П. Семенова-Тян-Шанского
Научный руководитель: А. Н. Бессуднов, к.и.н.

Курганы эпохи бронзы на территории Верхнего Дона (по материалам Липецкой области)

С середины III тыс. до н. э. на территорию Верхнего Дона начинают проникать племена из степей Заволжья и Нижнего Дона, которые приносят с собой не только изделия из бронзы, свою культуру и обычаи, но и подкурганный обряд погребения. На основе особенностей конструкции погребальной камеры и насыпи погребений, положения и ориентировки погребенного и

особенностей погребального инвентаря (сосуды, украшения) и формируются представления о культурах данного периода [Винников, Синюк, 2003, с. 72].

Исследованиями курганов на нашей территории в разное время занимались Л. Б. Вейнберг, В. Н. Глазов, А. Н. Голотвин, С. Н. Замятнин, М. В. Ивашов, И. А. Козмирчук, К. И. Корепанов, Н. Н. Муравьев-Карский, Е. Н. Мельников, А. Т. Синюк, В. А. Чивилев.

Всего в Липецкой области с эпохой бронзы соотносятся два одиночных кургана и 18 курганных групп, насчитывающих от 77 до 79 курганных насыпей, из которых исследовано 43 (45). Такая статистическая погрешность объясняется отсутствием недостаточных сведений об исследованиях с середины XIX до середины XX в. Наиболее полную информацию удалось найти только о 33 курганах, в которых было выявлено 60 погребений, однако выявлена информация только о 53. При этом только одно из них было совершено по обряду кремации [Ивашов, 2011]. В насыпях курганов обнаружено тринадцать жертвенников: в четырех – по одному [Ивашов, 2011; Мельников, 2007; Корепанов, 1979; Мельников, 2004], в двух – два [Чивилев, 2002; Мельников, 2004], и ещё в одном – пять [Козмирчук, 1990]. Погребения эти относятся к таким культурам эпохи бронзы как ямная, катакомбная, воронежская, абашевская, срубная.

Начало исследований курганов на территории Верхнего Дона уходит в XIX в., когда Н. Н. Муравьев-Карский в 1866 г. в своем поместье – у сел Скорняково и Засосенка Задонского уезда Воронежской губернии (совр. Задонский район Липецкой области) – вскрыл три кургана [Захарова, 2009, с. 261]. Дочь после его смерти передала коллекцию в Исторический музей, приложив к ней описание и личные заметки по результатам наблюдений. Позже В. А. Городцов отнесет эти находки к срубной культуре [Цит. по: Захарова, 2009, с. 262].

Открытия, сделанные Н. Н. Муравьевым-Карским, послужили толчком к продолжению изучения курганов в этом же уезде. В 1888 г. Л. Б. Вейнбергом были исследованы на Тюнинском Селище три насыпи полностью и одна частично, в которых было выявлено три погребения абашевской культуры [Бессуднов, Захарова, 2012, с. 20].

В 1910 г. полевые работы в этом районе вел В. Н. Глазов [Клоков, 1995, с. 8], раскопавший пять курганов и обнаруживший два погребения абашевской культуры [Бессуднов, Захарова, 2012, с. 59–60].

В 1929 г. С. Н. Замятнин провел исследования в с. Донское Задонского района, где было вскрыто четыре кургана и обнаружены погребения «абашевско-срубной культуры» [Клоков, 1995, с. 10, 12]. Детальной информации по результатам этих работ пока найти не удалось.

В 1970 г. А. Т. Синюком изучена курганная группа в верховьях р. Воронеж у с. Староюрьево Тамбовской области. Раскопано три кургана из четырех, в которых выявлено три погребения, относящиеся к абашевской и срубной культурам [Пряхин, 1972, с. 233].

А. Т. Синюк также исследовал одиночный курган у с. Введенка в Хлевенском районе Липецкой области, где обнаружил семь погребений, относя-

щихся к «абашевской и покрово-абашевской культурам» [Синюк, Килейников, 1976, с. 159].

В ходе анализа данных по 31 погребению была выявлена их ориентировка:

6 погребений – на восток;

по 4 погребения – на север и северо-восток;

по 3 погребения – на запад, юг-юго-запад и восток-северо-восток;

по 2 погребения – на юг, юг-юго-восток и север-северо-восток;

по 1 погребению – на северо-запад и север-северо-запад.

Таким образом, можно отметить, что основная часть погребений ориентирована с учетом вариаций в северный и восточный сектора.

Основные выводы:

1. Территорию Верхнего Дона нельзя отнести к ареалу широкого распространения курганного обряда захоронения.

2. Выявленные погребения совершены преимущественно населением абашеской и срубной культур.

Литература

Бессуднов А. Н., Захарова Е. Ю. В поисках древностей забытого урочища: о находках и легендах окрестностей Задонска. Тула: Гриф и К., 2012. 260 с.

Винников А. З., Синюк А. Т. Дорогами тысячелетий: Археологи о древнейшей истории Воронежского края. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. 280 с.

Голотвин А. Н. Отчёт о проведении охранных раскопок кургана №2 курганного могильника у с. Ленино (Липецкого кургана №2) в Липецком районе Липецкой области в 2011 г. Т. 1. Текстовая часть. Архив ИА РАН. Р-1.

Захарова Е. Ю. Исследование древностей Задонского уезда во второй половине XIX – начале XX века // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2009. Выпуск 4. С. 261–273.

Ивашов М. В. Отчёт о проведении спасательных археологических исследований кургана 1 у с. Набоково Тербунского района Липецкой области в 2011 году. Архив ИА РАН. Р-1.

Ивашов М. В. Памятники катакомбного времени на Верхнем Дону: автореф. дис канд. ист. наук. Липецк, 2014. 312 с.

Клоков А. Ю. Из истории археологических исследований Верхнего Дона // Записки краеведческого общества. Липецк, 1995.Выпуск 1. С. 5–17.

Козмирчук И. А. Отчёт о проведении спасательных работ в 1990 году при раскопках Кургана 1 у с. Филатовка Добровского района Липецкой области. Архив ИА РАН. Р-1.

Корепанов К. И. Отчёт об археологических исследованиях Липецкого областного музея и Липецкого государственного педагогического института в 1979 году. Архив ИА РАН. Р-1.

Мельников Е. Н. Отчёт к Открытому листу № 716 об археологических исследованиях в Добринском районе Липецкой области в 2003 году. Архив ИА РАН. Р-1.

Мельников Е. Н. Отчёт к Открытому листу № 601 об археологических исследованиях в Добринском районе Липецкой области в 2004 году. Архив ИА РАН. Р-1.

Мельников Е. Н. Отчет об археологическом исследовании курганного могильника у с. ДуровоДобринского района Липецкой области в 2007 году. Архив ИА РАН. Р-1.

Попова Т. Б. Племена катакомбной культуры. Труды Государственного Исторического музея. М.: Гос. изд-тво культурно-просветительной литературы, 1955.Выпуск 24. 180 с.

Пряхин А. Д. Курганы поздней бронзы у с. Староюрьево // СА. М.: Наука, 1972. № 3. С. 233–243.

Синюк А. Т., Килейников В. В. Курган ус. Введенки на Дону // СА. М.: Наука, 1976. № 1. С. 159–179.

Чивилёв В. А. Отчёт об археологических исследованиях в 1999 году. Архив ИА РАН. Р-1.

Чивилёв В. А. Отчёт об охранных раскопках на поселении Рощинское 1 и кургана на территории поселения 4 у балки Большой Липяг в 2000 году. Архив ИА РАН. Р-1.

Чивилёв В. А. Отчёт об археологических исследованиях в 2002 году. Архив ИА РАН. Р-1.

Р. В. Жуков (г. Самара)
Самарский государственный социально-педагогический университет
Научный руководитель: О. Д. Мочалов, ректор СГСПУ, д.и.н., проф.

Сравнительный анализ Покровской и срубной погребальных традиций позднего бронзового века (по материалам курганов Самарского Поволжья)

Одной из важнейших задач при изучении позднего бронзового века является поиск культурно-родственного соотношения покровской и срубной погребальных традиций. Вопрос о том, являются ли срубная и покровская культуры самостоятельными, остаётся открытым, даже, несмотря на то, что данная проблема активно обсуждается с 80-х г. XX в. [Васильев, Кузьмина и др., 1985, с. 64]. Главное отличие заключается в том, что покровские комплексы характеризуются богатством и разнообразием погребального инвентаря, тогда как срубные – сложными внутримогильными сооружениями.

Анализ результатов радиоуглеродного датирования позволяет время покровской культуры определять в пределах XIX–XVIII вв. до н. э. Срубная культура датируется второй половиной XVIII – первой половиной XVI в. до н. э. То есть можно предполагать, что они частично синхронны, но при этом покровская культура несколько старше, чем срубная [Кузнецов, 2014, с. 235, 236].

Ареал наложения покровской и срубной традиций охватывает северное степное и лесостепное Волго-Уралье.

В настоящей работе представлены первые результаты статистического анализа крупных по численности насыпей курганных могильников, находящиеся в пределах Самарской области. Ранее О. С. Пастуховой была установлена корреляция размера могильной ямы и возраста погребённого [Пастухова, 2013, с. 200–204].

Опираясь на данные результаты, в данной работе мы приводим показатели размеров длины и ширины могильных ям, проведённые для покровских и срубных погребений отдельно. Были составлены точечные графики где X – длина, а У – ширина. Судя по визуально фиксируемому скоплению точек, вполне вероятно выделение на графике покровских погребений четырёх групп: груп-

па I: размеры от 0,5х0,8 м до 1,15х0,81 м, входят 35 погребений, 96% погребённых – младенцы.

Группа II: размеры от 1х1,05 м до 1,6х0,62 м, входят 38 погребений.

Группа III: размеры от 1,3х1,4 м до 2,19х1,64 м, входят 33 погребения.

Группа IV: размеры от 2,45х2,2 м до 4х2,95 м, входят 14 погребений.

Дети попадают в I, частично во II группы. В IV группе взрослые. Погребальные ямы этой группы не соответствуют размерам костяков погребённых в них. Самые большие погребения, отмеченные богатым инвентарём и остатками сруба, указывают на то, что погребённые в них при жизни имели высокий статус. Всё это говорит о наличии в покровской культуре определённого погребального обряда. Преобладающий процент бронзовых изделий находился именно в погребениях IV группы.

Одним из примеров служат результаты изучения кургана одного могильника «Каменный овраг II» [Кузнецов, Мочалов и др., в печати]. Главный показатель высокого статуса погребённого – это то, что погребение было одним из двух в большой погребальной насыпи. Вероятнее всего, он принадлежал к какому-то важному роду.

Интересно то, что в погребениях взрослых людей, особенно мужчин, можно обнаружить оружие из бронзы и камня, орудия труда. В погребениях женщин часто встречаются украшения из бронзы, пастовые бусы, шилья и иглы. В погребениях детей часто встречаются костяные изделия с резьбой или орнаментом, клыки диких животных, которые, вероятнее всего, выполняли роль игрушки или оберега. Всё это говорит о том, что в погребения с умершими часто помещали предметы, которые, скорее всего, сопутствовали роду их деятельности при жизни.

Проведение того же самого исследования с погребениями срубной культуры дало совершенно иные результаты. В данном случае удалось выделить только одну группу больших погребальных ям. Она насчитывала 9 погребений (5–7% от общего количества), отмеченных наличием сложных погребальных конструкций и размерами, не соответствующими костяку. Выделить другие группы не удалось, так как остальные погребения ничем не выделяются. Инвентарь очень скуден и представлен в основном фрагментами керамики, которую в данной группе составляют глиняные сосуды с характерным орнаментом [Мочалов, 2003] (бронза около 5–7%, каменные изделия – ниже 1%). Также в погребениях единственной группы бронзовые изделия (1 из 9 погребений). Этим срубные погребения отличаются от покровских.

Мы видим слишком большие отличия в покровском и срубном погребальных обрядах. Могильные ямы у покровцев не соответствовали размерам костяков погребённых в них, в то время как у срубников такого не наблюдается. Простые погребальные конструкции были и у покровцев, в то время как в срубной культуре они усложняются и начинают напоминать простое помещение, примеры – курганы № 2, 5, 11 у с. Ягодное, Курганы № 1,10 у с. Хрящёвка, Кайбельский курган № 23 [Мерперт, 1958, с. 45–156].

Можно сказать, что могильные ямы перестают выделяться размерами и сопроводительным инвентарём, что указывало бы на статус погребённого.

Происходит это, скорее всего, из-за смены мировоззрения человека тех времен [Кузьмина, 2001].

Такое подробное описание погребальных конструкций у срубной культуры показывает изменившееся мировоззрение срубных племён, по сравнению с покровскими. Теперь для человека, а особенно уважаемого при жизни, вероятно, важнее было не разнообразие сопроводительного материала в могиле, а наличие сруба, так как он стал восприниматься людьми как некое вместилище для тела. Не зря оно напоминает жилое строение, куда тело укладывалось, как в дом. Этим и объясняется скудность сопроводительного материала.

Вероятнее всего, в XVIII в. до н. э. происходит мировоззренческий надлом, который находит отражение в погребальном обряде срубной культуры. Вероятно, доминирующим становится представление о том, что человек после смерти переходит в другое измерение. Возможно, по представлению людей тех времён, на пути в другой мир требовалась защита, для чего, наверняка, и создавались специальные срубовые камеры. Такие же конструкции найдены на поселениях срубной культуры и служили жилыми помещениями [Мерперт, 1958, с. 45–156].

Возможно, поэтому погребальные камеры имеют достаточно сложные конструкции. Они делались надежными, дабы защитить человека в его нелёгком пути в другой мир после смерти. Курган в целом начинает восприниматься людьми как культовое место. Его функционирование связано с идеями культа предков, где курган служил форпостом на границе мира живых и мира мёртвых [Кузнецов, 2003].

Литература

Васильев К. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П. Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев: Изд-во. КГПИ 1985. С. 64.

Кузнецов П. Ф., **Мочалов О. Д., Пастухова О. С., Хохлов А. А., Жуков Р. В.** Раскопки кургана 1 выявленного объекта археологического наследия Курганный могильник Каменный Овраг II (муниципальный район Кошкинский Самарской области) // Археологические Открытия 2014 года (в печати).

Кузнецов П. Ф. Особенности курганных обрядов населения самарской долины в первой половине бронзового века // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. Самара, 2003.

Кузнецов П. Ф. Время культур позднего бронзового века Поволжья (анализ радиоуглеродных датировок) // Труды четвертого ВАС. Казань, 2014. С. 235, 236.

Кузьмина О. В. III Подстепкинский могильник // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 5. Самара: Изд-во. СНЦ РАН. 2015.

Мерперт П. Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. № 61. МИА; Л.: АНСССР, 1958. С. 45–156.

Мочалов О. Д. К вопросу о сосудах со знаками срубной культуры Южного Средневолжья // Вопросы археологии Поволжья: сб. ст. Вып. 3. Самара: Изд-во. СНЦ РАН 2003.

Пастухова О. С. Градация детских погребений срубной культуры (по материалам курганного могильника Спиридоновка II) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 15. Самара, 2013. С. 200–204.

А. Ю. Конева (г. Курган)
Курганский государственный университет,
Научный руководитель: Д. Н. Маслюженко, к.и.н., доц.

Керамическая коллекция Субботинского могильника поздней бронзы по материалам раскопок 1997 г.

Субботинский могильник находится в бассейне р. Миасс, в 2,8 км к юго-востоку от деревни Субботино Сафакулевского района Курганской области, на высоком берегу заболоченного, безымянного озера [Потемкина, 1985, с. 235].

В 1971 г. экспедицией КГПИ под руководством Т. М. Потемкиной, было раскопано 4 из 38 курганов, выявленных на момент работ. Вещественный материал из раскопок 1971 г. ныне хранится в фондах Курганского областного краеведческого музея (шифр коллекции: ОФ-14677) [Виноградов, 1993, с. 177].

В 1997 г. памятник изучался экспедицией Курганского государственного университета под руководством С. Н. Шилова с целью получения новых данных о взаимоотношении алакульской и федоровской культур. Всего было разбито 3 раскопа. В границах первых двух сплошных раскопов насчитывалось 7 курганов. Третий раскоп был заложен на месте предполагаемого расположения кургана № 13.

Субботинский могильник дает скудные представления о погребальном обряде из-за плохой сохранности костей. Трупоположение фиксируется только в одном погребении из 25 исследованных (за полевой сезон 1997 г.). Тем не менее, коллекция рассматриваемого могильника обеспечивает нас большим количеством хорошо сохранившихся целых сосудов [Конева, 2016, с. 76–79].

Коллекция находок полевого сезона 1997 г. насчитывает 69 целых и полностью реконструированных сосудов, а также бронзовые изделия, представленные браслетами, бляшками, бусинами и амулетами из костей животных.

При характеристике керамики основными классификационными признаками служили форма, элементы орнамента и техника нанесения узора. Характерные признаки коллекций каждого кургана были занесены в таблицы статистического учета. Учитывалась каждая особенность, выявлялись взаимовстречаемость элементов и техника их выполнения.

По морфологическим признакам керамический комплекс Субботинского могильника можно разделить на 4 типа: посуда горшечной формы с ребром в месте максимального расширения тулова; сосуды горшечной формы с уступчатым плечом; сосуды горшечной формы с плавным профилем; сосуды баночной формы.

Тип сосудов горшечной формы с ребром в месте максимального расширения тулова представлен в единственном экземпляре.

Тип посуды горшечной формы с уступчатым плечом представлен 54 сосудами (78,2%). Степень выраженности уступчика среди сосудов данно-

го типа может быть разной, форма профиля некоторых сосудов приближается к плавной. Данные сосуды имеют разную форму шейки (отогнутая шея – 61,1%; прямая шея – 24%; вогнутая шея – 14,7%).

Тип посуды горшечной формы с плавным профилем представлен четырьмя сосудами.

Тип сосудов баночной формы представлен семь экземплярами закрытого (71,4%) и открытого (28,6%) типов.

Отдельно стоит упомянуть сосуды (курган № 29, сосуды № 1 и № 10), представляющие собой закрытые банки, изготовленные из сосудов горшечной формы, имеющих первоначально четкий уступ. Поверхность спила (скола) сглажена. Сосудам дали вторую жизнь, обработав неровные края. Как и ремонт бронзовыми скрепками, это способно продлить срок службы поврежденного сосуда [Конева, 2015, с. 40–43]. Примечательным является тот факт, что вышеупомянутый курган № 29 содержит 2 сосуда (№ 3 и № 15) со следами ремонта, выполненными бронзовыми скрепками, что фиксируется в 40% всех случаев такого ремонта коллекции. При этом других особенностей кургана, выделяющих его среди других, не зафиксировано.

Наряду с этим коллекция изучаемого нами памятника насчитывает 21 сосуд с закраиной (30,4%); 7 сосудов с поддоном (10%) и 6 – с вогнутым дном (8,7%).

Керамическая коллекция Субботинского могильника в большинстве своем орнаментирована по-алакульски трехзонально, 11 случаев (15,9%) – двухзонально, 7 сосудов (10,1%) – неорнаментировано и в трёх случаях орнаментировано дно.

Самым популярным элементом орнамента являются горизонтальные линии (46,8%) в 1–4 ряда. Зигзаги в 1–4 ряда встречаются в 31,2% случаях. 17,3% приходиться на равнобедренные треугольники (вершинами вверх и вниз в равной степени). Все три элемента орнамента, встречающиеся в одинаковой степени часто, можно встретить на шейках, туловах и придонных частях сосудов.

Прямоугольные треугольники встречаются только на шейках и придонных частях сосудов и всегда обращены вершинами вверх (3%). Пояски из заштрихованных ромбов, встречающиеся на шейках и верхней части тулова, составляют 2% от общего числа орнаментальных композиций.

Поясок из косых треугольников вершинами вверх можно встретить лишь однажды на шейке одного из сосудов коллекции.

Меандры, расположенные по прямой сетке, занимают 1%. Меандры, расположенные по косой сетке, – 3% от общего числа орнаментальных композиций коллекции. Данные орнаментальные композиции читаются на шейках, туловах и придонных частях сосудов.

Коллекция сосудов является однородной и по технике нанесения орнамента. Из кургана в курган прослеживается практически полное отсутствие протащенной гребенки (2,3%). Преобладающая техника нанесения орнамента – прочерчивание, при помощи которой было нанесено 192 орнаментальных

композиции, что составило 55,8%. Нанесение остальных орнаментальных композиций пришлось на штампование гладким (20%) и гребенчатым штампом (21,8%).

Большинство сосудов керамической коллекции исследованных курганов Субботинского могильника может быть отнесено к алакульской культуре, хотя при этом встречаются сосуды, которые сочетают в себе как алакульские признаки (уступчатое плечо, неорнаментированная полоса над уступом, расположение орнамента по прямой сетке), так и федоровские черты (плавный профиль, отсутствие неорнаментированной полосы на плече, меандровые узоры, расположенные по косой сетке). Таким образом, данные материалы отражают процесс взаимодействия алакульской и федоровской культур в Южном Зауралье.

Литература

Виноградов Н. Б. Археологическая карта Курганской области. Курган, 1993. 177 с.

Конева А. Ю. Ремонт сосудов бронзового века лесостепного Притоболья (по материалам погребальных памятников) // XLVII УПАСК. сб. науч-х ст. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2015. С. 40–43.

Потемкина Т. М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985. 235 с.

Конева А. Ю. История изучения курганного могильника Субботино-1 // Материалы и исследования по археологии Поволжья: сб. науч-х ст. XLVIII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК). Йошкар-Ола, 2016.С. 76–79.

Стефанов В. И., Корочкова О. Н. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург, 2006. 160 с.

А. В. Мосунова (г. Екатеринбург)
Уральский федеральный университе,
Научный руководитель: О. Н. Корочкова, д.и.н., доц.

Погребальная обрядность населения Среднего Зауралья в III–II тыс. до н. э.[3]

Погребальный обряд – один из самых архаичных и важных ритуалов, связанный с духовным и материальным выделением умерших из социума. В нем преломляются не только духовные, но и бытовые, социальные, хозяйственные и иные стороны жизни общества, что обусловливает его большую практическую значимость как археологического источника.

В качестве основного исследовательского полигона представлено Среднее Зауралье. Регион располагается в пределах двух физико-географических областей – восточного склона Урала и Западно-Сибирской равнины и занимает южный край таежной зоны, переходящий на юге в лесостепь [Чаиркина, 2005, с. 24].

Хронологические рамки охватывают период III–II тыс. до н. э., то есть эпохи энеолита и бронзы. Этот хронологический промежуток – один из наи-

[3] Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 16-06-00174

более сложных и динамичных в истории Зауралья: время открытия меди и бронзы, становления производящей экономики, развития транспорта, освоения медных месторождений. Необходимость преодоления, усвоения и закрепления новых знаний, возможно, выразилась посредством становления особой ритуальной практики.

Дискуссионность исследования во многом обусловлена состоянием и особенностями источниковой базы. Многие памятники были исследованы в 50–70-е гг. XX в., информация о них, как правило, фрагментарна, что снижает их интерпретационные возможности. Кроме того, тема во многом не разработана и не имеет комплексного самостоятельного исследования.

Сразу определимся с термином – погребальная обрядность. Исходя из работ российских исследователей [Смирнов, 1985, с. 20; Корякова, 1994, с. 13; Ольховский, 1986, с. 68–70; Корочкова и др.], его содержание включает практики предпохоронного, похоронного и поминального циклов, отражавших отношение к человеку, миру, определённые социально-демографические и экономические характеристики древнего социума.

В регионе выявлено 9 энеолитических (Кокшарово I, Аятское поселение I, Камень Дождевой, Скворцовская гора V, Шайтанское Озеро I, II, Шайтанский Шихан, Ирбитское озеро), 19 коптяковских (Палатки I, Березки V-е, Шайтанское Озеро II) и 39 черкаскульских погребальных комплексов (Березки V-г, Перевозный I-а, Большеказакбаевский 2 могильник, Ново-Буринский могильник, Приплодный Лог I, Кокшарово I). Первые преднамеренные грунтовые погребения на данной территории – энеолитические. Они обладают рядом характерных признаков, такими как отсутствие сосудов, иногда наличие специально или преднамеренно помещенных в заполнение фрагментов керамики; присутствие костяных и каменных подвесок каплевидной и округлой формы; наконечников стрел, изделий из камня, подсыпка охрой, кремация и ингумация, ориентировка костяка в северный сектор. Подобные черты находят аналогии в материалах лесостепной зоны Нижнего Притоболья и таежной зоны севера Западной Сибири. Несмотря на некоторую вариативность, в целом данные признаки, вероятно, указывают на культурно- (или этно-) хронологическую однородность оставившего эти погребения населения [Потемкина, 1982, с. 159 – 172; Потемкина, Ковалева, 1993, с. 251–260].

В бронзовом веке мы видим становление новых погребальных традиций, которые во многом были стимулированы вовлечением этого региона в сферу действия сейминско-турбинских мигрирующих кланов [Корочкова, 2014, с. 573], а также контактов с населением степной зоны. Погребальный обряд носителей коптяковской культуры характеризуют следующие черты: узкие неглубокие ямы, кремация или фракционные захоронения взрослых и детей, помещение в могилу специфического бронзового инвентаря или его фрагментов, каменных наконечников стрел треугольной формы, установка сосудов рядом или над могилой на специальном перекрытии. Перечисленные признаки частично адресуют к традициям подтаежной и таежной зоны Западной Сибири и местным энеолитическим [Корочкова, 2011, с. 87]. Значимость

погребального ритуала для населения коптяковской культуры выражена в расположении погребений на святилищах.

В этот период практиковалась одна из самых трудозатратных погребальных церемоний – кремация на месте. Сооружался помост, складывался большой погребальный костер, и только после этого место проведения кремации закладывалось землей и обозначалось на поверхности своего рода надмогильной плитой – одним или несколькими валунами.

Для ранних черкаскульских памятников горно-лесной зоны характерны бескурганные обряды захоронения в составе могильников. На позднем же этапе сооружаются мегалитические конструкции и практикуется курганный обряд, адресующий к культуре степного андроновского мира [Корочкова, 2011, с. 197]. Неизменными признаками остались ингумация или кремация скорченно на правом боку, входы либо спуски к могильной яме в виде тамбуров, наличие в могилах целых сосудов. Часть погребальных конструкций можно рассматривать и как поминальные комплексы [Шорина, 2015, с. 83].

Энергозатраты на каждое из погребений, при альтернативных формах захоронения для большей части населения, могут говорить если не о неравенстве внутри социума, то о наличии особого автономного статуса у некоторых его членов. Возведение монументальных погребальных сооружений свидетельствует о степени консолидации древнего социума и существовании стимулов и механизмов кооперации, без чего трудно представить организацию столь трудоемких церемоний. Погребальная обрядность передает в том числе реакции населения на меняющуюся ситуацию и связи.

Литература

Берс Е. М. Поздненеолитическое погребение на р. Аять в Среднем Зауралье // Советская археология. 1976. № 4. С. 196–200.

Корочкова О. Н. Взаимодействие культур в эпоху бронзы в Среднем Зауралье и подтаежном Тоболо-Иртышье (факторы, механизмы, динамика): дис. … д-ра ист. наук. М., 2011. 372 с.

Корочкова О. Н. О производящем центре эпохи бронзы в Среднем Зауралье // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Казань: «Отечество», 2014. Т. 1. С. 572–574.

Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // Советская археология. 1986. № 1. С. 65–76.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. Т. 2. 475 с.

Потемкина Т. М. Черты энеолита лесостепного Притоболья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев: КГПИ, 1982. Т. 263. С. 159–172.

Потемкина Т. М., Ковалева В. Т. О некоторых актуальных проблемах эпохи неолита – ранней бронзы лесостепной и лесной зоны Урала и Зауралья // Российская археология. 1993. № 1. С. 251–260.

Смирнов Ю. А. Тафология (попытка системного подхода) // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М.: Наука, 1985. С. 17–23.

Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 314 с.

Шорина А. А. Первые результаты исследования памятника черкаскульской культуры Кордон Миассово 1 в Челябинской области // Новые материалы и методы археологического исследования: материалы III междунар. конф. молодых ученых. М.: ИА РАН, 2015. С. 82–83.

С. Г. Осипов (г. Самара)
Самарский государственный социально-педагогический университет,
Научный руководитель: А. И. Королёв, к.и.н.

Каменные скипетры из погребения 45 могильника Екатериновский мыс

С 2013 г. совместной экспедицией СГСПУ и СОИМК им. П. В. Алабина под руководством А. И. Королева, А. Ф. Кочкиной, Д. А. Сташенкова изучается энеолитический могильник Екатериновский мыс в Безенчукском районе Самарской области. Памятник расположен на берегу р. Безенчук на пологой возвышенности. На площади раскопа изучено 69 погребений. Результаты раскопок могильника показывают наличие разнообразного инвентаря, который является уникальным как для данного могильника, так и для территориально отдаленных могильников мариупольского типа [Королев, Кочкина, Сташенков, 2015, с. 514–517]. В частности, уникальным является наличие трех каменных символов власти в виде разнотипных скипетров, круглого, крестовидного и зооморфного в одном погребении № 45.

Цель доклада заключается в характеристике скипетров и определении близких по времени аналогий.

Погребение № 45 располагалось в центральной группе и, как и большинство погребений могильника, было ориентировано головой в восточном направлении. Скелет лежал в вытянутом на спине положении и был посыпан охрой. Кроме многочисленных раковинных бусин, пластины из клыка кабана, каменных тесел, ножевидной пластины при погребенном находились три каменных скипетра. Круглый скипетр лежал на правом плече, крестовидный – на нижней части грудной клетки, зооморфный – в районе локтя. На черепе большое изображение головы птицы из рога. Характеристика скипетров. Круглый имел диаметр 8,2 см, высоту 5,5 см. В центре просверленное конусовидное отверстие. Сделан из черного с зеленоватым оттенком камня. Хорошо отполирован. Крестовидный скипетр был сделан из такого же камня, также отполирован, имеет конусовидное отверстие, четыре выступа уплощенной формы. Высота скипетра 5,9 см, ширина с шипами – 7,6 см. Зооморфный скипетр имеет сбоку форму, напоминающую несимметричную восьмерку. Меньшая часть имеет изображение головы какого-то животного. Ближе к голове просверлено сквозное отверстие. Хорошо видны глаза, рот, нос показан двумя ямками. Орнамент начинается от отверстия и идет вокруг глаз в виде сдвоенных спиралей. Длина 11,8 см, ширина 6,3 см, толщина 5,6 см. Какие аналогии можно подобрать этим скипетрам?

Две крестовидные булавы известны в погребениях VIII и XXXI Мариупольского могильника. Они схожи с булавой могильника Екатериновский мыс. Стоит отметить, что у булавы из Екатериновского могильника уплощенные шипы, а у мариупольских – округлые [Макаренко, 1933, с. 61, рис. 11, с. 78, рис. 38]. Также крестовидная булава есть в могильнике Дечия Мурешу-

луй, но у нее выступы четко обозначены полукругом [Котова, 2006, с. 276, рис. 103, 2]. Сравниваемые булавы имеют хорошо выраженные шипы и отверстия для рукоятки. Они относятся к одному типу.

Круглые булавы, похожие на булаву изучаемого могильника, можно найти в инвентаре Никольского и разрушенного Ивановского могильника. Булава Ивановского могильника отличается отсутствием выступа с прочерченной канавкой в основании немного другими пропорциями [Моргунова, 1979, с. 17]. Булава Никольского могильника имеет перехват не у основания, в отличие от булавы изучаемого могильника, а в центре. [Телегин, 1991, с. 19, рис. 8, 7]. Сама булава Никольского могильника имеет в плане округлую форму. Стоит отметить одинаковый материал изготовления этих булав – змеевик.

Найти абсолютную аналогию зооморфной булавы пока что не представляется возможным, но можно отметить схожие экземпляры по ряду признаков. Для сравнения можно взять зооморфный скипетр из Касимчи, схожесть с изучаемой булавой прослеживается лишь в спиралевидных узорах вокруг глаз и в чётко оформленной мордочке животного [Дергачев, 2005, с. 2, рис. 4, 1].

Далее можно провести сравнение со скипетром из Корнэцэла [Дергачев, 2005, с. 97, рис. 48, 1]. Этот скипетр, как и екатериновский, имеет узор вокруг чётко выраженных глаз и отверстие для рукоятки. Очень примечательна для сравнения булава из Кюлевчей [Котова, 2006, с. 286, рис. 113, 3]. Булава имеет чётко оформленную морду и этим близка скипетру из Екатериновского могильника, хотя на булаве из Кюлевчей не изображён рот. В целом, формы обеих изделий являются достаточно схожими друг с другом, обе имеют отверстие для рукоятки. Очень интересной для сравнения представляется булава из Мариуполя [Кореневский, 2008, с. 154, рис. 9, 2]. Сравниваемые изделия трудно признать идентичными по форме, и всё-таки заметно сходство. Несмотря на то что одно изделие является более вытянутым и менее овальным, прослеживается переход к части головы на обеих булавах. Булава из Мариуполя и скипетр из могильника Екатериновский мыс имеют чётко выраженную «мордочку» и четко прочерченные глаза, оба изделия имеют отверстия для рукоятки. Для сопоставления представляет интерес зооморфная булава из Суворовского могильника [Дергачев, 2005, с. 23, рис. 9, 2]. Обе булавы имеют переход к части головы. На обеих булавах имеется чёткое изображение мордочки животного с глазами и ртом. Некоторые возможности для сравнения дает скипетр их Хлопковского могильника [Малов, 2008, с. 128, рис. 21, 1]. Скипетры объединяет лишь схожая овальная форма, сужение скипетров в конце. Таким образом, выявлены отчетливые аналогии круглому и крестовидному скипетрам могильника Екатериновский мыс. Несмотря на то что идентичных зооморфному скипетру не найдено, всё-таки представляется возможным привязать его к близким по тем или иным признакам изделиям. Можно высказать мысль, что основатели могильника Екатериновский мыс имели обширные связи с достаточно отдаленными районами, что могло послужить причиной такого разнообразия инвентаря в одном погребении.

Литература

Дергачев В. А. О скипетрах. Этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас // Revista arhaeologică. Serie Nouva. Volumul I. Nr. 2. Chişinău. 2005. С. 6–166.

Кореневский С. Н. Символика атрибутов духовной власти эпохи энеолита Восточной Европы и Предкавказья – каменных зооморфных скипетров // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2008. С. 135–156.

Королев А. И., Кочкина А. Ф., Сташенков Д. А. Екатериновский мыс – новый энеолитический могильник в лесостепном Поволжье // Известия СНЦ РАН. 2015. Т. 17. № 3 (2). С. 514–517.

Котова Н. С. Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск: Изд-во СНУ им. В. Даля, 2006. 138 с.

Макаренко М. Маріюпільский могильник. КиЇв: Изд-во ВАН, 1933. 151 с.

Малов Н. М. Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов: Изд-во Научная книга, 2008. С. 32–134.

Моргунова Н. Л. Ивановская дюна на реке Ток в Оренбургской области // Древняя история Поволжья. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1979. С. 15–20.

Телегин Д. Я. Неолитические могильники мариупольского типа: (свод археологических источников). Киев: Изд-во «Наукова думка», 1991. 96 с.

С. А. Сулейманова (г. Челябинск)
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
Научный руководитель: А. В. Епимахов, д.и.н., доц., гл.н.с.
Научно-образовательного центра евразийских исследований

Жертвоприношения домашних животных Петровской культуры бронзового века Южного Зауралья

Проблема изучения петровских древностей до сих пор остаётся актуальной для археологов Южного Урала. Петровские курганы, датируемые 1880–1750 (1940–1690) гг. до н. э.) [Епимахов, 2010, с. 16], немногочисленны и, как правило, включены в погребальные комплексы других культур. Это даёт исследователям возможность описывать их как демонстрацию изменения обрядности секвенции синташта-петровка в пределах отдельно взятого тафокомплекса. Вследствие такого подхода мы имеем представления только о локальных вариантах обрядности, не видя картину в целом. Комплексное исследование памятников петровской культуры, локализованных в разных комплексах, продемонстрирует вариативность обрядности и позволит вычленить смысловое ядро ритуала.

Погребальные памятники как археологические источники содержат в себе материальные отображения ряда религиозных представлений и действий, что делает их весьма информативными в плане изучения верований и обрядов эпохи бронзы, сопряжённых с представлениями о сфере смерти в культурной и хронологической взаимосвязи синташтинской, петровской и алакульской культур [Куприянова, 2016, с. 83]. В свою очередь, на основе реконструкций погребальных обрядов можно воссоздать основные мифологемы, наметить реперные точки ритуалистики.

Одними из самых ярких и информативных погребальных ритуалов, бесспорно, являются обряды жертвоприношения. Изучение жертвенного стада позволяет исследователю определить условную ценность того или иного животного, а характер его положения в погребения вкупе с погребальным инвентарём будет маркировать социальный статус погребённого или же группы погребённых. Полученные данные можно использовать как для реконструкции религиозных воззрений изучаемого общества, так и для приблизительного воссоздания социальной структуры общества. В связи с этим становится очевидна необходимость комплексного исследования жертвоприношения животных петровской культуры.

В данной работе проанализированы следующие погребальные комплексы петровской культуры:

1. Могильник Кривое Озеро, курганы 1, 2.
2. Могильник Троицк-7, курганы 6, 7, 8.
3. Могильник Степное-I, курганы 1, 5, 8.

В качестве единицы исследования был взят погребальный объект, содержащий останки домашних животных. Таким образом, объём выборки составил 30 объектов. Малое число исследованных объектов не позволяет говорить об окончательности полученных результатов. Появление новых данных и их дальнейшее включение в источниковую базу скорректирует предложенные ниже выводы.

В процессе анализа базы данных все погребальные объекты были условно поделены на четыре группы:

1. Погребения с останками взрослых.
2. Погребения с останками детей.
3. Погребения без антропологических останков, интерпретируемые авторами раскопок как могильные ямы.
4. Иные погребальные объекты (жертвенники, скопления костей).

Жертвенное стадо петровской культуры представлено традиционными для погребальных практик эпохи бронзы животными: лошадью, крупным рогатым скотом и мелким рогатым скотом. Из них самым частым по используемости в погребениях является мелкий рогатый скот, далее идёт крупный рогатый скот, и замыкает триаду лошадь как более дорогое и престижное животное. Также зафиксирован единичный случай использования костей конечностей и позвонка собаки в погребении 5 могильника Троицк-7. Данное погребение не содержит антропологического материала и, исходя из этого, реконструировать контекст жертвоприношения собаки не представляется возможным.

В погребениях использовалась в основном устойчивая совокупность костей конечностей и черепов животных, выступающая заменой полному скелету. Фиксируются случаи принесения целиковых туш лошадей. Как правило, это положения разнополых животных в насыпи попарно в положении «морда к морде» или «спина к спине». Большая часть исследователей связывает практику парного приношения целиковых туш или отдельных «шкур» лошадей с образом разнополых близнецов в индоевропейской мифологии [Зданович, Куприянова, 2010, с. 149–150].

Поиск взаимосвязи между тем или иным видом погребального животного и половозрастной организацией погребённых существенно осложняется скудностью выборки. С относительной долей уверенности мы можем говорить о существовании положительной корреляции между жертвоприношениями мелкого рогатого скота и детскими погребениями – во всех шести могильных ямах, содержащих останки детей, фиксируются кости мелкого рогатого скота. Следует отметить, что устойчивое сочетание «дети – мелкий рогатый скот» фиксируется в погребениях как более ранней синташтинской, так и в более поздней алакульской культуры [Виноградов, 1983, с. 17].

Реконструировать иные взаимосвязи (как, например, взаимосвязь погребений с останками мужчин и практикой жертвоприношения лошади в синташтинской культуре), к сожалению, не удается. Высокая степень разграбленности погребений не позволяет делать подобные выводы исходя из характера использования погребального инвентаря или же расположения могильной ямы. Дальнейшее расширение источниковой базы должно в будущем решить эту проблему.

В целом же, реконструкция синтактики жертвоприношения домашних животных петровской культуры вне семантического наполнения выглядела так:

1. В состав жертвенного стада входит традиционная для скотоводческих обществ эпохи бронзы триада: лошадь, крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот.

2. Вследствие потревоженности комплексов останки животных локализируются преимущественно в заполнении или же на дне могильной ямы. Отдельные случаи нахождения животных в насыпи уверенно интерпретируются как жертвенный комплекс.

3. В погребальной обрядности используются либо целиковые туши животных, либо же части, их символизирующие.

4. Фиксируются случаи умерщвления животных посредством пролома лобной доли черепа.

5. Значительная часть остеологического материала была подвержена термическому воздействию.

Смысловое ядро обряда жертвоприношения в петровской культуре проще всего обнаружить, ища различия с близкой типологически и хронологически синташтинской культурой:

1. В жертвоприношениях синташтинской культуры нередки случаи использования диких животных (canis lupus, vulpes corsac, sus scrofa). Жертвоприношения петровской культуры фиксируют случаи использования только доместифицированных особей.

2. В жертвоприношениях животных синташтинской культуры можно увидеть корреляцию с определёнными группами погребённых: лошадь связывается с захоронением мужчин в возрасте от 16 до 55 лет, мелкий рогатый скот – с детскими погребениями, крупный рогатый скот – универсалия, используемая преимущественно в коммунальных погребениях. Для петровской культуры справедливо только соответствие «мелкий рогатый скот – детское погребение».

3. Для синташтинской культуры в меньшей степени свойственны приношения целиковых туш лошадей.

4. Жертвоприношения животных синташтинской культуры более многочисленны и вариативны по сравнению с петровскими жертвенниками.

5. В погребальных комплексах петровской культуры значительно меньший процент использования астрагалов животных.

Всё вышесказанное демонстрирует тенденцию снижения вариативности обряда жертвоприношения животных в петровской культуре. Сохраняя основные черты синташтинских жертвенников («жертвенное стадо», характер трупоположения), петровские жертвенные комплексы формируют смысловое ядро обряда жертвоприношения, которое будет продолжено и развито в последующих алакульских тафокомплексах.

Литература

Берсенева Н. А., Куприянова Е. В. Детские погребения петровской культуры Южного Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск: Челябин. краевед. музей, 2015. С. 59–61.

Виноградов Н. Б. Могильник бронзового века. Кривое Озеро в Южном Зауралье: монография. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 2003. 362 с.

Костюков В. П., Епимахов А. В. Предварительные итоги исследования могильника бронзового века Троицк-7 // 120 лет археологии восточного склона Урала: первые чтения памяти В. Ф. Генинга: материалы науч. конф.: в 2 ч. Ч. 2. Екатеринбург, 1999. – С. 66–70.

Епимахов А. В. Бронзовый век Южного Урала (экономические и социальные аспекты): автореф. дис. … д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2010. 16 с.

Зданович Д. Г., Куприянова Е. В. Лошади и близнецы: к «археологии ритуала» Центральной Евразии эпохи бронзы // Аркаим-Синташта: древнее население Южного Урала. Челябинск: к 70-летию Г. Б. Здановича. Ч. 1 Челябинск, 2010. С. 130–161.

О. Е. Тимофеева (г. Уфа)
Башкирский государственный университет
Научный руководитель: Р.Р. Русланова, к.и.н.,
ст. преподаватель кафедры истории Республики Башкортостан

Орнаментальные традиции населения, оставившего Акназаровский курганный могильник

Изучение с позиций историко-культурного подхода различных изображений на предметах материальной культуры, в том числе и на глиняной посуде, направлено на реконструкцию культурных традиций древнего населения и выявление закономерностей поведения этих традиций в разных культурно-исторических ситуациях [Цетлин, 2012, с. 167].

Изучая орнамент на сосудах из какого-то конкретного памятника, можно получить данные о технологических и стилистических традициях, которые были характерны для населения, его оставившего. Привлекая данные, полученные по другим памятникам, можно провести сравнительный анализ, который позволит уточнить его хронологическую позицию и некоторые историко-культурные аспекты.

Работа по изучению технологических и стилистических орнаментальных традиций населения Южного Приуралья в эпоху поздней бронзы на настоящий момент находится на начальном этапе, что делает актуальным составление базы данных по орнаментам на сосудах из срубных и срубно-алакульских памятников указанного региона. В данной работе будет представлено описание орнамента на сосудах из Акназаровского курганного могильника, расположенного в Мелеузовском районе Республики Башкортостан. Памятник выявлен в 1972 г. Р. Б. Исмагиловым и исследован в 1975–1977 гг. экспедицией Башкирского государственного университета [Обыденнова, Рутто, Исмагилов, 1985, с. 40]. Всего были изучены 25 сосудов. Из них неорнаментированных – 15, орнаментированных – 10.

Описание орнамента проводилось по методике Е. В. Волковой, представленной в книге «Новинковские могильники фатьяновской культуры». Она включает в себя структурный анализ орнамента на четырех уровнях: элемент, образ, мотив и композиция: *элемент* – простейшая неделимая часть орнамента и *образ* – совокупность элементов, воспринимаемая как целое на уровне мотива, *мотив* – система организации образов и *композиция* – система организации мотивов [Волкова, 2010, с. 90–91].

Элемент

На уровне элементов орнамент рассматривается как в технологическом, так и в стилистическом аспекте.

Анализ технологии получения элементов предполагал:

1. Определение формы и размеров рабочей части орнаментира путем изучения под увеличительными приборами (лупа, бинокулярный микроскоп) его отпечатка на поверхности сосуда и пластилинового слепка с этого отпечатка.

2. Определение направления движения орнаментира в процессе работы и, таким образом, способа орнаментации (штампование, прочерчивание, прокатывание, шагание и пр.).

3. Выявление угла, под которым находился орнаментир при нанесении элемента, как по отношению к поверхности сосуда, так и по отношению к горизонтальной поверхности, на которой сосуд стоит.

Виды выделенных орнаментиров:

а) Гладкий прямой (4 случая)

- Форма рабочей части: заостренная (3 случая), закругленная (2 случая)
- Средняя длина оттиска – 20–30 мм. Средняя ширина – 1,5–2 мм
- Угол оси орнаментира по отношению к поверхности сосуда: ≈10° (6 случаев), параллельный (1 случай)

б) Гладкий лунчатый (1 случай)

- Форма рабочей части: заостренная
- Средняя длина оттиска – 10 мм, ширина – 1 мм
- Угол оси рабочей части орнаментира по отношению к поверхности сосуда – параллельный.

в) Ребристый (4 случая)

- Форма рабочей части орнаментира: заостренная (1 случай), закругленная (3 случая)

- Средняя длина оттиска – 30 мм, средняя ширина оттиска – 1,5–2 мм
- Угол оси рабочей части орнаментира по отношению к поверхности сосуда: ≈20°

г) Окончание гладкого орнаментира (2 случая)

- Средний размер оттиска – 10 мм в одном случае и 5 мм – в другом
- Элемент данным орнаментиром наносился в одном случае путем накалывания рабочей частью под углом ≈0° относительно дна сосуда с дальнейшим поворачиванием орнаментира вниз на 45°, в другом – накалыванием под углом ≈45°

д) Гребенчатый (1 случай)

- Форма рабочей части орнаментира скругленная
- Средняя длина оттиска – 24 мм, средняя ширина оттиска – 3 мм
- Угол оси рабочей части орнаментира по отношению к поверхности сосуда: ≈10°

Способ, которым орнаментировались сосуды, – штампование, в некоторых случаях близкое к накалыванию за счет придания небольшого наклона оси рабочей части орнаментира по отношению к поверхности сосуда (10 случаев), накалывание (1 случай) и накалывание с проворачиванием (1 случай).

Стилистически выделяются такие виды элементов, как

1. Точка. 3 случая, представлена оттиском окончания гладкого штампа (2 случая) и оттиском ребристого штампа (1 случай).
2. Короткая линия (до 10 мм). 2 случая, представлена оттиском гладкого штампа (1 случай) и оттиском гладкого лунчатого штампа (1 случай).
3. Средняя линия (от 10 до 60 мм.). 7 сосудов, представлена оттиском гладкого штампа (3 случая), оттиском ребристого штампа (3 случая), оттиском гребенчатого штампа (1 случай).

Образ

Представленные на сосудах образы делятся на

1. Ритмичные

1.1. *Двойной зигзаг над треугольником вершиной вверх, состоящим из хаотично возрастающих вдавлений,* – представляет собой двухрядный зигзаг из средних линий, под которым располагается треугольник, выполненный из коротких линий, ориентированных перпендикулярно дну сосуда и расположенных в бессистемном порядке.

1.2. *Ряд линий под углом ≈30°* – представляет собой короткие линии под одинаковым углом, организованные в ряд.

1.3. *Заштрихованный равнобедренный треугольник вершиной вверх с открытым основанием* – состоит из средних линий.

1.4. *Линия, параллельная дну сосуда* (1 ряд – на двух сосудах, 2 ряда – на одном сосуде) – образ состоит из средних линий. На одном сосуде – многорядный. Ряды располагаются на расстоянии ≈10мм.

1.5. *Треугольник вершиной вниз, состоящий из вдавлений, убывающих в арифметической прогрессии,* – представляет собой короткие линии, организованные в виде треугольника из рядов, расположенных друг над другом.

1.6. *Ряд точек* (1 ряд – на одном сосуде, 2 ряда – на двух сосудах) – представляет собой ряд из элементов, не имеющих линейных размеров. Ряды располагаются на расстоянии от 5 до 17 мм.

1.7. *Заштрихованный ромб* – состоит из средних линий.

1.8. *Ряд линий под углом ≈30°* – представляет собой организацию средних линий под одинаковым углом.

1.9. *Ряд линий под углом ≈100°* – представляет собой организацию коротких линий под одинаковым углом.

2. Не ритмичные

2.1. *Линии, располагающиеся друг над другом,* – представляет собой организацию от 4 до 5 коротких линий, расположенных друг над другом под одинаковым углом *≈25°*.

2.2. *Линии, организованные в ромб или треугольник,* – представляет собой от 4 до 5 коротких линий под одинаковым углом. В зависимости от их длины, образ представляет собой геометрические фигуры от ромба (с открытыми противоположными гранями) до треугольника.

Всего на данных орнаментированных сосудах Акназаровского могильника было выявлено 11 образов.

Мотив

Все мотивы, представленные на данных сосудах, расположены зонально. Большая часть мотивов относится к основным, то есть образы, входящие в него, занимают всю длину окружности сосуда и заполняют всю орнаментальную зону. Дополнительную функцию, то есть роль разграничителя зон, играет мотив из образов «линия, параллельная дну сосуда» и «ряд точек».

Композиция

Мотивы, представленные на данных сосудах, располагаются горизонтальными зонами в верхней части сосуда:

- на семи сосудах – основной мотив в верхней части сосуда;
- на одном сосуде – в верхней части сосуда два основных мотива, разделенных пустой зоной (под нижним основным мотивом располагается дополнительный);
- на одном сосуде – в верхней части сосуда два основных мотива, разделенных пустой зоной;
- на одном сосуде – в верхней части сосуда расположен основной мотив, ограниченный сверху и снизу дополнительными мотивами. Под нижним дополнительным мотивом расположен еще один основной.

Вывод

Орнамент на керамике Акназаровского курганного могильника, по методике Е. В. Волковой, описан по четырем стилистическим уровням, а именно: элемент, образ, мотив и композиция.

Все выделенные элементы являются статичными. Орнаментиры, которые использовались при нанесении орнамента, преимущественно имели гладкую рабочую поверхность, но значителен процент орнаментиров с ребристой поверхностью.

Образы на сосудах разных уровней сложности. Выделяются ряды элементов, линии, зигзаги, геометрические фигуры и т. д. Часть образов представляет собой сложную систематизацию элементов, то есть геометрические фигуры, зигзаги (шесть образов из 11), остальные образы представляют собой простое тиражирование элемента. Разделителем орнаментальных зон является образ «линия» и «ряд точек».

Большинство выявленных мотивов относится к основным, которые составляют преимущественно однозональную композицию в верхней части сосуда.

Литература

Волкова Е. В. Новинковские могильники фатьяновской культуры. М.: ИА РАН, 2010. 248 с.

Обыденнова Г. Т., Рутто Н. Г., Исмагилов Р. Б. Акназаровский курганный могильник срубной культуры // Бронзовый век Южного Приуралья: межвуз. сб. археол. тр. Уфа: Башкир. пединститут, 1985. С. 40–52.

Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.

Э. А. Юмакаева (г. Астана)
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева,
Республика Казахстан
Научный руководитель: Т. В. Брынза,
преподаватель кафедры археологии и этнологии ЕНУ им. Л. Н. Гумилева

Поселение Шагалалы II в Северном Казахстане

Поселение Шагалалы II (Павловка) находится в верховье реки Шагалалы (Чаглинка), на правом берегу, примерно в 33 км юго-западнее Кокшетау и около 21 км северо-западнее Зеренды. Ближайший современный поселок – Кеноткель, расположен в 1,85 км южнее. Площадь поселения составляет 50 тыс. кв. м. Памятник был введен в научный оборот в 1959 г. под названием Чаглинка II [Акишев, 1959, с. 3–31].

Поселение бронзового века Шагалалы II было открыто К. А. Акишевым в 1954 г. во время целинных экспедиций [Акишев, 1959, с. 3–31].

Масштабные археологические исследования поселения проводились в 1982–1983 гг. Урало-Казахстанской археологической экспедицией под руководством Т. С. Малютиной. В отчете 1983 г. памятнику было дано название «Павловка». Раскоп был заложен у кромки берега, так как было видно, что памятник разрушается рекой Чаглинкой. Был снят план памятника, дано его описание. Было заложено 3 раскопа, исследовано 2 жилища (№ 1 и № 2) и 3 погребальные каменные конструкции (№ 1, № 3, № 4). На основе стратиграфии и керамического материала дана периодизация памятника, полностью описана конструкция жилищ. По совокупности керамического комплекса Т. С. Малютина характеризует поселение как федоровское [1987, с. 3–24].

С 2010 г. началась современная фаза раскопок, проводимых НИИ Археологии им. К. А. Акишева. Раскопки проводит отдельный отряд Ишимской стационарной археологической экспедиции под руководством С. К. Сакенова [Сакенов, 2014, с. 557].

Технико-технологический анализ керамики проводился В. Г. Ломаном, директором Сарыаркинского археологического института при КарГУ им. академика Е. А. Букетова, к.и.н., по методике А. А. Бобринского в рамках историко-культурного подхода и выделенной им структуры гончарного производства. Программа исследований включала анализ исходного сырья (глин), состава формовочных масс, способов конструирования сосудов и обработки их поверхности.

По совокупности керамического комплекса поселение характеризуется как федоровское. Проведенное исследование по определению традиций гончарного производства поселения Шагалалы II позволило выявить особенности, существовавшие у населения федоровской культуры, по отбору и подготовке исходного пластичного сырья, составлению формовочных масс, конструированию сосудов, обработке поверхностей изделий, а также придания им прочности и устранения влагопроницаемости. В качестве объекта проведения технико-технологического анализа была взяты серии из фрагментов стенок, верхних частей сосудов с венчиками и донных частей.

При составлении формовочных масс характерно использование в качестве минеральных добавок шамота и дресвы. Включение в один из рецептов шагалинской керамики двух видов искусственных минеральных добавок говорит о том, что керамика поселения Шагалалы II была оставлена гончарами, жившими первоначально на разных территориях, в силу чего у них сложились разные традиции составления формовочных масс. Рецепт с дресвой и шамотом – свидетельство их смешения, проходившего на поселении.

Традиционными навыками обработки поверхностей выступают лощение по подсушенной и по сухой основе, заглаживание травой, шерстью, пальцами, деревянным ножом, кожей и щепкой. Лощение проводилось по подсушенной основе гальками. На поверхности сосуда иногда фиксируется тонкий слой ангоба. Цвет ангоба на сосудах варьирует в зависимости от обжига, чаще всего преобладает светло-коричневый.

По части венчиков на поселении Шагалалы II отмечено комбинирование способов обработки. Также один из сосудов был подвержен обвариванию с целью получения темного цвета поверхности.

Срез венчиков чаще уплощенный, встречаются закругленный и заостренный. Это свидетельствует о том, что керамика представлена фрагментами сосудов баночной и горшочно-баночной формы.

Орнаментировка венчика встречается редко, чаще орнамент проходит по шейке и в верхней части тулова. Декор покрывает, как правило, внешнюю поверхность.

Выделяются следующие способы нанесения орнамента: прочерчивание, вдавления, а также для стенок сосудов характерна шагающая гребенка. Ис-

пользовалось несколько разновидностей штампов: *крупнозубчатые, мелкозернистые и гладкие*. Также встречаются «валики» – небольшие утолщения и налепы, расположенные на внешней поверхности сосуда и вплотную под срезом венчика [Сакенов, 2014, с. 562].

По технике изготовления вся керамика поселения Шагалалы II подразделяется на две группы: лепную и станковую. Необходимо отметить, что была обнаружена небольшая, но достаточно информативная серия керамики, изготовленная с применением гончарного круга. Определяющими признаками станковой керамики являются наличие на поверхности стенок концентрических линий, оставленных пальцами гончара, обрабатывавшего вращающийся ком глины, и следы гончарного круга на основании сосуда. Подобные особенности встречаются в керамике Мыржикских поселений, Кентских поселений, Домалактас, Байшура, могильника Тасырбай в Кентских горах, что может свидетельствовать о широком распространении техники изготовления керамики на гончарном круге быстрого вращения.

По мнению С. К. Сакенова, исходя из преобладающего процентного соотношения станковой керамики Шагалалы II над другими поселения эпохи поздней бронзы (Кен, Мыржык, Байшура, Домалакстас), существовали ранние контакты металлургов долины реки Шагалалы с древнеземледельческими центрами Средней Азии. Данные связи существовали в хронологическом диапазоне от среднего этапа Намазга V до Намазга VI [Сакенов, 2011, с. 335–337.].

Литература

Акишев К. А. Памятники старины Северного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1959. Т. 7. С. 3–31.

Малютина Т. С. Поселение и могильник Павловка // Отчет. Полевые археологические исследования УКАЭ в Казахстане в 1982–1983 гг. Челябинск, 1987. С. 3–24.

Сакенов С. К. Станковая керамика из поселения Шагалалы II (К вопросу о культурных связях племен эпохи бронзы Северного Казахстана и Средней Азии) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана: сборник науч-х ст-й, посвящ-й 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К. А. Акишева. Астана, 2014. С. 557–567.

Сакенов С. К. Археологические работы на поселении Шагалалы II (Павловка) в 2010 году // Маргулановские чтения – 2011: материалы междунар-ой археол. конф. Астана: ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2011.– С. 335–337.

АРХЕОЛОГИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

А. Г. Азаров (г. Волгоград)
Волгоградский социально-педагогический университет
Научный руководитель: В. И. Мамонтов, зав. НИ лаб. ВГСПУ, к.и.н., проф.

Импортная керамика у сарматов Волги и Дона

На территории Нижнего Дона находился стык трех крупнейших этнокультурных массивов раннего железного века (скифов, савромато-сарматов и меотов). Здесь гораздо раньше, чем на западе Скифии, в Приднестровье, началось оседание номадов на землю, приведшее вскоре к радикальным изменениям в их экономике и культуре.

С III в. до н. э. по IV в. н. э. в степях Восточной Европы господствовали ираноязычные сарматские племена. Собственно, памятники раннесарматской культуры появляются в Нижнем Подонье в III в. до н. э. в результате миграции их носителей из Поволжья. В дальнейшем до IV в. степи Подонья были ареной, где взаимодействовали различные объединения сарматов [Археология Нижнего Дона, 2013, с. 19–21].

А. С. Скрипкин полагает, что в раннесарматское время Волго-Донские степи принадлежали племенам аорсов, которые пришли сюда из Южного Приуралья вместе с другими сарматскими племенами.

К. Ф. Смирнов впервые приводит периодизацию савромато-сарматских древностей, включающую четыре стадии: савроматскую (VI–IV вв. до н. э.); раннесарматскую (IV–II вв. до н. э.); среднесарматскую (конец II в. до н. э. – начало II в. н. э.); позднесарматскую (II–IV вв. н. э.). Причем эти стадии, как считал К. Ф. Смирнов, отражают развитие одной культуры кочевого народа [Археология Нижнего Дона, 2013, с. 19–21].

Сарматы оказали серьезное влияние на процесс исторического развития многих народов и государств Восточной Европы древности, а территория степей Нижнего Дона имела ключевое значение для сарматских племен. Если в скифо-савроматскую эпоху Дон был скорее границей между культурами, то в сарматскую эпоху Нижнее Подонье становится одним из самых важных политических центров Сарматии. В археологическом плане это проявляется как в большом количестве памятников, так и в концентрации богатых погребений в нижнедонском регионе. Особенно это справедливо для среднесарматской и позднесарматской культур.

Вопросы классификации и типологии материала тесно связаны с разработкой шкал абсолютной и относительной хронологии памятников. Без чёткой локализации памятников во времени нереальны любые исторические реконструкции по археологическим материалам. При этом памятники, связы-

ваемые с сарматами, содержат достаточно находок, позволяющих выполнять хронологические разработки вкупе с твердо датированным импортом, особенностями обряда и данными стратиграфии [Берлизов, 2011, с. 71].

Для разработки типологии керамики из савроматских и сарматских погребений по единым критериям наиболее приемлем подход, предложенный А. С. Скрипкиным. При выделении типов он использовал формализованный метод, основанный на учёте пропорций сосудов.

Весь исследуемый массив делится на два отдела: лепная и кружальная посуда. Керамика по характеру теста делится на подотделы: сероглиняная, чернолощёная, красноглиняная, ангобированная. Внутри отделов и подотделов по функциональному назначению выделяются виды: горшки, кувшины, миски, кружки [Берлизов, 2011, с. 72].

Мы придерживаемся общепринятых категорий импортной гончарной керамики, которые ряд исследователей, (И. В. Сергацков, К. Ф. Смирнов, В. Д. Блаватский, Д. Б. Шелов, В. П. Шилова, А. С. Скрипкин, В. И. Мамонтов, Н. Е. Берлизов, В. Е. Максименко) относят к следующим группам: краснолаковая керамика, красноглиняная керамика, сероглиняная керамика, миски, кружки, миниатюрные сосудики, ритуальные сосудики.

Керамическая посуда у древних активно использовалась как в быту, так и в похоронных церемониях. В ряде случаев посуду специально изготавливали для погребальной церемонии.

В статье рассматриваются не все категории импортной керамики, а только те, которые широко распространены и наиболее информативны в хронологическом отношении.

В сарматских погребениях импортная керамика – самая представительная категория находок. Сарматы пользовались импортной посудой, которая была хорошего качества, прочная, красивая и, конечно, лишний раз подчеркивала социальный статус владельца. Импортная керамика, изготовленная на гончарном круге, ввозилась сарматами из различных районов с развитым ремесленным производством, в первую очередь из местных поселений Кубани, а также из ремесленных центров Северного Причерноморья и из других ремесленных центров.

Сероглиняная керамика. В настоящие время большинство археологов признают, что сероглиняная гончарная керамика, будучи самой многочисленной, происходит из центров производства Кубани, Нижнего Дона, Северного Кавказа [Срегацков, 2000, с. 107]. Сероглиняная керамика представлена следующими категориями: горшки, кувшины, кружки, миски.

В 2002 г. при раскопках могильника Солодовка 1, в кургане 12, погребение 4 был найден развал глиняного сосуда. Сосуд горшковидной формы с шаровидным туловом, высоким расширяющимся горлом. По плечикам проходит два параллельных неглубоких желобка. С одной стороны в верхней части тулова прилеплен круглый выступ – ложный носик-слив. В центре выступа сделано небольшое углубление, имитирующее отверстие. Глина тулова в изломе черная, внешняя поверхность черепка коричневого цвета. Тулово сосуда подлощено.

Л. В. Гуренко в 2003 г. у хут. Веселый Котельниковского района в кургане 1, в погребении 1 находит сероглиняный кувшин с туловом биконической формы с округлыми боками и невысокой воронкообразной горловиной. В месте перехода горловины в тулово проходит кольцевой валик. Относит его к II в. н. э. [Археологическая энциклопедия Волгоградской области, 2009, с. 47–48].

Гончарная сероглиняная керамика позволяет устанавливать направление культурно-экономических связей сарматов с окружающим их миром и дать их хронологию. Она представлена серией сосудов.

В курганном могильнике Вербовский III, в кургане 8 в погребении 7 был обнаружен приземистый кувшин станковой работы. Глина темная в изломе, с незначительной добавкой крупиц песка. Кувшин имеет реповидное тулово, высокую горловину, переходящую в широкую площадку венчика, край которого резко отогнут наружу. У основания горловины и по широкой части тулова концом палочки проведены по две параллельные круговые глубокие линии. Площадь между ними заполнена тройными углами. Прочерченными тем же приёмом от средней части горловины к верхней части тулова прикреплена небольшая Г-видная ручка.

При раскопках курганного могильника Вербовский I в кургане 17 в погребении 3 найден сероглиняный кувшин станковой работы. Он поставлен рядом с котлом. Глина серая, с вкраплением мелких частиц песка. Поверхность черная, с серыми пятнами стертости до нижнего серого слоя. Тулово реповидное, на его нижней части имеются следы нагара (?). Следы пригорелой пищи есть и на дне сосуда. Имеет высокую горловину, край которой отогнут наружу. У основания горловины, с переходом на верхнюю часть тулова, нанесено пять неглубоких круговых ложбинок, причем на одной из них кончиком острия нанесены скобки. Вплотную к нижней линии примыкает горизонтальный ряд узких углов, также прочерченных острием.

Чаша найдена у пос. Аксай Октябрьского района в кургане 4, из погребения 1 (раскопан В. М. Клепиковым в 2006 г.). Сероглиняная гончарная чаша на высокой ножке-поддоне. Чаша имеет прямой бортик, острое ребро при переходе от бортика к стенке. Датируется второй пол. II–III в. н. э. [Археологическая энциклопедия Волгоградской области, 2009, с, 12–13].

Краснолаковая керамика. В сарматских погребениях иногда встречается керамика, покрытая лаком. Она происходит из Северочерноморских и других производственных центров. Представлена несколькими разновидностями: горшковидными краснолаковыми сосудами с выпуклыми боками, преимущественно на кольцевидных поддонах, небольших размеров одноручными краснолаковыми кувшинами, чернолаковыми канфарами, чашечками, мисками, пелики и т. д.

В. И. Мамонтовым в 2015 г при раскопках могильника Вербовский I найден в кургане 23 в погребении 1 небольшой черноглиняный сосудик с реповидным туловом и воронковидной узкой горловиной. Он станковой работы, с хорошо сглаженной поверхностью. Глина чёрная, с вкраплениями частиц мела.

Глиняная миска I в. н. э. найденная у пос. Первомайский Калачевского района в кургане 20 (раскопки В. И. Мамонтов, 1986 г.), имеет прямой венчик и узкое дно. По верхней части миски проведены шесть параллельных круговых резных линий [Мамонтов, 2000, с. 25, рис. 19, 4].

Интересны находки с импортными вещами начала III в. до н. э. Они происходят из погребения 14 кургана 1 могильника Кривая Лука VI. Рядом с амфорой в этом же погребении была обнаружена чернолаковая миска с загнутым краем на кольцевом поддоне. С внутренней стороны поверхность миски орнаментирована штампованным орнаментом в виде концентрических кругов насечек, в центре – четыре лепестка пальметты. Такие миски характерны для античных центров Северного Причерноморья. Так, в керамическом комплексе Херсонеса Таврического они являются частыми находками и датируются IV – серединой III в. до н. э. [Шинкарь, 2012, с. 192].

Круглый, ангобированый, орнаментированный краснолаковый канфар I в. н. э. найден у пос. Первомайский Калачевского района в группе VII, в кургане 12, в погребении 1 (В. И. Мамонтовым, в 1984 г.). Тулово канфара покрыто красным лаком. Петлевидные ручки имеют прямые выступы над ними. Ближе к верхней части тулова проходит налепной рельефный орнамент в виде стилизованных веток, плодов и листьев [Мордвинцева,1992, с. 127, рис. 3, 1].

У села Ильевка Калачевского района Волгоградской области в кургане 1 в погребении 2 обнаружена краснолаковая пелика. Она имеет две ручки и тонкий отогнутый наружу венчик. По широкой части тулова проходят три резные круговые бороздки, от которых ко дну спускаются резные линии – каннелюры [Мордвинцева,1992, с. 127, рис. 2, 1].

В могильнике Вербовский I (раскопки Мамонтова В. И. в 2015 г.) найден в кургане 23 в погребении 1 небольшой черноглиняный сосудик с реповидным туловом и воронковидной узкой горловиной. Он станковой работы, с хорошо сглаженной поверхностью. Глина чёрная с вкраплениями частиц мела.

Красноглиняная керамика. Красноглиняный кувшин II–I вв. до н. э. Найден В. М. Клепиковым в 2000 г. у с. Перегрузное Октябрьского района в группе I (курган 10, погребение 4). Тулово шаровидное, переходящее в высокую горловину с вертикальной ручкой. Дно выделено круговым поддоном. [Клепиков, Шинкарь, 2004, с. 144, рис. 5, 2].

Миниатюрные сосудики. Они изящны по форме, их можно отнести к разряду косметической или лекарственной посуды. Они могли попасть к кочевому населению в сарматские степи через многочисленных посредников. Вероятно, были и другие пути попадания в Волго-Донской регион такой посуды либо мелких емкостей с благовониями, мазями, лекарственными препаратами.

Изящный флакон из гагата из Вербовского I (курган 15, погребение 1). Представляет собой небольшую ёмкость с полостью для хранения пахучего вещества, с округлой крышечкой. Мастер вырезал из кусочка гагата рельефное изображение шестилучевой звезды. В крышечке и во флаконе имеется по два сквозных отверстия, которые позволяли фиксировать крышечку на месте, причем на крышечке был выпилен округлый выступ (с двумя отверстиями). Он

опускался в полость флакона. Вся внешняя поверхность флакона заполирована до блеска. Возможно, флакон носился в «кисете» на груди на кожаном шнуре.

Ритуальные сосудики. а) Угвентарий II–I вв. до н. э. Найден у с. Перегрузное Октябрьского района в группе I, кургане 23, погребении 6 (В. П. Клепиковым, в 2001 г.). Угвентарий с веретенообразным туловом, высокой ножкой на выделенном основании [Клепиков, Шинкарь, 2004, с. 144, рис. 14, 13].

б) Угвентарий второй пол. II–I в. до н. э. Найден у ж.-д. станции Жутово Октябрьского района, в кургане 27, погребение 4 (раскопки В. П. Шилова, в 1964 г.). Угвентарий с веретенообразным туловом, высокой ножкой на выделенном основании. [Скрипкин, Шинкарь, 2010, с. 130, рис. 4, 4].

Могильный инвентарь является единственным материальным источником изучения сарматской культуры. В сарматских погребениях редко встречаются хорошо датированные импортные вещи. Импортная гончарная керамика имеет значение для хронологических разработок, а также она позволяет устанавливать направление культурно-экономических связей сарматов с окружающим их миром.

Использовалась как в хозяйстве, так и в религиозных церемониях. В могилы могли помещать и специально подготовленные для обряда погребения. Выделение признаков бытового использования керамики относится к методическому вопросу, нуждающемуся в дальнейшей дополнительной разработке.

Установить место производства керамики, обнаруженной в сарматских комплексах, теперь позволяют не только морфологические признаки, но и технологические особенности.

Литература

Археология Нижнего Дона: учебник: проспект / отв. ред. А. В. Кияшко. Ростов Н/Д; Южный федерал. ун-ет, 2013. 65с.

Археологическая энциклопедия Волгоградской области / Ком. по культуре администрации Волгогр. обл.; Волгогр. гос. ун-т. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 336 с.

Археологическое наследие Волгоградской области. К 100-летию Волгоградского краеведческого музея. Волгоград: «Издатель», 2013. 288 с.

Берлизов Н. Е. Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н. э. – V в. н. э. Краснодар: КГУКИ: Парабеллум. Ч. I. 2011. 320 с.

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М: «Наука», 1978. 274 с.

Кривошееев М. В. Вопросы происхождения и развития позднесарматской культуры в Нижнем Поволжье // Становление и развитие Позднесарматской культуры: материалы семинара центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. III (по археологическим и естественнонаучным данным). Волгоград, 2010.

Клепиков В. М., Шинкарь О. А. Раннесарматские погребения у с. Перегрузное // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2004. Вып. 2.

Мамонтов В. И. Древнейшее население левобережья Дона. По материалам курганного могильника Первомайский VII. Волгоград, 2000. 192 с.

Мордвинцева В. И. Среднесарматские погребения с краснолаковой керамикой // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1992. Вып. 3. С. 127.

Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д1–10. М, 1963.

Скрипкин А. С., Шинкарь О. А. Жутовский курган № 27 сарматского времени Волго-Донского междуречья // РА. 2010. № 1. С. 130.

Сергацков И. В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2000. 372 с.

Симоненко А. В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья / А. В. Симоненко. СПб: Филол. фак. СПбГУ: Нестор-История, 2011. 272 с.: ил. (Историческая библиотека).

Сергацков И. В. Погребальный обряд среднесарматской культуры Нижнего Поволжья // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем: сб. науч. ст. / науч. ред. и предисл. А. Г. Фурсьева. СПб: Фак-а филологии и искусств СПбГУ, 2009. 265 с.

Шелов Д. В. Северное Причерноморье 2000 лет назад. М: «Наука», 1975. 185 с.

Шинкарь О. А. Северопричерноморские импортные изделия в погребениях III–II вв. до н. э. Волго-Донского междуречья // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э.: междунар. науч. конф. Тирасполь, 16–19 окт. 2012 г. / отв. ред. Н. П. Тельнов. Тирасполь: Приднестр. гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко, 2012. 211 с.

А. И. Александрова (г. Оренбург)
Оренбургский государственный педагогический университет
Научный руководитель: Л. А. Краева, к.и.н., доц.

Анализ форм сарматской керамики из Шумаевских курганов

Ввиду отсутствия в археологической науке единой классификации сарматской керамики исследования, позволяющие получить новые данные по этой теме, являются актуальными. Целью данной статьи является применение методики анализа форм керамики, разработанной Александром Афанасьевичем Бобринским [1986], к сарматским сосудам.

Методика основана на рассмотрении естественной структуры форм сосудов – совокупности элементарных частей, из которых они составлены [Бобринский, 1986, с. 137]. Узнав, как был устроен сосуд, можно выяснить характерные особенности и свойства сосуда и его частей как источников исторической информации [Бобринский, 1986, с. 144].

Ограничимся исследованием функциональных частей емкостей глиняной посуды, так как опорам и переместителям необходимо уделить отдельное внимание. А. А. Бобринский выделяет семь функциональных частей емкостей глиняной посуды (см. рисунок):

1) верхнее окончание емкости – губа (Г);
2) сливное устройство – щека (Щ);
3) устройство дозирования слива – шея (Ш);
4) ограничитель наполнителя – плечо (П);
5) добавочный наполнитель – предплечье (ПП);
6) основной наполнитель – тулово (Т);
7) нижнее окончание емкости – дно (Д).

Исследование форм сосудов включает в себя предварительное их фотографирование, заготовку шаблонов – окружностей разного диаметра, выделение точек на контуре, получаемых в результате приложения различных физических усилий гончара: точечных и пространственных. После устранения

асимметрии сосуда можно делать выводы о количестве и степени сформированности функциональных частей.

В качестве объекта исследования были выбраны 10 сосудов из 9 кургана КМ Шумаево II [Моргунова и др., 2003]. Сосуды относятся к концу IV – первой половине II в. до н. э. Технико-технологический анализ керамики из Шумаевских курганов был проведен Л. А. Краевой. Вся посуда была разделена на условные группы по форме днищ [Краева, 2003, рис. 1–5], 5 сосудов нашей выборки относятся ею к плоскодонным, 3 имеют сильноуплощенное дно, 2 экземпляра – круглодонные.

Если представить результаты разделения сосудов на функциональные части в виде таблицы, мы получим следующие результаты (табл. 1):

Таблица 1

Функциональные части сосудов

	По форме днища	**Кол-во частей**	**Функциональные части**								
			Г	**Щ**	**1 Ш**	**2 Ш**	**П**	**ПП**	**1 Т**	**2 Т**	**Д**
П7	Плоскодонная	8	+	+	+	–	+	+	+	+	+
П10	Плоскодонная	8	+	+	+	–	+	+	+	+	+
П14 с. 2	Плоскодонная	5	+	+	–	–	+	–	+	–	+
П14 с. 3	Плоскодонная	8	+	+	+	+	+	+	+	–	+
П17	Плоскодонная	7	+	+	+	–	+	+	+	–	+
П4 с. 1	Сильноуплощенная	7	+	+	+	–	+	+	+	–	+
П15 с. 1	Сильноуплощенная	8	+	+	+	+	+	+	+	–	+
П15 с. 2	Сильноуплощенная	7	+	+	+	–	+	+	+	–	+
П5	Круглодонная	7	+	+	+	–	+	+	+	–	+
П14 с. 1	Круглодонная	7	+	+	+	–	+	+	+	–	+

Как видно из табл. 1, в двух случаях шея у сосудов представлена 2 раза, «двойное» тулово встречается также у двух сосудов, это можно объяснить увеличением роли части и выполняемой ею функции в сосуде. У сосуда 2 из погребения 14 отсутствуют шея и предплечье, возможно, это связано с отличной от других сосудов формой (наличие опорного устройства – ножки).

Рассмотрим степень сформированности частей по критериям выполнения их функции и наличия собственной формы (1 – сформированное, 2 – частичносформированное, 3 – несформированное состояние) и долю представленности в профиле (в процентах) (табл. 2–4). Уточним, что у взятых нами сосудов губа выполняет основную функцию – служит естественным верхним окончанием емкости [Бобринский, 1988, с. 12].

Таблица 2

Сформированность функциональных частей плоскодонных сосудов

Плоскодонные сосуды					
№	**К9П7**	**К9П10**	**К9П14, С.2**	**К9П14, С.3**	**К9П17**
1	$Г_2$, 2%	$Г_2$, 2%	$Г_2$, 3%	$Г_2$, 2%	$Г_2$, 3%
2	$Щ_2$, 3%	$Щ_2$, 10%	$Щ_1$, 7%	$Щ_1$, 5%	$Щ_1$, 3%

3	$Ш_3$, 9 %	$Ш_3$, 12%	$П_2$, 13%	$1Ш_3$, 5%	$Ш_3$, 8%
4	$П_2$, 15%	$П_1$, 4%	$1Т_1$, 28%	$2Ш_3$, 5%	$П_1$, 9%
5	$ПП_2$, 19%	$ПП_1$, 26%	$2Т_1$, 27%	$П_3$, 18%	$ПП_2$, 22%
6	$1Т_3$, 19%	$1Т_3$, 29%	Опора, 22%	$ПП_2$, 24%	$Т_1$, 51%
7	$2Т_3$, 28%	$2Т_3$, 9%	–	$Т_3$, 30%	$Д_1$, 4%
8	$Д_1$, 5%	$Д_1$, 8%	–	$Д_1$, 11%	–

Таблица 3

Сформированность функциональных частей сосудов с сильноуплощенным дном

Сосуды с сильноуплощенным дном			
№	**К9П4, С.1**	**К9П15, С.1**	**К9П15, С.2**
1	$Г_2$, 3%	$Г_2$, 2%	$Г_2$, 2%
2	$Щ_1$, 9%	$Щ_1$, 2%	$Щ_1$, 3%
3	$Ш_1$, 21%	$1Ш_3$, 9%	$Ш_2$, 14%
4	$П_1$, 2%	$2Ш_3$, 7%	$П_3$, 22%
5	$ПП_2$, 23%	$П_1$, 15%	$ПП_1$, 24%
6	$Т_3$, 36%	$ПП_2$, 26%	$Т_3$, 29%
7	$Д_1$, 6%	$Т_3$, 33%	$Д_1$, 6%
8	–	$Д_1$, 6%	–

Таблица 4

Сформированность функциональных частей круглодонных сосудов

Круглодонные сосуды		
№	**К9П5**	**К9П14, С.1**
1	$Г_2$, 2%	$Г_2$, 3%
2	$Щ_1$, 3%	$Щ_1$, 2%
3	$Ш_3$, 7%	$Ш_3$, 6%
4	$П_3$, 17%	$П_3$, 17%
5	$ПП_1$, 49%	$ПП_1$, 28%
6	$Т_3$, 17%	$Т_3$, 21%
7	$Д_1$, 5%	$Д_1$, 23%

Таким образом, можно обобщить данные таблиц:

– Губа у всех сосудов выделяется только с внешней стороны, представлена трапецией с расширением книзу, что позволяет делать вывод о ее частичносформированном состоянии. Доля представленности губы в профиле – 2–3%.

– Отличается постоянством формы и щека – у всех 10 экземпляров это трапеция с расширением кверху, изменение угла наклона её боковой линии разделило выборку на 8 сосудов со сформированной щекой, 2 – с частичносформированной. Доля представленности щеки в профиле не превышает 10%.

– Шея имеется у 9 сосудов, в двух из них она «двойная». Форма шеи у всех сосудов – трапеция с расширением книзу или кверху, у 7 сосудов отмечено несформированное состояние из-за снижения доли участия в профиле (отметку в 15% преодолели только два экземпляра).

– Плечо у всех сосудов представлено трапецией с расширением книзу. Интересно, что в четырех случаях данная часть берет на себя функцию доба-

вочного наполнителя (предплечья), что отражается в увеличении доли представленности в профиле (боле 15%), это может объясняться желанием мастера сделать сосуд более круглым или увеличить его объем.

– Предплечье присутствует у 9 сосудов в виде трапеции (8 – с расширением книзу, 1 – кверху) в сформированном и частичносформированном состоянии. Сохраняется характерная высокая доля представленности в профиле (более 20%).

– Тулово представлено трапецией с расширением кверху. У двух сосудов оно находится в сформированном состоянии, у 6 состояние несформированное, так как тулово перестает быть основным наполнителем емкости; «двойное» тулово у двух сосудов может объясняться началом сужения сосуда, переходом тулова ко дну, а также желанием гончара увеличить объем сосуда, округлить его форму. Доля представленности в профиле только в двух случаях превышает 40%, в остальных – около 20–30%.

– Дно представлено трапецией с расширением кверху, состояние сформированное. Доля представленности в профиле не превышает 10% (за исключением К9П14, С.1 и 2–23 и 22% соответственно). Несмотря на то что сосуды разделены на группы по внешней форме дна, в естественной структуре этих сосудов существенных различий не выявлено, может быть, в силу отсутствия строгих критериев сформированности.

Функциональные части сосуда (по А. А. Бобринскому)

Очевидно, что при разнообразии форм сарматской керамики в ней прослеживаются общие черты: выделение губы только с внешней стороны, снижение доли участия в профиле шеи и тулова, появление «двойных» частей. Продолжение дальнейшего исследования будет полезно при выделении традиционных форм и форм-подражаний сарматской керамики, определении поколенческих особенностей гончаров.

Данная методика основана на долгой предварительной работе, что не всегда может позволить себе исследователь. А. А. Бобринским велась разработка компьютерной программы, автоматически производящей эти расчеты, но, к сожалению, не была завершена. В. Г. Ломан [см. Ломан, 2006] упоминает о подобной программе «Гончар», однако подробная информация по ней отсутствует. Использование специального программного обеспечения существенно облегчило бы использование данной методики.

Литература

Бобринский А. А. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тыс. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. ун-та, 1986. С. 137–157.

Бобринский А. А. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского гос. ун-та, 1988. – С. 5–21.

Краева Л. А. Технико-технологическое исследование керамики из сарматских погребений Шумаевских курганов // Шумаевские курганы. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. С. 332–358.

Ломан В. Г. Компьютерная программа для аналитического изучения форм керамических сосудов // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. С.476–477.

Моргунова Н. Л., Гольева А.А., Краева Л. А., Мещеряков Д. В., Турецкий М. А., Халяпин М. В., Хохлова О. С. Шумаевские курганы. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. 392 с.

Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.

К. В. Белынцева (филиал в г. Нижнем Тагиле)
Российский государственный профессионально-педагогический университет
Научный руководитель: Ю. Б. Сериков, д.и.н., проф.

Горные ландшафты в культовой практике древнего населения Урала

Анализ сакрального пространства древнего населения Урала показывает, что горные ландшафты играли важную роль в духовной жизни людей того времени. Чаще всего именно там находились святилища – ритуальные места для совершения обрядов, жертвоприношений и поклонений. Известно, что ландшафт и различные природные формы активно использовались в древности в культовых практиках, человек обожествлял природу, наделял природные объекты сакральными свойствами и сверхъестественной силой [Топоров, 1980, с. 311–315].

Горные ландшафты привлекли внимание исследователей еще в конце XIX в. Их изучение связано, прежде всего, с деятельностью образованного в 1871 г. Уральского общества любителей естествознания.

Учеными было замечено, что все культовые памятники на вершинах гор и скал вытянулись цепочкой вдоль восточного склона Среднего Урала с юга на север. Самые известные среди них: горы Азов, Думная, Голый Камень, Медведь-Камень, Синяя, Чертово городище, скалы Три Сестры [Мищенко, 2001].

Наличие таких святилищ на Урале вполне закономерно. Ведь в мифологии уральских народов образу горы принадлежит видное место в оформлении картины мира. В ней отражается вертикальное структурирование пространства, где священной горе отведена роль оси мироздания.

Очень интересна точка зрения Т. Н. Дмитриевой, которая считает, что в эпоху палеолита пещера – другой, не менее важный сакральный ландшафт – должна была оказывать на людей огромное эмоциональное воздействие. Возникает вопрос, а почему такое же воздействие по аналогии с пещерами не могли оказывать и горы?

Например, гора Азов (г. Полевской, Свердловская обл.), которая поднимается на высоту 589 м над уровнем моря, для роли святилища была выбрана неслучайно. Скалистая вершина горы в некоторых местах имеет устрашающую зубчатую форму. С вершины открывается замечательный вид на цепочку гор, на которых зафиксированы следы выплавки металла. В 1939 г. на скальной площадке восточного склона горы был обнаружен клад из 40 находок, которые датируются концом I тыс. до н. э. Основную часть клада составляли фигурки медных птицевидных идолов – хищных птиц, а также пять антропоморфных изображений и фигурка всадника на звере [Викторова, 2004, с. 327].

С исследованием памятников на вершинах гор, где обнаружены следы металлургического производства, связан ряд проблем. Прежде всего, это вопрос интерпретации таких памятников. Что собой они представляют: святилища или плавильные места? Этот вопрос остается открытым и для так называемого Чертова городища, о котором у местного населения Урала сложилось мнение как о «нечистом месте».

Чертово городище (п. Исеть, Свердловская обл.) возвышается на 350 м над уровнем моря. Так же как и на других святилищах, здесь было найдено большое количество кальцинированных костей и керамики. Кроме керамики, коллекция с памятника содержит сланцевое точило, костяную «лопатку», глиняные пряслица. На основании обработанной коллекции и по наличию кусков железного шлака С. И. Сергеев охарактеризовал памятник как остатки древнего металлургического производства и жертвенное место [Викторова, 2004, с. 325].

Однако это утверждение не может быть однозначным. Большинство уральских исследователей в памятниках, расположенных на вершинах гор, видят только жертвенные места древнего населения, но при этом подчеркивают их сложный характер и их различия по функциональному назначению [Сериков, Серикова, 2005, с. 43–44].

Нужно отметить, что большая часть исследуемых археологами памятников была известна жителям Урала давно. Например, гора Синяя (пос. Баранчинский, Свердловская обл.). Ее высота над уровнем моря – 552 м. Святилище располагалось в юго-восточной части склона горы на вершине выступающей скалы. Культурный слой, содержащий кальцинированные кости, обнаружен на всей площадке скалы размером около 120 кв. м. На святилище были найдены

куски шлака, часть тигелька, медная бусина, керамика петрогромского типа. Уникальной находкой является плоская фигурная бляшка длиной 4,4 см и шириной 3,5 см. Она изображает две стоящих рядом человеческие фигуры. Поскольку обе фигуры во всех деталях сходятся, можно предположить, что на бляшке изображены близнецы [Мищенко, 2001, с. 153–154].

Большинство археологов, историков и этнографов согласны в том, что святилища на вершинах гор Урала – один из самых информативных источников для знакомства с духовными ценностями древних культур. Все они разнообразны по социальной значимости, времени действия и функциональному назначению.

При изучении всех тематических комплексов находок на святилищах видно, что они отражают разные стороны культа солнца, которое воспринималось древними как «небесный огонь» – символ защиты и плодородия. Именно поэтому большая часть сакрально значимых находок (пряслица, бусины, кресала, огнива, наконечники) обнаружена на северо-восточном склоне гор, которая является одной из наиболее значимых ориентационных точек, связанных с восходом солнца в период летнего солнцестояния.

Единственное на Урале полностью исследованное раскопками святилище находится на горе Голый Камень в черте г. Нижний Тагил. Полнота исследования позволяет считать данное святилище эталоном культовых памятников на вершинах гор. Открыто оно было в начале XX в. С. Н. Топорковым. Позже здесь работали археологи Д. Н. Эдинг, О. Н. Бадер, Н. П. Кипарисова. С 1993 по 2000 г. исследованиями на Голом Камне занимались Ю. Б. Сериков и Л. В. Серикова. За все годы работы была получена коллекция из 18 688 археологических находок. Функционировал памятник эпизодически с VIII в. до н. э. до X в. н. э. [Сериков, Серикова, 2005].

Присутствие на святилище материалов 10 археологических культур железного века и средневековья позволяет характеризовать памятник как фиксирующий передвижение и контакты разных культур между собой. Однако механизмы их переселения, степень родства и способы взаимодействия культур, причины использования чужих святилищ и многое другое остаются еще вопросом для исследователей.

Обширная коллекция уникальных находок была разделена на несколько крупных тематических комплексов: острые предметы; предметы, связанные с высеканием огня; солярные знаки; предметы, связанные с металлургией; керамический и фаунистический комплексы [Сериков, Серикова, 2005, с. 36–45].

Впоследствии на материалах коллекции Голого Камня удалось приблизиться к решению трех интересных проблем. Первая проблема – вторичное использование изделий предшествующих эпох [Сериков, 2001]. Вторая – понимание сакрального и функционального назначения пряслиц [Сериков, 2005]. И, наконец, третья – выделение нового типа каменных орудий – кресальных кремней для высекания огня [Сериков, 2003].

Литература

Викторова В. Д. Клады на вершинах гор // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. С. 158–172.

Мищенко О. П. География, топография и хронология культовых мест на вершинах гор в Среднем Зауралье // Археология и этнография Среднего Приуралья. Березники: Изд. дом «Тип-я купца Тарасова», 2001. Вып. I. С. 73–77.

Сериков Ю. Б. Вторичное использование изделий предшествующих эпох // XV Уральское археологическое совещание: тез. док. междунар. науч. конф. Оренбург: ООО «Оренбургская губерния», 2001. С. 56–57.

Сериков Ю. Б. К вопросу об орудиях для высекания огня // Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии: В честь юбилея Г. Ф. Коробковой. СПб.: ИИМК РАН, 2003. С. 254–263.

Сериков Ю. Б. К вопросу о сакральном и функциональном назначении так называемых пряслиц // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: ИПЦ «Изд-во УрГУ», 2005. С. 93–101.

Сериков Ю. Б., Сериков Л. В. Святилище на вершине горы Голый Камень. Нижний Тагил: НТГСПИ, 2005. 79 с.

Топоров В. Н. Гора // Мифы народов мира: энцикл. Т. 1. М., 1980. С. 311–315.

А. А. Битюшкова (г. Волгоград)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
Научный руководитель: В. И. Мамонтов, к.и.н., проф

Погребения сарматской знати в курганном могильнике Писарёвка II

Река Иловля всегда привлекала внимание населения древних эпох. Территория Иловлинского района не пустовала уже с палеолита [Свод памятников истории и культуры Иловлинского района Волгоградской области, 2010, с. 99–100]. Активное заселение этой территории начинается с бронзового века. Именно эпоха древнеямной общности положила начало широкому освоению степей междуречья. Позже здесь обитали савроматы, сарматы и кочевники средневековья и периода Золотой Орды. Каждый из народов оставлял свои следы на этой земле, у каждого были свои погребальные обычаи. Поэтому этот район насыщен находками различных культур. К этому стоит добавить, что Иловля была частью торгового пути «Из варяга в греки», что также способствовало освоению этой территории уже в период появления здесь славянских племен.

Сарматская культура хронологически занимает период с IV вв. до н. э. по IV вв. н. э. В начале III в. до н. э. сарматы стали могущественной политической силой степных просторов от Южного Приуралья до Дуная. Они участвовали в многочисленных войнах в Малой Азии, Северном Причерноморье и на Кавказе [Мамонтов, 2002, с. 252].

Сарматы хоронили своих близких под курганными насыпями. Сопровождающий покойника инвентарь: лепные местные сосуды и станковая посуда из Северного Кавказа, Прикубанья, Нижнего Дона, из греческих, римских городов Северного Причерноморья, предметы вооружения, бронзовые котлы,

бронзовые зеркала, конская упряжь, фибулы, застежки. Встречаются и высокохудожественные изделия, что свидетельствует об обширных торговых связях местного населения с мастерскими Северного Причерноморья.

В курганном могильнике Писарёвка II найдены погребения различных культур. Самые яркие находки – изделия, связанные с сарматской культурой. Курганный могильник насчитывает 30 курганов. Раскопано 24 кургана. Из всех погребений, обнаруженных в кургане, было найдено 14 сарматских погребений. Но интерес представляют захоронения знати.

Исследование курганов у поселка Писарёвка началось в конце 80-х гг. прошлого века экспедицией ВолГУ под руководством И. В. Сергацкова. Он раскопал один разрушенный строительными работами курган с погребениями эпохи бронзы и раннего железного века (ПисарёвкаI). Соседний могильник (Писарёвка II) исследуется Донской экспедицией научно-производственной лаборатории археологии и реставрации ВГСПУ под руководством В. И. Мамонтова.

И. В. Сергацковым в кургане были найдены захоронения сарматов: взрослый мужчина, которого сопровождал бронзовый котел с отломанной ножкой, внутри него и рядом с ним находились кости ног и лопатки крупного животного (лошади?), также были найдены железный нож, два сероглиняных гончарных кувшина, железный кинжал, серебряные заклепки; молодая женщина, которую сопровождал такой инвентарь: наконечники стрел, осколки бронзового зеркала, бусины, подвеска из веточки коралла и другие предметы [Сергацков, 2000, с. 80–83].

Интерес представляют высокохудожественные изделия, выполненные с использованием звериного стиля. Это особенность искусства кочевников. Такие предметы находятся именно в погребениях знати. В основном их использовали в торжественных случаях.

Так экспедицией В. И. Мамонтова в 2000 г. у Писарёвки было найдено ограбленное погребение, которое представляло одновременное захоронение двух колод с погребениями. Колода была вырублена из ствола крупного дерева. Человека сопровождала бронзовая прямоугольная литая пряжка. На ней изображена сцена борющихся животных пантеры и верблюда. Хищник вцепился в шею верблюда. Мастер уделил большое внимание деталям. Левой лапой пантера ухватилась за холку верблюда, а правая лапа опирается на шею. Видно, что пантера прижала уши, что голова у нее небольшая, кошачья. Правая задняя нога пантеры опирается на рамку пряжки, а левая нога приподнята. Можно разглядеть длинный изогнутый хвост. На телах пантеры и верблюда можно заметить выступающие ребра. Верблюд явно из каравана, о чем говорит широкое седло, которое украшено кистями и бахромой, а также ремни повода. Голова верблюда поднята над землей. Верблюд упал на передние ноги, вытянув вперед шею. На пряжке можно разглядеть шерсть верблюда. Элементы этой пряжки могут свидетельствовать о высоком мастерстве литейщика. Она не является индивидуальным предметом, так как были найдены аналогичные ювелирные пряжки, но они очень плохой сохранности, кроме того, в погребении найдена золотая пластина, покрывавшая колчан, с рельеф-

ным изображением пантеры. Голова животного изображена в анфас. У хищника короткая шея, его правая лапа вытянута вперед, а левая – вверх. Туловище пантеры очень длинное и узкое, скорее всего средняя часть закручена в кольцо. К голове животного примыкает его задняя часть с подогнутой лапой. Центральная часть не восстанавливается, но из отдельных фрагментов, которые были найдены, можно предположить, что в кольце пантера держит какое-то травоядное животное. Данные предметы могут свидетельствовать о знатном происхождении погребенного [Мамонтов, 2000, с. 20, 22].

В 2004 г. было найдено очередное доказательство, что сарматы поддерживали связи с другими народами: обнаружены несколько фрагментов краснолощеного античного импортного сосуда. Дно ровное с небольшим круговым выступом выше края дна [Мамонтов, 2004, с. 21].

В 2015 г. при раскопках кургана №18 на уровне входа в яму и выбросе земли из верхних слоев засыпи встречены золотые нашивные штампованные бляшки. Скорее всего, здесь был раскинут плащ или какое-то покрывало, расшитое этими бляшками. Были найдены различные их типы: «пистон», «ёлочки», треугольные бляшки с рельефной поверхностью и две прямоугольные бляшки. Общее их количество достигает 103 штуки. Само погребение является ограбленным [Мамонтов, 2015, с. 70–71].

Кроме того, в ямах сарматских культур были найдены типичные предметы: осколки керамики, кости животных, остатки колчанов и стрел [Мамонтов, 2008, с 20].

В настоящее время остаются нетронутыми несколько курганов, которые в последующие сезоны будут исследованы. Они могут дать материал сарматского времени. Но вряд ли они поменяют наши представления о сарматах на Иловле.

Литература

Мамонтов В. И. Отчет о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГСПУ в Волгоградской области в 2000 г. // Архив ВОКМ № 163.

Мамонтов В. И. Отчет о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГСПУ в Волгоградской области в 2004 г. // Архив ВОКМ № 202.

Мамонтов В. И. Отчет о работе Донской экспедиции лаборатории археологии и реставрации НИС ВГСПУ в Волгоградской области в 2008 г. // Архив ВОКМ № 264.

Мамонтов В. И. Отчет о работе Донской экспедиции научно-производственной лаборатории археологии и реставрации ВГСПУ в Волгоградской области в 2015 г. // Фонды ВОКМ № 320.

Мамонтов В. И. Сарматские погребения из курганного могильника Писаревка II // Нижневолжский археологический вестник. 2002. №5. С. 251–259.

Свод памятников истории и культуры Иловлинского района Волгоградской области / Комитет по культуре администрации Волгогр. области, Областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры. Волгоград: Принт, 2010. 152 с.: ил.

Сергацков И. В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2000. 396 с.

О. Д. Жавнерко (г. Оренбург)
Оренбургский государственный педагогический университет
Научный руководитель: Л. А. Краева, к.и.н., доц.

Детские погребения ранних кочевников V–II в. до н. э. в бассейне р. Илек

В последние годы в археологии не утихает интерес к изучению детских погребений, и все чаще они становятся предметом научного анализа. [Берлизов, 2011, с. 255–258; Берсенева, Гильмитдинова, 2013, с. 36–44]. Это не случайно, ведь детство – это та стадия, которую переживает каждый член общества.

Уже с раннего возраста дети были включены в хозяйственную деятельность. Обычно в обязанности детей до 6–10 лет входили такие функции, как уборка, уход за младшими детьми, сбор топлива для очагов и др. [Берсенева, Гильмитдинова, 2013, с. 36]. К сожалению, в сарматских погребальных памятниках отсутствуют орудия труда, которые бы говорили о вовлечении детей в экономическую деятельность. В кочевых сообществах навыки военного мастерства прививались с раннего детства, как только ребенок имел физическую возможность натянуть лук или удержаться на лошади.

Издревле бассейн Илека играл немаловажную роль в жизни скотоводов, привлекая кочевников своими богатыми ресурсами и благоприятными климатическими условиями. Река Илек – самый крупный левобережный приток р. Урал, длиной в 600 км, берет начало в западных отрогах Мугоджар в Актюбинской области Казахстана и впадает в р. Урал около с. Илек Оренбургской области [Смирнов, 1975, с. 5].

Анализ археологических материалов детских погребений позволит дать информацию о материальной культуре ранних кочевников Южного Приуралья.

Данная работа базируется на опубликованных археологических материалах, где возраст погребенных был определен антропологами. Для анализа были отобраны погребения из курганных могильников, представленных в таблице. Основой исследования стали 87 детских погребений (младенцы – 13%; дети – 65%; подростки – 22%).

Антропологами были выделены следующие возрастные группы:

1. Младенцы – от рождения до 1 года.
2. Дети – возраст, которых не определен.
3. Подростки – 12–17 лет.

№	Курганный могильник	Всего погребений	Детские погребения.
1.	Покровка 1	46	16
2.	Покровка 2	46	28
3.	Покровка 7	16	7
4.	Покровка 8	27	6
5.	Покровка 10	3	1
6.	Пятимары	14	7
7.	Тара- Бутак	4	1

8.	«Близнецы»	10	1
9.	Увакский	29	9
10.	Мечетсайский	59	21
Итого:		**254**	**87**

Младенцы (от рождения до 1 года)

Обнаружено 11 погребений младенцев, которые встречаются в курганах небольшого размера. Они характеризуются разнообразием типов погребальных конструкций. Дети этой возрастной группы были погребены: 46% – в простых ямах, 37% – подбойных и 17% в катакомбах. Большинство младенцев были захоронены в индивидуальных могильных ямах (72%). Также встречаются парные захоронения с детьми старшего возраста (28%). Костяки всегда лежат вытянуто на спине, ориентировка различна.

Наиболее часто младенцев сопровождает керамическая посуда (55%) и кости мелкого рогатого скота (36%).

У индивидов этой группы в погребениях встречаются украшения (бусины – 18%). В единичном случае найдено золотое колечко с сомкнутыми концами (Покровка 2 К8П11). Также были найдены куски мела, мелкие камни и подвески из клыка. Видимо, эти предметы выполняли защитную функцию и служили оберегами для младенцев. В погребальном инвентаре младенцев отсутствует оружие.

Среди этой возрастной группы зафиксировано два безынвентарных погребения (18%).

Детские погребения

Всего известно 57 детских погребений в разных типах погребальных конструкций. Часто хоронили в простых (42%) и подбойных (46%) ямах. В редких случаях хранили в катакомбах (12%).

В индивидуальных могильных ямах было захоронено 75% детей, а остальные 25% – в коллективных. Зафиксировано 11% парных погребений (ребенок + взрослый). Но встречаются и в парах с детьми младшего возраста, т. е. с младенцами – 5%, старшего возраста (подростками) – 5% и с индивидами своей возрастной группы – 4%. Кроме того, в четырех погребениях (захоронено более трех костяков) среди взрослых останков также встречаются и детские. Костяки лежат вытянуто на спине, ориентировка разнообразна.

Частым явлением в погребальном инвентаре у детей была керамическая посуда – 67%. Кроме керамических сосудов в одном случае была зафиксирована деревянная чаша. Количество сосудов колеблется от полного отсутствия до двух, их форма разнообразна.

Сопроводительная пища (47%) в детских погребениях была представлена костями мелкого рогатого скота и лошади.

Наиболее встречаемой находкой в детских погребениях являются украшения, преимущественно это бусины – 21%. В единичных случаях были найдены бляшки, подвески, перстни, зеркала и пронизи.

У детей это возрастной группы встречаются меловые статуэтки и просто куски мела. Возможно, они выполняли защитные функции. Также в дет-

ских погребениях зафиксированы предметы вооружения – 23%. Среди оружия присутствуют кинжалы, наконечники стрел и железные мечи.

В единичных случаях были найдены кристаллы горного хрусталя, раковины-грифеи, камни и железные предметы.

Среди этой возрастной группы зафиксировано восемь безынвентарных погребений (14%).

Погребения подростков

Всего обнаружено 19 погребений подростков. Лишь в 25% возможно установить пол костяка. Всего идентифицировано четыре девушки в возрасте до 17 лет.

Подростки похоронены в курганах небольшого размера. Типы могильных ям разнообразны. Большинство костяков были погребены в простых ямах разной формы – 58%, а также встречаются ямы с усложненной конструкцией: подбои – 15% и катакомбы – 27%. Индивиды этой возрастной группы хоронились как в индивидуальных (85%), так и в парных (15%) погребениях. Подростки были захоронены в парах с младшими детьми и со взрослыми. Доминировала поза – лежа на спине в вытянутом положении. Ориентировка костяков разнообразна.

Подростков, как правило, сопровождала керамическая посуда (43%) и кости мелкого рогатого скота (58%). Количество сосудов разное, но чаще колеблется от полного отсутствия до двух. В одном погребении были найдены фрагменты деревянной чашечки и деревянной миски (Покровка 2 К8П4).

Вещевой инвентарь различный. Распространенным являются украшения из бус – 26%. В одном из погребений (Покровка 8 К6П1) было найдено несколько скоплений бус (собрано не менее 500 бусин). Также встречаются серьги, браслеты, пронизи, подвески из кости и клыка кабана.

Найдено 37% предметов вооружения, к ним относят наконечники стрел, железный меч, железный кинжал и колчан со стрелами.

Среди этой возрастной группы зафиксировано два безынвентарных погребения (11%).

Таким образом, судя по погребальному обряду, а именно по форме могильной ямы и по трупоположению, дети ранних кочевников левобережья р. Илек в V–II вв. до н. э. были похоронены в одной манере со взрослыми. Сопровождающий инвентарь у детей был скуден. Украшения, керамическая посуда и кости животных являются наиболее частыми находками в погребениях разных возрастных групп. Анализ сопутствующих предметов позволяет предположить и социальный статус ребенка. Наличие погребального инвентаря свидетельствует о расслоении в сарматском обществе уже с раннего детства. Довольно значительное количество детей погребалось в могилах сложной конструкции и на большой глубине. Это говорит о том, что дети подвергались бережному отношению и были ценны для общества.

Литература

Берлизов Н. Е. Отражение возрастной стратификации савромато-сарматских племен эпохи раннего железа в погребальной обрядности // Теория и практика общественного развития. 2011. № 2. С. 255–258.

Берсенева Н. А., Гильмитдинова А. Х. Детские погребения ранних кочевников Южного Урала (IV–II вв. до н. э.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. №2. С. 36–44.

Веддер Дж., Егоров В. А., Дж. Дэвис-Кимболл, Моргунова Н. Л., Трунаева Т. Н., Яблонский Л. Т. Раскопки могильников Покровка 2 и Покровка 8 в 1992 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 1. М.: ИА РАН, 1993. С. 18–55.

Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 175 с.: ил.

Яблонский Л. Т., Трунаева Т. Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В. А. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 2. М.: ИА РАН, 1994. С. 4–60.

Яблонский Л. Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю. В. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1994 // Курганы левобережного Илека. Вып. 3. М.: ИА РАН, 1995. С. 9–47.

Яблонский Л. Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю. В., Малашев В. Ю. Раскопки могильников Покровка 1, 2, 7 и 10 в 1995 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 4. М.: ИА РАН, 1996. С. 7–48.

Б. О. Жанпеисов (г. Астана)
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
Научный руководитель: М. К. Хабдулина, к.и.н., доц.,
директор НИИ археологии им. К. А. Акишева ЕНУ им. Л. Н. Гумилева

Археологический комплекс «Қырықүнгір» в Восточной Сарыарке

Первобытная эпоха Центрального Казахстана представлена погребальными памятниками, образующими могильники с разновременными надмогильными сооружениями. На одном могильном поле могут находиться курганные насыпи бронзового и раннежелезного веков, каменные оградки, цисты бронзового века, курганы с «усами» и сырцовые оградки средневековой эпохи. К числу таких памятников относится Қырықүнгір.

Памятник расположен в двух километрах севернее села Токтамыс Абайского района Восточно-Казахстанской области. Занимает береговую террасу левого берега реки Шаган – левого притока реки Иртыш. Могильник расположен на возвышенном плато длиной 1200 м, шириной 200 м. Цепочки надмогильных сооружений тянутся по линии север-юг. С запада плато ограничивается грядой мелких сопок. Отметки высот 620–630. Поверхность плато почти ровная, изборождена поперечными мелкими ложбинами, образованными стоками весенних вод, стекающими с сопок в сторону речки Шаган.

Цель нашей статьи – показать процесс формирования сложного по структуре погребального памятника и выявить топографию надмогильных комплексов разных археологических эпох.

Внимание привлекают высокие царские курганы, которые являются организующим фактором выделения территории могильника. На протяжении 1200 метров зафиксировано около ста надмогильных конструкций от бронзового века до позднего средневековья (см. рисунок). Ориентиром могильника,

кроме крупных насыпей, могут быть два казахских зирата, ограничивающих пространство памятника с севера и юга.

Такая концентрация древних погребальных сооружений связана с благоприятными природно-географическими условиями. Длина реки Шаган – 295 км; площадь бассейна – 25,4 тыс. км². Река течет в пределах Казахского мелкосопочника [https://ru.wikipedia.org/wiki/Шаган_(приток_Иртыша)]. Её правый берег составляют древние горы палеозоя. Поверхность гор, обращенная в сторону могильника, имеет живописный вид, склоны отвесные голые, ничем не заросшие. От ветровой эрозии имеют причудливые изломы, пещеры. Самая высокая точка этой панорамы гор имеет вид человеческой головы – округлая вершина и три пещеры, образованные выдувом ветра. Пещеры находятся на высоте пятидесяти метров. Берега речки Шаган поросли кустарником.

Этот живописный кряж и речка, вне сомнения, привлекали внимание древнего населения, выбравшего долину левого берега реки Шаган под могильник.

Могильник Қырықүнгір исследуется Чингистауской комплексной археолого-этнографической экспедицией под руководством У. У. Умиткалиева. В 2015–2016 гг. на памятнике проведены раскопки погребальных сооружений разных археологических эпох. На основе полученных результатов можно утверждать, что формирование могильника началось с полосы надпойменной террасы. Здесь сконцентрированы оградки бронзового века. На современной поверхности они практически не выделяются.

Это круглые оградки из вертикально вкопанных плит гранита темно-вишневого и коричневого цветов. Оградки небольшие по размеру, в центре, как правило, каменные ящики. Стены могил оформлены тонкими плитами гранита, средняя глубина ящиков – 80 см. Каменные плиты выступают над материком примерно на 10 см. Каменные ящики перекрыты сверху тонкими плитами.

В конструкции оградок бронзового века видны перепланировки, раздвигание размеров оградок и пристраивание новых каменных ящиков. Иногда меняется цвет каменных плит. С накоплением материала можно будет судить о причинах этих перестроек. Каменные оградки, отдельные ящики примыкают друг к другу. Между ними нет свободного пространства. Они, как соты, разветвляются друг от друга.

Здесь же в нижней части плато возведены курганы раннего железного века. Они разные по размерам, насыпи сложены из камня и окружены по основанию каменными кольцами. Курганы хорошо задернованы. На этих надпойменных площадках зафиксированы скопления надмогильных сооружений средневековой эпохи в виде сырцовых построек прямоугольной формы и каменные наброски. Размеры наземной части наброска колеблются от 1,5 до 2,4 м, высота 0,3 м.

Крупные царские курганы раннего железного века занимают высокие точки плато. Один из самых больших курганов находится на южной окраине могильника. Он имеет диаметр насыпи 34 м, высоту – 3 м. Насыпь окружена каменным валом и внешним рвом шириной около 3 м, глубиной 0, 3 м. Кур-

ган хорошо задернован, на вершине проступают камни облицовки. Вокруг насыпи видны сооружения ритуального характера. С южной и западной сторон на расстоянии 14–15 м от рва хорошо видны каменные глыбы, возвышающиеся на высоту 0,1–0,15 м. Севернее и восточнее насыпи зафиксированы небольшие каменные курганы тасмолинской культуры диаметром 6–8 м, высотой 0,3–0,5 м.

Наиболее яркими объектами археологического комплекса являются каменные сооружения квадратной формы. Они расположены на верхних уровнях коренной террасы. Всего их насчитывается восемь, они тянутся по линии север-юг (см. рисунок). Как выяснилось в процессе раскопок, это объекты поздней бронзы и представляют собой один из вариантов надмогильных конструкции бегазы-дандыбаевской культуры [Маргулан, 1979: Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин, 2014].

В полевом сезоне 2016 г. на памятнике раскопаны курганы раннего железного века и начато исследование погребального сооружения поздней бронзы.

Курган № 15 (по топоплану № 37) (см. рисунок) имеет каменную насыпь диаметром 7 м. Высота – 0,37 м. Курган содержал погребение в подбое. Входная яма овальной формы, ориентирована по линии запад-восток. Подбой был обрушен, поэтому погребение было расчищено на глубине 1,1–1,2 м. Скелет анатомически целый, предположительно женский, ориентирован головой на запад. У головы усопшей было найдено бронзовое зеркало, а с правой стороны черепа была обнаружена золотая серьга.

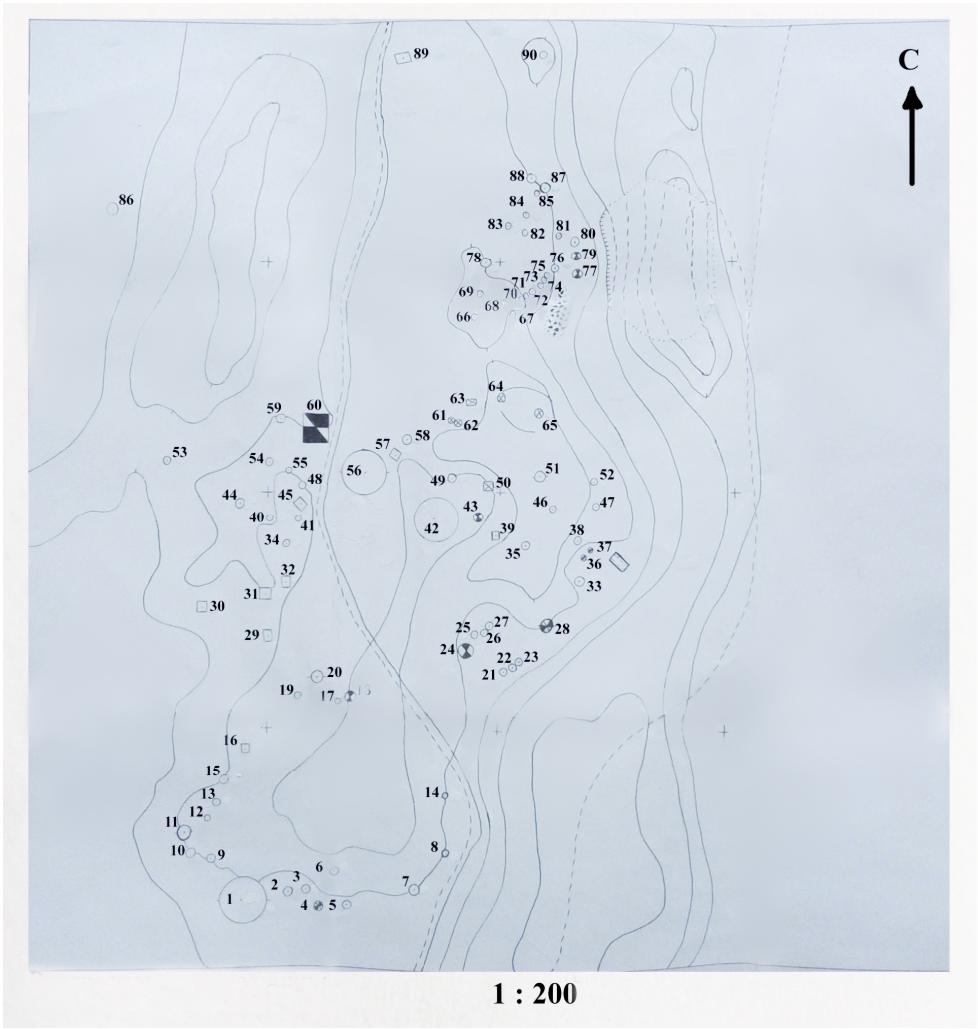
Второй объект исследования – сооружение поздней бронзы неправильной квадратной формы из камня со сторонами: северная – 19,7 м, южная – 20,6 м, восточная – 22,5 м и западная – 21,7 м. Стенки сооружения ориентированы по сторонам света. Внешне наземная часть имеет вид насыпи, ограниченной каменной оградой из горизонтально сложенных плит, дополнительно укрепленных по углам высокими глыбами каменных пород. Общая высота надмогильного сооружения – 1,47 м. Поверхность наземного сооружения сильно задернована. Центральная часть по окружности и углы обросли кустарником.

После фотофиксации объект был разделен на четыре равных сектора по странам света. В ходе раскопок северо-восточного сектора в центральной части каменной насыпи было расчищено каменное кольцо, опоясывающее могильную яму. В ходе дальнейшей зачистки выявлены еще четыре вписанные друг в друга кольцевые ограды. Средние размеры камней кольцевых оград составляют: высота – 25 см, длина – 40 см, ширина – 20 см.

В разных частях наземного сооружения под дерном найдены астрагалы барана. В северо-западном секторе в центре был найден обработанный камень с узорами в виде ракушки. В этом же секторе в углу и в южной части найдены еще два бараньих астрагала.

После полной расчистки трех секторов в центре выявлена могильная яма. Могильная яма ориентирована по направлению восток-запад. На уровне древней поверхности яма ограничена каменной одинарной оградкой размерами 480 х 380 см. Внутри нее проступило гумусное заполнение могильной

ямы. В ходе раскопок на глубине 1 м от современной поверхности был найден зуб и трубчатая кость лошади. Сохранность костей плохая. В центральной части могильной ямы остались следы грабительского лаза размерами 150 х 110 см. Цвет почвы грабительского лаза черный и резко отличается от основной желтой могильной супеси. В процессе выборки могильной ямы, на глубине 1,2 м от уровня древней поверхности, проступил юго-западный угол каменного ящика. В ходе дальнейшей зачистки каменный ящик был полностью выявлен. Размеры каменного ящика: длина – 1,96 м, ширина – 95 см. На поверхности каменного ящика в разбросанном (вертикально и горизонтально) положении находились обломки плит перекрытия. Внутри каменный ящик был заполнен черным и рыхлым грунтом грабительского лаза. Дальнейшее углубление подтвердило, что курган был ограблен, так как мы находили плохо сохранившиеся фрагменты скелета человека, обломки керамического сосуда и фрагменты ожерелья из бронзы, кости и клыков диких животных в разбросанном виде и на разных отметках глубин. На дне каменного ящика в западной части обнаружены фрагмент бронзового браслета и серьга из бронзы с нанизанной на нее золотой подвеской в полтора оборота, а также обработанные астрагалы барана.

Топографический план могильника «Қырықүнгір»

Литература

Бейсенов А. З., Варфоломеев В. В., Касеналин А. Е. Памятники Бегазы-Дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы: Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана, 2014. 192 с.

Маргулан А. Х. Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979

https://ru.wikipedia.org/wiki/Шаган_(приток_Иртыша)

Р. Ж. Жанузак (г. Актобе)
Актюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова
Научный руководитель: М. Н. Дуйсенгали,
директор Актюбинского областного историко-краеведческого музея

История исследования погребальных памятников раннего Железного века на территории Актюбинской области (70–90 е XX в.)

Актюбинская область расположена на северо-западе Республики Казахстан, граничит на севере с Оренбургской областью Российской Федерации, на юге – с Каракалпакстаном, входящим в состав Республики Узбекистан, на западе – с Атырауской и Западно-Казахстанской, на востоке – с Костанайской, на юго-востоке – с Кызылординской областями. Занимающая столь обширный регион, область раскинулась на площади 300 тысяч кв. км, простираясь с севера на юг на 700 км и с востока на запад на 800 км.

По характеру рельефа территорию области можно разделить на пять геоморфологических районов: Мугалжарские горы, Урало-Эмбенское плато, Тургайско-Приаральская столовая равнина, плато Устюрт и Прикаспийская низменность.

Главными реками области являются Илек, Эмба, Орь, Хобда, Уил, Иргиз, Сагиз, Тургай. По северной границе области на протяжении 70 км протекает р. Урал.

Таким образом нынешняя геоморфология территории Актюбинской области имеет разветвленную гидросеть и богатые пастбищные площади, что является вполне комфортными условиями для обитания человеческих коллективов. Ярким примером этого является значительное количество памятников, датируемых от каменного века до средневековья, расположенных на территории области. В том числе можно отметить наибольшую концентрацию памятников раннего железного века в данном регионе. К ним относятся курганные могильники, одиночные курганы и различные культовые сооружения. Эти памятники исследовались в разные годы многими учеными, так как их изучение позволяет проследить историю древних народов населявших территорию Казахстана и сопредельных государств.

История исследования памятников раннего железного века на территории Актюбинской области начинается с конца XIX в. и напрямую связана с

деятельностью Оренбургской ученой архивной комиссии (ОУАК). Члены вышеназванного учреждения положили начало изучению древностей «савромато-сарматов» [Родионов, 1996, с. 9]. В данной статье рассматриваются исследования, проводившиеся в период с 1970 по 1990 г. Этот период оказался особенным для актюбинской археологии, так как предыдущее десятилетие археологические ислледования на территории области практически не проводились. Началом нового этапа исследований в области послужил приезд Каратауского отряда Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции во главе с М. К. Кадырбаевым летом 1973 г. С этого момента возобновились полевые исследования, проводились комплексные экпедиции, всесторонне изучались археологические памятники ранних кочевников. Именно с этого времени берет начало становление местной археологической школы.

М. К. Кадырбаев сделал очень многое для изучения и популяризации истории кочевников раннего железного века. Он совместно с Актюбинским областным историко-краеведческим музеем проводил археологические исследования аварийных памятников области. Благодаря работам М. К. Кадырбаева (1973, 1974, 1976 гг.) были исследованы савроматские курганы Сынтас, Бесоба в левобережьи реки Илек, вблизи поселка Хлебодаровка и курганы с каменными грядами («усами») на западных скатах хребта Катынадыр в Хромтауском районе [Кадырбаев, 1974, с. 9–10].

Значительный вклад в проведение полевых исследований региона внесли местные геологи-краеведы. Ими проводились тщательные разведки и раскопано множество археологических памятников.

Замечательный актюбинский краевед В. В. Родионов, начавший археологическую деятельность в 1970 г., за 10 с лишним лет открыл большое количество археологических памятников, создал археологический отряд при Актюбинском краеведческом музее. Под его руководством были исследованы такие памятники, как курган № 2 могильника Бисоба, курган № 3 могильника Имангазы-Карасу. В. В. Родионов так же занимался подготовкой археологов-профессионалов из среды актюбинцев. Им был организован археологический кружок при областном музее [Гуцалов, 2004, с. 9].

При геологических работах в 1975–1976 гг. Р. А. Сегединым было выявлено множество памятников раннего железного века. Среди них отмечены могильники с каменными грядами («усами»), земляные и каменно-земляные курганы [Сегедин, 1976, с. 2].

В 1979 г. Сибирско-Среднеазиатская экспедиция под руководством В. А. Могильникова проводила разведочные работы в зоне, где проектировался главный канал переброски части стока сибирских рек в Казахстан и Среднюю Азию. На территории Актюбинской области разведки были проведены по левобережью р. Иргиз. В ходе своих работ им были выявлены памятники раннего железного века Аралтогай I–IV, Дунгелексор, Милы и др. [Могильников, 1979, с. 2].

С 1984 г. археологический отряд Актюбинского областного историко-краеведческого музея возглавляет С. Ю. Гуцалов. В 1984–1985 гг. им были

исследованы курганы Болгарка 1, 2 и могильники Кызылжар, Жаман-Каргала II [Гуцалов, 2004, с. 9].

Началом нового этапа археологических исследований в области послужило открытие 1985 г. исторического факультета в Актюбинском государственном педагогическом институте. Это событие повлияло на развитие вузовской археологии в данном регионе, у истоков которого стояли такие ученые, как С. Ю. Гуцалов и А. А. Бисембаев, продолжающие свои исследования.

Археологическими экспедициями Актюбинского государственного педагогического института в основном были исследованы погребальные памятники раннего железного века. К числу таких памятников относятся Жаман Каргала I,II, Шпаки I, Восточно Курайлинский I, Целинный I, Танаберген II, Акжар II, III и другие [Дуйсенгали, Бисембаев, Мамедов, 2011, с. 148].

Таким образом, полевые исследования, проводившиеся с 1970 по 1990 г., являются плодотворными в изучении памятников раннего железного века. Благодаря проделанным работам в эти годы научному миру были открыты новые памятники археологии, которые расширили ареал исследования и увеличили объем источниковой базы.

Литература

Гуцалов С. Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск: Полиграфсервис, 2004. 136 с.

Дүйсенғали М. Н., Бисембаев А. А., Мамедов А. М. Батыс Қазақстан аймағындағы ерте темір дәуірі ескерткіштерінің зерттелу тарихы // Тәуелсіздік кезеңіндегі Қазақстан археологиясы: қорытындылары мен келешегі. Алматы.: Хикари, 2011. С. 145–149.

Кадырбаев М. К. Отчет Актюбинского археологического отряда за 1974 год. Рукопись. 1974. Фонды АОИКМ.

Могильников В. А. Отчет о разведке археологических памятников в зоне проектируемой трассы главного канала переброски части стока сибирских рек в Казахстан и Среднюю Азию и проектируемых массивов орошения на территории Актюбинской и Тургайской областей в 1979 г. Фонды ИИАЭ, 1979 г.

Родионов В. В. Очерк истории археологических исследований в Актюбинской области // Вопросы археологии Западного Казахстана. Самара: Диалог, 1996. С. 5–22.

Сегедин Р. А. Древние могильники, обнаруженные в Актюбинской области. Рукопись. 1976. Фонды АОИКМ.

Л. А. Ипатова (г. Ижевск)
Удмуртский государственный университет
Научный руководитель: С. А. Перевозчикова, к.и.н., н.с. ИИКНП УдГУ

Подарочные наборы могильников мазунинского типа в Удмуртском Прикамье: сравнительный анализ

При исследовании древних могильников важное место занимает изучение погребального обряда, в котором наиболее ярко отражены религиозные, мировоззренческие представления древних людей. Под погребальным обрядом большинство исследователей понимают совокупность символических и

реальных действий, совершаемых в соответствии с определенными нормами и представлениями при захоронении умершего [Ольховский, 1986, с. 68; Мельник, 1990, с. 74]. В системе погребальных традиций мазунинского населения III–V вв. четко фиксируемым элементом обрядовых действий являются так называемые «подарочные наборы» – обычай помещения части вещей компактным скоплением (иногда в контейнере) в определенной части могильной ямы.

В круг культур I тыс. н. э., в погребальном обряде которых встречаются такие наборы, помимо мазунинской культуры, определенно входят памятники целого ряда культур финно-угорского мира (азелинская, позднегородецкая, ванвиздинская, поломская, ломоватовская и т. д.). При всей схожести основных элементов наборов, нет однозначного ответа на их смысловую нагрузку, о чем свидетельствует хотя бы использование разных наименований данного явления: «жертвенно-ритуальные комплексы» [Никитина, 2001], «погребения с дарами» [Белоцерковская, 1997], «жертвенные комплексы» [Останина, 1997; Лещинская, 2014], «подарочные наборы» [Голдина, 2010]. Для каждой из культур набор уникален, неповторим в единстве всех признаков, характеризующих его [Останина, 1997, с. 27]. Признаки подарочных наборов (состав, закономерности в расположении, пол погребенного и т. д.) имеют в каждой культуре свою специфику, вместе с тем между ними отмечается та или иная степень сходства [Истомина, 1982, с. 79].

В сравнительном анализе были использованы материалы наиболее подробно опубликованных могильников: рязано-окские могильники (Кораблино, Борки, Гавердово, Шатрище), древнемордовские (Усть-Узинский II могильник), могильники мазунинского типа (Боярский, Дубровский, Тарасовский, Заборьинский), азелинской культуры (Тюм-Тюмский, Суворовский, Мари-Луговской, Рождественский V), поломские (Варнинский). В ходе исследования было рассмотрено 2380 погребений, из них 386 погребений содержали подарочные наборы (16,2%).

Для сравнения подарочных наборов мазунинского типа с другими исследование проводилось по нескольким основным признакам.

1. Количество подарочных наборов в погребениях.

Обычно в захоронениях зафиксировано по одному подарочному набору. Но есть погребения, в которых найдено по 2–3 комплекта. Наиболее часто такое наблюдается в захоронениях могильников мазунинского типа (Тарасовский могильник: 5 случаев по 2 п. н. в погребении, в 1 случае 3 п. н.; Боярский: по 2 п. н. в захоронении встречается в 1 случае, по 3 п. н. – в одном; Дубровский: 2 случая с 2 п. н. в погребении; Заборье: по 2 п. н. – одно погр.). Такое же явление можно заметить в захоронениях некрополей азелинского типа (Тюм-Тюм: 1 случай, когда в погребение было помещено 3 п. н., Суворовский: по 2 п. н. – 1 погр.) и в поломской культуре (Варнинский могильник – дважды встречается по 2 п. н. в погребении и 1 случай, когда в погребении найдено 3 п. н.).

Статистика по количеству подарочных наборов отдельных регионов представлена в таблице.

Сравниваемые культуры	Количество рассматриваемых погребений (шт.)	Количество погребений с подарочными наборами (шт., %)
Мазунинские могильники	1236	308=25%
Древнемордовские могильники	95	3=3,6%
Рязано-окские могильники	490	45=9,2%
Азелинские могильники	261	13=5%
Поломские могильники	298	17=6%

Стоит обратить внимание на то, что в статистику попали по одному могильнику древней мордвы и поломской культуры: Усть-Узинский II могильник и Варнинский соответственно. Скорее всего, результаты по ним, с расширением выборки, будут скорректированы.

2. Тип контейнера, в котором располагался подарочный набор.

В ходе исследования были отмечены следующие типы контейнеров: 1) берестяной короб и туесок, 2) крупная перевернутая эполетообразная застежка, 3) кожаный мешочек, 4) лубяной туес, 5) глиняный сосуд, 7) сверток из: луба; ткани; луба, кожи и ткани; луба, бересты и ткани; 8) шкатулка. Наиболее распространенной формой контейнера являлся берестяной короб, или туесок, так как он встречается во всех сравниваемых культурах. Большее распространение они получили в составе подарочных наборов погребений мазунинских (67 случаев (21,2% от всех рассмотренных погребений с подарочными наборами)), азелинских (11 случаев; 69%) и поломских (11 сл.; 65%) могильников соответственно. Можно выделить уникальный случай, когда подарочный набор был уложен в прямоугольник, выложенный из 11 узких боевых топоров (п. 94 Тюм-Тюмского могильника). Что же касается мазунинских могильников, то известен также единственный случай, когда набор располагался в глиняном сосуде (п. 154 Боярского могильника). В рязано-окских могильниках наиболее распространенный тип контейнера дарственных наборов – свертки (16 сл.; 36% от всех рассмотренных могильников данного региона), реже встречаются берестяные коробочки – 4 сл. (9%) и сосуды – 3 сл. (7%). Что же касается типа контейнера подарочных наборов древней мордвы, то следует обратить внимание на то, что выборка крайне мала для выводов, однако в 1 погребении в качестве контейнера даров был отмечен берестяной туесок.

3. Местоположение подарочного набора в погребениях.

В ходе исследования было выделено несколько позиций дарственных наборов по отношению к костяку: в области головы, у ног, около пояса, у плеч, на груди. Подарочные наборы в мазунинских могильниках чаще располагались в области головы – 189 сл. (60%). Такое же положение характерно для поломского Варнинского могильника – 9 случаев (53% от всех погребений с подарочными наборами этого могильника). Дарственные комплексы в рязано-окских, азелинских и древнемордовских могильниках чаще встречались в области ног умершего: 17 сл. (38%), 5 сл. (31%), в 2 сл. из 3 соответственно.

4. Антропологическая характеристика захоронений, содержащих подарочные наборы (для подсчета использованы только могильники, для которых имелись половозрастные характеристики).

Во всех случаях абсолютное большинство дарственных наборов относятся к женским захоронениям. В мазунинских некрополях 147 женских погребений сопровождались подарочными наборами (89%). Азелинские подарочные наборы также коррелируются с женскими захоронениями – 10 из 13 случаев (77%). Что же касается захоронений с подарочными наборами поломской культуры, то и здесь чаще дары можно встретить рядом с умершими женского пола (56%), но стоит обратить внимание, что и в мужских погребениях они нередки. Противоположная ситуация на памятниках рязано-окского ареала, где подарочные наборы чаще встречены в мужских захоронениях, нежели женских (75%). Однако вещи, входившие в состав даров, женские. К таким наборам больше подходит определение как «женские дары» умершему мужчине.

5. Состав подарочных наборов.

В дарственных наборах встречаются головные, нагрудные, обувные, поясные украшения, украшения рук, орудия труда и оружие, конское снаряжение, бусы, кости животных, сосуды. Во всех могильниках в составе подарочных наборов, безусловно, преобладают украшения. Только в составе дарственных комплексов мазунинских могильников встречается бабочковидная фибула, которая, в свою очередь, выступает маркером всей культуры. В целом же состав подарочных наборов остается традиционным и специфичным, то есть основным его содержанием являются украшения.

Выявленное сходство может говорить о возникновении данного обычая в родственной среде, а различия – свидетельство уникальности подарочных наборов того или иного региона. Они могут рассматриваться как следствие взаимовлияния культур, заимствования чего-то нового. Например, подарочные наборы азелинских и мазунинских могильников имеют больше пересечений по сравниваемым признакам, возможно, в связи с тем, что они имеют общую пьяноборскую основу бассейна р. Камы.

Литература

Белоцерковская И. В. Погребения с дарами из могильника Кораблино (по материалам раскопок 1986-1991 гг.) // Археологический сборник. М., 1997. Вып. 93. С. 20–28.

Бернц В. А. К вопросу о традиционных элементах погребального обряда финно-угорского населения эпохи великого переселения народов Удмуртского Прикамья (по материалам Заборьинского грунтового могильника) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов: материалы международного симпозиума. Ижевск: Изд-во «Удмурт. ун-ет», 2006. С. 351–389.

Бернц В. А. Отчеты об археологических исследованиях в Киясовском районе Удмуртской республики за 2009 и 2010 гг. Ижевск // Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ф. 2. Д. 517, 539.

Генинг В. Ф. Азелинская культура III–V вв. // ВАУ. Вып 5. Свердловск; Ижевск, 1963. 160 с.

Голдина Р. Д., Сабиров Т. Р., Сабирова Т. М. Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Среднем Каме. Т. III // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 29. Казань; Ижевск, 2015. 297 с.

Истомина Т. Б. Жертвенные комплексы средневековых могильников Приуралья как этнический определитель // Проблемы этнических исследований европейского Северо-Востока. Пермь: Пермский ун-т, 1982. С. 87–103.

Лещинская Н. А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н. э.) // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27. Ижевск, 2014. 472 с.

Гришаков В. В., Давыдов С. Д., Седышев О. В., Сомкина А. Н. Мордовские племена накануне Великого переселения народов (Усть-Узинский могильник III–IV вв.). Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2016. 195 с.

Останина Т. И. Население Среднего Прикамья в III–V вв.: монография. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ Уро РАН, 1997. 327 с.

Семенов В. А. Новый памятник поломской культуры. Ижевск, 1980. С. 22–23.

Старостин П. Н. Рождественский V могильник // Серия «Археология евразийских степей». Вып. 9. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. 144 с.

Черных Е. М. Отчеты об археологических исследованиях Боярского («Арай») могильника в Каракулинском районе Удмуртской республики за 2002–2005, 2007–2009 гг. Ижевск // Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ф. 2. Д. 421, 422, 438, 449, 484, 495, 518.

Черных Е. М. Отчет об археологических раскопках Дубровского могильника в Киясовском районе Удмуртской республики в 2012–2014 гг. Ижевск // Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ф. 2. Д. 569, 578, 590.

Ю. Д. Кравцова (г. Ростов-на-Дону)
Южный федеральный университет
Научный руководитель: Е. В. Вдовченков, к.и.н., доц.

Позднесарматские ременные гарнитуры по материалам Некрополя Танаиса: анализ историографии

Ременная гарнитура – это элемент одежды, состоящий из пряжки и наконечника ремня, которые использовались в качестве аксессуаров. Ее функциональным назначением являлось крепление оружия, опоясывание человека, крепление плаща [Яценко, 2002, с. 178], также, возможно, она являлась элементом, демонстрирующим социально-статусное положение [Яценко, 2002, с. 187], что обусловливает интерес к данной категории погребального инвентаря. В отечественной историографии данная проблематика не получила широкого распространения, но существует ряд исследований, которые позволяют рассмотреть некоторые проблемы, возникающие при изучении ременных гарнитур, в частности пряжек.

Танаис, находящийся в низовьях Дона, на протяжении нескольких столетий был контактной зоной между представителями разных этнокультурных традиций: сарматской (иранской) кочевой, меотской (варварской), эллинистической. Более того, этот окраинный (региональный) центр являлся одним из ключевых пунктов на пути передвижений волн кочевников с Востока [Толочко, 2004, с. 4]. С середины II в. н. э. в самом Танаисе и его кочевом окружении происходят перемены, связанные в том числе с приходом новой волны

азиатских мигрантов [Безуглов, 2010, с. 95], что выражается в частичном оседании кочевников и их инкорпорации с местным населением. Об этом свидетельствует тот факт, что начиная с середины II в. происходит изменение состава личных имен в эпиграфике Танаиса и появление в некрополе Танаиса выразительных погребальных комплексов степного позднесарматского облика [Безуглов, 2010, с. 110–111], Все это объясняет наличие немалого скопления пряжек, обладающих лучшей сохранностью и являющихся наиболее массовой категорией погребального инвентаря, связанного с гарнитурой, относящихся к позднесарматскому периоду.

Изучение пряжек позднесарматского времени не насчитывает огромного количества трудов, которые комплексно анализировали пряжки как отдельный предмет научного исследования. Чаще всего пряжки рассматриваются в контексте остального погребального инвентаря. Производится ее описание по следующим критериям: материал, форма, сечение, местоположение ее в погребении. Иногда некоторые из данных критериев отсутствуют.

С. И. Безуглов – один из ключевых специалистов в области позднесарматской археологической культуры, в том числе он один из немногих авторов, кто уделяет внимание ременным гарнитурам, в частности пряжкам. Он обращает внимание на распространенность серебряных пряжек в погребениях и считает их прекрасным группообразующим и датирующим материалом. Выделяет следующие ориентиры для обоснования синхронности всех типов: взаимовстречаемость в комплексах и общие стилистико-технологические элементы. Все это позволяет соотнести позднесарматскую группу металлических изделий с северопонтийскими, а также западносарматскими находками, хорошо датированными монетами и импортными вещами в пределах последней трети II – первой половины III вв. [Безуглов, 1997, с. 137]. Опираясь на эти ориентиры, можно выявить место изготовления пряжек – местная или импортная. Стоит обратить внимание на тот факт, что С. И. Безугловым обращено внимание на пряжки, входящие в состав уздечного ременного набора, но выделенные им ориентиры могут быть использованы при изучении и пряжек поясных гарнитур.

И. В. Сергацков также уделяет внимание пряжкам. По его мнению, поясные пряжки как элементы костюма могут служить в качестве этнографического признака. Также он выделяет пряжки некоторых типов, которые позволяют установить «узкую дату» комплекса [Сергацков, 2000, с. 133]. Таким образом, он рассматривает пряжки, найденные в сарматских погребениях на Илове, находит их аналоги и таким образом производит датирование материала, а следовательно и всего комплекса. Например, он выделил категорию круглорамчатых пряжек с подвижным язычком и овальным щитком и соотнес с аналогами, найденными на некрополе Танаиса, которые в свою очередь датируются в пределах второй половины II – первой половины III в. н. э. [Сергацков, 2000, с. 134].

Сарматологом, уделившим внимание пряжкам, является и В. Ю. Малашев. Его статья [Малашев, 2000] представляет наибольшей интерес, так

как на данный момент это единственная работа, представляющая собой удачную попытку выявления типологических рядов пряжек. К разработке периодизации Малашева, в основном, привлечены материалы Северного Кавказа и Нижнего Дона, так как в период III–IV вв. эти районы имели связь друг с другом [Малашев, 2000, с. 194] (но также были учтены выразительные комплексы Поволжья, Урала, Северного Причерноморья, Керчи и Южной Сибири, вещи которых были стилистически близки Северокавказским и Нижнедонским), что обусловливает региональную специфику периодизации. В основу статьи положена хронологическая схема на основе аланских [Безуглов, 2010, с. 95] ременных гарнитур. Для анализа были взяты гарнитуры без их учета функционального назначения. Главным признаком классификации стали предметы, отражающие эволюционное изменение этих вещей, таким предметом и является пряжка. Опираясь на материалы данной статьи, можно установить хронологические рамки существования предмета, а далее и всего комплекса.

Из трудов, освещающих данную проблематику, можно выделить монографию С. А. Яценко «Костюм иранских кочевников» [2002], в которой он наряду с другими костюмами иранских кочевников комплексно описывает сарматский костюм и его элементы. Внимание автор также уделяет и поясам – ременным гарнитурам. Автор делит пояса на мужские и женские, отмечает, что такой элемент присущ исключительно мужской части «сарматского мира». Было обращено внимание на то, что пояса мужчин позднесарматской археологической культуры отличались своей скромностью (золото было заменено серебром). В это время от аланов Нижнего Дона в Степи распространяется стандартная экипировка дружинников, включавшая в себя комплектсеребряных пряжек и наконечников пояса с граненными (фацетированными) краями, подражавшими римским образцам 1168. Эти пояса уже не сопровождаются зоо– и антропоморфными изображениями 1169 [Яценко, 2002, с. 188–189].

Также хотелось бы отметить аналитический труд М. Г. Мошковой «Выпуск IV Статистической обработки погребальных памятников Азиатской Сарматии», который посвящен позднесарматскому периоду. Он позволяет выявить аналоги инвентаря в памятниках на большей части Нижнего Дона и Поволжья. Благодаря данному труду уже известно, где находятся пряжки позднесарматской культуры, которые представляют собой идентичные типы по формам и материалу, их возможные пути появления на данной территории. К сожалению, точного опорного пункта поставки серебряных аланских [Безуглов, 2010, с. 95] пряжек не установлено, в работе они отмечены критерием «импорт». Этот статистический сборник не единичный в перечне работ М. Г Машковой. Среди работ данного автора можно выделить некоторое количество работ, которые содержат информацию о пряжках, но в основном это описание инвентаря.

В 2013 г. вышла статья М В. Кривошеева, на страницах которой идет речь об изделиях из серебра, которые могут выступать в качестве хроноиндикатора позднесарматских комплексов. К таким изделиям автор относит, в

первую очередь, детали ременной гарнитуры [Кривошеев, 2013, с. 132]. Массовое появление серебряных изделий на Нижнем Дону и Нижнем Поволжье относится к III в. Как отмечает автор, в комплексах Нижнего Дона их гораздо больше, но это не препятствует поиску аналогов и проведению параллелей между комплексами данных районов. М. В. Кривошеев также обращает внимание на то, что серебряные изделия характерны для ярких воинских захоронений данной археологической культуры [Кривошеев, 2013, с. 134]. В некоторых случаях серебряные изделия находились в комплексе в сочетании с полным набором вооружения, что сообщало о высоком социальном ранге погребенного [Кривошеев, 2013, с. 134]. Из всего этого следует, что при сочетании серебряной пряжки и другой категории инвентаря можно определить статус в обществе, в котором находился погребенный при жизни.

Таким образом, при изучении историографии выделяется следующая основная линия: описание предмета в комплексе, его физические функции, материал и форма. На основании этого можно сделать вывод, что ряд проблем касаемо пряжек поясных ременных гарнитур шиповской культуры [Безуглов, 2010, с. 95] либо раскрыт не полностью, либо вообще не поднимался. А отдельного целостного изучения пряжек, которыми располагает некрополь Танаиса, вообще нет. Большинство трудов не затрагивают этот серебряный [Яценко, 2010, с. 188] аксессуар сарматского костюма по отдельности, а рассматривают совместно со сбруйным, без учета уникальности предназначения. Таким образом, следует обратить внимание на несколько нерешенных проблем, которые представляют собой комплексное изучение и описание именно пряжек, относящихся к элементам пояса, найденных на некрополе Танаиса; обращение к инвентарю, который находится в погребении совместно с пряжкой, что поспособствует более узкой датировке пряжек и дальнейшему ее использованию в качестве датирующего материала; установление половозрастной структуры комплексов, в которых встречается данный элемент инвентаря II (III) – IV вв.; определение эпицентров изготовления серебряных пряжек и их каналы поступления в среду «сарматского мира»; рассмотрение пряжек не только в качестве аксессуара в гардеробе кочевника, но и с других возможных аспектов: как элемент принадлежности к кочевому миру, как элемент демонстрации статуса или отличительных черт воина.

Литература

Безуглов С. И. Воинское позднесарматское погребение близ Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. 14. Азов, 1997.

Безуглов С. И. Позднесарматская культура и Нижний Дон // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным). Вып. 3. Волгоград, 2010.

Ильяшенко С. М. Поселения Раннего Железного века // Археология Нижнего Дона. Ростов-на-Дону, 2013.

Кривошеев М. В. Серебряные изделия как хроноиндикатор в позднесарматских комплексах // Нижневолжский археологический вестник. Вып.13. Волгоград, 2013.

Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000.

Мошкова М. Г. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып.4. М., 2009.

Сергацков И. В. Сарматские курганы на Илове. Волгоград, 2000.

Толочко И. В. Некрополь Танаиса (начало III в. до н.э. – V в. н.э.): опыт сравнительного изучения. М., 2004.

Яценко С. А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М., 2004.

П. Ю. Кучеров (Республика Казахстан, г. Астана)
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
Научный руководитель: М. К. Хабдулина, к.и.н., доц.

Колчанные наборы Раннесакского времени Тасмолинской археологической культуры

Ежегодно отечественная и мировая археология пополняется множеством найденных артефактов, среди которых особняком стоят находки наконечников стрел. Изготовление оружия являлось актуальным во все времена, и с каждой эпохой этот процесс продолжал совершенствоваться. В данной работе речь пойдет о наконечниках стрел Тасмолинской археологической культуры VIII–IV вв. до н. э. Тасмолинская археологическая культура занимает территорию степной полосы Центрального Казахстана.

Тасмолинская археологическая культура была обоснована М. К. Кадырбаевым в середине 1960-х гг. [Кадырбаев, 1966, с. 303–433]. У тасмолинцев, в силу этнокультурной близости и схожего образа жизни, было много общего с сакскими племенами других регионов Казахстана, а также Саяно-Алтая, Южного Урала [Бейсенов, 2015, с. 11].

Большинство наконечников стрел встречаются при раскопках захоронений, гораздо реже на поселениях. Сохранность органических материалов обычно не позволяет зафиксировать детали оформления лука и стрел (как и приспособления для их хранения и транспортировки), однако встречаются изображения лука на статуэтках, оленных камнях, а также на металлических миниатюрных фигурках всадников. На всех изображениях лук подвешен к поясу с левой стороны [Чотбаев, 2013, с. 66].

Раннесакские наконечники стрел изготовлены из бронзы. В колчанах изредка присутствуют костяные и единично деревянные наконечники стрел. Для тасмолинских воинов характерны бронзовые втульчатые и черешковые наконечники стрел. Во всех памятниках колчаны располагаются слева от погребенного, вдоль берцовой кости, в большинстве случаев острием вниз [Чотбаев, 2013, с. 71].

Новые колчанные наборы были открыты в курганных могильниках Кокшетауской возвышенности сотрудниками Ишимской стационарной археологической экспедиции при Евразийском национальном университете им. Л. Н. Гумилева в последние годы. Наиболее крупный колчанный набор происходит из кургана № 1 могильника Шагалалы 4, раскопанного сотрудниками

ИСАЭ в 2013 г. Могильник располагается в Зерендинском районе Акмолинской области. Среди погребального инвентаря присутствовало 2 деревянных и 10 бронзовых наконечников стрел с древками, которые были обнаружены на уровне вытянутой левой руки. Острия стрел ориентированы на восток. Удалось восстановить среднюю длину стрелы, ибо древки стрел фиксировались довольно отчетливо. Средняя длина стрелы вместе с наконечником составила около 40 см. Диаметр древков – 3–4 см. По форме бронзовые наконечники данного колчанного набора разделяются на 2 типа: втульчатые двухлопастные наконечники с ассиметрично-ромбовидной формой пера (5 наконечников) и втульчатые ромбовидные, четырехгранные ассиметрично-ромбовидные наконечники (5 наконечников) [Ярыгин, Сакенов, 2015, с. 437–438]. Высота бронзовых наконечников стрел – 4,1–4,5 см, ширина в среднем составила 1,4 см, вес у всех наконечников одинаковый – 8 г. Длина первого деревянного наконечника составляет 5,8 см, а диаметр – 0,9 х 1,1 см; длина второго – 5,9 см, диаметр – 1 х 1,3 см. Колчанный набор датирован VIII–VII вв. до н. э.

Костяные наконечники стрел по типологии представлены ромбовидными черешковыми и пулевидными втульчатыми. Наиболее ранними будут являться пулевидные наконечники. Последняя находка подобного типа наконечников происходит из разрушенного грабителями погребения кургана № 8 могильника Бесоба, исследованного археологами ИСАЭ в 2012 г. Могильник Бесоба располагается на территории Ишимского сельского округа Жаксынского района Акмолинской области. Курган № 8 располагается в юго-западной части могильника, состоящего из 10 курганов различных размеров. При проведении раскопочных работ в северо-восточной стороне могильной ямы был обнаружен один костяной втульчатый пулевидный наконечник стрелы. Высота наконечника – 2 см, внешний диаметр втулки – 0,6 см, наибольший диаметр в верхней части – 0,7 см [Свиридов, Тлеугабулов, 2015, с. 256]. Наконечники такого типа по материалам Северного Казахстана отнесены к хронологическому периоду VI–V вв. до н. э. [Хабдулина, 1994, с. 49–50]. При этом исследователь, ссылаясь на материалы могильника Уйгарак, утверждает, что пулевидные наконечники для Казахстана датируются временем не позже VII–VI вв. до н. э. [Хабдулина, 1994, с. 50].

В полевом сезоне 2013 г. сотрудниками ИСАЭ проводились раскопки на территории Есильского района Акмолинской области в кургане 1 могильника Ишан. С левой стороны погребенного в районе большой берцовой кости находятся остатки колчанного набора. Острием к ногам погребенного располагались три наконечника стрелы хорошей сохранности с остатками древок. Наконечники стрел бронзовые, втульчатые, двухлопастные с опущенными вниз жальцами. Размер – 3,2 см. У Ю. С. Худякова встречается описание подобных наконечников: «Широкое распространение среди воинов ираноязычных кочевых племен средней и центральной Азии получили бронзовые, двухлопастные втульчатые наконечники стрел...» [Худяков, 2003, с. 55].

В полевом сезоне 2014 г. сотрудники ИСАЭ проводили археологические работы в Зерендинском районе Акмолинской области, в верховьях

р. Шагалалы. Участниками экспедиции был раскопан раннесакский и древнетюркский комплекс Шагалалы 5. Среди погребального материала было зафиксировано 2 бронзовых наконечника стрел. Один из них является черешковым двухлопастным наконечником с треугольной головкой. Черешок сплющен книзу. Высота – 4,8 см, длина боевой головки – 2 см, длина черешка – 2,8 см. Ширина боевой головки – 1,9 см, ширина черешка – 0,5 см. Вес – 4 г. По аналогии наконечник датирован VII в. до н. э. Второй из обнаруженных наконечников по типологии является черешковым наконечником с трехгранным острием. Черешок наконечника заканчивается у основания головки. Высота – 4,6 см, длина боевой головки – 2 см, длина черешка – 2,6 см. Ширина боевой головки – 1 см, ширина черешка – 0,3 см. Вес – 4 г. По аналогии наконечник также датирован VII в. до н. э. [Ярыгин, Сакенов, 2015, с. 438–439].

Изучение оружия дистанционного боя, к которым относятся лук со стрелами, позволит наиболее полно раскрыть самобытную культуру номадов евразийских степей одного из самых интереснейших периодов в истории Евразии – эпохи ранних кочевников. Это было время, когда начинали создаваться первые государственные образования, когда закладывался новый тип хозяйствования, просуществовавший в степном поясе долгое время.

Литература

Бейсенов А. З. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб-к науч-х ст., посвящ. памяти археолога К. А. Акишева. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 11–38.

Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. С. 303–433.

Свиридов А. Н., Тлеугабулов Д. Т. Раннесакский комплекс могильника Бесоба в среднем течении реки Ишим // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб-к науч-х ст., посвящ. памяти археолога К. А. Акишева. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 255–259.

Хабдулина М. К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Галым, 1994. 170 с.

Худяков Ю. С. Защитное вооружение номадов центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2003. 202 с.

Чотбаев А. Вооружение древних кочевников казахских степей. Астана: Филиал Ин-та археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана, 2013. 200 с.

Ярыгин С. А., Сакенов С. К. Колчанный набор раннесакских племен верховьев р. Шагалалы // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб-к науч. ст., посвящ. памяти археолога К. А. Акишева. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 436–440.

К. С. Левкова, Р. Р. Саттаров (г. Самара)
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева

Бусы пьяноборской археологической культуры: историографический обзор

Во многих археологических культурах раннего железного века бусы являются одной из самых многочисленных категорий находок. В данном контексте пьяноборская культура, занимающая в основном бассейн Нижней Камы, Нижней и Средней Белой в пределах современных районов северо-запада Башкортостана, северо-востока Татарстана и юга Удмуртии, не является исключением. Если ареал распространения культуры более или менее определен, то хронологические рамки у исследователей вызывают некоторые споры [Генинг, 1970; Агеев, 1992; Голдина, 1999; Бугров, 2006; Зубов, 2009; Красноперов, 2009]. Вероятнее всего, время существования этой культуры следует определить в пределах II в. до н. э. – II в. н. э. Практически ни одна археологическая культура Волго-Уральского региона не имеет столь емкой источниковедческой базы. Многие составляющие материальной культуры, так или иначе, рассмотрены исследователями, однако бусинный материал остался не изученным в полной мере.

Впервые пристальное внимание на данную категорию находок обратил В. Ф. Генинг. В течение трех полевых сезонов 1954–1956 гг. им были произведены исчерпывающие исследования всей площадки могильника Чеганда II и значительной части городища Чеганда I. Бусы были встречены в 40 погребениях могильника, что составляет 18% от общего числа погребений. Весь обнаруженный бусинный материал был классифицирован исследователем по форме, размеру и цвету, большая часть которого изготовлена из стекла. Достаточно редко встречались бронзовые и каменные бусы [Генинг, 1970, с. 54–55]. В трех погребениях могильника Чеганда II встречены скульптурные бусы из египетского фаянса. В частности, в погребении 23 обнаружены три фигурки в виде лежащего льва (Генинг, 1971, с. 14, табл. XV-50), в погребении 62 – в виде жука-скарабея голубого цвета с S-образным клеймом (Генинг, 1971, с. 18, табл. XV-52), в погребении 192 – в виде алтарика голубого цвета (3 экз.) (Генинг, 1971, с. 27, табл. XV-51). Такие фигурные украшения из египетского фаянса найдены еще в Афонинском, Суюндюковском, Новосасыкульском, Ныргындинском II, Юлдашевском могильниках. Всего 42 экземпляра.

В материалах городища Чеганда I им были выявлены глиняные бусы. Исследователь предположил, что «это не сами бусы, а чушки для отливки медных бус» [Генинг, 1971, с. 74, табл. XXIV-2]. Помимо этого с разработанной классификацией на основе могильника Чеганда II им были соотнесены некоторые бусы из могильников Ныргында I [Генинг, 1971, с. 95] и Уяндык. Выделив бусинный материал последнего могильника, он отметил, что некоторые «типы бус не встречаются в погребениях пьянорборского времени, но получают широкое распространение в культурах III-IV вв.» [Генинг, 1971, с. 127–131].

Дальнейшее изучение бус связано с уфимским исследователем В. А. Ивановым. В 1980 г. им было обращено внимание на количественное соотношение различных типов бус в пьяноборских и кара-абызских памятниках. Исследователь заметил тот факт, что «бусы причерноморских типов представлены и в кара-абызских могильниках Средней Белой, но типами, как правило, почему-то не встречающимися у пьяноборцев, и наоборот» [Иванов, 1980, с. 80]. Данные обстоятельства, вероятнее всего, свидетельствуют о разных путях поступления данной категории импорта.

В 1983 г. в рамках диссертационного исследования Б. Б. Агеевым была предпринята первая попытка создания единой классификации пьяноборских-бус, в основу которой легли материалы Камышлытамакского I, Кушулевского III и Юлдашевского могильников [Агеев, 1983, с. 5; 1992, с. 32–35]. Проведенный нами предварительный осмотр бусинного материала показал определенные неточности и нестыковки в его работе. К примеру, в классификационной схеме не нашла отражение скульптурная бусина в виде жука-скарабея из погребения 74 Юлдашевского могильника [Коллекция МАЭИЭИ УНЦ РАН, КО 531, № п/п 351]; темно-синие глазчатые бусины из погребения 50 Камышлытамаксого I могильника не могут быть соотнесены только с одним типом как в представленной работе [Коллекция НМ РБ, КО 156, № п/п 1].

В 1995–2000 гг. казанским археологом Д. Г. Бугровым изучалось Тойгузинское II городище. Полученный комплекс бус был обработан исследователем в соответствии с классификацией Е. М. Алексеевой [Бугров, 2007, с. 442–453]. Необходимо отметить, что эта работа, несмотря на определенные недостатки избранного ею подхода, является наиболее полной сводкой античных бус Восточной Европы и для хронологической привязки бус свод остается единственным источником [Бугров, 2006, с. 65, 66, сноска 48].

На основе некоторых импортных бус, согласно классификации Е. М. Алексеевой, ижевским исследователем А. А. Красноперовым выдвинуты замечания по хронологии пьяноборской культуры [Красноперов, 2009, с. 92–105]. Более детально А. А. Красноперовым этот же вопрос поднят на основе импортных бус-подвесок в виде сосудиков кеглевидной формы Икского могильника [Красноперов, 2014, с. 331–351]. Стоит заметить, еще одна такая бусина встречена в материалах Кипчаковского I курганно-грунтового могильника (п. 55, раскоп I, раскопки Ф. М. Тагиров 2001 г.).

В 2011 г. Т. Р. Сабировым было изучено размещение бус и бисера Тарасовского могильника, содержащего погребения пьяноборской и мазунинской культур [Сабиров, 2011; Голдина, Сабиров, Сабирова, 2015, с. 22–24].

В 2012 г. Р. Д. Голдиной и А. А. Красноперовым обработаны бусы Ныргындинского I могильника. На основании бусинного материала и аналогий другому инвентарю обозначены более узкие рамки функционирования могильника – вторая половина II – первая половина III в. н.э. [Голдина, Красноперов, 2012, с. 71–75; 78–81].

В 2014 г. С. Э Зубовым и Р. Р. Сатаровым была обработана небольшая коллекция бус из разведочных работ на Кипчаковском II могильнике [Зубов, Саттаров, 2015, с. 546].

В 2015 г. Е. В. Голдиной вновь была затронута тема бус Тарасовского могильника. Автором приведены результаты анализа размещения бус и бисера в женских погребениях этого памятника [Голдина, 2015, с. 53–69].

Таким образом, исходя из упомянутых выше основных работ по данной категории находок пьяноборской культуры, необходимо отметить следующее: бусы не всех раскопанных памятников пьяноборской культуры, в первую очередь могильников, обработаны исследователями; нет самостоятельной общей классификации, включающей как местные, так и привозные бусы; нет уточненной хронологии бус вкупе с остальными пьяноборскими материалами.

Литература

Агеев Б. Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.

Агеев Б. Б. Пьяноборская культура (Вопросы хронологии и общественного строя): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1983. 18 с.

Бугров Д. Г. Поселения пьяноборской культуры в Икско-Бельском междуречье: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2006.

Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. 1. Чегандинская культура III в. до н. э. – II в. н. э. // Вопросы археологии Урала. Вып. 10. Свердловск; Ижевск, 1970. 224 с.

Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. 2. Археологические памятники чегандинской культуры III в. до н.э. – II в. н. э. // Вопросы археологии Урала. Вып. 11. Свердловск; Ижевск, 1971. 159 с.

Голдина Е. В. Бусы в женских погребениях Тарасовского могильника I–V вв. н. э. на Средней Каме // Вестник Пермского университета. Вып. 1 (28). С. 53–69.

Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмурт. ун-т, 1999. 464 с.

Голдина Р. Д., Сабиров Т. Р., Сабирова Т. М. Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Т. III. Казань; Ижевск, 2015. 297 с.

Зубов С. Э. Пьяноборская культура (II в. до н. э. – перв. пол. III в. н. э.) // История Башкирского народа: в 7 т. Т. I. М.: Наука, 2009. 400 с.

Зубов С. Э., Саттаров Р. Р. Новый могильник пьяноборской культуры в Икско-Бельском междуречье // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 17. № 3 (2). Самара, 2015. С. 537–547.

Иванов В. А. Культурные связи оседлых племен Приуралья с кочевниками Великого пояса степей в эпоху раннего железа (к постановке проблемы) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: материалы I Всесоюз-й археол. конф. Кемерово, 1980. С. 74–84.

Красноперов А. А. Погребение № 28 Икского могильника: к вопросу о ранней дате пьяноборских памятников // «Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы». Сер. «Археология евразийских степей». Вып. 20. Казань: Отечество, 2014. С. 331–351.

Сабиров Т. Р. Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме: дис. … канд. ист. наук. Ижевск, 2011.

И. М. Сосновцева (г. Оренбург)
Оренбургский государственный педагогический университет
Научный руководитель: Л. А. Краева, к.и.н., доц.

Конская сбруя из Сарматского погребения Сорочинско-Никольского курганного могильника в Оренбургской области

Конское снаряжение ранних кочевников Южного Урала является неотъемлемым атрибутом кочевого мира. На сегодня изучение конского снаряжения одно из перспективных направлений в исследовании культуры ранних кочевников. В связи с этим особый интерес представляет анализ сбруи из Сорочинско-Никольского курганного могильника в Оренбургской области.

Могильник был исследован в июле 2012 г. отрядом Оренбургской археологической экспедиции под руководством Л. А. Краевой. Могильник располагается в Красногвардейском районе Оренбургской области, в 7,5 км к юго-западу от с. Кинзелька. Раскопано 2 кургана с 8 захоронениями, относящихся к раннесарматской культуре.

Курган 1 имел сложную конструкцию. Центральное захоронение в нестандартной сложной по конструкции могильной яме. В могиле была захоронена женщина 30–35 лет (половозрастное определение было выполнено антропологом А. А. Хохловым), которая, судя по погребальному инвентарю (зеркало, жертвенный столик, крупные куски мела, бронзовое колесико-амулет, керамическая воронка, ритуальные камни), являлась служителем религиозного культа. Остальные 5 погребений в кургане 1 были впускными и содержали захоронения воинов в простых и подбойных ямах.

Одно из впускных погребений (К1П5) принадлежало мужчине 30–35 лет. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на юго – юго – восток, в атакующей позе. К юго-востоку от черепа лежали фрагменты деревянного предмета. У восточной стенки могилы лежали меч и наконечник копья. Вдоль ступени, к западу от левой руки, лежали бронзовые наконечники стрел, среди которых найдена костяная ложечка и интересующие нас предметы конской сбруи. Один из фрагментов железного псалия был полностью покрыт окислами меди и лежал к северу от остальной группы конской сбруи.

Конская сбруя представлена железными удилами (2 шт.), псалиями (2 шт.), бронзовыми налобником и обоймочками двух видов – колечеки и усеченные конусы диаметром 15 мм и высотой 7 мм (8 шт.). Налобник (высота предмета 2,6 см, длина 4 см) выполнен в зверином стиле, изображающем голову архара. Обычай украшения различных предметов конского снаряжения изображениями в зверином стиле является одной из характерных черт культуры ранних кочевников железного века и встречается в широком круге памятников региона.

Удила железные состояли из округлых в сечении стержней, концы которых были загнуты в петли. Длина звеньев удил 11,5 и 13,5 см. Данный тип

удил является распространенным и представлен в широком круге памятников (КМ Переволочан, Шиповские курганы).

Наибольший интерес представляет собой пара двудырчатых псалиев С-образного типа с шишечками на концах. У псалиев такого типа концы обращены в сторону углов рта лошади [Смирнов, 1961, с. 86]. И, вероятнее всего, шишечки нужны были для того, чтобы при управлении, воздействовать на тройничный нерв, две ветви которого идут по верхней и нижней челюсти лошади [Зеленевский, 2007, с. 57].

С-образные тип псалии имеют аналогий в Южном Приуралье, но у каждой из находок свои особенности. Так, железный псалий из Ново-Кумакского могильника [Мошкова, 1962, с. 238. рис. 11,6], найденный в насыпи кургана 13, хорошей сохранности, был сильно изогнут под тяжестью земли или преднамеренно [Смирнов, 1961, с. 86]. Особенностью бронзового С-образного псалия из центрального погребения кургана 12 КМ Переволочан является наличие утолщенных поясков и полусферических шишечек на концах [Стародубцев, 2009, с. 31], похожий тип псалиев встречался в данном могильнике ранее в кургане 10 за пределами глиняного валика [Пшеничнюк, 1995, с. 68]. Аналогия С-образному псалию есть в лесостепном Южном Приуралье, в юго-восточной поле кургана 7 Шиповского могильника [Савельев, 2007, с. 331].

Отличительной чертой псалиев из Сорочинско-Никольского курганного могильника является их биметаллизм. Это железные двудырчатые псалии С-образные псалии с бронзовыми шишечками на концах диаметром 1 см.

Подобный биметаллический псалий был найден в кладе из межкурганного пространства курганного могильника Прохоровка. В Южном Приуралье аналогии биметаллических псалиев, где используется железо и бронза, неизвестны, но было найдено сочетание железа и золота в С-образной паре псалиев в жертвенном комплексе в поле кургана 1 могильника Прохоровка I [Мещеряков, 2011, с. 153]. Шишечки С-образных псалиев были покрыты золотой фольгой, а не спаяны как у псалиев из Сорочинско-Никольского курганного могильника. Вероятно, золотая фольга являлась украшением сбруи. Наличие золота может говорить о том, что социальный статус воина из Сорочинско-Никольского курганного могильника ниже чем человеку, которому принадлежал жертвенный комплекс.

Примечательно, что сочетание железа и бронзы встречается у сарматов не только в деталях сбруи, но и в воооружении [Смирнов, 1961, с. 11].

Предметы конского снаряжения Сорочинско-Никольского курганного могильника, несомненно, представляют большой научный интерес. Наличие не потревоженной сбруи позволяет восстановить внешний вид изучаемого снаряжения. Аналогии данной сбруи мы находим в широком круге памятников Южного Приуралья. Исследуемый нами комплекс имеет свою уникальность, аналогов которой на территории Южного Приуралья не найдено. Хронологически рассматриваемая сбруя, вместе с погребальным обрядом и сопутствующим инвентарем, соответствует общей датировке памятника.

Хронологически рассматриваемый комплекс соответствует общей датировке памятника (вторая половина IV–III в. до н.э.)

Литература

Зеленевский Н. В. Анатомия лошади (атлас-учебник). Т. 3. СПб.: Изд-во ИКЦ, 2007. 200 с.

Краева Л. А. Отчет о раскопках Сорочинско-Никольского курганного могильника в Красногвардейском районе Оренбургской области по открытому листу № 330 в 2012 году // Архив АЛ ОГПУ.

Мещеряков Д. В. Воинские доспехи в погребальном обряде ранних сарматов // Погребальный обряд кочевников Евразии: материалы VII Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии». Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 152–154.

Мошкова М. Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ города Орска // МИА. № 115. М.: Изд-во АН СССР ,1962. С. 206–241.

Пшеничнюк А. Х. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа: Гилем, 1995. С. 63–96.

Савельев Н. С. Конская узда IV–III веков до н.э. из Шиповских курганов лесостепи Южного Приуралья // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Уфа: Китап, 2007. С. 330–339.

Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 161 с.

Стародубцев М. В. Комплекс конского снаряжения Переволочанского курганного могильника. (По материалам раскопок 2007 года) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 32 (170). С. 29–33.

К. И. Суркова (г. Челябинск)
Челябинский государственный университет
Научный руководитель: Е. О. Шиманский,
преподаватель историко-филологического ф-та

Новый памятник Позднесарматского времени Южного Зауралья

В полевой сезон 2015–2016 гг. отряд археологической экспедиции историко-филологического факультета Челябинского госуниверситета при поддержке заповедника «Аркаим» начал исследование курганного могильника Мандесарка-6. Памятник расположен на вершине водораздела рек Кайрахта и Мандесарка в Кизильском районе Челябинской области. Он представляет собой цепочку курганных насыпей вытянутую по линии З-В. Могильник состоит из 11 курганов, из них 7 земляных насыпей округлой формы, остальные – т. н. «фигурные». В середине цепочки находится самый крупный курган (№ 1), окруженный рвом. В восточной части цепочки расположен курган (№ 4) с овальной насыпью. В западной части цепочки могильника расположено сооружение в виде «гантели» – двух грунтовых насыпей, соединенных прямым грунтовым валом. Длинные оси как «гантелевидной», так и овальной насыпи кургана № 4 совпадают с общим широтным расположением курганов в могильнике.

В 2015–2016 гг. были раскопаны 5 курганных насыпей (№ 1–4, 6). Все насыпи земляные без каких-либо видимых на поверхности конструкций. Размеры в целом стандартные для подобного типа памятника (все размеры в метрах):

	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 6
Диаметр	18	14	6	20×14	12
Высота	0,6	0,2	0,15	0,3	0,2
Размеры м.я. на уровне зачистки	0,9×2,6	1,1×2,7	2,55×1,95	2,4×1,2	1,4×2
Глубина м.я. от уровня погребенной почвы	1,25	1,6	1	1,55	1,4
Ориентировка м.я.	СВ-ЮЗ	С-Ю	СЗ-ЮВ	СЗ-ЮВ	С-Ю

В каждом кургане обнаружено по одной могильной яме, расположенной по центру. В среднем толщина выкида из могильной ямы 10–15 см. Везде в районе выкида были встречены следы огня в виде мелких фрагментов угля, за исключением кургана № 1, в котором были обнаружены масштабный погребальный костер, прокаленная почва, уголь и зольники.

Во всех курганах были индивидуальные захоронения в простых прямоугольных ямах со скругленными углами (№ 2, 3, 6) и одно захоронение с подбоем в западной стенке (№ 4). Из четырех нетронутых (за исключением кургана № 1 ограбленного в древности), все погребенные лежали в вытянутом положении на спине, ориентированы головой на север, северо – восток или северо – запад. Руки вдоль тела, кисти находились под тазом. Ноги вытянуты и сведены в коленях. В кургане № 6 обнаружено женское погребение с сильно вытянутым черепом путем применения искусственной деформации.

В каждом погребении был найден погребальный инвентарь, за исключением кургана № 6 (женское захоронение).

Курган № 1. Найдены фрагменты железных изделий в области ног. Наиболее сохранившиеся – 3 шт. в виде неглубокой чаши с бортами-закраинами. От одной из сторон каждого изделия отходят широкие пластины, окончания которых не сохранились. Другие фрагменты имеют следы крепления с органическим материалом.

Курган № 2. Были обнаружены остатки рамчатого гроба прямоугольной формы. Внутри гроба фиксировались следы органического материала, возможно от камыша. Внутри деревянно-органической конструкции расчищен скелет мужчины. В загробный мир усопшего сопровождал следующий погребальный инвентарь (все предметы располагались внутри гроба): в изголовье развал красноглиняного ангобированного сосуда с двумя ручками, в ногах – развал тонкостенного черноглиняного неорнаментированного горшка, вдоль левой руки усопшего, снаружи от нее, острием к ногам располагался железный меч (без навершия и перекрестья) плохой сохранности, длиной 0,81 м и шириной клинка у рукояти 4 см, у острия 2 см. Длина рукояти 7,5 см. В области правой ступни лежал железный предмет неясного назначения, а у правой плюсны – разрушенное деревянное изделие, которое было покрыто бронзовыми накладками, фрагменты которых были обнаружены рядом.

Курган № 3. В насыпи ближе к центру кургана был обнаружен развал керамического сосуда. Сосуд лепной, общая форма не реконструируется, сохранились фрагменты тулова, венчика и ручки. Внешняя поверхность покрыта ангобом красного цвета, цвет черепка на изломе – черный. На части фраг-

ментов орнамент в виде неглубоких прочерченных линий, рядов округленных вдавлений, а также рельефных удлиненных выступов, расходящихся под углом. В кургане была погребена женщина. Справа на уровне бедра находилось глиняное пряслице асимметрично–биконической формы. Снаружи правой руки находился железный нож, однолезвийный с прямой спинкой, клинок треугольный в сечении. Переход к насаду под тупым углом, общая длина ножа – 11,4 см. Также на запястьях правой и левой руки были найдены бусы черного цвета из слоистого материала в форме высоких и уплощенных цилиндров. Поверхность гладкая, матовая, не просвечивает. На шее погребенной также была обнаружена бусина, металлическая в виде спирали, закрученной в цилиндр. На уровне плеча находился развал сосуда, лепной, внешняя поверхность красно-серого цвета, на изломе – черного.

Курган № 4. В подбое кургана № 4 был погребен мужчина. Справа от черепа располагался небольшой плоскодонный горшочек с короткой шейкой и слегка отогнутым наружу венчиком. Между правой берцовой костью и стенкой подбоя расчищен железный кинжал с бронзовым двустворчатым навершием и бронзовой обоймой перехода к рукояти. Кинжал в длину 36,6 см, длина клинка – 27,5 см, ширина лезвия – 3,5 см. Также слева от левой ступни и левой берцовой кости были найдены 2 железные пряжки плохой сохранности. Одна пряжка имеет округлую рамку с подвижным язычком, слегка выступающим за контур рамки, вторая пряжка трапециевидной формы с подвижным язычком, который сломан. Обе рамки изготовлены из железного дрота округлого сечения.

Результаты полевых исследований указывают направление, в котором нужно вести поиск для выяснения датировки исследованных курганов и их историко-культурной атрибуции. В первую очередь это особенности погребального обряда (яма с подбоем, простоя прямоугольная яма, северная ориентировка погребенных, искусственная деформация черепов) свидетельствующие о том, что погребения могильника Мандесарка-6 входят в круг памятников «поздней древности» (позднесарматского времени) Южного Зауралья II–IV вв. н. э. Сопутствующий материал, который чаще встречается в мужских погребениях, дает возможность попытаться сузить хронологические рамки совершения захоронений до III в. н. э. Так, в погребении кургана № 2 был обнаружен меч – относится к типу мечей, о которых уже писалось не раз [Скрипкин, 1990, с. 62; Любчанский, 2009, с. 21; Любчанский, 2010, с. 11]. Такие мечи получают массовое распространение с середины II в. н.э. в степях Евразии.

Кинжал из погребения кургана № 4 близок по форме к типу мечей без навершия и перекрестия. Относительно похожий кинжал был обнаружен в кургане 78 могильника Ново-Никольский и могильника Кличино на верхнем Дону [Ворошилов, Медведев, 2007, с. 84–85]. Кинжал из кургана № 4 интересен тем, что по сохранившимся следам на пяте клинка можно говорить о возможном наличии съемного перекрестия. К тому же железный кинжал в сочетании с обоймой и двусоставным навершием обнаружен впервые. Аналогичные бронзовые элементы рукояти характерны для составных ножей позднe-

сарматского времени (напр. в Южном Зауралье – мог. Соленый Дол [Любчанский, 2013, с. 286]). Датировка погребения – вторая половина II – первая половина III в. н.э. Этой дате не противоречат и найденные в погребении пряжки, аналогичные пряжкам из могильников Южного Урала, таких как Покровка 2 и Покровка 10, датируемых авторами раскопок первой половиной III в. н. э. [Малышева, Яблонский, 2008, с. 326]. Таким образом, можно с уверенностью говорить, что курган № 4 могильника Мандесарка-6 может быть датирован первой половиной III в. н. э.

Подводя итог по археологическим исследованиям нового могильника эпохи «поздней древности» в степях Южного Зауралья Мандесарка-6, можно констатировать, что он входит в круг памятников позднесарматского времени и может быть датирован первой половиной – серединой III в. н. э.

Литература

Ворошилов А. Н., Медведев А. П. Вооружение населения лесостепного Подонья в скифо-сарматское время // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: докл. VI междунар. конфр. «Проблемы сарматской археологии истории». Челябинск, 2007. С. 76–87.

Любчанский И. Э. Материальная культура номадов Южного Зауралья во II–начале VI века н. э.: комплекс вооружения // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 34. № 28. Челябинск, 2009. С. 20–26.

Любчанский И. Э. Номады поздней древности на окраинах Центральной Азии // Становление и развитие позднесарматской культуры: материалы семинара центра изучения истории и культуры сарматов. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2010. С. 7–36.

Любчанский И. Э. Могильник Соленой Дол и его место в культуре кочевников Южного Урала эпохи «поздней древности» // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск, 2013. С. 280–297.

Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.: Восточ. лит., 2008. 365 с.

Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1990. 300 с.

В. С. Ясаков (г. Ижевск)
Удмуртский государственный университет
Научный руководитель: Р. Д. Голдина, д.и.н., проф.

Находки раковин в воинских погребениях Прикамья первых веков нашей эры

Находки раковин Turbinidae в погребениях воинов в Прикамье довольно редки. Они отмечены только в Тарасовском и Покровском могильниках. Особый интерес для нас представляют погребения № 26 и № 261 Покровского могильника, так как в данных комплексах прослеживается непосредственная связь раковин с мечами.

Однако за пределами Прикамья находки раковин вместе с мечом встречаются часто. Автору известно еще 6 случаев, когда в комплексах воинских

погребений средне- и позднесарматского времени были найдены раковины. Данные погребения являются частью Ново-Сасыкульского, Камышевского I, Первомайского VII некрополей, а также могильников Покровка 10, Лебедевка VI, и Чаталки (курган Рошава Драгана).

Хронологически наиболее ранние из них – это погребальные комплексы кургана Рошава Драгана (конец I – начало II в. н. э.) и могильника Первомайский VII (I – первая половина II в.). Вполне возможно, что захоронения в данных памятниках были совершены практически одновременно.

Интересующие нас погребения других некрополей (Камышевка I (посл. треть II – 1-я пол. III в.), Лебедевка VI (1-я пол. III в.), Покровка 10 (сер. III – начало IV в.), Покровский (IV–V вв.)) относятся к позднесарматскому времени – 2-я половина II – IV в. н. э. Датировка погребения № 260 Ново-Сасыкульского могильника довольно широка – I–III вв. [Васюткин, Калинин, 1986, с. 121]. Поэтому отнести его к какому-либо из вышеперечисленных периодов не представляется возможным.

Территория размещения памятников весьма широка. Так, крайний юго-западный памятник расположен на территории Болгарии (могильник Чаталки), а самый северо-восточный – в Прикамье (Покровский некрополь). Остальные могильники расположены в степной полосе

Все погребенные – мужчины-воины. Основу сопроводительного инвентаря составляет наступательное, а в некоторых случаях и защитное вооружение. Обязательными атрибутами являются мечи, принадлежащие, по классификации А. М. Хазанова, к типам 1 и 2 группы сарматских мечей без металлического навершия рукояти [Хазанов, 1971, с. 17]. Длина клинка колеблется от 72 (Покровский могильник) до 105 см (Лебедевка VI). Почти все мечи располагались слева вдоль тела погребенного. Раковины зафиксированы между мечами и костяком, в Первомайском VII могильнике – у правого бедра умершего. В кургане Рошава Драгана меч и раковина находились на могильной площадке рядом с саркофагом, содержащим оловянную урну с останками погребенного.

Створки от раковин в погребениях данных могильников имеют различное функциональное назначение. Можно выделить три способа их использования:

1. Как навершие рукояти меча. Это раковины из Ново-Сасыкульского могильника (d=4,4) и кургана Рошава Драгана (размером 6,4х6,9 см). В последнем случае навершие в центре было украшено конусовидной аппликацией, а по краям – золотой обкладкой, поле которой заполнено изображениями тамг [Буюклиев, 1995, с. 38].

2. Как фиксатор подвижности меча, а также украшение застежки ремня. Согласно С. И. Безуглову эту функцию при отсутствии раковины могла исполнять крупная бусина [Безуглов, 2000, с. 177, 178]. Экземпляры из Камышевского I (размером 7,2х7,8), Лебедевского VI (5х5,7) могильников и некрополей Покровка 10 (7,2х7,8) и Ново-Сасыкуль (6х6,7см).

3. Как украшение воинской экипировки. Известен только один случай – в могильнике Первомайский VII (d=3,4 см). Створка раковины украшала ко-

жаный шнур от железного ножа для подвязки его к ноге [Мамонтов, 2000, с. 108].

Раковины из погребений 26 и 261 Покровского могильника являются частью либо навершия, либо рукояти меча.

В наибольшей степени важным нам представляется вопрос о происхождении некоторых категорий предметов, найденных в перечисленных выше могильниках и не характерных для сарматского мира.

Одной из таких категорий является нефритовая скоба. Она обнаружена в могильниках Камышевский I, Лебедевка VI и в кургане Рошава Драгана. Исходя из датировки погребальных комплексов, можно сделать вывод, что нефритовые вертикальные скобы использовались сарматами с конца I до середины III в. н. э. Кроме скобы, из нефрита изготовлено и перекрестие меча из кургана 8 Камышевского I могильника. Логично сделать вывод, что данные предметы импортные. Согласно версии С. И. Безуглова, нефритовые скобы поступали из Китая через Среднюю Азию [Безуглов, 1998, с. 87], возможно, по Великому шелковому пути. Сходную точку зрения имеет и А. С. Скрипкин в отношении родины длинных мечей без навершия с перекрестием в виде бронзовой ромбовидной накладки [Скрипкин, 1997, с. 24]. А меч именно такого типа был найден в Первомайском VII могильнике.

Еще одним аргументом в пользу того, что сарматы имели тесные торговые связи с данным регионом, является меч, найденный в кургане Рошава Драгана. Несмотря на то что погребенный был фракийским воином-катафрактарием, найденный в могиле полный боевой комплект наступательного и защитного вооружения явно сарматского происхождения. В пользу этого свидетельствуют и тамги, расположенные на золотой обкладке навершия рукояти меча и на бронзовой аппликации ножен [Буюклиев, 1995, рис. 1, *5,* 3, *3*]. Некоторые из них аналогичны родовому знаку царя Ольвии Инисмея, также встреченному на его серебряных монетах и в сарматском погребении у с. Пороги [Симоненко, 1992, рис. 10]. Скорее всего, меч из Рошава Драгана ранее принадлежал кому-то из родственников Инисмея [Дзиговский, 2003, с. 127]. Этот меч аналогичен мечу из Кореи, обнаруженному в гробнице ханьского времени [Хазанов, 1971, табл. XV, 1].

В то же время к западной границе Китая примыкает такой регион, как Памир. Здесь, в могильниках Можуташ II, Кзыл-Рабат и др., найдены створки морских раковин [Литвинский, 1972, с. 141, 142], сходные с экземплярами из сарматских воинских погребений. Следовательно, с помощью Великого шелкового пути к кочевникам поступали не только изделия из нефрита, но и раковины.

Поскольку в Ново-Сасыкульском, Первомайском VII и Покровском могильниках, а также в некрополе Покровка 10 предметов из нефрита, в том числе и скоб, не найдено, можно сделать вывод, что по какой-то причине ассортимент экспортируемых из Китая товаров сузился. Но раковины продолжали поступать. Скорее всего, это было связано с начавшейся в Китае эпохой Троецарствия (220–280 гг.), когда империя была разделена между тремя царствами: У, Шу и Вэй. Великий шелковый путь контролировало царство Шу, а

разрабатываемые залежи нефрита находились в царстве Вэй. Вследствие их конфронтации нормальные экономические связи между ними были невозможны.

Литература

Безуглов С. И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону: МИАД. Ростов-н/Д: Терра, 2000. № 1. С. 169–193.

Безуглов С. И. Позднесарматский меч из ст. Камышевской // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. VII Донская археологическая конференция: тез. докл. Ростов-н/Д: РГУ, 1998. С. 87–88.

Буюклиев Хр. К вопросу о фракийско-сарматских отношениях в I – начале II века н. э. // РА. 1995. № 1. С.37–46.

Васюткин С. М., Калинин В. К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 95–122.

Дзиговский А. Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса: Гефест, 2003. 240 с.

Красноперов А. А. К атрибуции находки из раскопок Тарасовского могильника позднесарматского времени в Прикамье // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию ИА им А. Х. Маргулана КН МОН РК. Алматы, 2011. С. 228–238.

Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука, 1972. 267 с.

Малашев В. Ю. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.: Восточ. лит., 2008. 368 с.

Мамонтов В. И. Древнее население левобережья Дона (по материалам курганного могильника Первомайский VII). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. 194 с.

Мошкова М. Г., Демиденко С. В. Воинское погребение в кургане 37 группы VI Лебедевского могильного комплекса // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий: МИАР. М.: Таус, 2010. № 13. С. 254–261.

Останина Т. И. Покровский могильник IV–V вв.: каталог археологической коллекции. Ижевск, 1992. 93 с.

Симоненко А. В. Фарзой и Инисмей – аорсы или аланы? // ВДИ. 1992. № 3. С. 148–162.

Синицын И. В. Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья. Саратов: ИСНВИК, 1936.

Скрипкин А. С. Этюды по истории и культуре сарматов. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1997.

Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 172 с.

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

А. И. Ахмадуллина (г. Елабуга)
Елабужский институт КФУ
Научный руководитель: А. З. Нигамаев, к.и.н., доц.

Немонетные денежные средства из памятников Нижнего Прикамья X – начала XIII в.

Уже в дореволюционной историографии преобладало мнение о том, что Волжская Болгария являлась, прежде всего, торговой страной и в ней жили преимущественно ремесленники и торговцы. Существует и мнение историков о том, что Болгария вела только посредническую роль в торговле между Западом и Востоком. Как письменные источники, так и археологические материалы свидетельствуют о том, что в стране болгар была развита и внешняя, и внутренняя торговля. Торговля была важнейшим государственным делом Болгарии. По мнению целого ряда исследователей, Волжская Болгария являлась восточными торговыми вратами Европы [Белавин, 2000, с. 29].

Историю торговли Волжской Болгарии можно разделить на два этапа. Первый этап охватывает время с IX до начала XI в., а второй период включает в себя «безмонетный» этап товарно-денежных отношений [Валеев, 1995, с. 33]. Наступление «безмонетного» периода Р. М. Валеев связывает с началом «серебряного кризиса» на Востоке. После наступления кризиса добычи серебра на Бадахшане торговать серебряными монетами стало накладно. Анализируя историографию данного вопроса, можно сказать о том, что «безмонетная» торговля Волжской Болгарии мало изучена.

Развитие внутренней и внешней торговли Волжской Болгарии привело к распространению платежных знаков, в роли которых выступали на различных этапах истории разные предметы. Поэтому одним из важнейших показателей характера и уровня развития торговли в Волжской Болгарии является проблема денежного обращения. Следует оговориться, что в продолжение всего домонгольского периода менялись и сами серебряные дирхемы, и их покупательная способность. Так, в X в. вес серебряного болгарского дирхема составлял 2,84 гр. [Валеев, 1995, с. 94].

В районах, где леса составляли большую часть территории, меха белки, соболя и куницы были одними из основных средств обмена [Мухамадиев, 2005, с. 82]. Об этом свидетельствует сочинение арабского географа Ибн Русте, где он пишет об использовании болгарами в роли средства обращения мехов пушных зверей. «Основное имущество у болгар – меха куницы; у болгар нет золотой и серебряной монеты, а расплачиваются они куньим мехом, один мех равен двум с половиной дирхемам» [История татар, 2006, с.703]. Но мы

знаем, что ещё в 903 г. болгарские правители чеканили серебряные дирхемы от своего имени. Персидский автор ал-Гардизи оценивает куньий мех в два дирхема. Б. Н. Заходер объясняет это тем, что у Гардизи пропущено слово «половина» [Валеев, 1995, с. 87]. Данное предположение подтверждается и арабским путешественником Абу Хамидом ал-Гарнати, в 1131–1153 гг. дважды побывавшим в Восточной Европе [Валеев, 1995, с. 23]. В своем сочинении он упоминает о том, что мех белок использовался у славян в качестве денег: «Каждые 18 штук в счёте идут за один серебряный дирхем» [История татар, 2006, с. 783].

В условиях слабой развитости или отсутствия товарно-денежных отношений мех являлся своеобразным эквивалентом в торговле. Реликты этого явления сохранились в ряде языков: по замечанию А. Х. Халикова, в марийском, мордовском, коми-зырянском и коми-пермяцком языках слово «ур» одновременно означает и мелкую денежную единицу – копейку, и пушного зверька – белку. Но если в татарском языке одна копейка есть одна белка – «бер тиен», то в марийском она называлась «куимур», т. е. 3 белки, 2 копейки – «шомыр», т. е. 7 белок, а 3 копейки – «лур», т. е. 10 белок. В удмуртском языке слово «белка» (коньы) имеет и второе значение – копейка, а деньги назывались «коньдон», что означало стоимость белки [Валеев, 1995, с. 48].

Меховая торговля была очень выгодной для болгар, так как разница в ценах покупки мехов Севера и продажи их на рынках Востока составляла более тысячи процентов. Если на Севере шкурку соболя можно было приобрести за 1 дирхем или обменять её на одну стеклянную зеленую бусину, то на рынке в Калькутте соболь стоил 400 динаров [Нигамаев, 2007, с. 31].

Помимо пушнины в торговле существовали и другие эквиваленты. Бусы составляли не только большую категорию болгарского ввоза в Предуралье, но и служили, вероятно, своеобразными мелкими единицами купли-продажи. Подтверждением этого является находка клада в Елабуге, где вместе с 17 гривнами найдено и 4 серебряные серьги, одна из которых с позолоченной бусой [Нигамаев, 2005, с. 26]. В ходе археологических раскопок на Кирменском городище в 1995–2003 гг. было обнаружено 29 бусинок. Из них: 5 «глазчатых» бусинок, 20 стеклянных, 1 хрустальная, 2 янтарных, 1 серебряная. Из средневековой Алабуги происходит 26 бусинок. Из них: 2 хрустальных, 2 янтарных, 14 «глазчатых» и 8 стеклянных бусин.

В конце X – начале XI вв. на территории Болгарии появляются денежные слитки из серебра, и со второй половины XI в. они начинают широко использоваться в торговых отношениях [Валеев, 1995, с. 101]. Эти слитки получили название «сумы», «саумы» и играли роль денег, подобно древнерусским гривнам. «Саумы» или «сумы» и весовые гирьки представляют собой не только археологический, но и нумизматический и метрологический материал и содержат весьма важные данные по истории экономики Волжской Болгарии изучаемого периода.

Можно предположить, что в «безмонетный» период в роли денег выступали шиферные пряслица днепровского происхождения. На территории

Билярского городища их найдено более 150. При этом шиферные пряслица здесь часто встречаются, вместе с находками гирек и весов [Валеев, 1995, с. 109]. В ходе археологических раскопок на Кирменском городище в 1995–2013 гг. обнаружено 5 шиферных пряслиц. Из средневековой Алабуги происходит 4 шиферные пряслица. Одно шиферное пряслице стоило столько же, сколько «глазчатая» бусинка, т. е. полдирхема.

Торговля и товарно-денежные отношения в Волжской Болгарии в X – начале XIII в. достигли значительного развития. Но монгольское нашествие 30–40-х гг. XIII в. прервало самостоятельность Волжской Болгарии. Был нанесен огромный урон развитию общества, в том числе и торговле страны.

Литература

Белавин А. М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2000. 200с.

Валеев Р. М. Волжская Булгария: Торговля и денежно-весовые системы IX – начала XIII веков. Казань: Изд-во «Фест», 1995. 159 с.

Ибн Русте. Китаб ал-а'лак ан-нафиса. // История татар с древнейших времён в семи томах. Т. II. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. 960 с.

Мухамадиев А. Г. Древние монеты Казани. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 200 с.

Нигамаев А. З. Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы: Своеобразие материальной культуры населения. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. 228 с.

Нигамаев А. З. Ранняя история Елабуги. Исторический очерк. Елабуга, 2007. 176 с.

А. Р. Багаутдинов (г. Казань)
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Научный руководитель: З. Г. Шакиров, к.и.н, доц.

Лепная и подправленная керамика Билярского городища (XVIL раскоп, предварительные данные)

К концу X–XI в. на территории Волго-Камья завершаются основные процессы сложения государства волжских булгар, которые маркируются, в том числе, появлением городских центров и началом унификации ремесленной продукции. Одним из показательных производств Волжской Булгарии является гончарное ремесло, впитавшее различные традиции, истоки и развитие которых были рассмотрены в обобщающих трудах Т. А. Хлебниковой [1984] и Н. А. Кокориной [2002].

Ярким памятником, отражающим сложные этнокультурные процессы и унификацию ассортимента гончарной продукции на базе более прогрессивных форм производства, является Билярское городище домонгольского времени.

Биляр, располагавшийся в центре Западного Закамья на левом берегу р. Малый Черемшан правого притока р. Большой Черемшан, впадающего в Волгу, относится к числу крупнейших городов средневекового мира. Топография и стратиграфия города Биляра, имевшего трехчастную систему, на материалах почти двухсотлетних исследований была обобщена Ф. Ш. Хузиным

[1995]. Одним из этапных в изучении керамического комплекса Билярского городища является работа под названием «Посуда Биляра» [1986].

Материалы нашей работы затрагивают коллекции, полученные в результате исследований 2015 г., которые проводились в центральной части Билярского городища, на площадке так называемого внутреннего города. Городище, по общей конфигурации имеющее подквадратную форму, ориентированную углами по сторонам света, делится на концентрически вписанные друг в друга части: внутренний город, внешний город и посад-пригород. Площадь внутреннего города, включая две линии валов, составляет около 130 га.

Из 288 кв. м раскопа XLIV (2015 г.) до материка изучено 72 кв. м (сектор 1), до отметки -250 от 0 изучена площадь 168 кв. м (секторы 2 и 3, где были выявлены руины крупного кирпичного здания), не вскрытыми также оставлены две бровки общей площадью 48 кв. м. После завершения полевого сезона раскоп был законсервирован для дальнейших работ. Нами были обработаны материалы, именно с этих, вскрытых, площадей.

Вскрытые объекты предварительно датировались следующим образом: в секторе 1 сооружения второй половины X – начала XIII в.; в секторе 2 – XI – начала XIII в.

При исследовании материала была принята схема типологии и классификации, разработанная Т. А. Хлебниковой. В ходе статистической обработки изучено 42 095 фрагментов керамики, из которых 2084 составляет лепная и 470 подправленная. Также лепная керамика была разделена по примесям и было выявлено, что большая доля лепной керамики была с примесями шамота – 896, толченой раковины – 882 и растительности – 194, меньше всего составляла примись дресвы – 7. В большей части подправленной керамики было обнаружено примеси крупного песка – 278 и примеси растительности – 114.

Ниже представлены наиболее яркие группы керамики, выделенные Т. А. Хлебниковой, которые были обнаружены и в результате раскопок в Биляре, в 2015 г. Все результаты, представленные по раскопу, включая выделенные группы лепной керамики, являются предварительными.

VII–VIII гр.: Представляют собой ручной выделки круглодонную (хотя в наших материалах преобладает плоское дно) в основном цилиндрошейную посуду, несущую весьма характерную орнаментацию в верхней части сосудов. Венчик со скошенным внутрь краем. Орнаментация состоит из веревочных отпечатков по горловине и гребенчатых по плечику. Скошенный край также у большинства образцов орнаментирован гребнем или нарезкой. Разновидные формы и виды веревочной орнаментации, в основном близко прилегающей друг к другу. Основной примесью является толченая раковина. Группы датируются X–XI вв. [Хлебникова, 1962, с. 225].

XIII гр.: Керамика изготовлена из теста с большой примесью хорошо заметного песка, иногда с добавлением мелкого шамота или раковины. Поверхность ее шероховатая, черепок крепкий, прочный. Большинство образцов несет на венчике признаки формовки на круге или вращающееся подставки. Аналоги ранее были обнаружены на территории Джуке-тау. Развитие от IX гр. Тюркского происхождения [Хлебникова, 1962, с. 194].

Доля лепной и подправленной керамики, как и ранее в других памятниках, составляет незначительную часть массового материала. В более глубоких пластах (начиная с 5) количество лепной керамики увеличивается, а подправленной, наоборот, становится все меньше. В ходе работы были представлены некоторые виды групп керамики, которые являются вещественным свидетельством присутствия на городище носителей различных этнокультурных групп (исходя из классификации Т. А. Хлебниковой), которые участвовали в формировании населения Волжской Булгарии в домонгольское время.

Мы видим, что на начальном этапе в керамическом комплексе сохраняются традиции финно-угорского населения Прикамья и Приуралья. Интересным стало выявление группы материалов, истоки которых уходят в тюркские памятники пограничья кочевого и оседлого мира юга Казахстана и северных предгорий Кара-Тау. Но нам удалось проследить гибридизацию форм и примесей, а также постепенный переход к унифицированным формам круговой керамики I группы.

Данная работа является лишь началом изучения представленного комплекса. Возможно, реконструкция форм и более подробное изучение примесей с помощью специализированной техники позволит дополнить или уточнить выводы предыдущих исследователей данной проблематики.

Литература

Посуда Биляра. Казань: ИЯЛИ КФАН, 1986. 147 с.

Кокорина Н. А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV веков. Казань: Ин-т истории, 2002. 383 с.

Хлебникова Т. А. Гончарное производство волжских болгар X – начала XIII в. // МИА. 1962. № 111. 241 с.

Хлебникова Т. А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 240 с.

Хузин Ф. Ш. Великий город на Черемшане. Казань, 1995. 223 с.

К. А. Бичкурова (г. Йошкар-Ола)
Марийский государственный университет
Научный руководитель: Ю. А. Зеленеев, д.и.н., доц.

Комплекс украшений женского костюма Мордвы VIII–XI вв. (по материалам второго Журавкинского могильника)

Второй Журавкинский могильник расположен на р. Вад. Специфика погребального обряда и вещевой комплекс погребений позволяет отнести данный памятник к южной группе мордвы VIII–XI вв. [Петербургский, 2010, с. 3].

В могильнике обнаружено 32 женских погребения, в каждом из которых присутствует погребальный инвентарь. Украшения и элементы одежды являются самыми распространёнными находками в вещевом комплексе. На основании этих материалов, а также существующих исследований по данной

теме мы можем реконструировать женский погребальный костюм на указанной территории.

Элементы женского костюма являются типичными для мордвы-мокши данного периода.

В состав головного убора входила шапочка, спереди вышитая оловянным бисером, налобный венчик, височные привески с бипирамидальным грузиком [Жиганов, 1971, с. 164] (они являются одним из главных хронологических индикаторов). Реже встречаются височные кольца и теменной шнур. Кистевидный накосник со звёздчатыми подвесками был найден только в двух погребениях.

Наиболее распространённым шейным украшением являлось ожерелье, состоящее из бус (в основном глазчатых), бронзовых пронизок и шумящих привесок. Иногда центральное место занимала большая ажурная привеска. Наряду с ожерельем также известны шейные гривны (серповидные и круглопроволочные).

Самой массовой находкой являлись сюльгамы с длинными «усами», служившие для скрепления одежды. Также роль застёжек выполняли пряжки с круглым ажурным щитком [Голубева, 1979, с. 85].

В качестве нагрудных украшений использовали трапециевидные привески с трубчатыми подвесками. Иногда эти привески находят в составе жертвенного комплекса, что говорит об их принадлежности замужним женщинам [Воронина, 1990, с. 215].

Перстни, преимущественно, представлены спиральным типом. В X веке распространяются широкосрединные «усатые» перстни, известные в славянской среде X–XI вв. [Алихова, 1958, с. 73].

Украшениями рук служили массивные (в X в. их сменили пластинчатые) и спиральные браслеты [Алихова, 1959, с. 182].

Поясные бляхи с дверцей являлись не столько украшением, сколько оберегом Богини Плодородия. Изменение символики к XI в. говорит о социальных изменениях (распад социального строя, выделение родовой верхушки, развитие патриархата) [Воронина, 2003, с. 72, 81].

Несмотря на то что женский мордовский костюм обладает этноопределяющими чертами (височная привеска с грузиком и трапециевидные привески с трубчатыми подвесками), основная масса украшений имеет аналогии в памятниках родственных народов (мурома, меря, мари, удмурты). Некоторые предметы известны в материальной культуре Волжских Булгар (поясные пряжки, раковины «каури», подвески «самоварчики») и Древней Руси (широкосрединный перстень с «усами») [Петербругский, 2013, с. 40].

Литература

Алихова А. Е. Некоторые хронологические и племенные отличия в культуре мордвы конца I и начала II тысячелетия н. э. // СА. 1958. № 2. С. 66–78.

Алихова А. Е. Из истории мордвы конца I – начале II тысячелетия н. э. // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск: Археол. сб., 1959. № 2. С. 178–191.

Воронина Р. Ф. Мордовская височная привеска с грузиком и спиралью // СА. 1988. № 4. С. 237–341.

Воронина Р.Ф. Женский головной убор среднецнинской мордвы VIII–XI вв. // КСИА. 1973. № 136. С. 47–55.

Воронина Р. Ф. Трапециевидные привески с трубчатыми подвесками древней мордвы // СА. 1990. № 3. С. 215–219.

Воронина Р. Ф. Типология и хронология блях с дверкой (по материалам среднецнинских могильников) // Российская археология. 2003. № 1. С. 72–82.

Вихляев В. И. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части среднего Поволжья / О. В. Зеленцова, В. Н. Шитов, А. А. Беговаткин. Саранск, 2008. 352 с.

Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров. М.: Наука, 1979. 114 с.

Жиганов М. Ф. К истории мордовских племен в конце 1 тысячелетия н. э. (могильник у пос. Заря) // СА. 1971. № 4. С. 158–176.

Петербургский И. М., Вихляев В. И., Святкин С. В. Второй Журавкинский могильник. Саранск, 2010. 132 с.

Петербургский И. М. Торгово-экономические связи мордвы в VIII–XI веках // Экономическая история. 2013. №3 (22). С. 31–44.

В. И. Близнюкова (г. Казань)
Казанский федеральный университет
Научный руководитель: С. И. Валлиулина, к.и.н., доц.

Статистический анализ стеклянных украшений раскопа № 179 2015 г. Болгарского городища

Стеклянные изделия из Болгара начали собираться давно. Систематические раскопки в Болгаре выявили наличие множества бус, браслетов, осколков посуды, оконного стекла. Они происходят из всех слоев, начиная с X в. В 1989 г. под руководством М. Д. Полубояриновой экспедицией ИА РАН и Болгарского государственного историко-архитектурного заповедника были начаты раскопки на вымороченной усадьбе Бушевых по центральной улице Болгары на Болгарском городище. Марина Дмитриевна рассматривала объект в контексте стеклодельной мастерской XIV в. Участок исследования, расположен между двумя усадьбами, примерно в 300 м к юго-западу от Соборной мечети золотоордынского Болгара и в 700 м к югу от края береговой террасы. Эта площадь лежит на окраине домонгольского города. Во время Золотой Орды этот район города стал центральным. Накопленные материалы характеризуют данный участок как торгово-ремесленный район древнего Болгара.

Возобновление археологических работ в районе монументальной постройки дало основания рассматривать объект в качестве городского базара.

Для исследования материала принята схема классификации, разработанная М. Д. Полубояриновой для стеклянных бус Болгара. В основу классификации был положен технологический принцип, т. е. учет способа, которым была изготовлена бусина. Таким образом, выделяется несколько технологических групп:1 – бусы из тянутых трубочек; 2 – бусы из трубочек, изготовленных способом навивки; 3 – бусы, изготовленные способом навивки стеклянного жгута вокруг твердого стержня; 4 – бусы резные с последующей

шлифовкой; 5 – бусы из сложного глазкового стержня; 6 – бусы, изготовленные обертыванием плоского куска стекла вокруг твердой основы [Полубояринова, 1988, с. 152].

На исследуемой площади было найдено 648 экз. стеклянных украшений. Из них: бусы – 561 экз., подвески – 4 экз., перстни – 54 экз., браслеты – 16 экз., вставки – 13 экз. Особенностью этой коллекции, как и предыдущих с исследуемой территории, является наличие нескольких десятков бракованных бус и стеклянных глыбок (11 экз.).

Основную массу бус составляют бусы монохромные – зонные (141 экз.), битрапецоидные (95 экз.), кольцевидные (40 экз.), бисер (96 экз.). М. Д. Полубояриновой было отмечено сходство крупных жёлтых прозрачных шарообразных бус, найденных в Болгаре, с бусами этого типа, найденными в Серенске. Дата бус этого вида на территории вятичей – конец XI – начало XIII в. Химический анализ состава стекла такой бусины (K – Pb – Si) показал, что это русское производство с центром, по мнению М. Д. Полубояриновой, где-то в земле вятичей. По-видимому, крупные жёлтые прозрачные шарообразные бусы, найденные в Болгаре, – это русский импорт [Полубояринова, 1988, с. 162]. Бирюзовые битрапецоидные бусы, наиболее массовые в Болгаре, встречаются в Средней Азии, например на поселении Уйгарак XIII–XIV вв. [Полубояринова, 1988, с. 167].

Среди полихромных бус доминируют – зонные со спиральным узором (48 экз.). Данный тип бус известен в золотоордынских городах Поволжья, имеет аналогии в домонгольских памятниках Руси, для XIII–XIV вв. – в курганах Верхнего Поволжья, в Новгороде, в монгольских памятниках Хорезма [Бусятская, 1976, с. 42].

Все вышеперечисленные типы бус происходят из золотоордынских слоев, датируемых серединой XIII – началом XIV в. (4 р. слой) и 30-ми гг. XIV в. – 1431 г. (4 п. слой).

Ещё одной особенностью данной коллекции является наличие ранних бус, датируемых домонгольским периодом Волжской Болгарии. К ним относятся лимонки, зонные бусы с реснитчатыми глазками, бусы, выполненные в технике «миллефиори», треугольная глазчатая бусина (измерского типа). В своей монографии С. И. Валиулина определяет период бытования треугольных бус с IX до сер. XII в. Наиболее яркая концентрация треугольных бус выпадает на территории, которые являются ключевыми пунктами в международной торговле [Валиулина, 2005, с. 103]. Данные аналогии среди стеклянных бус не случайно отмечены автором, значение Волжского пути и самого Болгара в снабжении восточным импортом стран Восточной Европы доказан многократно.

Несколько экземпляров ранних бус встречаются в слоях Казанского ханства и современного села, что, вероятнее всего, вызвано результатом многочисленных перекопов.

Подавляющее большинство стеклянных перстней с раскопа № 179 Болгарского городища составляют плосковыпуклые перстни со средним диаметром – 2 см, диаметр прута – от 2 до 4 мм, образующие в сечении полусферу. Основной цвет изделий – чёрный и бирюзовый глухой. Такие перстни изго-

тавливались, как установлено Ю. Л. Щаповой, путём навивки стеклянной нити вокруг стержня [Щапова, 1997, с. 90].

Следующую категорию стеклянных изделий составляют стеклянные браслеты. По набору браслетов Болгар близок к древнерусским городам. Круглые гладкие браслеты (11 экз.) преобладают над кручёными (5 экз.). Некоторые фрагменты позволили установить диаметр браслетов – 6 см, диаметр прута – от 4 до 7 мм. Цвет браслетов Болгара своеобразен, по сравнению с древнерусскими. Во всех типах было выявлено преобладание чёрного цвета (12 экз.) над другими, зелёный – 2 экз., бирюзовый прозрачный – 1 экз., марганцевый – 1 экз.

Среди стеклянных вставок встречаются круглые, гранённые подквадратной формы, эллипсоидной формы, плосковыпуклые овальные вставки. Все они имитируют собой вставки из натуральных камней, которые также являются частью коллекции. Среди них следует отметить интересные экземпляры – бесцветные линзы из горного хрусталя с розовой пастой. Применение увеличительных линз в качестве вставки пока не было установлено.

В болгарскую коллекцию стеклянных изделий с раскопа № 179 2015 г. входят 4 подвески. Одна чёрного цвета в форме капли, две подвески «птички» бирюзового глухого цвета, одна цилиндрическая подвеска с цилиндрическим ушком, выполненная в технике «миллефиори».

Стратиграфия находок стеклянных изделий на Болгарском городище заставляет относить большинство их к золотоордынскому периоду – к XIII – началу XV в.

Систематизация и анализ материала стеклянных изделий с раскопа № 179 2015 г. Болгарского городища позволили установить массовость производства стеклянных бус, серийность и стандартизацию продукции мастерской, открытой М. Д. Полубояриновой.

Литература

Бусятская Н. Н. Стеклянные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976. С. 38–72.

Валиулина С. И. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. 280 с.

Полубояринова М. Д. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука, 1988. С. 151–219.

Н. Н. Ведерников (г. Киров)
Вятский государственный университет
Научный руководитель: Л. А.Сенникова, к.и.н., н. с. КОКМ

Ножи Никулицкого городища (по материалам с раскопок 1956–1960 гг.)

В статье рассматривается коллекция железных ножей с Никулицкого городища, полученная в результате раскопок Среднерусской археологической экспедицией ИИМК АН СССР (совр. ИА РАН) и Кировского областного

краеведческого музея в 1956–1960 гг. под руководством Л. П. Гусаковского. Коллекция хранится в собрании Кировского областного краеведческого музея и Слободского музейно-выставочного центра.

Никулицкое городище располагается в Слободском районе Кировской области, с. Никульчино, является памятником древнерусской культуры XIII – XV вв.

Коллекция Кировского областного краеведческого музея насчитывает 47 экземпляров ножей и их фрагментов, из фондов Слободского музейно-выставочного центра, представлено 3 ножа. Всего целых экземпляров – 19, обломков клинков и черенков- 31.

По форме и по способу применения ножи можно разделить на 3 группы [Минасян, 1980, С. 73]: хозяйственно бытовые, специализированные (предположительно для обработки древесины); ножи «горожанина».

По технологическим признакам после расчистки материала Л. П. Гусаковский определил следующие технологические схемы: трехслойный пакет из пластин железо\сталь\железо, торцевая стальная наварка на железную основу, косая наварка стальной полосы на железную основу, цельно железные изделия [Гусаковский, 1960, С. 78].

1. Хозяйственно бытовые ножи – 40 ед., представлены целыми экземплярами и фрагментарно сохранившимися клинками и черенками ножей. Принадлежность к этой группе определяется размерами изделий, их геометрией, соотношением длины клинка и черенка, которое фиксируется в пределах 1,5:1–2,2:1. Отличительной чертой изделий этой группы, является сохранение центральной оси (за редким исключением). Основной и наиболее существенный признак – это «усиленный» черенок на всех ножах, вне зависимости от размера и пропорций, разница в толщине со спинкой варьируется в пределах 0,2 – 0,5 мм, что для изделий с толщиной спинки от 1,8 мм до 4,5 мм довольно ощутимо в технологическом отношении. Выделение черенка на ножах рассматриваемой группы явное, с уступчиком, угол перехода в черенок тупой. Технологический схемы различны: трехслойный пакет, торцевая и косая наварка. Однако, самыми распространенными изделиями являются цельножелезные ножи [Гусаковский, 1960, С. 78–79].

2. Узкоспециализированные ножи – 5 экз., предположительно для обработки древесины. Эти ножи выделяются небольшими размерами (дл. от 85 мм до 100 мм), а наличие подпальцевой выемкой, плавно переходящей в острие, позволяет довольно комфортно работать при резьбе по дереву. Сделать данное утверждение, помогает снятая довольно аккуратно фаска, с небольшого участка спинки ножа. Сопоставить длину черенка с длиной клинка не представляется возможным, поскольку только у одного ножа сохранился черенок, остальные представлены фрагментами клинков разной степени сохранности.

3. Ножи «горожанина» – 5 экз. ножи, выделенные в эту группу, классифицировал как столовые и датировал XII–XIII вв. [Гусаковский, 1960, С. 79]. Однако технология изготовления этих ножей достаточно сложная для такого простого изделия. На одном из ножей есть канавка ближе к черенку, аналог

дола. Эту находку Л. Д. Макаров определяет как отдельный и не типичный для Никульчино нож [Макаров, 2012, С. 497].

По мнению специалистов-оружейников, есть основание полагать, что данная группа ножей, может быть классифицирована, как «нож горожанина», «нож последнего шанса», «засапожный нож» [4]. Ножи подобного типа могли использоваться для самозащиты в неспокойное средневековое время. Об этом свидетельствует геометрия ножа, размеры клинка и его соотношение с черенком 5:1, 7:1. Для клинков от 100 мм, черенок крайне слабый, на некоторых ножах, он тоньше почти в 2 раза, что делает его ненадежным в повседневном использовании в качестве хозяйственно-бытового.

Характеристика и типология находок основаны на визуальном определении предмета, однако и без привлечения дополнительных инструментов и методов анализа материала, можно говорить об особенностях изготовления той или иной находки. Например, довольно часто (количество) встречается вариант стальной пластины, плавно переходящей в черенок ножа, что является характерной особенностью мелкосерийного производства изделий. Для будущих изделий использовался готовый полуфабрикат – полоса из железной основы, к которой методом кузнечной сварки приварена стальная полоса. Такое изделие значительно легче в изготовлении, так как нет необходимости в процессе ковки приваривать тонкую пластинку на каждый нож. [Завьялов, 2005, с. 139]. Этими технологическими особенностями можно объяснить такой «нерациональный», а порой и «расточительный» вариант изготовления ножа.

Упрощение технологического процесса, возможность выпуска мелкосерийных партий ножей, в значительной степени повлияли на вектор развития кузнечного ремесла и жизненный уклад на Вятке. Использование полуфабриката и отдельных заготовок для будущих изделий, позволило не только улучшить их качество, но и в значительной степени снизить число технологического брака.

Выводы, сделанные в данной работе, не являются исчерпывающими по рассматриваемой теме. Однако, полученная в ходе исследования информация, позволяет с уверенностью говорить о довольно высоком уровне мастерства местных кузнецов и экстенсивном процессе развития кузнечного ремесла в целом. А проведение металлографического исследования кузнечных поковок и дальнейшее использование полученных данных для реконструкции технико-технологических процессов в кузнечестве, в перспективе позволит сделать значительный шаг в изучении материальной культуры населения земли Вятской.

Литература

Гуссаковский Л. П. 1а. Характеристика материалов Никулицкого городища. Машинопись. Фонды Киров. обл. краевед. музея. № 16748/4.

Гусаковский Л. Д. 1б. Опись материалов из раскопок Никульчинского городища в 1960г. Фонды Киров. обл. краевед. музея (Указать номера в ссылках ибо непонятно).

[4] Автор выражает благодарность кузнецам оружейникам Пикову Д. и Потанину В. за консультацию по технологическим особенностям изготовления хозяйственно-бытовых ножей.

Завьялов В. И. История кузнечного ремесла пермян: Археометаллографическое исследование. Ижевск, 2005. 244 с.

Макаров Л. Д. Хронология древностей Вятской земли XII–XV вв. // Древности Прикамья эпохи железа (I тыс. – первая половина II тыс. н. э.): хронологическая атрибуция. Ижевск: Изд-во «Удмурт. ун-т». 2012.: 524с., С. 494–497.

Минасян Р. С. 1980. Четыре группы ножей восточной Европы эпохи раннего средневековья: (К вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // Археол. сб. Государственного Эрмитажа. Вып. 21. Л: Аврора, 1979. С.69–74.

Перевощиков С. Е. Железообрабатывающее производство населения Камско-Вятского междуречья в эпоху средневековья (технологический аспект). Ижевск, 2002. 176 с.

М. И. Вельдер (г. Пермь)
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
Научный руководитель: Е. Л. Лычагина, к.и.н., доц.

Технико-типологический анализ погребальной керамики Плотниковского могильника

Плотниковский могильник известен с XIX в., неоднократно исследовался. В 1989 г. могильник исследовала Н. Б. Крыласова [1989, с. 6]. С 2010 г. работы ведутся под руководством Н. Г. Брюховой.

Материальная культура памятника представлена украшениями, орудиями труда, бытовыми предметами. Одной из наиболее массовых находок является погребальная керамика, которая и стала объектом нашего исследования.

Целью работы является технико-типологический анализ керамического комплекса, найденного в ходе раскопок 2016 г., представленного на могильнике Плотниково, выделение его характерных черт и сравнение с материалами прошлых лет.

Лепная керамическая посуда представлена фрагментами 14 сосудов, из них 12 были найдены в погребениях еще 2 – в межмогильном пространстве. Помимо этого, вне погребений было обнаружено 13 фрагментов керамики, часть из которых удалось соотнести с развалами сосудов из погребений [Брюхова, 2016, с. 23].

Нами был проведен небольшой статистический анализ с целью выявить тенденции техники изготовления посуды.

По форме дна всю керамику Плотниковского могильника можно разделить на 3 группы:

1) Уплощенная,

2) Округлая,

3) Плоская.

По результатам раскопок 2016 г. 13 обнаруженных сосудов были с уплощенным дном, для 1 сосуда форму дна установить не удалось. Такая же форма дна была характерна для посуды Плотниковского могильника при предыдущих исследованиях [Брюхова, Батуева, Лычагина, 2016, с. 88]. Формы венчиков представлены следующими видами:

1) отогнутый с приостренным торцом – 2 сос.,

2) отогнутый с уплощенным торцом – 5 сос.,

3) отогнутый с округлым торцом – 4 сос.

У 3 сосудов верхние части не сохранились.

В ходе предыдущих исследований памятника в качестве наиболее распространенных были выявлены округлая и приострённая форма венчика [Брюхова, Батуева, Лычагина, 2016, с. 89]. Особенностью коллекции 2016 г. является широкое распространение венчиков с уплощенным торцом.

Что касается способа орнаментации, то в основном использовался гребенчатый штамп, местами видны следы защипов. Количество орнаментированых сосудов – 6 экз. (40%), что нетипично много для керамики Плотниковского могильника. Чаще всего орнамент наносился на поверхность тулова и шейки, встретилась орнаментация по венчику сосуда и дважды – на ручке [Брюхова, 2016, с. 23].

Анализ показал, что самой распространенной формой посуды был чашевидный сосуд, вид которого порой варьировался. Встречаются баночные формы, сосуд в форме колбы. Около половины сосудов Плотниковского могильника имеют одну или две петлевидные ручки с площадкой в верхней части или без нее.

Толщина стенок обнаруженных в 2016 г. сосудов также не отличается от артефактов, обнаруженных ранее, и варьируется от 0,3 до 0,7 см.

Цвет керамики варьируется от серых к коричневым оттенкам, иногда присутствуют следы нагара внутри, что типично для погребальной керамики исследуемого могильника. Толщина стенок, чашевидная форма сосудов, их уплощенное дно, выделенная шейка и отогнутый венчик также характерны для Плотниковского некрополя. Результаты анализа типологии изготовления керамики, обнаруженной в ходе раскопок 2016 г., в целом соответствуют исследованиям прежних лет. Однако, по материалам предыдущих раскопок, не было столь большого количества орнаментированных сосудов.

Описанный керамический комплекс типичен не только для самого памятника, но и для родановской культуры в целом. Характерной особенностью является уже упомянутая чашевидная форма, отогнутый венчик, примесь толченой раковины в формовочной массе, отсутствие орнамента на большинстве сосудов [Брюхова, Батуева, Лычагина, 2016, с. 89].

Для проверки достоверности результатов исследования нами планируется проведение технико-технологического анализа по методике А. А. Бобринского [1987].

Литература

Брюхова Н. Г. Отчет о раскопках Плотниковского могильника в Кудымкарском районе Пермского края 2016 г. Архив МАЭ ПГГПУ.

Брюхова Н. Г., Батуева Н. С., Лычагина Е. Л. Анализ погребальной керамики Плотниковского могильника (по итогам раскопок 2007–2015 гг.) // Самарский научный вестник. 2016. № 3. С. 87–91.

Крыласова Н. Б. Отчет о раскопках Плотниковского могильника в 1989 г. Архив МАЭ ПГГПУ.

Бобринский А. А. Гончарство восточной Европы. М.: Наука, 1978. 275 с.

Р. М. Габдулхаева (г. Ульяновск)
Ульяновский государственный педагогический университет
Научный руководитель: Н. А. Горбунов, ассистент

Типологический анализ городищ Волжской Булгарии (на примере Ундоровско-Алейкинской группы памятников)

Ундоровско-Алейкинскую группу городищ Волжской Булгарии с уверенностью можно считать одной из самых развитых на территории Ульяновского Поволжья. И это не удивительно, ведь они находились на удобной холмистой местности, с которой открывается широкий обзор на округу. А две полноводные реки – Волга и Свияга – позволяли осуществлять широкую торговлю.

Эта группа памятников включает в себя Ундоровское I, Ундоровское II, Городищенское, Красносюндюковское I, Красносюндюковское II, Староалейкинское городища. Они, по данным разных исследователей, представляют собой остатки военных крепостей, феодальных замков и городов. Все они относятся к Предволжским памятникам Волжской Булгарии. Находятся в Ульяновском районе Ульяновской области.

Ундоровское I городище находится в 1 км к северу от села Ундоры на правом берегу реки Волги. Площадь его равна 0,6 га. Р. Г. Фахрутдинов определяет Ундоровское I городище как остатки крепости [Фахрутдинов, 1990, с. 77]. Ф.Ш. Хузин даёт ему такую же социальную интерпретацию. Также, по типологии Фаяза Шариповича, Ундоровское I городище можно отнести к 1-й группе – городища, имеющие площадь менее 1 га [Хузин, 2001, с. 42]. В работе Н. Ф. Калинина и А. Х. Халикова этот памятник не упоминается, однако по их типологии он относится к первой группе – городища площадью менее 3 га [Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков, 1954, с. 63]. Этой группе соответствуют «маленькие, но сильные укрепления» [Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков, 1954, с. 104]. А. М. Губайдуллин определяет Ундоровское I городище как полностью подчиненное рельефу местности (1 тип) и относит к 1-й группе – площадь менее 6 га, феодальные усадьбы или замки [А. М. Губайдуллин, 2002, с. 121].

Ундоровское II городище находится в 1,5 км к юго-востоку от села Ундоры на правом берегу реки Волги. Его площадь равна 2,1 га. Р. Г. Фахрутдинов определяет это городище как остатки феодального замка [Фахрутдинов, 1990, с. 77]. Ф. Ш. Хузин даёт ему такую же социальную интерпретацию. А по площади он относит Ундоровское II городище ко 2-й группе – от 1 до 5 га [Хузин, 2001, с. 42]. В работе Н. Ф. Калинина и А. Х. Халикова этот памятник так же не упоминается, однако по их типологии он относится к первой группе – городища, площадью менее 3 га. Как уже говорилось ранее, этой группе соответствуют «маленькие, но сильные укрепления». А. М. Губайдуллин определяет Ундоровское II городище как полностью подчиненное рельефу местности (1-й тип) и относит к 1-й группе – площадь менее 6 га, феодальные усадьбы или замки [А.М. Губайдуллин, 2002, с. 121].

Городищенское городище находится в деревне Городище на правом берегу реки Волги. Площадь его равна 80,9 га. Р. Г. Фахрутдинов определяет Городищенское городище как остатки древнего города [Фахрутдинов, 1990, с. 78]. Ф. Ш. Хузин даёт ему такую же социальную интерпретацию. Также, по типологии Фаяза Шариповича, это городище можно отнести к 6-й группе – городища, имеющие площадь от 50 до 100 га [Хузин, 2001, с. 43]. В работе Н.Ф. Калинина и А.Х. Халикова этот памятник не упоминается, однако по их типологии он относится к 4-й группе – городища площадью от 28 до 100 га [Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков, 1954, с. 64]. Этой группе соответствуют «ремесленно-торговые поселения, имеющие вокруг себя единую линию обороны, не имеющие кремлей (так называемые «бесцитадельные» города)» [Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков, 1954, с. 104]. А. М. Губайдуллин определяет Городищенское городище как полностью подчиненное рельефу местности (1-й тип) и относит к 3-й группе – площадь от 50 га, центры крупнейших княжеств [А.М. Губайдуллин, 2002, с. 116].

Красносюндюковское I городище находится в 0,3 км к юго-востоку от деревни Красное Сюндюково на правом берегу реки Свияги. Площадь его равна 45,9 га. Р. Г. Фахрутдинов определяет Красносюндюковское I городище как остатки города [Фахрутдинов, 1990, с. 77]. По Ф. Ш. Хузину, это городище можно отнести к 5-й группе – городища имеющие площадь от 20 до 50 га [Хузин, 2001, с. 43]. В работе Н. Ф. Калинина и А. Х. Халикова Красносюндюковское I городище не упоминается, однако по их типологии оно относится к четвертой группе – городища, площадью от 28 до 100 га, «бесцитадельные» города. А. М. Губайдуллин определяет Красносюндюковское I городище как частично подчиненное рельефу местности (2-й тип), а по площади относит ко 2-й группе – площадь от 6 до 50 га, средние по размерам города [А. М. Губайдуллин, 2002, с. 118].

Красносюндюковское II городище находится в 1,3 км к юго-востоку от деревни Красное Сюндюково на левом берегу оврага в правобережье реки Свияги. Площадь его равна 9,7 га. Р. Г. Фахрутдинов определяет Красносюндюковское II городище как феодальный замок [Фахрутдинов, 1990, с. 77]. А Ф. Ш. Хузин – как древний город [Хузин, 2001, с. 34]. По площади он относит Красносюндюковское II городище к 3-й группе – от 5 до 10 га [Хузин, 2001, с. 42]. В работе Н. Ф. Калинина и А. Х. Халикова этот памятник не упоминается, однако по их типологии он относится к 3-й группе – городища площадью от 8 до 13 га [Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков, 1954, с. 64]. Это группе соответствуют «укрепления, делящиеся на 2 части, – кремль и посад – обе укрепленные и смыкающиеся в одно целое» [Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков, 1954, с. 104]. А. М. Губайдуллин определяет Красносюндюковское II городище как полностью подчиненное рельефу местности (1-й тип), а по площади относит ко 2-й группе – площадь от 6 до 50 га, средние по размерам города [А. М. Губайдуллин, 2002, с. 118].

Староалейкинское городище самое крупное не только в данной группе, но и во всем Ульяновском Поволжье. И также является одним из крупнейших

среди всех городищ Волжской Булгарии. Находится оно к северу от деревни Старое Алейкино (ныне уже не существующей) на правом берегу реки Свияги. Площадь его равна 130 га. Р. Г. Фахрутдинов определяет Староалейкинское городище как остатки города [Фахрутдинов, 1990, с. 77]. По Ф. Ш. Хузину, это городище можно отнести к 7-й группе – городища, имеющие площадь более 100 га [Хузин, 2001, с. 43]. В работе Н. Ф. Калинина и А. Х. Халикова Староалейкинское городище не упоминается и его даже нельзя интерпретировать по их типологии, так как они не дают характеристики городищам с площадью более 100 га. А. М. Губайдуллин определяет Староалейкинское городище как полностью подчиненное рельефу местности (1-й тип), а по площади относит ко 3-й группе – площадь более 50 га, центры крупнейших княжеств [А.М. Губайдуллин, 2002, с. 120].

Таким образом, Ундоровско-Алейкинская группа состоит из одной военной крепости, двух феодальных замков и трёх городов. Это подтверждает ранее изложенную мысль о развитости данной группы. Мы уверены, что культурные слои этих памятников будут очень богаты на находки. Но, к сожалению, эти городища очень мало изучены. Впрочем, как и большая часть археологических памятников на территории Ульяновской области.

Литература

Губайдуллин А. М. Фортификация городищ Волжской Булгарии: монография. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2002. 232 с.

Калинин Н. Ф., Халиков А. Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. // Труды КФАН СССР, серия гуманитарных наук. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 126 с.

Фахрутдинов Р. Г. Классификация и топография Булгарских городищ // Советская археология. № 4. М.: «Наука», 1990. С. 68–85.

Хузин Ф. Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. Казань: «Мастер Лайн», 2001. 480 с.

А. Ю. Емельянова (г. Ижевск)
Удмуртский государственный университет
Научный руководитель: С. А. Перевозчикова, к.и.н., н.с. ИИКНП УдГУ

Привозные и местные подвески Верхнего Прикамья эпохи Средневековья: подражание и изменение

В эпоху раннего средневековья в памятниках Верхнего Прикамья (ломоватовская, поломская, неволинская культуры) было сосредоточено значительное количество различных подвесок, в качестве которых использовались как созданные в местной среде, так и привозные изделия. Не углубляясь в хронологию, детально разработанную для трех культур [Голдина, 2012а; 2012б; Голдина, Кананин, 2012, с. 427–431, табл. 1, 3, 4, 5], на основе поиска аналогий мы можем выделить привозные, местные и созданные на основе привозных изделий подвески.

Несомненно, импортными следует считать найденные в памятниках поломской (Поломский I м-к) [Иванов, 1998, рис. 10–3] и неволинской

(Верх-Саинский м-к) [Голдина, Перевозчикова, 2012, табл. 16–15] культур фрагменты характерных для памятников Вятского края арочных подвесок с изображением коней [Лещинская, 2014, табл. 11, 12, 13] и круглых подвесок с кольцами для привесок [там же, табл. 10]. Типичными для жителей Вятского края являлись и так называемые подвески-«бельки» [Голдина, 2004, с. 312, рис. 158–18], найденные в материалах поломской культуры (Поломский I, Варнинский м-ки) [Иванов, 1998, рис. 10–12]. В памятниках исследуемых культур были распространены круглые (Верх-Саинский м-к) [Голдина, Перевозчикова, 2012, табл. 15–13] и овальные подвески-коробочки (Деменковский, Варнинский, Неволинский и др. м-ки) [Голдина, 1985, табл. XXI-22; 2012а, табл. 31–8; Иванов, 1998, рис.18–17], являющиеся предметами «дальнего импорта» из Средней Азии [Пастушенко, 2008, с. 84; 2010, с. 315], а также из салтово-маяцких памятников Подонья [Пастушенко, 2008, с. 84–85; Емельянова, 2016б, с. 220]. Большое распространение (Верх-Саинский, Деменковский, Варнинский и др. м-ки) получили кольцеобразные подвески с выпуклинами, проникшие сюда с юго-запада (именьковская, бахмутинская культуры), и колесовидные подвески без выступов напротив тяжей, распространенные в салтово-маяцких памятниках [Емельянова, 2016а, с. 166–168, рис. 1].

Опираясь на количество предметов, найденных в Верхнем Прикамье и сопредельных территориях, мы можем сделать вывод, что в прикамской среде возникли такие подвески, как коньковые, трапециевидные, колесовидные с выступами напротив тяжей и колесовидные с вписанным крестом, кольцеобразные с тяжами, арочные со сплошной основой, литые арочные с изображением ростка, подвески-ложки, шумящие подвески-коробочки, прямоугольные подвески. Из перечисленных только коньковые и трапециевидные, а также литые арочные подвески являются изделиями, вероятно, не имевшими «прямых» прототипов в инокультурной среде [Голубева, 1979, с. 44; Емельянова, 2015а, с. 91]. Что касается остальных упомянутых нами типов, то они, так или иначе, представляют собой видоизмененные в соответствии с местными традициями и представлениями импортные предметы.

Арочные подвески со сплошной основой – результат, очевидно, соединения трапециевидных подвесок, характерных для пьяноборской и мазунинской культур, и шумящих привесок-цепочек изделий южного, возможно, сарматского происхождения [Емельянова, 2016б, с. 219]. Прямоугольные подвески – видоизмененные типичные для Вятского края прямоугольные ажурные подвески с S-видными завитками на основе и рядом петлей для привесок. В данном случае мы видим упрощение основы (она украшена только насечками), замену петлей для привесок отверстиями и сокращение числа привесок (с 14–16 до 10). Подвески-коробочки в Верхнем Прикамье мастера дополняют шумящими привесками, основа часто украшена орнаментом. Своеобразное оформление было придано и подвескам-ложкам, хотя сложно сказать, откуда поступали прототипы этих изделий: широко распространены предметы с изображением голов животных, птиц или фантастических существ на рукояти; в

конце эпохи раннего средневековья появились миниатюрные ложки с шумящими привесками [Емельянова, 2016б, с. 53–55]. Что касается кольцеобразных подвесок с тяжами, то их создание, очевидно, стало следствием притока в Приуралье кольцеобразных подвесок с выпуклинами. Случайное соединение этих подвесок различных размеров могло стать толчком к изготовлению нового типа украшений. Колесовидные подвески с вписанным крестом, вероятно, – несколько увеличенные и усложненные шейные украшения Вятского края.

Таким образом, самым распространенным способом видоизменения подвесок-прототипов и, возможно, придания им иной функции (например, охранительной) было добавление к основе шумящих элементов – разнообразных цепочек, зачастую с различными привесками. Таковы различные типы и варианты арочных подвесок, туалетные коробочки, подвески-ложки. Следующим возможным вариантом изменения привозных изделий можно назвать увеличение или уменьшение их размера, иногда с одновременным морфологическим усложнением или упрощением. Кроме того, известны случаи соединения одного или разных типов подвесок, в результате чего были созданы новые предметы.

Помимо определенного набора деталей, характерных для предметов, изготовленных на основе импортных изделий прикамскими мастерами, о местном производстве говорят подвески, на которых можно заметить следы брака или ремонта. К следам брака можно отнести не полностью пролитые детали подвесок (м-к Сухой Лог, погр. 12 – трапециевидные подвески [Голдина, Перевозчикова, 2012б, табл. 13–11]); остатки облоя на литых изделиях из–за неплотно прилегающих друг к другу створок формы (м-к Сухой Лог, погр. 4 – арочные подвески с изображением ростка, погр. 12 – трапециевидные подвески [Голдина, Перевощикова, 2012б, табл. 5–6, 13–10]); одинаковые дефекты на двух и более литых изделиях, что говорит о изготовлении в одной форме (Верх-Саинский м-к, погр. 152 – колесовидные подвески с вписанным крестом [Водолаго, Отчет за 1988 г., рис. 141–5,6]).

К ремонту подвесок можно отнести изготовление привесок к шумящим подвескам взамен утраченных, в результате чего привески могут отличаться друг от друга (Неволинский м-к, погр. 212 – арочные подвески [Голдина, 2012в, табл. 120–10]).

Показателем местного производства подвесок служат находки серий сложных изделий с одинаковым декором, возможно, даже изготовленных одним мастером. Таковы, например, шумящие подвески-коробочки (Редикарский м-к [Крыласова, 2007, рис. 119–7–22]) и коньковые подвески (гор. Лобач [Голдина, Пастушенко, Черных, 2012, табл. 4–2–5]).

Самым ярким свидетельством изготовления подвесок «на местах» являются находки, во-первых, ювелирного инструментария (гор. Лобач, Анюшкар и др. [Голдина, Пастушенко, Черных, 2012, табл. 61–1–3,5–7; Материальная культура…, 2010, рис. 73–75]), во-вторых – форм для отливки деталей украшений (гор. Анюшкар, Родановo и др. [Материальная культура…, 2010, рис. 58]).

Таким образом, Верхнее Прикамье, с одной стороны, в определенной степени стало местом концентрации привозных изделий, с другой – своеобразным центром «изменения» предметов, о чем говорят находки как импортных, так и созданных на их основе подвесок. Доказательством этого служат наличие определенного набора деталей и признаков, не характерных для привозных изделий, но примененных в Верхнем Прикамье; следы брака и ремонта; находки ювелирного и бронзолитейного инструментария и литейных форм.

В. В. Жигалова (г. Пермь)
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
Научный руководитель: А. Н. Сарапулов, к.и.н., доц.

Аскизские предметы из коллекции Калинского селища (по материалам раскопок 2011–2015 гг.)

Работа посвящена анализу, классификации и датировке древностей так называемого «аскизского типа» по материалам раскопок Калинского селища, а также реконструкции связей населения, проживающего на Калинском поселении.

Калинское селище расположено в Юсьвинском районе Пермского края, на южной окраине бывшей деревни Калино, в 2 км к юго-западу от села Тимино Купросского сельского поселения, на левом береге р. Пой – левого притока р. Иньвы – правого притока р. Камы.

Площадка памятника представляет собой ряд террас над поймой р. Пой. Жители деревни Тимино называют это место городищем. Так же его называет и И. Г. Остроумов [Талицкая, 1952, с. 136]. В 1938 г. площадку памятника осмотрел М. В. Талицкий, собрал на пашне подъемный материал, установил стратиграфию памятника. Именно М. В. Талицкий предположил, что Калинское селище могло быть городищем. В 2011–2015 г. раскопки на поселении были осуществлены А. Н. Сарапуловым. Вскрыто более 600 кв. м площади памятника.

Для анализа были использованы материалы из раскопок селища за 2011–2015 гг.

Аскизская культура

Аскизская культура представляет большой интерес для всех специалистов, занимающихся средневековыми древностями. Заслугу ее выделения и датирования, определения этнической принадлежности и места среди археологических культур Сибири мы можем отнести к Л. Р. Кызласову. Именно им были найдены и раскопаны в 1955 г. Аскизские курганы конца X–XII в., и с тех пор систематически исследовались памятники этой культуры [Руденко, 2001, с. 6].

Известные в настоящее время памятники аскизской культуры локализуются в значительных по площади районах Южной Сибири. На севере они встречены в районе современного Красноярска, на востоке – в бассейне р.

Кан, на юге – на всей территории Тувы, на юго-западе – на Алтае, на западе её памятники встречены в отрогах Кузнецкого Алатау. На всей этой территории известны многочисленные случайные находки инвентаря, относящегося к этой культуре [Кызласов, 1975, с. 207–209]. Они относятся к господствующей культуре Древнехакасского государства и обусловливаются достаточно длительным периодом средневековья – концом X–XVII в.

Главной отличительной особенностью «аскизских древностей» служит преобладание вытянутых форм с фигурно оформленными краями, украшенных инкрустацией и аппликацией серебром, реже золотом и медью. Особенно можно выделить детали поясной гарнитуры (пряжки, накладки, наконечники ремней), которая составляет некий комплекс «аскизских» предметов, а также детали конской сбруи (распределители ремней, уздечки, удила, псалии) и снаряжения всадников (наконечники стрел, колчанные ременные распределители). Все эти детали орнаментированы и обычно объединены в наборы общим узором.

Предметы «аскизского типа» мы можем наблюдать в археологических материалах Прикамья и Поволжья. Их изучением занимались К. А. Руденко)в своей работе «Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв.» представил классификацию материала на территории Среднего Поволжья [2001]); А. М. Белавин (занимался предметами «аскизского типа» с Рождественского городища). Им была представлена своя классификация [Белавин, Крыласова, 2008]. Также без внимания не остается и классификация аскизских предметов Д. А. Семенова, где он классифицировал вещи «аскизского типа» у средневекового населения Пермского Предуралья (по материалам раскопок КАЭЭ в 2009–2013 гг.) [Семенов, 2014, с. 188].

Классификация

Проанализировав материалы раскопок 2011–2015 гг. Калинского селища, мы выявили вещи «аскизского облика». Можно отметить, что все предметы изготовлены из железа, из бронзы и других материалов не встречаются. В основном это элементы поясной гарнитуры (накладки, пряжки, наконечники ремней). Нами было выявлено 9 железных предметов «аскизского типа» и для систематизации материала была взята классификация А. М. Белавина [Белавин, Крыласова, 2008].

Пряжки представлены рамчатыми пряжками и фрагментами пряжек.

ОТДЕЛ А – рамчатые пряжки

Тип 3 – круглые (рис. 1, 1). Такие пряжки использовались как стременные или подпружные.

ОТДЕЛ Б – щитковые

Тип 1 – кругло или овальнорамчатые с коротким прямоугольным щитком (рис. 1, 2). Пряжки данного типа имеют значительные аналогии на памятниках IX–XIII вв.

Тип 2 – кругло– или овальнорамчатые с длинным прямоугольным щитком (рис. 1, 3).

Накладки на ремень представлены достаточным разнообразием. В соответствии с типологией А. М. Белавина накладки делятся на отделы по форме щитка и на типы по деталям декора и оформлению.

ОТДЕЛ А – плоские округло-овальные накладки

Тип 3 – представлены в виде 4-лепестковой розетки с штифтами для крепления к ремню и ушком для кольцевой привески (рис. 1, 4). Такие накладки известны на Рождественском городище, в Волжской Булгарии, в составе находок из Золоторевского комплекса Пензенского края. Прямые аналогии им имеются в комплексах оглахтинского времени малиновского этапа аскизской культуры и датируются концом X–XII в.

ОТДЕЛ Б – прямоугольные и квадратные накладки

Тип 1 – с ровным основанием. Использовались как ременное украшение, а также в качестве наконечников ремней и концевых ремешков. Представлены ***подтипом в)*** плоские, с прямыми краями и шлемовидным окончанием (рис. 1.5).

Тип 3 – с фигурным основанием треугольного и трапециевидного сечения. ***Подтип д)*** объемная, сдавленная с боков треугольного и трапециевидного сечения, со шлемовидной вершиной и основанием типа «ласточкин хвост» (рис. 1, 6).

Эти предметы поясного набора можно отнести к изделиям «аскизского типа», которые датируются в Пермском Предуралье XI–XII вв.

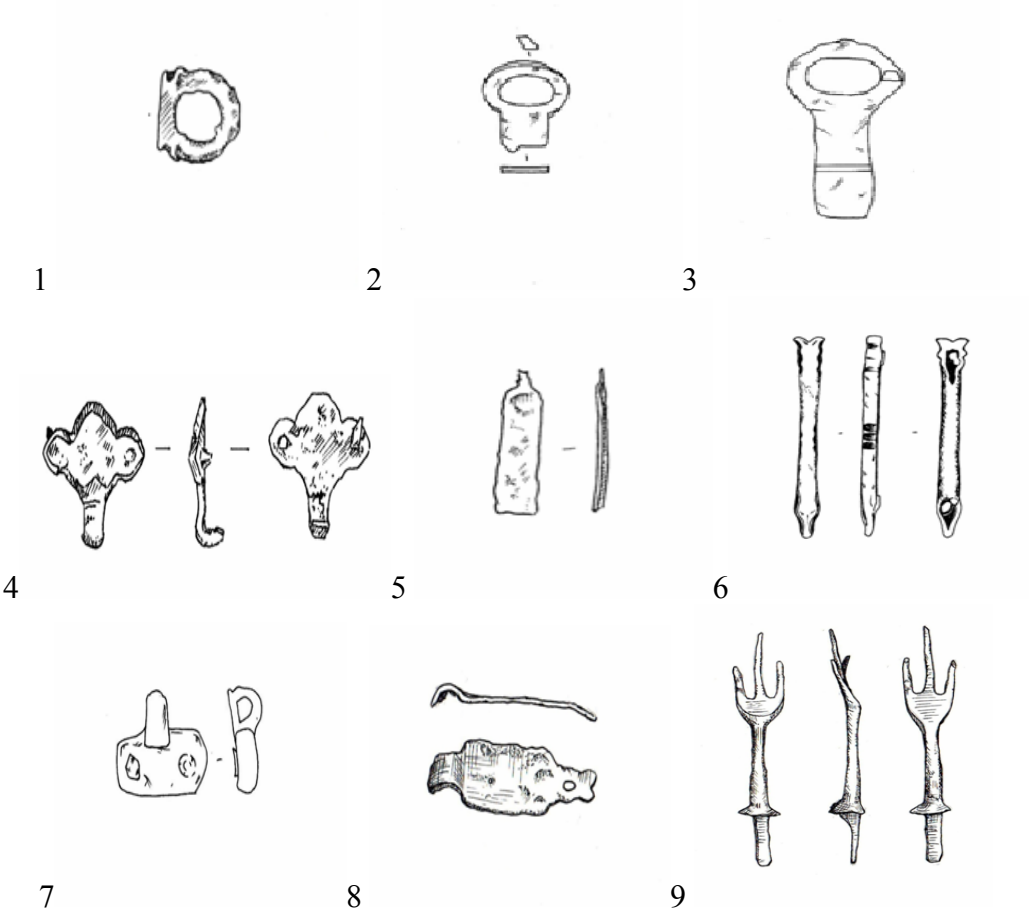

Рис. 1. Вещи «аскизского типа»: 1–3 – пряжки; 4–7 – накладки; 8 – наконечник ремня; 9 – вилка

Тип 19 – «очковидные», ***подтип б)*** накладка с круглыми концами, выделенным центром и петлей (рис. 1, 7). По мнению большинства исследователей аскизских древностей, накладки такого типа являются оригинальными

для Волжской Булгарии, но распространены и в древностях аскизов. В Сибири и Булгарии были известны во второй половине XI – начале XII в.

ОТДЕЛ Д – фигурные накладки

Представлен плоской прямоугольной накладкой с отверстием, небольшим выступом в окончании и раздвоено-выпуклым основанием (рис. 1, 8). Железные накладки известны на памятниках аскизской культуры, аналогии имеются и в Волжской Булгарии X–XII вв.

Наконечники ремней представлены на селище наконечником ремня «с носиком» (рис. 1, 9). По мнению большинства исследователей, наконечники такого типа относятся к кругу «аскизских древностей» и попали на территорию Пермского Предуралья, скорее всего, через булгар. Датируются XI–XII вв.

Оригинальным предметом предстает найденная на селище железная **вилка**, возможно, также имеющая аскизское происхождение. Хотя этот вопрос остается открытым.

Заключение

В результате нашего исследования мы пришли к следующим выводам:

Вещи «аскизского типа» на Калинском селище представлены в основном элементами поясной гарнитуры и конской упряжи. Данные предметы имеют широкую дату бытования. По проделанному нами анализу мы можем сделать вывод, что предметы «аскиского типа» по аналогиям с других территорий (прежде всего территории распространения аскизской культуры) можно датировать X–XII вв.

Аскизские вещи распространены на широкой территории Евразии (Сибирь, Волжская Булгария, Прикамье, древнерусские территории), что может свидетельствовать о наличии трансевразийской моды на данные предметы. Но как эти предметы попали на рассматриваемую территорию?

К. А. Руденко объясняет причину появления аскизских предметов на территории Пермского Предуралья и Волжской Булгарии широкими торговыми и дипломатическими связями. Не остается без внимания и то, что вещи «аскизского типа», найденные на территории Волжской Булгарии, могли изготовляться прямо там, по мнению К. А. Руденко, по аскизским образцам [Руденко, 2001, с. 17].

По нашему мнению, распространение предметов «аскизского типа» на Калинском селище и на территории Пермского Предуралья в целом, происходило путем торгово-обменных отношений финно-угорского населения Пермского Предуралья с тюрко-язычным населением Волжской Булгарии. Кроме того, известно, что выходцы из Волжской Булгарии проживали на ряде торгово-ремесленных факторий Предуралья (Рождественское, Анюшкар, Иднакар городища).

Литература

Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. Вып. Е3-18. М., 1983. 128 с.

Руденко К. А. Тюрский мир и Волго-Камье в XI–XIVвв. Казань: «Заман», 2001. 256 с.

Сарапулов А. Н. Отчет о раскопках Калинского селища в Юсьвинском районе в 2011 году. // ЛАЭ ПГГПУ. Пермь, 2011.

Сарапулов А. Н. Отчет о раскопках Калинского селища в Юсьвинском районе в 2012 году. // ЛАЭ ПГГПУ. Пермь, 2012.

Сарапулов А. Н. Отчет о раскопках Калинского селища в Юсьвинском районе в 2013 году. // ЛАЭ ПГГПУ. Пермь, 2013.

Сарапулов А. Н. Отчет о раскопках Калинского селища в Юсьвинском районе в 2014 году. // ЛАЭ ПГГПУ. Пермь, 2014.

Семенов Д. А. Вещи «аскизского типа» у средневекового населения Пермского Предуралья по материалам раскопок КАЭЭ в 2009–2013 гг. // XLVI Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК, 5–7 февраля 2014 г., Ульяновск): тез. докл. Ульяновск: ФГБОУ ВПО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова». Ульяновск, 2014. 187–191 с.

Шмуратко Д. В. Отчет о раскопках Калинского селища в Юсьвинском районе в 2015 году. // ЛАЭ ПГГПУ. Пермь, 2015.

М. В. Жилина (г. Киров)
Вятский государственный университет
Научный руководитель: Л. А. Сенникова, к.и.н., н.с. КОКМ

Кожаная обувь Хлыновского Кремля (по раскопкам 1956–1958 гг.)

В 1956–1958 гг. на территории Хлыновского кремля (совр. г. Киров) были проведены раскопки Среднерусской археологической экспедицией ИИМК АН СССР (совр. ИА РАН) совместно с Кировским областным краеведческим музеем под руководством Л. П. Гуссаковского. Исследованная площадь составила свыше 100 кв. м [Гуссаковский, 1957, с. 1]. В настоящее время коллекция хранится в Кировском областном краеведческом музее.

Среди многочисленных находок второе место занимают изделия из кожи, главным образом, остатки ношеной обуви [Гуссаковский, 1957, с. 20].

Коллекция насчитывает 156 экз. и включает детали обуви разной степени сохранности, фасонов и размеров; мелкие обрезки кожи, обрывки изделий, берестяные и деревянные элементы обуви. Находок из кожи – 135 ед., из бересты – 19, из дерева – 2. Целых обувных изделий не выявлено.

При описании находок применяется систематизация, используемая А. В. Курбатовым и Д. О. Осиповым.

Среди деталей обуви наиболее представительная группа – это подошвы и их фрагменты (21 ед.), что обусловлено их непригодностью для вторичного использования. Форма подошвы зависит от фасона головки: с закругленным (выпуклым) или с острым сходящимся симметричным носком. Цельная подошва представлена в единственном экземпляре, поэтому длину подошв можно лишь предполагать. Цельная подошва имеет длину 22 см, ширину в: пучковой части – 9 см, голеностопной – 6,5 см, пяточной – 8,5 см. Остальные фрагменты имеют близкие размеры по ширине.

Наиболее многочисленны подошвы со следами от сквозного вертикального шва. Имеются экземпляры со швом «в подтай».

Из дополнительных деталей низа обуви имеются 3 подпяточные прокладки полукруглой формы, двухслойные.

Головки – 1 целый экз. и 16 фр. Среди них есть цельнокроеные с выпуклым или с острым сходящимся симметричным обрезом края в носке.

Головки сапог достигают в длину 13 см, в ширину 11,5 см. Головки туфель имеют ширину 7 см, длина не определяется, ибо целые экземпляры отсутствуют.

Обувь (головки) специально декорировалась. В Хлынове в качестве отделки использовалось линование (3 экз.), когда горячим заостренным металлическим предметом на мерею (наружная поверхность кожи) наносятся прямые или диагональные линии.

Для повышения влагонепроницаемости и жесткости конструкции изделия под головку вкладывался поднаряд (14 фр.).

Поднаряды бывают двух типов: полные (цельнокроеные/составные), выкроенные под всю головку, или неполные, выкроенные только под носочную часть. В коллекции имеются только фрагменты двусоставных и цельнокроеных поднарядов. При сборке и креплении поднарядов использовался шов «через край» (переметочный).

С теми же целями, что и у поднаряда, в головку вкладывались берестяные вкладыши (в коллекции имеется 1 экз.).

У моделей низких туфель может присутствовать такая деталь, как берцы – удлиненные боковины головок, закрывающие подъем стопы и голеностопный сустав [Осипов, 2006, с. 51]. В коллекции можно выделить берцы, имеющие вид полосы кожи (дл. 16 см, шир. 4,5 см).

Задники – 13 экз., имеют жесткую конструкцию, стандартную форму, хорошую сохранность. Задник изготовлен из наружной кожаной накладки (задинки) и берестяных прокладок (собственно задник), сшитых в виде кармана. В получившийся карман вставлялся кожаный, лубяной или берестяной вкладыш [Осипов, 2006, с. 52]. Собственно задник состоял из 3–5 слоев бересты. В коллекции представлены прокладки (6 шт.) – кожаная, лубяная и берестяные. Сохранились целые комплекты задников, изготовленных из кожи и бересты.

Задинки имеют следы пришивания кармана задника, заостренный верх и наклоненные или прямые боковины. Обрез нижнего края закругленный. Наружные накладки от сапог имеют длину до 16 см и высоту до 8,5 см, задинки для туфель: длину – 14,5 см, высоту – 6,5 см.

В коллекции имеется один фрагмент двухчастного голенища. Это объясняется тем, что как наиболее крупная и наименее изнашиваемая часть обуви, данная деталь больше других пригодна для вторичного использования. С деталями крепилось тачным швом. Высота фрагмента голенища – 8 см, в среднем же высота целых форм голенищ составляла 25–30 см [Осипов, 2006, с. 48]. Присутствуют следы ремонта – сквозные отверстия у боковых швов.

Для изготовления обуви использовали кожу различной толщины – от 1 до 2 мм. Плотную или сложенную в два слоя кожу применяли в элементах, требующих прочности и жесткости (подошвы, задники, голенища). Тонкую

(1–1,5 мм) использовали для внутренних деталей (поднаряды, вкладыши) и головок.

Помимо элементов обуви в коллекцию входят 45 обрезков, образовавшиеся от раскроя новых или вторичных кож.

Обрезки от раскроя новых кож – 1 большой кусок кожи (дл. 16 см) с отверстием от шпенька с краю, 1 обрезок с остатками волос, 1 обрезок (дл. 27 см) с утолщением края, 7 обрезков без следов износа.

О вторичном использовании изношенных предметов свидетельствуют многочисленные обрезки от деталей, бывших в употреблении. Среди обрезков преобладают тонкие длинные узкие ленты (11 экз.), встречаются обрезки треугольных (15) и прямоугольных (6) форм. От раскроя подошв можно выделить 5 экз., головок – 7, голенища – 1.

Л. П. Гуссаковский отмечал, что остатки кожаной обуви, обрезки кожи и бересты были найдены во всех строительных ярусах [Гуссаковский, 1957, с. 20].

Находки обуви происходят из сооружения № 2 (19 штук), которое прорезает 1 и 2 строительный ярусы, датированные автором раскопок сер. XV – нач. XVI вв. В доме № 3 (2 ярус, сер.XV в.), от которого сохранился срубный опечек и погреб найдено 12 предметов. Остатки кожаной обуви и обрезки кожи были найдены на мостовых в 5, 6 и 7 ярусах.

На 5 ярусе (2–я пол.XIV в.) обнаружено 3 предмета. На мостовой 6 яруса (кон.XIII–сер.XIV вв.) найдено 8 экз. На 7 ярусе (2–я пол.XIII в.) собраны отдельные фрагменты (14) и выявлено скопление деталей кожаной обуви, которое можно отнести к паре остроносых туфель с отложными берцами и мягкой двухслойной подошвой.

Л. П. Гуссаковский отмечал, что остатки обуви представлены двумя видами: остроконечными сапогами с мягким носком и мягкой подошвой и туфлями с твердым носком [Гуссаковский, 1957, с. 20].

В коллекции обуви деталей низких туфель больше, чем фрагментов деталей сапог. Поэтому, применительно к обуви, носимой в древнем Хлынове, стоит говорить о доминировании низкой обуви (туфель) над высокой (сапогами). Так в Твери специфичной формой обуви являлись туфли [Курбатов, 2004, с. 38], в Москве [Зыбин, 1958, с. 37] и Великом Новгороде [Изюмова, 1959, с. 214] в XII–XVI вв. основным видом кожаной обуви были сапоги.

Таким образом, по степени развития техники и технологии изготовления обувь Хлынова не отставала от других средневековых городов Руси. В производстве применялась «жесткая конструкция», которая появляется не раннее XIV в. и распространяется повсеместно в XV в. Наличие сапожников-ремесленников и использование прогрессивных способов шитья обуви указывает на достаточно высокий уровень хозяйственной и ремесленной жизни древних вятчан с XIV в.

Возможно, следует пересмотреть датировку 6 и 7 строительных ярусов (выводы Л. П. Гуссаковского уже были поставлены под сомнение С. Д. Захаровым [Захаров, 1989, с. 47]), поскольку анализ находок кожаной обуви показывает, что их надо относить не ранее, чем к XIV в.

Литература

Гуссаковский Л. П. Отчет об археологических исследованиях в городе Кирове, Кировской области в 1957 г. Фонды Кировского краеведческого музея. Машинопись.

Захаров С. Д. Характеристика раскопов Л. П. Гуссаковского на территории Хлыновского кремля // Европейский Север в культурно-историческом процессе. Киров, 1999. С 41–48.

Зыбин Ю. П. Древнерусская обувь XII – XVI вв. Сообщение 1, Конструкция древнерусской обуви //Известия высших учебных заведений. Технология легкой промышленности. Киев, 1958. № 4. С. 36–44.

Изюмова С. А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // МИА. М., 1959. Вып. 65. С. 191–222.

Курбатов А. В. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам археологических исследований 1993–1997 гг.). СПб., 2004. 312 с.

Осипов Д. О. Обувь московской земли XII – XVIII вв.: Материалы охранных археологических исследований. Т. 7. М., 2006. 202 с.

А. Ю. Загайнова (г. Йошкар-Ола)
Марийский государственный университет
Научный руководитель: Ю. А. Зеленеев, д.и.н., доц.

Архитектурный декор раскопа XLVII Селитренного городища: статистический анализ

Золотая Орда (Улус Джучи), возникшая во второй половине XIII в., стала одним из крупнейших средневековых государств. Старый Сарай (Сарай-Бату) – первая столица Золотой Орды – поражал современников красотой и величием, постоянные процессы взаимодействия культур различных стран и религий, происходившие в ней, способствовали процветанию торговли, науки, искусства. Золотоордынские города были центрами ремесла и торговли. Бурное градостроительство повлекло за собой развитие производства архитектурной керамики для декоративной отделки зданий. В золотоордынских городах широкое распространение получили поливные кашинные изразцы, из которых составлялись большие панно. Кашинами принято называть легкую пористую высококремнеземистую керамическую массу, имеющую после обжига белый цвет со слабо выраженными желтыми или розовыми оттенками [Носкова, 1972, с. 171]. В Средней Азии кашинная архитектурная керамика известна с начала XII в., а появление ее в Золотой Орде можно рассматривать как следствие влияния хорезмийского керамического производства [Носкова, 1976, с. 234]. Археологические исследования золотоордынских памятников показали, что мозаики покрывали довольно крупные плоскости и составляли большие орнаментальные панно. Изразцы крепились на алебастровую основу, которая сохраняла контуры мозаики.

Археологические исследования Селитренного городища (Сарай-Бату) ведется с 1965 г. по настоящее время. В данной статье мы рассмотрим материал с раскопа № XLVII за 2014–2016 гг., для анализа отобрано 282 экземп-

ляра (далее экз.). При составлении классификации учитывались следующие признаки: цвет теста, цвет поливы и орнамент мозаики.

Изразцы покрывали цветной поливой, наиболее часто встречается различные оттенки синего (ультрамаринового) и голубого цветов. Все рассматриваемые изразцы (282 экз.) можно разделить по цветовой палитре поливы на следующие группы:

ГРУППА	ЦВЕТ	КОЛИЧЕСТВО (ЭКЗ.)
А	Ультрамарин	146
Б	Голубой	86
В	Белый	29
Г	Желтый	14
Д	Коричневый	5
Е	Зеленый	2

По типу орнамента мозаики изразцы Селитренного городища можно разделить: растительный (цветочный) и геометрический.

Растительная орнаментация представлена в 216 экз. из общего числа исследуемых изразцов – 282 экз., в большинстве случаев (106 экз.) это заполнение фона, так называемые ультрамариновые изразцы. Голубые изразцы (67 экз.) служили основой для самих растений цветов (цветов и листьев). Иногда встречаются желтые (14 экз.), белые (25 экз.), зеленые (2 экз.) и коричневые (2 экз.) изразцы, они чаще всего имеют форму лепестков, небольших кругов и цветов.

Геометрический орнамент мозаики (66 экз.) составлялся из изразцов, имеющих правильную геометрическую форму: прямоугольники, квадраты, ромбы, трапеции, восьмиконечные многоугольники и шестиугольные звезды. Из 66 экз. 40 изразцов покрыто ультрамариновой поливой, 19 экз. – голубой, 4 экз. – белой и 3 экз. – коричневой.

По типу кашинного теста рассматриваемых изразцов можно выделить 2 группы:

Группа I: Изразцы на розоватом кашине – 122 экз. Из них 63 экз. покрыто ультрамариновой поливой, 34 экз. – голубой, 14 экз. – белой, 8 экз. – желтой, 1 экз. – зеленой и 2 экз. – коричневой.

Группа II: Белый кашин – 160 экз. Из них 83 экз. покрыто ультрамариновой поливой, 55 экз. – голубой, 15 экз. – белой, 6 экз. – желтой, 3 экз. – коричневой и 1 экз. – зеленой.

Цвет	ГРУППА I (Розоватый кашин)	ГРУППА II (Белый кашин)
Ультрамарин	**63**	**83**
Голубой	**34**	**55**
Белый	**14**	**15**
Желтый	**8**	**6**
Коричневый	**1**	**3**
Зеленый	**2**	**1**
ИТОГО	**122**	**160**

Таким образом, наиболее часто встречаемым тестом для изготовления кашинных изразцов, по материалам раскопа № XLVII Селитренного городища (Сарай-Бату) 2014–2016 гг., является белый кашин (160 экз.), в то время как розоватый встречается реже (122 экз.). Растительная орнаментация мозаики в раскопе № XLVII преобладает над геометрической орнаментацией. В цветовой гамме поливы преобладают оттенки синих (ультрамарин) и голубых цветов. Основным цветом поливы изразцов был ультрамариновый, который является фонообразующим в цельном панно. На основании вышесказанного можно прийти к выводу, что архитектурный декор был достаточно развит на территории Золотой Орды, многообразие цветовой палитры и форм изразцов говорит о высоком уровне развития производства архитектурной керамики и о множестве форм декорирования памятников архитекртуры.

Литература

Носкова Л. М. Декоративное убранство дворцового комплекса в Сарае (Селитренное городище) // Советская археология. 1984. № 4. С. 7.

Носкова Л. М. Мозаики и майолики из Средневековых городов Поволжья // Средневековые памятники Поволжья в Средние века. М.: Наука, 1976. С. 234.

Носкова Л. М. Поливной архитектурный декор из Сарая-Бату (Селитренное городище) // Советская археология. 1972. № 1. С.171–184.

Федоров–Давыдов, Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1994. 232 с.

Е. А. Каравашкина (г. Ульяновск)
ОГБУ «НИИ истории и культуры Ульяновской области им. Н. М. Карамзина»
Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова
Научный руководитель: Ю. А. Семыкин, к.и.н., доц.

Керамика населения Верхнего Прикамья на памятниках Среднего Поволжья в VIII – начале XIII в.

В работе были рассмотрены коллекции керамики населения Верхнего Прикамья на памятниках Среднего Поволжья. Коллекции состоят из посуды неволинской археологической культуры.

Работа по изучению орнамента керамики населения Верхнего Прикамья проведена с применением историко-культурного подхода, разработанного А. А. Бобринским [1978], и базируется на ряде методов, разработанных Е. В. Волковой для исследования посуды фатьяновской археологической культуры. Эта методика прекрасно подходит для изучения орнаментов керамики населения Верхнего Прикамья, так как обе группы посуды представляют собой круглодонные сосуды со сходными орнаментальными образами и композиционным расположением орнамента на сосуде.

В основе анализа орнамента лежит метод структурного анализа орнамента на посуде. При исследовании орнамента изучаются отпечатки орудий и реконструируется их вид.

Метод структурного анализа состоит в том, что орнамент исследуют на четырех уровнях: элемент, образ, мотив и композиция. Элемент – один отпечаток, который мастер делает за один трудовой акт. Образ – совокупность элементов. Мотив – несколько образов. Композиция – система расположения мотивов на всей поверхности сосуда, расположение на определенных частях сосуда [Волкова, 2010, с. 90–94].

Далее производился расчет коэффициента сходства (КС). Методика определения коэффициента сходства была разработана Д. Я. Телегиным [1977, с. 59–64] и, в дальнейшем, была более детально проработана Ю. Б. Цетлиным [2008, с. 15–18].

Расчет производился на двух уровнях: элементов и образов, для того, чтобы избежать ошибочной интерпретации в связи с сильной фрагментарностью керамики и невозможностью провести анализ на следующих уровнях.

Коэффициент сходства определяется в каждом случае для двух сравнительных поселений путем последовательного суммирования наименьших долей всех зафиксированных на керамике элементов и образов орнамента.

Городище Чертов городок. Рассматриваемые материалы были получены в ходе раскопок 2011 г. под руководством Ю. А. Семыкина. Коллекция керамики Верхнего Прикамья составляет 311 фрагментов от 55 сосудов (4,3% от общей массы керамического материала) [Каравашкина, 2015, с. 133–135].

Городище Красносюндюковское I. Материалы были получены в ходе работ 1991 г. совместной экспедицией УлГПУ и Самарского областного историко-краеведческого музея им. П. В. Алабина. Коллекция составляет фрагменты от 8 сосудов [Каравашкина, 2016, с. 305–307].

Поселение Подгоры I. Исследования проводились в 2000 и 2001 гг. под руководством В. А. Скарбовенко. Коллекция состоит из 63 сосудов [Скарбовенко, 2001, 114 с.].

Поселение Ош-Пандо-Нерь 1/2. Материалы были получены в ходе работ 1994–1995 гг. под руководством В. А. Скарбовенко, Р. С. Багаутдинова, Г. И. Матвеевой и М. С. Седовой [Скарбовенко, 1995, 69 с.].

На перечисленных памятниках рассматриваемые материалы встречаются как в ранних материалах – периоде функционирования памятников именьковской археологической культуры, так и в более поздних – новинковского и булгарского времени.

Среди орнаментиров на рассматриваемых коллекциях встречаются зубчатые и гладкие штампы, шнур, инструмент для нанесения небольших вдавлений округлой формы и нож для прочерчивания.

Среди элементов орнамента можно выделить:

– гладкий статичный – оттиск либо прокатывание рабочей поверхности инструмента с гладкой рабочей поверхностью, оставившей линзовидные по форме отпечатки;

– гладкий динамичный – прочерчивался узким рабочим краем инструмента, оставляя гладкий след;

– гребенчатый – прямые, в основном, линзовидные следы с перемычками, оставленными пропилами на рабочей части орнаментира;

– протащенная гребенка – ряд динамических гладких элементов, выполненных прочерчиванием гребенчатым инструментом;

– ямочный – вдавления, выполненные орнаментиром с круглой или овальной рабочей частью;

– веревочный – элемент наносился шнуром [Цетлин, 2008, с. 22–28].

По итогам анализа статистических орнаментальных традиций мы получаем данные, которые позволяют нам уточнить характер культурных контактов населения носителей керамики прикамского облика.

Самый большой процент сходства памятников Чертов городок и Красносюндюковское I – 52%, затем Чертов Городок и Ош-Пандо-Нерь – 48,4%, Подгоры I и Красносюндюковское I – 43,7%.

На уровне образов наибольшее сходство: Чертов городок и Ош-Пандо-Нерь – 24,7%, Ош-Пандо-Нерь и Красносюндюковское I – 24,9%. Самый маленький процент сходства наблюдается у Ош-Пандо-Нерь и Подгоры I – 5,8%.

Такой маленький процент сходства между Ош-Пандо-Нерь и Подгоры I может говорить о том, что на этих двух селищах жило население с разными культурными традициями, в пользу этого может говорить близкое время функционирования и расположение памятников. В то же время сходство памятников Чертов городок и Ош-Пандо-Нерь, а также Ош-Пандо-Нерь и Красносюндюковское I требует уточнения, так как памятники не только очень удалены друг от друга, но и отличаются длительностью и временем своего функционирования.

Таблица 1

Коэффициенты сходства
между орнаментальными традициями использования элементов (%)

	Чертов Городок	**ОПН 1/2**	**Подгоры I**	**Красносюндюковское I**
Чертов Городок		48,4	24,3	52
ОПН 1/2			29,6	31,9
Подгоры I				43,7

Таблица 2

Коэффициенты сходства
между орнаментальными традициями использования образов (%)

	Чертов Городок	**ОПН 1/2**	**Подгоры I**	**Красносюндюковское I**
Чертов Городок		24,7	12,4	17,9
ОПН 1/2			5,8	24,9
Подгоры I				21,1

Литература

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Волкова Е. В. Новинковские могильники фатьяновской культуры. – М.: ИА РАН, 2010. 248 с.

Каравашкина Е. А. Глиняная посуда прикамского типа на селище Подгоры I в Самарской области // Новые материалы и методы археологического исследования: материалы III Междунар. конф. молодых ученых. М.: ИА РАН, 2015. С. 133–135.

Каравашкина Е. А. Керамика прикамского облика на памятниках Среднего Поволжья конца VIII – начала XIII в. // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): материалы Всерос. (с междунар-м участием) науч. конф. Ижевск, 2016. С. 422.

Скарбовенко В. А. Отчет об охранно-спасательных раскопках селища Ош-Пандо-Нерь 1/2 у с. Шелехметь Волжского района Самарской области // Архив археологической лаборатории СамГУ. 1995. 69 с.

Скарбовенко В. А. Отчет об охранно-спасательных раскопках селища Подгоры I в Волжском районе Самарской области в 2001 г. // Архив археологической лаборатории СамГУ. 2001. 114 с.

Телегин Д. Я. Опыт статистического определения индекса родственности неолитических комплексов по элементам орнамента // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М, 1977. С. 59–64.

Цетлин Ю. Б. Неолит центра Русской равнины: орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула: Гриф и К., 2008. 352 с.

И. В. Каракулова (г. Ижевск)
Удмуртский государственный университет
Научный руководитель: С. А. Перевозчикова, к.и.н., н.с. ИИКНП УдГУ

Погребальный обряд Верх-Саинского могильника: общее и частное

Современным исследователям разных научных областей часто приходится обращаться к истории и археологии, чтобы реконструировать материальную или духовную культуру наших предков. Для этого нужны достоверные источники. Одними из таких источников являются археологические памятники. Достаточно много информации можно получить, исследуя некрополи. По сей день интерес вызывает духовная культура народа, в число которой входит погребальный обряд. Именно о нем пойдет речь в данной работе.

Основываясь на данных археологии и этнографии, исследователям удалось воссоздать общие черты погребального обряда сылвенского-иренского населения в эпоху раннего средневековья. Но наряду с традиционными представлениями во многих изученных могильниках неволинской культуры встречаются случаи, которые отличаются от основных признаков погребального обряда. Подобные моменты были замечены и в Верх-Саинском могильнике.

Памятник расположен на правом берегу р. Шаквы, в Березовском районе Пермского края. Могильник был открыт Л. Д. Макаровым в 1981 г., с 1982 по 1992 г. с перерывами в 1985 и 1991 гг. исследован Камско-Вятской археологической экспедицией Удмуртского государственного университета под руководством Р. Д. Голдиной и Н. В. Водолаго [Голдина, Перевозчикова, 2012, с. 321].

Ранний этап Верх-Саинского могильника характеризуется курганами, датирующимися VI – первой половиной VII в. Всего на площадке могильника

обнаружено 108 курганов со 133 захоронениями. Под одной насыпью обнаружено от одного до четырех погребений. Как правило, захоронения совершены в ямах прямоугольной формы. Умерших укладывали на спину в вытянутом положении, руки вдоль тела.

Во второй половине VII в. на Верх-Саинском могильнике обычай сооружать курганы исчез, и рядом с курганами появились бескурганные могилы. На изученной части могильника открыто 185 захоронений. Грунтовая часть памятника датируется второй половиной VII – началом IX в. Могильные ямы имели прямоугольную форму, вертикальные или слегка наклонные стенки и плоское дно. Во многих могилах зафиксированы остатки дерева от погребальных конструкций и перекрытий. Погребенные уложены вытянуто на спине, руки умерших в равной степени или вытянуты вдоль тела, или согнуты в локтях и положены на таз. Лишь в погребении 154 костяк уложен на бок. Умерших хоронили в одежде с украшениями и сопутствующим инвентарем: оружием, орудиями труда, предметами быта, конским снаряжением, сосудами с пищей. Все вещи располагались так, как использовались при жизни.

Сохранность костяков скудна, не во всех могильных ямах найдены кости или хотя бы их фрагменты. Также необходимо отметить, что при раскопах зафиксировано большое количество грабительских вкопов, особенно в курганных погребениях.

Как в курганной, так и бескурганной части могильника замечены частные случаи, которые не соответствуют общей характеристике погребального обряда. Стоит отметить, что данные отклонения встречаются в положении костей, инвентаря, а также в погребальных конструкциях. Просмотрев погребения, мы выделили несколько частных случаев (26 к):

В погребениях 121, 161, 52/2А кости грудной клетки умерших перемешаны. В погребениях 74А и 58/1А зафиксированы ребра над черепом, в погр. 158 наблюдается смещение правой руки к бедренной кости ноги, в погр. 159 слева у черепа находились 2 позвонка, в погр. 77/1 отсутствует левая часть грудной клетки, при хорошей сохранности правой.

Три погребения (120, 1/1, 70/1) выглядят иначе. В погр. 120 отсутствует бедренная кость левой ноги, при сохранности коленной чашечки и большеберцовой кости. В захоронении 1/1 в области несохранившегося левого плеча обнаружены смещенные сюда бедренные кости и фрагменты черепа, что можно объяснить незафиксированным грабительским вкопом в данной области. В погребении 70/1 череп перевернут.

В двух погребениях 30 и 130 кости умерших разрознены.

Также зафиксированы погребения с нестандартным положением погребального инвентаря (20 костяков).

В захоронениях 44/1 и 46/1 пояс сложен пополам, а в 64/1 скручен. В 154, 58/1А, 75/1 – пояса полностью разрознены. Разрушенные пояса также найдены в погребениях 70, 120, где наконечники ремня фиксировались в несвойственном для них месте. О разрозненности поясов в погр. 83, 137, 35/1, 73/1 свидетельствуют изменения в положении пряжек. В погр. 130 накладка найдена в верхней

части погребения. В 5 случаях (116, 12/2, 14/1, 38/1, 96/1) височные подвески располагались не у головы. В погр. 30 и 164 вещи разбросаны.

Кроме этого зафиксировано 4 погребения с обугленной деревянной конструкцией (43, 26/1,2, 37/2). Отклонения в погребальной конструкции прослеживается и в двух погребениях курганной части Бродовского могильника (43/2,3), где на костях умерших найдены камни.

Стоит отметить, что приведенные выше случаи встречаются и на других могильниках неволинской культуры. Разрозненность поясов встречается на Бартымском, Неволинском, курганной части Бродовского могильниках. Также закономерны нарушения анатомического порядка костей и положения инвентаря умерших.

Таким образом, можно сделать вывод, что, исходя из общей характеристики погребального обряда Верх-Саинского могильника, в нем прослеживаются моменты, которые не соответствуют его основным чертам.

Литература

Водолаго Н. В. Отчет о работах в Березовском районе Пермской области в 1983 г. // Архив ИИКНП. Ф. 2. Д. 177.

Водолаго Н. В. Отчет о работах в Пермской области в 1984 г. // Архив ИИКНП. Ф. 2. Д. 196.

Водолаго Н. В. Отчет о работах в ТАССР и Пермской области в 1988 г. // Архив ИИКНП. Ф. 2. Д. 277.

Водолаго Н. В. Отчет о работах в Татарской АССР и Пермской области в 1986 г. // Архив ИИКНП. Ф. 2. Д. 239.

Водолаго Н. В. Отчет об исследованиях Верх-Саинского могильника в 1982 г. // Архив ИИКНП. Ф. 2. Д. 49.

Водолаго Н. В. Отчет об исследованиях могильников в Пермской области и Татарской АССР в 1989 г. // Архив ИИКНП. Ф. 2. Д. 288.

Водолаго Н. В. Отчет об исследованиях могильников в Пермской области и Татарской АССР в 1992 г. // Архив ИИКНП. Ф. 2. Д. 318.

Водолаго Н. В. Отчет об исследованиях раннесредневековых могильников в бассейне р.Камы в 1987 г. // Архив ИИКНП. Ф. 2. Д. 254.

Голдина Р. Д., Перевозчикова С. А. О датировке и хронологии Верх-Саинского могильника неволинской культуры (конец VI – начало IX в. н. э.) // Древности Прикамья эпохи железа: хронологическая атрибуция: сб. ст. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 25. Ижевск, 2012. С. 321–375.

М. С. Купцова (г. Елабуга)
Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
Научный руководитель: А. З. Нигамаев, к.и.н., доц.

Уральские истоки посуды в керамическом комплексе Староромашкинского городища

Староромашкинское городище («Кала», «Калюш») расположен в 17 км от г. Чистополя и 16 км южнее Камы. В 500 м севернее городища – село Старое Ромашкино, около 1 км юго-юго-западнее – трасса Казань-Оренбург

(стар. «Ногайская дорога») [Нигамаев, 2015, с. 4]. В качестве объекта исследования выступает керамический материал, обнаруженный на территории Староромашкинского городища.

Среди всех материалов, обнаруженных на раскопках, самым массовым является керамических материал. По рассматриваемой проблематике следует выделить «постпетрогромскую» керамику (по Е. П. Казакову) или VII группу керамики по классификации Т. А. Хлебниковой. Среди исследователей до сих пор нет единства по вопросу истоков происхождения данной керамики. Существует несколько точек зрения: Е. П. Казаков выделяет носителей данной керамики в отдельную археологическую культуру с появлением их на рубеже X столетия [Казаков, 2007, с. 51–59]. Е. М. Берс объединяет их в «калмацкую» культуру IV–V вв. н. э., оставленную «калмацкими людьми» – башкирами Зауралья [Берс, 1963, С.102]. В. Ф. Генинг поддерживал предложенную Е. М. Берс дату, но связал их с ломоватовской культурой, а носителя определил как угорский [Генинг, 1961, С. 41]. Т.А. Хлебникова, выделяя данную керамику в отдельную группу, датирует ее X в. и связывает их с угорским населением, но не без влияния верхнекамского населения. Которая получила поддержку и в работах Н. А. Кокориной. В свою очередь В. Д. Викторова, В. М. Морозова, С. Д. Чаиркина, Р. Д. Голдина, И. Ю. Пастушенко связывают данную керамику с населением горно-лесного Зауралья – VI–IX вв. [Викторова В. Д., Морозов В. М., 1993, С. 186]. Таким образом, нельзя точно сказать примерные истоки формирования носителей данной керамики, возможно, они были зауральскими и приуральскими.

По данным Елабужской археологической экспедиции на Староромашкинском городище, данная керамика представлена круглодонными сосудами раковинного теста с подцилиндрической горловиной, орнаментированный веревочно-гребенчатым орнаментом по горловине и плечику, или нарезками по скошенному краю венчика. В процентом соотношении данная группа керамика составляет 8–11% от общего количества всей керамики.

Реконструкция данной посуды затруднена, так как она сохранилась в сильно измельченном виде из-за плохого обжига и тонкой стенки сосудов (3–6 мм). Но по всем очертаниям можно выделить горшковидные и чашевидные сосуды [Купцова М. С., 2015, С. 17]. Сосуды круглодонные, большинство сосудов без ручек. Широкая часть тулова ≈ 10–15 см.

Т. А. Хлебникова и Н. А. Кокорина [Кокорина, Хлебникова, 1993, с. 106] в числе посуды домонгольского периода выделяют VIII группу, тогда как А. П. Смирнов не выделяет данную группу, а относит ее к VII, только в измененной форме. VIII этнокультурная группа керамики – более плотного песочного теста с добавлением мелкого шамота, цилиндрошейная с резной орнаментацией. В процентом соотношении данная группа керамики составляет примерно 0,1–0,2 % от общего количества керамики. Но в сооружениях не обнаружено. Имеет определенное сходство с VII группой керамики по составу теста и отличие в технике производства, так как нижняя часть сосуда у VIII группы изготовлено вручную, а верхняя часть – венчик, подправлен на

гончарном круге. Характерной орнаментацией рассматриваемой группы являются волнообразные линии.

Говоря об этнической принадлежности VIII группы, необходимо отметить о ее отождествление с кушнаренковской посудой Башкирии, только впоследствии измененной в силу воздействия других групп посуды и получившее свое развитие на рубеже X–XI вв.

Е. П. Казаков данную группу выделяет как переходный вид гребенчато-шнуровой (VII гр.), сложившиеся под влиянием болгарской гончарной посуды. Он видит их сходство в составе теста и некоторым орнаментом, в частности расположение орнамента в определенных частях посуды.

Данную посуду можно разделить на чашевидные и горшковидные. Среди чашевидных сосудов выделяется развал сосуда бурого цвета, с заметным глазу включением толченной раковины, (СР – II – 13 / 1158/1156) с цилиндрическим горлом, средней и подшаровидной формы, украшенная ординарной волнообразной линией. Эту группу керамики Т. А. Хлебникова рассматривает как кушнаренкувскую, только измененную в результате воздействия других групп посуды [Хлебникова, 1984,с. 203]. Данный сосуд датируются IX – началом X вв.

XVII группа керамики представляет собой развитие VIII группы керамики так называемых приуральских истоков. В процентом соотношении составляет примерно 1–2 % от общего количества керамики. Характеризуется серым цветом черепка с подцилиндрической горловиной. Изготовленная из теста, без заметным глазу примесей, формовкой, отмеченной как для группы XIII, так и для VIII группы, когда верхняя часть тулова имеет следы формовки на круге, а тулово и днище вылеплены отдельно и подправлены при соединении с венчиком. Датируется данная группа XII – началом XIII вв.

Определенные черты сходства VIII и XVII групп в свое время были подмечены А. Т. Хлебниковой, указывавшей на их определенную близость – «близкая фактура теста…, производство XVII группы керамики переступило порог домашнего производства, вероятно, оно было рассчитано на заказ определенного круга покупателей, которому были дороги традиции изготовления VIII группы керамики» (Хлебникова, 1984, с. 205). Вероятней всего, это население Нижнего Прикамья и Башкирского Приуралья.

Таким образом, на основе анализа керамического материала Староромашкинского городища можно проследить этнокультурные процессы, протекающие на территории Закамья. Большую роль в этом сыграло население Приуралья. Конечно, в настоящее время существует много спорных моментов по вопросу происхождения той или иной керамики, в частности группы VII и VIII, а также XVII группа, выделенная как продолжение VIII группы. Бесспорным остается один факт, что рассматриваемая территория является местом, где удерживались традиционные этнокультурные технологии изготовления посуды, и частичное выделение одной группы от другой отражает нам развитие гончарства, а также процесс формирования единой культуры и этноса.

Литература

Генинг В. Ф. Некоторые вопросы периодизации этнической истории древних болгар // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, 1989. С.222.

Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999. С. 295.

Иванова М. Г. Погребальные памятники северных удмуртов X–XIII вв. Ижевск, 1992. 184 с.

Иванов А. Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII вв.) / Отв. ред. М. Г. Иванова. Ижевск, 1998. 23 с.

Казаков Е. П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии / Отв. ред. А. Х. Халиков. М.: Наука, 1978. 45 с.

Пастушенко И. Кишертский могильник в бассейне реки Сылвы // Finno-Ugrica. № 9. 2005–2006. С. 64–67.

Хлебникова Т. А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 56 с.

Хузин Ф. Ш. К вопросу о так называемой «постпетрогромской культре» // Камский торговый путь: материалы Всерос. науч-практ. конф. Елабуга, 2008. С. 11–22.

Д. О. Кутузова (г. Йошкар-Ола)
Марийский государственный университет
Научный руководитель: Е. Е. Воробьева, к.и.н., доц.

Бусы погребения № 31 Анаткасинского могильника: обзор, систематизация и типология

До недавнего времени на правобережье Марийско-Чувашского Поволжья не был известен ни один погребальный памятник рубежа I–II тысячелетия н. э. Открытие и исследование Анаткасинского могильника позволяет по-новому оценить этнокультурные процессы, происходящие в этом регионе. [Никитина, Воробьева, Федулов, 2016, с. 121].

Актуальность темы определила цель – изучить бусы погребения № 31 Анаткасинского могильника посредством следующих задач: провести обзор материала, систематизировать и создать типологию бус.

Анаткасинский могильник располагается в 700 м к ЗСЗ от д. Анаткасы (*чув*. Анаткасси) Мариинско-Посадского района Чувашской Республики, в 10 км к востоку от г. Новочебоксарска на мысу коренной террасы с крутыми склонами. Мыс доминирует над местностью более чем на 30 м [Никитина, Воробьева, Федулов, 2016, с. 121].

Памятник открыт в 2011 г. Поволжской археологической экспедицией МарГУ под руководством Е.Е. Воробьевой [Воробьева, 2013]. Раскопки проведены в 2012–2013 гг. (руководитель Е. Е. Воробьева) [Воробьева, 2016], в 2015 г. (руководитель А. А. Семенов), в 2016 г. (руководитель Т. Б. Никитина). За весь археологический период на данном памятнике вскрыта площадь 556 кв. м., зафиксировано и изучено 32 погребения, 2 жертвенных комплекса, 2 ямы с остатками ритуальных действий. Из перечисленных бусы обнаруже-

ны и исследованы в следующих погребениях: № 7; 8; 9; 18; 22; № 23; 24; 31, а также в грабительском выкиде.

Наибольший интерес представляют бусы погребения № 31, общее количество которых в данном погребении составляет 283 экз. Материал из которого изготовлены бусы – стекло.

При классификации учитывались такие морфологические признаки, как наличие или отсутствие декора, которые обозначены римскими цифрами (I; II); бусы с декором делятся на подгруппы, отмеченные заглавными буквами русского алфавита. Также бусы разделены на отделы (поперечное сечение) – арабские цифры; типы (продольное сечение) – строчные буквы; разряд (размер); цвет (вид).

В результате систематизации, можно отметить, что подавляющее большинство бус относятся к группе I (без декора) и составляют 96,4% (273 экз.). Ко II группе (с декором) относятся бусы: с металлической фольгой и глазчатые – 3,6% (10 экз.) Бусы имеют 6 цветов: зелёный, жёлтый, светло-голубой, чёрный, золотистый и серебристый (табл. 1).

Таблица 1

Цвет	Без декора	С декором		Всего	%
		глазчатые (цвет основы)	С металлической прокладкой		
Зелёный	160	–	–	160	56,5
Жёлтый	11	–	–	11	3,9
Светло-голубой	102	–	–	102	36
Золотистый	–	–	1	1	0,4
Серебристый	–	–	4	4	1,4
Чёрный	–	5	–	5	1,8

По системе Й. Каллмера бусы разделяются на размеры (по диаметру): малый (до 0,89 см); средний (0,9–1,79 см); большие (1,8–2,79 см) и гиганты (2,79 см. и более) [Терехова, 2014, с. 38]. Таким образом, в соответствии с системой Й. Калмера большинство бус погребения имеют диаметр менее, 0,89 см (табл. 2).

Таблица 2

Размер / (D),см.	Малые (до 0,89 см)	Средние (0,9–1,79 см)	Большие (1,8–2,79 см)	Гиганты (2,79 см и больше)	Всего	%
Без декора	273	–	–	–	273	96,4
С декором:	–	–	–	–	–	–
– Глазчатые	–	4	–	1	5	1,8
– С металлической прокладкой	5	–	–	–	5	1,8

Из–за своего малого размера бусы без декора (зелёные, жёлтые, светло-голубые) можно отнести к бисеру. Остальные относятся по размеру собственно к бусам (табл. 2).

На основании вышесказанного бусы можно классифицировать следующим образом:

Группа I без декора: (бисер) – 273 экз.

Отдел (поперечное сечение) – округлый.

Тип (продольное сечение) шаровидное, цилиндрическое, кольцевидное.

Вид (цвет) – зелёный, жёлтый, светло-голубой.

Разряд (размер) D = 0,2–0,3 см, малый.

Группа II с декором – 10 экз.

Подгруппа А с металлической прокладкой – 5 экз.

Отдел (поперечное сечение) – округлый.

Тип (продольное сечение) лимоновидное.

Вид (цвет) – золотистый, серебристый.

Разряд (размер) D = 0,55–0,8 см, малый.

Подгруппа В Глазчатые – 5 экз. Декор – глазки реснитчатые, концентрические и одноцветные, выпуклые и плоские; петли (белые) плоские и выпуклые.

Отдел (поперечное сечение): округлое (4 экз.) и квадратное (1 экз.)

Тип (продольное сечение) – бочоноковидное

Вид (цвет) – черный

Разряд (размер) D = 1,8–2,79 см, большие; D = 3 см, гиганты.

Более подробно необходимо остановиться на глазчатых бусах, так как они являются наиболее интересными бусами из погребения № 31:

1. Черная бусина глазчатая с петлями (белые), с глазки реснитчатые рельефные (почти). Цвет – черный, глазки: красно-белые реснички с голубой серединкой. Бусина имеет диаметр 1,5 см; высота – 1,4 см.; диаметр канала бусины 0,7–0,5 см. Поперечное сечение – квадратное; продольное – бочонок.

2. Черная бусина с реснитчатыми глазками (красно-бело-черные, глазки плоские), петли плоские, цвет – белый. Бусина имеет диаметр 1,5 см; высота – 1,2 см; диаметр канала бусины 0,7 см. Поперечное сечение – округлое; продольное – бочонок.

3.Черная бусина с выпуклыми концетрическими глазками, цвет – красный, белый ободок, черная серединка. Белые плоские петли. Бусы имеют диаметр 1,5 см; высота – 1,4 см; диаметр канала бусины 0,5–0,6 см. Поперечное сечение – округлое; продольное – бочонок.

4. Черная бусина с реснитчатыми выпуклыми глазками, цвет – красно-бело-зеленый, серединка – зелёно-красно-чёрный; один глазок красно-черный, красная серединка. Петли белые плоские. Диаметр бусины составляет 1,5 см; высота – 1,3 см; диаметр канала бусины 0,4–0,7 см. Поперечное сечение – округлое; продольное – бочонок.

5. Черная бусина с глазками: одноцветный – жёлтый, глазки плоские и выпуклые; реснитчатый глазок на голубом фоне, красно-белые реснички. Белые петли выпуклые и плоские. Диаметр бусины 3 см; высота – 2,5 см; диаметр канала бусины 0,6–1 см. Поперечное сечение – округлое; продольное – бочонок.

Таким образом, в оборот введен массив бусинного материала погребения № 31. Проделан комплексный морфологический анализ, что позволило определить материал, конструктивные особенности бус. В совокупности это дало возможность создать типологию бус погребения № 31, что, в свою очередь, является неотъмлемой частью при исследовании этнокультурных процессов в данном регионе в перспективе.

Литература

Воробьева Е. Е. Отчёт «Археологические полевые работы на территории выявленного объекта археологического наследия «Анаткасинский могильник» в Мариинско-Посадском районе Чувашской республики в 2012 г. Йошкар-Ола, 2013. Архив ИА РАН.

Воробьева Е. Е. Отчёт «Археологические полевые работы на территории выявленного объекта археологического наследия «Анаткасинский могильник» в Мариинско-Посадском районе Чувашской республики в 2013 г. Йошкар-Ола, 2016. Архив ИА РАН.

Никитина Т. Б., Воробьева Е. Е., Федулов М. И. Украшения Анаткасинского могильника: к культурной принадлежности памятника // Поволжская археология, 2016. № 1. С.121–142.

Терехова Н. В. Бусы Среднецнинской мордвы как исторический источник: дис. канд. ист. наук. М., 2014. 327 с.

А. Ю. Лунегова (г. Пермь)
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Научный руководитель: Н. Б. Крыласова, д.и.н, проф.

Датировка закрытых комплексов Рождественского городища

Одной из важнейших задач археологии является датировка памятников. В истории дата – некая более или менее определённая точка: год, иногда месяц или день. А в археологии дата – это всегда интервал времени, внутри которого с некой вероятностью размещаются исследуемые события и процессы.

При датировке следует учитывать понятие археологического комплекса.

Различают закрытые и открытые комплексы.

Открытый комплекс отражает определенный отрезок времени. Таков снимаемый на раскопе пласт культурного слоя, напластования и вещи в котором накапливались на протяжении определенного времени, а не мгновенно.

Главная черта закрытых комплексов – их неизменяемость и одновременность. К закрытым комплексам обычно относят клады, инвентарь погребений, вещи, найденные на полу сгоревшего жилища. Вещи, составляющие закрытые комплексы, могли быть сделаны в разное время, но попали в землю в один и тот же момент. Закрытый комплекс отражает лишь один момент времени, и тем особо важен для датировок. Сопоставление датировок отдельных изученных комплексов даст возможность продатировать более крупные планиграфические объекты – жилища, мастерские, внутри которых они располагались, и в целом уточнить хронологию памятника. Этим и определяется актуальность данного исследования.

Мы ознакомились с основными методиками археологического датирования. И применили наиболее доступные методы в своей практике.

В археологии все методы датирования событий подразделяются на две группы: абсолютные и относительные методы.

Абсолютная хронология определяет расположение археологических объектов или исторических событий на шкале времени, датирует событие в абсолютных цифрах с большей или меньшей точностью в какой-либо системе летоисчисления. К абсолютным методам датировок относят стратиграфические методы датирования (методика датирования на основе ленточных глин) и естественные: биологические методы датирования (варвометрия, дендохронология, склерохронология, изучение годичных слоев в ледниках) [Панин, 2014, с. 11–18] и радиометрические методы (радиоуглеродный, калий-аргоновый, аргон-аргоновый, метод урановых серий и другие) [Вагнер, 2006, с. 179].

Относительная хронология позволяет установить порядок, некую последовательность тех или иных событий, объектов, слоев, могил, вещей и т. д. относительно друг друга, но не указывает точной длительности определенного периода. К относительным методам датирования относят историко-культурные (методы типологического датирования, методы календарного датирования, метод аналогий или сравнительный метод) и стратиграфические методы [Мартынов, Шер, 1989, с. 130–140, 172–175].

Объектом исследования стало Рождественское городище в Карагайском районе Пермского края. Оно было основано на рубеже IX–X и существовало до конца первой четверти XIV в. как торгово-ремесленная фактория волжских булгар на территории, заселенной финно-угорскими племенами ломоватовской и родановской археологических культур.

В 2014–2016 гг. изучалась восточная часть площадки памятника, где на раскопе IX выявлены остатки 5 больших жилищ каркасно-столбовой конструкции.

На первом этапе исследования был апробирован стратиграфический метод для анализа материалов Рождественского городища из раскопок КАЭЭ ПГГПУ за 2014 г. Изучено три закрытых комплекса – ямы 4а, 4б и 4в в пределах жилища 1, которые были связаны с конструкцией трех печей, располагавшихся почти вплотную друг к другу вдоль осевой линии жилища. Эти объекты не могли существовать одновременно. На данном этапе исследования приоритетной задачей являлось установление последовательности найденных объектов.

По планам фиксации и ординатам находок мы распределили их по слоям.

Для интерпретации стратиграфических данных мы использовали четыре основных принципа:

1) некий комплекс (в том числе слой) сложился после изготовления самого позднего из содержащихся в нем предметов. Это естественно, поскольку предмет не может попасть в комплекс до того, как он был сделан.

2) дата образования закрытого комплекса – т. е. комплекса, сформировавшегося относительно быстро, – приблизительно совпадает со временем бытования входящих в него предметов.

3) каждый слой отложений старше того, который лежит непосредственно над ним.

4) каждое скопление, впущенное в другое, является более поздним.

Данный метод мы применяли не для всех найденных вещевых находок, а лишь для наиболее значимых и важных, обладающих датирующими возможностями, чтобы на следующем этапе исследования, основываясь на методе аналогий и используя корреляцию полученных дат, произвести датировку выделенных слоев.

Яма 4а принадлежит к числу типичных для Рождественского городища ям–подпечий: над ямой был сооружен дощатый помост, покрытый слоем глины, на которой разводился огонь. Судя по многочисленным прослойкам внутри глинобитной подушки, она неоднократно подновлялась. Сверху над такими сооружениями, вероятно, имелся глинобитный свод, о существовании которого обычно свидетельствует скопление кусков обожженной глиняной обмазки. После прекращения использования ямы жилище существовало еще довольно продолжительное время, за период которого яма была перекрыта толстым культурным слоем, над ней был сооружен ряд опорных столбов, связанных с перегородкой, построенной перпендикулярно оси жилища. Следы этих столбов прослеживались в пределах очертаний ямы на верхних горизонтах.

В заполнении ямы 4а собрано большое количество находок. Среди вещевых находок, обнаруженных в пределах ямы, проанализированы: бронзовая трубчатая пронизка, пронизка-колокольчик, 7 бронзовых привесок.

По профилю в яме наблюдается 14 слоев. Большинство предметов были расположены в 9 слое – плотном серо-коричневом суглинке с примесью глины и вкраплениями угля: бронзовая трубчатая пронизка № 329, бронзовая пронизка-колокольчик № 217, 3 бронзовые привески № 309, № 354, № 410. Еще 3 привески № 500, № 501 и № 502 располагались в 5 слое – сырой глине. Привеска № 395 оказалась в 10 слое – черно-сером суглинке. Привеска № 511 – в слое 23 (темно-коричневом суглинке) (рис. 1А).

Из полученных данных и принципов стратиграфического метода следует, что более древней является бронзовая привеска № 511; более ранними – привески № 500, № 501, № 502, и самые ранние предметы из проанализированного комплекса – бронзовые привески № 309, № 354, № 410, бронзовая трубчатая пронизка № 329 и бронзовая пронизка-колокольчик № 217.

Яма 4б принадлежит к тому же типу сооружений, что и описанная выше яма 4а. Из вещевых находок мы проанализировали: бронзовые украшения – 4 пронизки, бубенчик, привеску-колокольчик.

По профилю в яме наблюдается 11 слоев. Большинство исследуемых предметов располагались в слое 10 (черно-серый суглинок): бронзовые пронизки № 34 и № 133 – в слое, перекрывавшем «подушку» очага, фрагмент бронзовой шаровидной бусины № 443, привеска-колокольчик № 449 и фрагмент перстня № 536 – в слое заполнения подочажной ямы. Остальные находки были обнаружены в слое 9 (плотный серо-коричневый суглинок с примесью глины и вкраплениями угля) в нижней части основания очага: бубенчик № 122 и пронизка № 517 (рис. 1Б).

Яма 4в относится к тому же типу сооружений, что и описанные выше ямы 4а и 4б – яма-подпечье. Эта яма, по предположению Н. Б. Крыласовой, является самой поздней из них. Оборудована яма была аналогично.

Из датируемых вещевых находок проанализировали: бронзовые украшения – 3 трубчатые пронизки, пронизка–колокольчик, накладка.

По профилю ямы наблюдается 11 слоев. В слое 9 (плотный серо-коричневый суглинок с примесью глины и вкраплениями угля) обнаружены: пронизка-колокольчик № 370 и накладка № 411. В слое 14 (плотный темно-коричневый суглинок насыщенный углем) – трубчатая пронизка № 482. Еще 2 трубчатых пронизки располагались в слое 23 (темно-коричневый суглинок) (рис. 1В).

В данной яме самыми древними являются трубчатые пронизки № 550 и № 551. Другая бронзовая трубчатая пронизка № 482 является более поздней. И самыми поздними являются пронизка-колокольчик № 370 и накладка № 411.

Для комплексов однократного формирования дата определяется пересечением интервалов бытования входящих в них вещей. Поэтому на втором этапе исследования мы применили метод аналогий из уже продатированных комплексов. Для метода аналогий в основном использовали статьи Н. Б. Крыласовой [Крыласова, 2013] и Ю. М. Лесмана [Лесман, 1990].

Предметы ямы 4а: бронзовая трубчатая пронизка № 329 датируется периодом пол. X–XI вв., бронзовая пронизка-колокольчик № 217 – второй пол. X–XI вв., бронзовая привеска № 309 – второй пол. X–XI вв., бронзовая привеска № 354 – X–XI вв., бронзовая привеска № 395 – к. XI в., бронзовая привеска № 410 – XI в., бронзовые привески № 500–501, 511 – XI в., бронзовые привески № 502 – второй пол. X – первой пол. XI вв.

На основе пересечения интервалов бытования вещевых находок в определенном слое, можно определить примерный «возраст» этого слоя: слой 9 ямы 4а датируется периодом X–XI вв., слой 10 – концом XI в., слой 5 – второй пол. X – первой пол. XI вв. Таким образом, слои, связанные с заполнением ямы и основанием очага над ней, вероятнее всего, принадлежат к периоду второй половины X – первой половины XI вв., а перекрывающие сооружения напластования – к концу XI в.

Предметы ямы 4б. Бронзовая пронизка № 34 – XI в., бронзовая пронизка № 133 – X–XI вв.; бронзовая бусина № 433 – середина X – середина XI вв., бронзовая пронизка № 517 – к. XI в., бронзовый бубенчик № 122 – середина X – середина XII вв., привеска-колокольчик № 449 – вторая пол. XI в., фрагмент перстня № 536 – X–XI вв.

Т.о., слои, связанные с заполнением ямы-подпечья и основания печи могут быть датированы X-XI вв., перекрывающий объект слой – XI в.

Предметы ямы 4в. Бронзовая трубчатая пронизка № 482 – к. XI в., бронзовая трубчатая пронизка № 550 – к. XI в., бронзовая трубчатая пронизка № 551 – к. XI в., пронизка–колокольчик № 370 – вторая пол. X в., бронзовая накладка № 411 – XI в.

В результате слой 9 может быть датирован второй пол. X – первой пол. XI вв., а слои, связанные с прорезающей его ямой – концом XI в., что подтверждает предположения автора раскопок, о том, что эта печь функционировала позднее всез.

Таким образом, мы апробировали на практике наиболее доступные методы относительной хронологии, которые являются основой остальных методов: расположив вещевые находки по стратиграфическим слоям, определили последовательность их применения; сопоставив эти предметы по аналогии – определили более точный период их «жизни»; на основе пересечения интервалов бытования вещевых находок в определенном слое – определили примерный «возраст» данных слоев. Результаты анализа пока не позволили уточнить последовательность существования печей. Но полученная датировка слоев даст возможность распределить стратиграфически остальной многочисленный материал из ям-подпечий, определить его относительную датировку и внести некоторую ясность в «размытую» хронологию древностей X–XI вв.

Литература

Вагнер Г. Научные методы датирования в геологии, археологии и истории. М.: Техносфера, 2006. 575 с.

Крыласова Н. Б. Отчет о раскопках Рождественского городища в Карагайском районе Пермского края в 2014 г. / На правах рукописи Пермь: ПГГПУ, 2015.

Крыласова Н. Б. Хронологические особенности материальной культуры X-XI вв. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае) // Вестник Перм. ун-та. Серия: История. 2013. № 1 (21). С. 104–115.

Лесман Ю. М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X-XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. М., 1990. С.29–98

Мартынов А. И., Шер Я. А. Методы археологического исследования: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Высш. шк., 1989. 223 с. ISBN 5-06-000016-8.

Панин А. В. Методы палеогеографических исследований: четвертичная геохронология. Учебное пособие. М.: Географический фак-т МГУ, 2014. С.11–18.

Л. В. Половников (г. Пермь)
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Научный руководитель: Н. Б. Крыласова, д.и.н., проф.

Усложнение интерьера Родановского жилища XII–XIII вв. (на примере Рождественского городища)

Жилище – ключевое достижение человеческой культуры, символ обжитого пространства [Матвеева, 2005, с. 100]. Жилище, тесно связанное с различными сторонами общественной жизни, достаточно отчетливо отражает многие стороны хозяйственной и общественной деятельности человека [Черных, 2008, с. 4]. На основе изучения жилища можно получить знания о различных сторонах общественной жизни – оно отражает хозяйственную деятельность людей, их социальную структуру и уровень их развития.

Внутреннее пространство жилых помещений, его устройство и убранство характеризуется таким понятием, как интерьер [Толковый словарь Ожегова]. Н. Б. Крыласова отмечает, что «основными элементами интерьера прикамского жилища, наиболее часто фиксируемыми на археологических памятниках, являлись очаг и внутрижилищные ямы. В процессе развития, кроме преобразований в конструктивной схеме жилища, различным трансформациям подвергалось и внутреннее устройство жилого помещения» [Крыласова, 2007, с. 106]. Данная публикация посвящена именно изменениям внутреннего убранства жилища родановской культуры.

В разное время лишь несколько исследователей обращались к изучению прикамских жилищ. М. В. Талицкий в 1935–1937 гг. совместно с Н. А. Прокошевым провели раскопки на Родановом городище. Но материалы были опубликованы лишь в 1951 г. после смерти М. В. Талицкого. Внутреннее убранство жилищ, реконструированных по материалам Роданова городища, включало такие элементы, как глинобитный пол, яма-кладовка, очаг, нары вдоль стен, щель для вывода дыма [Талицкий, 1951, с. 33–96].

В. А. Оборин в одной из своих публикаций затронул черты интерьера родановского жилища. В частности, он писал, что в родановских жилищах пол был глинобитным. Очаг также был глинобитным и заключался в деревянную опалубку; он располагался у задней стенки жилища или в углу. Рядом с очагом располагалась четырехугольная яма-кладовка, которая в позднеродаровских жилищах выносится за пределы жилища. Щель для выхода дыма была закрыта бревном или жердью [Оборин, 1970, с. 9].

На городище Шудьякар в ходе раскопок В. А. Кананина обнаружено жилище, в интерьере которого имелся очаг с каменной обкладкой, также сдвинутый к стене в угол. Рядом с очагом располагалась небольшая хозяйственная яма. Пол был земляным обожженным. Вдоль стен устраивались нары лежанки, крепившиеся, по мнению исследователя, к опорам кровли [Кананин, 1985, с. 39].

Все вышесказанное дает основание представить интерьер родановского жилища: это земляной пол, иногда обожженный, очажные конструкции, находившиеся по центру, смещенные к стене или в угол, нары вдоль стен. В исследованных жилищах различия в интерьере незначительные.

Большой интерес представляет интерьер жилища, которое раскапывалось КАЭЭ в течение 2014–2015 гг. на Рождественском городище Карагайского района Пермского края.

Сразу бросаются в глаза размеры жилища. Оно имело, по приблизительным подсчетам, площадь более 175 кв. м. Можно предположить, что наличие большой площади повлечет за собой изменения во внутреннем убранстве жилища.

Нары располагались вдоль жилища, примыкая к опорным столбам, поддерживающим венцы стропил двухскатной кровли. Подобное расположение нар было прослежено на Родановом городище [Талицкий, 1951, с. 33–96] и на городище Шудьякар [Кананин, 1985, с. 37–38].

В рождественском жилище пол, очевидно, был из теса, уложенного на лагах из жердей. Второй раз пол был обновлен после того, как перестали эксплуатироваться ямы-подпечья очажных конструкций, которые были расположены по осевой линии жилища. Судя по стратиграфическим наблюдениям, второй раз пол состоял из горизонтально уложенных жердей, служивших лагами для настила. Поверх этого настила вдоль осевой линии жилища пол был покрыт слоем сырой красной глины [Крыласова, 2015, с. 33]. Последний уровень обновления пола фиксировался на профиле северной стенки раскопа в виде горизонтального ряда округлых углистых пятен. Очевидно, что это следы лаг.

В жилище обнаружено пять очажных конструкций. Один из очагов представлял собой остатки наземной печи, основанием которой служила глинобитная подушка, заключенная в квадратную деревянную опалубку, построенную вдоль условной оси жилища. В центральной части глинобитной площадки располагалась столбовая конструкция, образующая прямоугольник, вытянутый по линии СЗ-ЮВ – основание свода печи.

Три конструкции, располагавшиеся по осевой линии, представляли остатки печей на ямах-подпечьях, по периметру которых фиксировались следы от кольев, поддерживавших деревянную раму, препятствующую оплыванию стенок. В самой поздней конструкции в глинобитной подушке основания печи отмечено присутствие камней [Крыласова, 2015, с. 33–54]. Стоит отметить, что данные конструкции не могли существовать одновременно, а возводились последовательно, по мере обветшания предыдущей.

Южнее этих ям расположено сооружение в виде глинобитного основания, заключенного в деревянную раму, – очажная конструкция. Судя по конструкции, а также по значительной концентрации и составу находок, это сооружение представляло собой основание еще одного очага. Состав находок свидетельствует о преимущественно бытовом назначении сооружения, здесь концентрировались предметы, связанные с женским домашним производством, – большое количество швейных игл, кочедык, разбильник.

Ряд относительно крупных квадратных столбовых ям, располагавшийся с севера от сооружения, возможно, связан с перегородкой, выделяющей в жилище «женский угол». Назначение ряда столбовых ямок, расположенных южнее сооружения, не ясно, возможно, здесь была установлена лавка или какой-то иной элемент интерьера [Крыласова, 2015, с. 60].

В основании южной стены, в промежутке между опорными столбами, вероятно, мог быть устроен выход в хозяйственный пристрой, а основной выход располагался с западной стороны жилища.

Также в жилище зафиксирована перегородка, разделяющая жилище на две неравные части.

Резюмируя все вышесказанное, стоит отметить, что в жилище, изученном в ходе раскопок в 2014–2015 гг., были зафиксированы усложнения в интерьере. Это заключалось в конструкции пола, который был не только земляным, но и был покрыт лагами, на которые укладывался тес. Со временем пол обновлялся.

Изменением в интерьере можно считать наличие выхода в южной стене жилища, ведущего в хозяйственную постройку. Яма-кладовка увеличивается в размерах: теперь она представляет собой яму-подпечье, в которой хранятся не только припасы, но и домашняя утварь [Крыласова, 2015, с. 125–133]. Также к усложнениям можно отнести перегородку, разделявшую жилище, и выделявшую в нем «женский угол». Среди многочисленных столбовых конструкций в пределах внутреннего пространства жилища можно выделить и связанную с опорами мебель, в частности лавки. Изменений не отмечается в расположении нар и в устройстве вывода дыма, так как кровля была двухскатной и, вероятно, присутствовала щель, через которую выходил дым из жилища. Изменения в интерьере можно связывать с размерами жилища и с периодом функционирования самого жилища XI–XIII вв.

Литература

Кананин В. А. Средневековые поселения верховьев р. Камы // Новые источники по изучению древней истории Приуралья. Устинов: УдГУ, 1985. С. 30–45.

Крыласова Н. Б. Отчет о раскопках Рождественского городища в Карагайском районе Пермского края в 2014 году. Пермь, 2015. 159 с.

Крыласова Н. Б. Особенности средневековых печей (по материалам городищ Карагайского района Пермского края) // Труды КАЭЭ ПГПУ, 2015. № 10. С. 125–133.

Крыласова Н. Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2007. 352 с.

Матвеева Н. П., Ларина Н. С., Берлина С. В., Чикунова И. Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири (проблемы социокультурной адаптации в раннем железном веке). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 228 с.

Оборин В. А. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // ВАУ. Вып. 9: Памятники ломоватовской культуры. Свердловск: УрГУ, 1970. С. 3–29.

Талицкий М. В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // МИА. № 22. М.: АН СССР, 1955. С. 33–96.

Толковый словарь Ожегова. URL: http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=10026 (Дата обращения 12.10. 2016.)

Черных Е. М. Жилища Прикамья (эпоха железа). Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2008. С. 272.

Г. Р. Сафаргалина (г. Елабуга)
Елабужский институт КФУ
Научный руководитель: А. З. Нигамаев, к.и.н., доц.

Зооморфные изделия из памятников Нижнего Прикамья (к проблеме интерпретации)

Зооморфные изделия являются яркими составляющими духовной и материальной культуры какого-либо этноса. Такие предметы могут являться объектом исследования как искусствоведения, так и археологии и этнографии.

Присутствие зооморфных мотивов в комплексе археологических находок может быть связано верованиями или же использоваться как стиль орна-

ментации. Очень сложно при этом определить конкретную этническую привязку того или иного зооморфного элемента на территории, где тесно соприкасаются культуры народов Степи и Леса, Востока и Запада. Присутствие ислама в системе миропонимания и мировоззрения наложило отпечаток в зооморфной орнаментике. Например, мусульмане Волжской Болгарии должны были учитывать тот факт, что в исламе зооморфные изделия не приветствуются. Поэтому зачастую такие находки относят к финно-угорскому или даже славянскому мирам.

Немногочисленные зооморфные находки можно отдельно рассмотреть в коллекции музея археологии ЕИ КФУ.

Интересной находкой является бронзовая птицевидная подвеска-уточка с тремя лапчатыми привесками из археологических раскопок Елабужского посада 2003 г. Данная индивидуальная находка была найдена в пределах раскопа VIII, где находился могильник золотоордынского времени и поселение домонгольской эпохи. Такие шумящие птицевидные подвески с ажурными прорезями большинством исследователей датируются в пределах XI – первой половиной XIII в. [Нигамаев, 2008, 191]. Подобные украшения широко бытовали у финно-пермского населения, известны они и на сопредельных территориях, в том числе и в Волжской Булгарии [Нигамаев, 2005, 34]. Нужно отметить то, что в ходе археологических раскопок в Староромашкинском археологическом комплексе была найдена аналогичная подвеска-уточка. Отличительностью является то, что у данной уточки имеются две лапчатые привески, и она выплавлена из серебра. Размеры этих подвесок одинаковые: длина – 3,5 см, высота – 5,3 см.

В ходе археологических исследований Кирменского селища в 1998 г. при раскопках гончарной печи были найдены глиняные игрушки и части от них. Глиняная фигурка в виде «собачки» или «овечки» состояла из четырех ног и туловища. Головы данной фигурки не было, поэтому трудно определить, какое животное было слеплено из глины. Кроме туловища данной игрушки были найдены лапы и рожки, также из глины. Говоря про такие игрушки, нужно отметить то, что фигурки животных, в основном, имели сплошное, цельное тулово. Головы и лапы у этих фигурок лепились отдельно, крепились потом к готовому туловищу, вследствие чего они часто отламывались при обжиге или игре (поэтому почти все фигурки в археологических коллекциях без ног или головы). Опираясь на типологию керамического и вещественного материала, время функционирования данной конструкции определяют XIII в., следовательно, данные игрушки определяются данным периодом.

В 2001 г. во время археологических исследований на исторической части города Елабуги была найдена копоушка. Данная находка была сделана из меди, к которой с двух сторон были прикреплены цепочки с привесками-бубенчиками. Здесь самое интересное – это шаровидные бубенчики с линейной прорезью и горизонтальным пояском из прочерченных линий [Федоров-Давыдов, 1996, с. 201]. Они очень похожи на голову змеи, которая раскрыла свою пасть. Копоушка с привесками-бубенчиками датируется X–XI вв.

Интересной находкой является также бронзовый замок в виде лошадки, обнаруженный на поверхности материка у южного края рва в раскопе IX во время археологических исследований 2003 г. в исторической части города Елабуга. Максимальная длина его 5,2 см, высота 4,3 см, ширина 0,8 см. Зооморфные замки, выполненные, как данная находка, производились в болгарских мастерских XI – начала XIII в. Наиболее близкая аналогия зооморфному замку из Елабуги имеется среди материалов XII–XIII вв. из Чердыни в Пермском крае и коллекции находок из Болгара X–XIII вв. [Нигамаев, 2007, с. 6]

В августе 2013 года археологической экспедицией под руководством А. З. Нигамаева на Староромашкинском городище были проведены раскопки. Там была обнаружена уникальная находка, которая не относится к предметам быта, но отражает повседневную жизнь человека. Это – обожженная глиняная голова уточки, покрытая зеленой поливой. По всей вероятности, она представляет собой часть игрушки или статуэтки. Распространение находки фигурки типа «утки», может быть объяснено существованием у болгар легенды об утке-демиурге, то есть создателе мира. Нужно добавить, что Староромашкинский археологический комплекс является памятником средневекового периода истории Волжской Болгарии, который датируется домонгольским временем (X – началом XIII в.), следовательно, данная находка также относится к этому промежутку.

Зооморфные образы чрезвычайно разнообразны. Основную массу среди немногочисленных находок составляют подвески; в этих изделиях наиболее ярко проявилась интеграция образов коня и водоплавающей птицы. Также можно сделать вывод, что наличие ислама на территории Нижнего Прикамья повлияло на немногочисленность археологических находок с зооморфным орнаментом.

Литература

Нигамаев А. З. Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы: Своеобразие материальной культуры населения. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. 228 с.

Нигамаев А. З. Камский торговый путь: материалы Всерос. науч-практ. конф. Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2008. 228 с.

Нигамаев А. З. Бронзовые украшения средневековых поселений Елабужского края // Материалы XXXIX научной конференции преподавателей Елабужского государственного педагогического университета (14–15 апреля 2008 года). Елабуга, 2008. С. 190–192.

Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. 300 с.

А. С. Соболь, К. А. Прокопова (г. Пенза)
Пензенский государственный университет
Научный руководитель: Т. В. Осипова, к.и.н., доц.

Посуда Золотарёвского городища (по итогам экспедиции 2016 г.)

Золотарёвское городище расположено в Пензенском районе Пензенской области, недалеко от с. Золотарёвка. На данном археологическом памятнике прослеживается два культурных слоя: первый – городецкий слой, датируемый

III–IV вв., второй – непосредственно культурный слой Золотаревского городища, относящийся к VIII–XIII вв. [Белорыбкин, 2001, с. 4].

Классификация керамики, найденной на Золотаревском городище исследовалась нами по следующим критериям: способ изготовления, цвет, качество обжига, наличие примесей, наличие лощения или обмазки.

Лепная керамика памятника представлена коричневым, светло-коричневым, тёмно-коричневым и желтым цветами.

Из семисот семидесяти шести фрагментов керамики коричневого цвета семьдесят пять фрагментов принадлежат лепной посуде. Все фрагменты являются плохо обожжёнными. Тридцать девять из них содержат в тесте примесь дресвы, двадцать один фрагмент содержит органику, в двух фрагментах встречается дресва и органика одновременно, тринадцать фрагментов – известковую крошку. Песок в качестве примеси отсутствует. Все проанализированные фрагменты не имеют обмазки или лощения.

Лепная керамика светло-коричневого цвета представлена шестьюдесятью двумя фрагментами. Все они имеют плохой обжиг. Из них двадцать восемь фрагментов содержат в примеси дресву, четырнадцать фрагментов – органику, восемь фрагментов – дресву и органику одновременно, двенадцать фрагментов содержат известковую крошку. У проанализированных фрагментов не наблюдается лощения или обмазки

Среди лепной керамики выделяется керамика темно-коричневого цвета. Их насчитывается тридцать девять фрагментов из семисот семидесяти шести. Все они имеют плохую степень обжига. Относительно примесей, двадцать фрагментов с песком, восемнадцать с органикой, двадцать пять – с добавлением известковой крошки и двадцать имеют в составе дресву. Ни один фрагмент не имеет лощения или обмазки.

Четырнадцать фрагментов лепной керамики имеют жёлтый цвет. Все фрагменты данного цвета отличаются плохим обжигом. Из примесей в своем тесте имеют: девять фрагментов – дресву и пять фрагментов – известковую крошку. Не лощены и не обмазаны.

Среди гончарной выделяется посуда коричневого, светло-коричневого, темно-коричневого, красного, красно-коричневого, желтого, черного, оранжевого и серого цветов.

Сто один фрагмент керамики из семисот семидесяти шести проанализированных имеют оранжевый окрас. Все фрагменты керамической посуды оранжевого цвета изготовлены на гончарном круге. По качеству обжига двадцать шесть фрагментов имеют хороший обжиг и семьдесят пять имеют плохой обжиг. Из ста одного фрагмента – сорок пять содержат примесь песка, двадцать один фрагмент – известковую крошку, тринадцать фрагментов – органику, двадцать три – содержат в своем составе дресву. Тридцать фрагментов посуды оранжевого цвета имеют лощение, тридцать фрагментов обмазаны.

Коричневый цвет представлен ста семьюдесятью четырьмя фрагментами круговой керамики. Из них по качеству обжига тридцать семь имеют хороший обжиг и сто тридцать семь плохо обожжены. Из ста семидесяти четы-

рех фрагментов двадцать три содержат примесь песка, пятьдесят девять – известковую крошку, тридцать семь – дресву, тридцать два – органику. Двадцать пять фрагментов имеют лощение, четырнадцать – обмазку.

Вся керамика красного цвета изготовлена на гончарном круге – тридцать восемь фрагментов из семисот семидесяти шести проанализированных. По качеству обжига шестнадцать фрагментов хорошего, двадцать два – плохого обжига. Из тридцати восьми фрагментов – двадцать пять имеют в примеси песок, десять – известковую крошку, а также два фрагмента содержат дресву и один фрагмент органику. Тридцать два фрагмента имеют лощение, два – обмазку.

Круговой керамики черного цвета было проанализировано девять фрагментов. Из них четыре с хорошим обжигом, пять – с плохим. Из девяти фрагментов пять имеют в примеси песок, два – органику, один – дресву. Два фрагмента из девяти имеют лощение.

Двадцать один фрагмент из семисот семидесяти шести имеют красно-коричневый цвет. Из них девятнадцать фрагментов имеют хорошую степень обжига, два – плохую. Шестнадцать фрагментов имеют в примеси песок, шесть фрагментов – известковую крошку. Три фрагмента и лощены, и обмазаны, четырнадцать – только лощены.

Два фрагмента имеют серый окрас, и оба они гончарные. Имеют в своем составе органику. Они не лощены, но обмазаны.

Тридцать шесть фрагментов гончарной керамики имеют жёлтый цвет. Все фрагменты данного цвета плохо обожжены. Два имеют в своем составе песок, пять фрагментов – дресву, семь – органику и четыре – известковую крошку. Фрагменты данного цвета не имеют ни обмазки, ни лощения.

Из ста шестидесяти фрагментов керамики светло-коричневого цвета – девяносто восемь – гончарные. Все фрагменты плохо обожжены. Что касается примесей, двадцать один фрагмент содержит песок, двадцать пять –дресву, двенадцать – органику, двадцать три фрагмента с известковой крошкой. Шестнадцать фрагментов имеют обмазку, не лощены.

Сто десять фрагментов круговой керамики имеют темно-коричневый цвет. Тридцать восемь из них имеют хороший обжиг, остальные – плохой. Тридцать пять фрагментов имеют в примеси песок, шестнадцать – органику, двадцать семь – органику и шестнадцать – дресву. Тридцать фрагментов из ста десяти лощены, один фрагмент обмазан.

Проанализированные нами фрагменты венчиков можно разделить на следующие виды: с закругленным наружу верхним краем, с заостренным краем, отогнутым наружу, с закругленным краем, в равной степени отогнутым внутрь и наружу, с прямым краем без отгиба [Кадиева, 1993, с. 79–80].

По общим очертаниям посуда Золотарёвского городища делится на два вида: горшки и сковороды. Что касается горшков, то ввиду фрагментарности материала целые формы трудновосстановимы, поэтому нельзя провести четкого деления горшков на типы по форме тулова [Белорыбкин, 2001, с. 49].

Сковороды составляют отдельную группу посуды. Все они вылеплены из теста с примесью песка и крупной дресвы. Хотелось бы уделить внимание

сковороде, найденной при раскопках 2016 г. Она вылеплена из теста с примесью песка и крупной дресвы. Поверхность черного цвета хорошо заглажена. Диаметр по венчику составляет 32,5 см, ему соответствует толщина дна, равная 0,10 см. Общая высота от дна до края венчика составляет 3,3 см.

В результате проведенного нами исследования можно сделать следующие выводы:

1. Преобладание гончарной керамики над лепной. 2. Лепная керамика Золотарёвского городища сделана из плохо обожженного теста с примесью дресвы и органики. 3. Гончарная керамика сделана из теста с примесью песка или известняковой крошки. Поверхность часто обмазана и залощена. 4. Достаточно большое количество лощеных и обмазанных фрагментов, изготовленных на гончарном круге, говорит о развитой технологии производства керамической посуды.

Литература

Белорыбкин Г. Н. Западное Поволжье в Средние века. Пенза: Изд-во ПГПУ, 2003. 200 с.

Белорыбкин Г. Н. Золотаревское поселение. СПб; Пенза: Изд-во ПГПУ, 2001. 200 с.

Гришаков В. В. Керамика финно-угорских племен Правобережья Волги в эпоху раннего Средневековья. Йошкар-Ола: МарГУ, 1993. 204 с.

Кадиева Е. К. Круговая керамика второй половины X – начала XIV веков Центральных районов Ростово-Суздальской земли. М., 1996.

В. Р. Султангулов (г. Уфа)
Башкирский государственный университет
Научный руководитель: Р. Р. Русланова, к.и.н., ст. преп.

Проблема хронологии поясной гарнитуры раннесредневековых памятников Приуралья в системе Евразийской хронологии (поиск метода)

Период раннего средневековья Евразийского пространства является сложным для всестороннего изучения. Движение гуннов с территории Монголии и Забайкалья в Подунавье и последовавшее Великое переселение народов перекроило этническую карту Евразии. Отсутствие широкой базы письменных источников затрудняет работу над исследованием такого сложного масштабного процесса, как миграции племен и их смешение во всей полноте. В связи с этим в качестве источника для реконструкции исторических процессов на территории Евразии широко применяются археологические материалы.

Изучить историю отдельно взятого региона в период раннего средневековья возможно только с учетом проистекавшего исторического процесса на всей территории Евразии. В археологии не существует универсальных артефактов, которые могли бы служить материалом для хронологии памятников различных периодов и регионов – каждый предмет, попадая в регион (или из-

готовленный) в определенное время, имеет свои рамки бытования. Для раннего средневековья помимо фибул, бус и серег одним из показательных хронологических материалов является поясной набор. К настоящему времени нет единой археологической хронологии поясного набора, которая удовлетворила бы большинство исследователей. Несмотря на то что накопилась огромная база материала, а сама наука вооружилась новейшими компьютерными программами, многие археологические находки до сегодняшнего дня не включены в систему евразийской хронологии. Не стала исключением и территория Приуралья, памятники которой содержат репрезентативное число данной категории находок – элементов поясной гарнитуры (пряжек, наконечников ремней и накладок).

До сегодняшнего дня не выработано основополагающей типологии поясного набора. Одни авторы создают свою типологию поясного набора, когда пытаются датировать ту или иную археологическую культуру, другие же используют материал обширных территорий, предпринимая попытки создания универсальной систематики: А. К Амброз [1971а], В. Б. Ковалевская [1979], А. В. Богачев [1992]. Целью данной работы является описание, сравнение и анализ существующих методов систематизации (типологий и классификаций) пряжек Евразии, для дальнейшего поиска наиболее объективного метода для создания хронологических схем пряжек – датирующей категории находок для памятников раннего средневековья Приуралья.

Типология А. К. Амброза. Относительная хронология А. К. Амброза связана с делением вещей на периоды и построением эволюционной лестницы. Он строит относительно-хронологическую систему для каждой археологической культуры отдельно (территории Восточной Европы, Кавказа, Южного Приуралья и др.), выделяя в них этапы развития (от двух до восьми) на основе нескольких параллельных эволюционных рядов вещей (различных пряжек, серёг, фибул, подвесок, оружия, стремян и т. д.). Но стоит заметить, что эволюцию отдельного артефакта, например пряжек, исследователь не рассматривал на основе нескольких признаков внутри самого артефакта, а выделял один главный признак (изменение только формы язычка пряжки, или только формы рамки), что служило доказательством нового этапа эволюции. На наш взгляд, такой подход делает анализ субъективным, поскольку, даже если прослеживать эволюционные ряды нескольких артефактов (например, пряжек и серег), нельзя говорить об объективности наблюдения эволюции каждой находки.

По этому поводу ряд исследователей замечает неоправданную датировку археологический культур, сделанных А. К. Амброзом. Так, А. В. Богачев замечает, что в известной статье Анатолий Константинович, используя свою типологию, неоправданно омолодил нижнюю дату азелинской культуры [Амброз, 1971б, с. 106–134]. Фактически один признак, «форма рамки» (прямоугольное сечение колец, часто В-образные), неоправданно предпочтенная перед всеми другими признаками пряжки, повлиял на датирование археологической культуры [Богачев, 1992, с. 76].

Для объективной датировки той или иной культуры А. К. Амброз абсолютно справедливо использовал построения эволюционных этапов на основе нескольких археологических артефактов. Но выяснение генетических (эволюционных) связей внутри самой вещи происходило в работе исследователя интуитивно, на основе эмпирического наблюдения археолога. К сожалению, в своих работах он не дает пояснение своего метода исследования («для краткости не разбираются точки зрения на хронологию, с которыми автор не согласен» [Амброз, 1971а, с. 99]), вследствие чего раскрытие его объективности по сравнению с другими методами упускается.

Типология В. Б. Ковалевской. Трудно переоценить работу Веры Борисовны по сбору, описанию и систематике поясной гарнитуры Евразии и то, какой был сделан прорыв в изучении метода типологии [Ковалевская, 1979; 2000]. Ею предпринята попытка создания универсальной типологии поясного набора и создания хронологической шкалы бытования пряжек.

В. Б. Ковалевская дает четкое определение термину «пряжка», обозначая ее как металлическую деталь пояса, обязательно состоящую из рамки, язычка и щитка. Функция пряжки – застегивание ремня. Важно, что она рассматривает вещь «как систему взаимосвязанных признаков» [Ковалевская, 1979, с. 9], отказываясь на построении относительной хронологии только по выборочным признакам. Само же существование признака в артефакте доказывается удовлетворением следующих условий: 1) постоянное присутствие в исследуемой группе; 2) его количественное выражение (мерные признаки); 3) если применяются качественные признаки, то его определение через процент предметов, обладающих этим признаком; 4) непосредственное наблюдение; 5) комплекс признаков, варьирующих как единое целое, должен рассматриваться в качестве одного признака [Ковалевская, 1979, с. 9]. Выделена качественная сторона признаков: материал, техника производства, форма, размер, орнаментация. Количественная сторона – это частота признаков и их сочетаний, их сопряженность в отдельных хронологических комплексах.

В. Б. Ковалевская систематизировала и описала 1521 пряжек из 114 памятников [Ковалевская, 1979, с. 49]. На сегодняшний день это наиболее полная сводная работа по территории всей Евразии, включающая огромный массив материала.

Но следует заметить, что автор, обозначая в пряжках присутствие множества признаков (причем хорошо описанных), строит принцип классификации на основе иерархии. По ней группообразующим признаком является форма рамок, а остальные признаки находятся в отношении подчинения – в типах по форме щитка (его внешний контур) и подтипах (варианты) – по орнаментации щитка (или по иным признакам). Выделено семь отделов: 1) круглорамчатые и сегменторамчатые; 2) овальнорамчатые; 3) лировидные; 4) треугольные; 5) В-образные; 6) прямоугольнорамчатые; 7) трапециевидные.

Такая классификация удобна для обработки большого массива данных. Любая пряжка в этой типологии выступает как синтез признаков. Она занимает в этой системе ячейку определенного варианта, определенного подтипа,

типа, отдела. Л. С. Клейн такую классификацию называет «служебной» («прикладной», «вспомогательной»), указывая, что целью ее является лишь сбор и упорядочивание материала. По его мнению, для этой цели «подойдет любая условная схема классификации, сколь угодно искусственная (не считающаяся с объективными рангами связей и границ в материале) – лишь бы она была достаточно обширной, разветвленной, открытой, унифицированной, логически строгой и ясной. Логическое древо с жестко предписанной последовательностью шагов – идеал для такой системы» [Клейн, 1991, с. 50]. Через год специалист по поясной гарнитуре А. В. Богачев добавит: «такие иерархические классификации достаточно хорошо приспособлены для упорядочения массового материала. Но применительно к конкретной познавательной задаче (в частности, для целей датирования) результативность их может существенно снижаться» [Богачев, 1992, с. 75].

Большим вкладом Веры Борисовны в исследования является четкое выделение и описание признаков в пряжках, переработка массивного материала и классификация пряжек по признакам в удобную систему. Но сам метод относительной хронологии не может считаться объективным в силу «искусственного» (условного) иерархического построения признаков, он не выявляет генетические (эволюционные) связи внутри самого археологического артефакта.

Типология А. В. Богачева. От построения относительной хронологии на основе иерархии принципиально отказывается А. В. Богачев. По его мнению, хронология не может быть точной, если какой-то признак выделяется как группообразующий, т.е. становится ядром классификации. Такая систематизация удобна и полезна только с точки зрения упорядочения массивного материала. Но для относительной хронологии выделение основного признака, основанное на эмпирическом опыте исследователя, его интуиции, ведет к субъективности и недостоверности знаний. Взамен он предлагает модернизировать типологию В. Б. Ковалевской и использовать горизонтальную шкалу равнозначных аналитических признаков, где отсутствует деление признаков на «главные и подчиненные». По его мнению, преимущество такой модели типологии: 1) достаточное легкое составление таблиц на не иерархичной основе, в сравнение с громоздкими классификациями, 2) а также тщательное рассмотрение археологического артефакта по отдельным признакам и упорядочение признаков в виде открытых списков.

Автор использует свою типологию в рамках IV–VIII вв. на материале более 50 памятников Среднего, Верхнего и Нижнего Поволжья, а также Южного Приуралья. Важно заметить, что хронология строится на нескольких археологических артефактах – пряжках (529 экз.), накладках (705 экз.) и наконечников поясов (170 экз.) [Богачев, 1992, с. 71].

Используя разработки В. Б. Ковалевской, А. В. Богачев обновляет разделы ее типологии в связи с поступлением новых материалов (между работами авторов 13 лет), добавляет ряд хронологически чувствительных признаков. В итоге, им выделяются следующие признаки в пряжках: 1) форма контура рамки; 2) сечение рамки; 3) форма контура щитка; 4) способ соединения

рамки со щитком; 5) способ прикрепления щитка к ремню; 6) элементы формы язычка; 7) технологические элементы украшения декора; 8) центральный элемент орнамента (орнаментальные мотивы); 9) техника нанесения орнамента; 10) материал изготовления пряжки [Богачев, 1992, с. 77].

Этапы эволюции пряжек выделяются на основе разновидности математической таблицы П. П. Ефименко. Относительная хронология приобретает абсолютную датировку при обнаружении какой-либо пряжки, встроенной в типологию, в закрытом комплексе, который удалось датировать другими методами (например, монеты).

Таким образом, в результате анализа нами выведен ряд положений и условий, которые необходимо соблюдать при построении относительной хронологии для поясной гарнитуры раннесредневековых памятников Приуралья. Чтобы добиться наиболее объективных данных, при выделении этапов эволюции какой-либо культуры необходимо основываться на изменениях нескольких хрономаркеров, ряда археологических артефактов (пряжки, поясные накладки, наконечники поясов и др.). Внутри же самих артефактов следует выделять общие признаки, которые присутствуют в изделиях и подвергаются изменениям со временем. При этом не должно быть ни выборочного предпочтения одним признакам как главным, ни построения всей типологии на основе группообразующих признаков. Рассмотрение всех признаков в предмете менее чревато влиянием субъективного фактора на хронологию культуры.

В этом плане типология А. В. Богачева для нас наиболее предпочтительна. Ее применение может дать значительные результаты в анализе историко-культурных и хронологических аспектов раннесредневековой истории Приуралья. В дальнейшем построение хронологии поясной гарнитуры данной территории будут базироваться на методе типологии А.В. Богачева.

Литература

Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. I // Советская археология. 1971а. Вып. 2. С. 96–123.

Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. II // Советская археология. 1971б. Вып. 3. С. 106–134.

Амброз А. К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука,1980. С. 3–56.

Богачев А. В. Опыт эволюционно-типологической группировки раннесредневековых пряжек лесостепного Поволжья: Препринт. Свердловск: УрО АН СССР, 1990. 32 с.: ил

Богачев А. В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV–VIII вв. Среднего Поволжья). Самара: Артефакт, 1992. 208 с.

Клейн Л. С. Археологическая типология. Л.: ЛФ ЦЭНДИСИ. ЛНИАО. 1991. 448 с.

Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. М.: Наука, 1979. 113 с.

Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. Хронология восточно-европейских древностей V–IX веков. Вып. 2. М., 2000. 363 с.

Ю. В. Шельдешова (г. Астрахань)
Астраханский государственный университет
Научный руководитель: Д. В. Васильев, к.и.н.

Опыт статистической обработки керамического материала из нижних слоёв самосдельского городища

Самосдельское городище – это памятник, располагающийся в 43 км ниже Астрахани, на правом берегу р. Старая Волга. Основной категорией находок является керамический материал, который требует детального изучения на основе статистического анализа.

Процесс извлечения скрытой информации из керамического материала, проходит следующие стадии:

А) Выявление и фиксация непосредственно в раскопе;

На данном этапе происходит сплошная фиксация всех керамических находок на плане, либо учёт массового материала и фиксация на плане лишь индивидуальных находок. Здесь необходимо уточнить, что выборка керамического материала из раскопа происходит полностью, несмотря на исключительно высокую насыщенность слоя находками.

Б) Полевая камеральная обработка и классификация;

Далее весь керамический материал проходит первоначальную обработку в ходе полевых исследований, для чего используется полевой описательный код. Описание керамического материала построено по следующей системе: описание технологических признаков артефакта (способ производства, характер обжига, качественные характеристики теста и наличие в нём примесей), сортировка керамических фрагментов, для описания морфологии сосудов или особенностей орнаментации отбираются лишь информативные профильные части.

В) Формализация данных;

На основании полевых таблиц, содержащих описания целых и фрагментированных сосудов в виде камерального шифра, составляются электронные таблицы.

Вначале абсолютно вся керамика из выборки описывается по признакам технологического описания (по вышеописанной методике) и учитывается в общей статистике по раскопу. Затем отбираются наиболее информативные профильные части сосудов для полного описания. Информация о технологии изготовления сосуда, содержащаяся в данном описании, позволяет на аналитическом этапе обработки связать форму (морфологические типы сосудов) со статистически достоверными технологическими группами, выделяющимися по результатам первичного описания.

Список включает как признаки, описывающие технологические особенности изготовления сосуда, так и признаки, описывающие морфологию. Данные заносятся в любую электронную таблицу. В данном случае каждый признак является самостоятельным, качественным, пригодным для дальнейшей обработки. Наличие его в комплексе (то есть, на конкретном предмете) фикси-

руется занесением цифры «1» в ячейку, отсутствие – цифрой «0». На основании табличных значений вычисляются парные коэффициенты связи признаков.

Признаки сгруппированы в фазы, которые соответствуют различным частям сосуда. Мы обращаем внимание на то, что данный описательный код не является универсальным, поскольку он разработан на основе эмпирических наблюдений за керамикой лишь Самосдельского городища и не может быть применён без дополнительной критической переработки к описанию керамики других памятников. Тем не менее, наличие формализованного описания массового керамического материала по данной системе позволит выделить статистически устойчивые комплексы связанных признаков, характеризующие основные типы сосудов. Затем эти типы могут быть сопоставлены с контекстом (слоем, участком, «штыком», комплексом, ямой, сооружением и т. п.) [Васильев, 2010, с. 256–257].

Нами была произведена статистическая обработка керамического материала из нижних слоёв городища. Она подразумевала обработку базы данных методом вычисления коэффициента корреляции Пирсона. С применением стандартного пакета анализа в приложении Microsoft Excel были вычислены коээфициенты корреляции для каждой пары описательных признаков. Затем с использованием этих коэффициентов, которые обозначают степень взаимосвязи и взаимообусловленности различных описательных критериев, были построены графически комплексы связанных признаков (КСП), которые мы здесь не приводим ввиду ограниченности объёма публикации. Дальнейший анализ полученных КСП позволяет нам выделить следующие типы посуды, характерные для нижних слоёв Самосдельского городища:

– Горшки. Лепные сосуды, изготовленные из теста с примесью шамота, песка и органики, имеют баночную форму. Венчики образованы краем стенки с прямоугольной, либо истонченной в сечении губой. Орнамент нанесен на губе венчика и представлен в виде пальцевых защипов, насечек стеком и пальцево-ногтевых вдавлений.

– Котлы. Тесто с примесью ракушки, с венчиком в виде каплевидного в сечении утолщения с манжеткой для крышки снаружи. Данные котлы выделились в отдельную группу, не связанную с остальной керамикой Самосдельского городища, что говорит о том, что данные котлы не изготавливались на городище, и являются предметом импорта.

– Кувшины. Сосуды с валикообразным округлым в сечении венчиком, прямой горловиной, слегка расширяющейся книзу, плавно переходящей в тулово. Кувшины данного типа имеют вертикальную петлевидную, овальную в сечении ручку, опущенную от горловины на плечико тулова. По форме тулова можно выделить несколько подтипов.

- сосуды с раздутым, высоким, округлым туловом, с покатыми плечиками;
- сосуды с высоким, раздутым туловом, с крутыми, хорошо выделенными плечиками.

Кувшины орнаментированы лощением и псевдолощением, представляющими собой вертикальные полосы.

– Миски. Эта категория открытых сосудов, с биконическим туловом с перегибом, либо усечено-полусферической формой. Венчик чаще всего округлый или каплевидный в сечении с утолщением внутрь.

– Тагора. Данный вид сосуда представляет собой таз с двумя ручками, с перегибом, в центральной части тулова. Венчик представлен в виде каплевидного наплыва внутри и утончённой губой. Ручки петлевидные треугольные, с вертикальной ориентацией, расположенные на плечике. Сосуды, как правило, имеют линейный орнамент.

– Крышки. Достаточно разнообразны, встречаются как лепные, так и гончарные. Выделяются три основные формы тулова: плоский (лепные крышки от тандыров), выпуклый и конический диски. Часто нанесен орнамент по внешнему радиусу изделия в виде наколов камышинкой либо палочкой. Ручки выделяются двух типов: грибовидные и пестовидные.

– Светильники. Данные изделия встречались как в целом, так и во фрагментарном виде. Светильники изготовлены на гончарном круге и представляют собой сосуд с низким усечено-полусферическим туловом и носиком для фитиля. На противоположной от носика стороне венчика расположена налепная ручка-хвостик.

Таким образом, нами была получена краткая характеристика основных категорий керамического материла, выделенных при помощи статистических методов обработки информации.

Литература

Васильев Д. В. Методика обработки и общая характеристика массового материла с Самосдельского городища. Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия: материалы III Междунар. Нижневолж. археол. Конф. (г. Астрахань, 18–21 октября 2010 г.) / сост и отв. ред. Д. В. Васильев. Астрахань: Изд. дом «Астрахан. ун-ет», 2010. С. 255–264.

Васильев Д. В., Попов П. В. Код для формализованного описания неполивной керамики Самосдельского городища // Перекрёстки истории. Акутальные проблемы исторической науки: материалы Всерос. науч. конф. 18 апреля 2008 г. Астрахань, 2008. С. 86–91.

Попов П. В. Предварительные итоги изучения керамики Самосдельского городища. Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. Сб. науч. ст. / отв. ред. Д. В. Васильев. Астрахань: Изд-во «Астрахан. цифр. Тип.», 2011. С. 60–88.

Д. А. Якимова (г. Пермь)
Пермский государственный научный исследовательский университет
Научный руководитель: М. Л. Перескоков, к.и.н.

Реконструкция головного убора из погребения № 264 Мокинского могильника Пермского края

Мокинский могильник расположен в 0,3 км к югу от деревни Мокино Пермского района Пермского края и занимает мыс под прямоугольной формы левого берега реки Нижняя Мулянка. Памятник известен с 1924 г. Он был выявлен А. В. Шмидтом и отнесен им к железному веку. Также были найдены

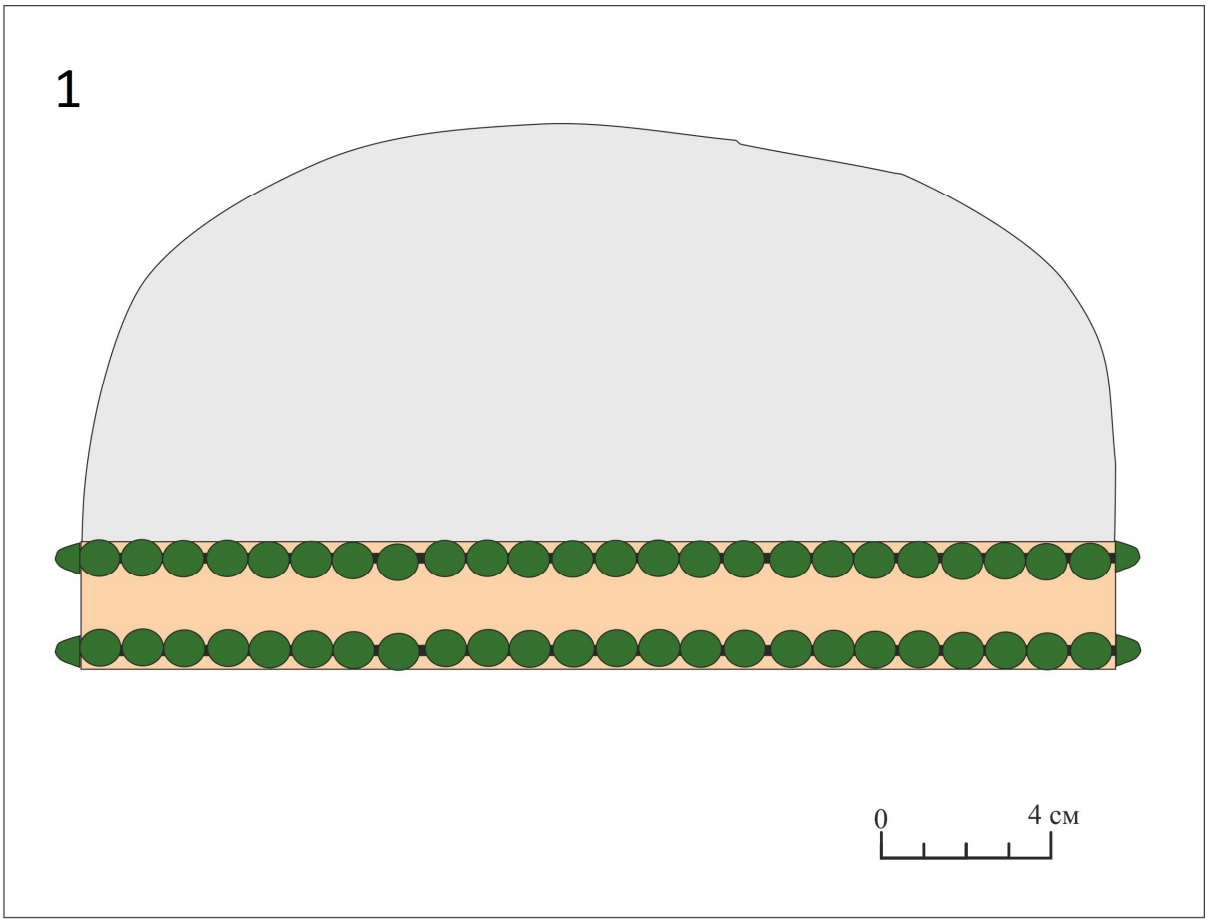
фрагменты ананьинской и раннеломоватовской керамики, кости животных и фрагменты человеческого черепа. Однако раскопки памятника не проводились. В 1950 г. памятник осматривался В. Ф. Генингом и был определен как Мокинское селище ананьинской и ломоватовской культур. В 1987 г. на памятнике были проведены значительные работы отрядом КАЭ Пермского университета под руководством В. А. Оборина, в ходе которых был открыт могильник IV–V вв. и изучено 62 погребения [Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2011, с. 65]. Исследование могильника продолжалось в 1987, 1990–1992, 1994, 1998 гг. В ходе работ было изучено 254 погребения. С 2013 г. на Мокинском могильнике после длительного перерыва были продолжены археологические работы под руководством М. Л. Перескокова, которые продолжаются до нашего времени. Исследованные в 2013–2016 гг. погребения датируются третьей четвертью IV – рубежом IV–V вв., связаны с культурно-хронологическим горизонтом Тураево-Кудаш и относятся к финальному этапу гляденовской культуры [Мингалев, Перескоков, 2014].

Интересующий нас головной убор был обнаружен в 2014 г. при разборе погребения № 264. В погребении фиксируется грабительский вкоп, нарушающий целостность погребения, размерами 2,40х1,96 м, заполненный коричневым суглинком с углистыми вкраплениями и углем, близким по содержанию к заполнению погребения и коричневой комковатой глиной, которая является переотложенным заполнением могилы. Перекоп достигает самого дна погребения, но полностью его не разрушает, костяк в большей части имеет анатомический порядок, присутствует деревянный настил на дне погребения. Настил также сильно разрушен перекопом. Костяк в погребении имеет очень плохую сохранность. В районе черепа погребенного в перекопе был найден фрагмент головного убора. Отдельные составляющие головного убора были обнаружены в разных местах вкопа. Вероятно, головной убор был вынут и поврежден в процессе разрушения захоронения. Тем не менее довольно значительная часть головного убора, в том числе тканевая основа, сохранились. Во многом это произошло благодаря его конструктивным составляющим – бляшкам из медного сплава. Те области, в том числе тканевые, которые непосредственно соприкасались с бляшками, имели наибольшую сохранность.

В ходе действий, связанных с первичной консервацией и реставрацией элементов головного убора, получилось сделать его реконструкцию. Головной убор имеет в основе конструкции ленту. Лента сделана из тканой основы, на которую с лицевой стороны был нашит материал неравномерной волокнистой структуры, более всего напоминающий войлок. Поверх войлока, сверху и снизу ленты, пришиты кожаные ремешки, на которые в свою очередь крепились бляшки. Таким образом, получалась конструкция из ленты вокруг головы, сверху и снизу которой крепился на кожаный ремешок ряд конусовидных бронзовых бляшек. Также, выявлено, что бляшки служат своеобразной границей тканевой ленты, нижнего края шапочки. Бляшки имеют конусовидную форму с цельнолитой перемычкой для крепления с обратной стороны. Все бляшки однотипны, но частично отсутст-

вуют вследствие плохой сохранности головного убора. К ленте-основе пришивалась верхняя часть, состоящая из той же ткани, вероятно, имеющая вид тульи. Тип плетения – одна нить через одну – довольно распространен и называется – полотняное плетение.

Конструктивные особенности головного убора схожи с аналогичными предметами, найденными на территории Урало-Поволжья [Лещинская, 2014; Голдина, 2003; Голдина, Бернц, 2010; Старостин, 2009]. Все они сделаны по единой конструктивной схеме, включающей основу–ленту, украшенную накладками, и верхнюю часть–тулью. Довольно распространенным является и метод крепления накладок на кожаный ремешок, который после этого пришивается к тканевой основе. Близкие по конструкции головные уборы известны в материалах грунтовой части Тураевского могильника. В погребении 172 был обнаружен головной убор, также представляющий собой конструкцию из ленты, к которой крепится ряд бронзовых накладок, и тканевой основы, закрывающей голову. Особенностью данного головного убора является то, что лента украшена рядом бронзовых наладок-обойм, а по периметру ленты в качестве украшения идет шнурок с пронизками и бисером [Голдина, Бернц, 2010, с. 44, 299]. Головные уборы, имеющие точно такую же конструкцию, присутствуют и в материалах Тарасовского могильника. Например, в погребении 116 [Голдина, 2003, с.43; Голдина 2004, с. 29] и в погребении 1783, где представлены головные уборы, состоящие из тульи и ленты, к которой крепится кожаный ремешок с бронзовыми накладками-обоймами, а периметр ленты украшен ремешком с бронзовыми пронизками и бисером [Голдина, 2003, с. 666; 2004, с. 271–272]. В погребении 29 Тураевского могильника был также обнаружен головной убор, конструктивно состоящий из ленты с накладками и крепящийся к ленте тульей. Лента украшена также бронзовыми накладками-обоймами, однако в качестве украшения, имеются и накладки с привесками. Также отличительной особенностью данного головного убора является наличие сюльгамы, которая застегивала головной убор [Голдина, Бернц, 2010, с. 16, 198]. В погребении 39 Тураевского могильника мы видим также наличие головного убора, который представляет собой конструкцию из ленты с накладками-обоймами и тульей. По периметру лента украшена рядом бронзовых накладок. Однако данный головной убор имеет некоторые особенности. Во-первых, это наличие четырех височных колец, украшенных пронизками и прикрепленных к ленте. Во-вторых, это наличие еще одной декоративной ленты с рядом бляшек, идущей вертикально от ленты по центру тульи от середины лба до середины затылка. [Голдина, Бернц, 2010, с. 18–19, 208] В погребении 10 Тураевского могильника был обнаружен головной убор, представляющий собой основу из кожи и ткани, расшитую бисером, который покрывал всю поверхность тульи. Лента отсутствует. [Голдина, Бернц, 2010, с. 12, 182]. На всех описанных головных уборах накладки имеют полусферическую форму.

План и вещи 115 погребения
1. План погребения 115; 2. Железный нож; 3. Фрагмент кожаного пояса.

Рис. 1. Реконструкция головного убора из погребения 264 Мокинского могильника.
Рис. 2. Комплекс погребения 115 Мокинского могильника (по Н. В. Кулябиной, 2000)

Специфической особенностью головного убора, найденного в Мокинском могильнике, является форма накладок. Конусовидные бляшки, вероятно, являются специфической чертой именно гляденовских древностей и отсутствуют в элементах костюма мазунинской и азелинской культур. Наиболее схожие с Мокинскими накладки на головных уборах происходят из Ошкинского могильника, но и там они представлены круглыми, слегка выпуклыми бляшками [Лещинская, 2014, с. 231, 244, 246, 249, 250]. Конусовидные бляшки известны в материалах Гляденовского костища [Лепихин, Мельничук, 1997, с. 55]. Наиболее близкие аналогии конусовидных бляшек в деталях костюма присутствуют в погребении 115 Мокинского могильника [Кулябина, 2000]. Находка интерпретирована автором раскопок как пояс, что вызывает большие сомнения. Отсутствие центральной части, при хорошей сохранности кожи, отсутствие пряжки и низка бисера, соединяющая кожаные детали, говорит в пользу того, что это остатки кожаных манжет рукавов верхней одежды. Конусовидные накладки и способ крепления их аналогичен головному убору из погребения 264.

Таким образом, головной убор из погребения 264 Мокинского могильника является первой находкой головного убора гляденовской культуры, близкой аналогичным предметам из могильников Волго-Камья (I пол. I тыс. н. э.), но имеет специфические черты, выделяющие его из общего контекста, такие как форма накладок, характерная для гляденовских древностей, а также использования войлока в качестве подклада.

Литература

Голдина Р. Д., Бернц В. А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть). Ижевск: Изд-во «Удмурт. ун-т», 2010. 499 с.

Голдина Р. Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. I. Текст – каталог погребений. – Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 2004. 319 с.

Голдина Р. Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Иллюстрации. Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 2003. 721 с.

Коренюк С. Н., Мельничук А. Ф., Перескоков М. Л. Погребальный обряд поздней части Мокинского могильника в Среднем Прикамье (по материалам раскопок 1994 г.) // Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 1 (15). С. 65–80.

Кулябина Н. В. Поясной набор IV в. по материалам Мокинского могильника // Пермское Прикамье в истории Урала и России: материалы всерос. науч. конф. Березники, 2000. С. 43–46.

Лепихин А. Н., Мельничук А. Ф. Гляденовское костище. Пермь: Изд-во Перм. обл. краевед. музей, 1997. 64 с.

Лещинская Н. А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н. э.): материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27. Ижевск, 2014. 472 с.

Мингалев В. В., Перескоков М. Л. Результаты охранных раскопок Мокинского могильника III–VI вв. в Пермском Прикамье // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований: материалы VII науч.-практ. конф. «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», посвящ. 90-летию со дня рождения В. Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.). Екатеринбург: Изд-во Горбуновой, 2014. С. 255–261.

Старостин П. Н. Рождественский V могильник. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. 144 с.

АРХЕОЛОГИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

А. Л. Авдеенко (г. Курган)
Курганский государственный университет
Научные руководители: Д. Н. Маслюженко, к.и.н., доц.;
И. К. Новиков, зав. арх. лаб.

Исследование культурного слоя города Кургана в 2009 г.

В августе 2009 г. были проведены городские раскопки в Кургане, на участке по ул. Климова между домами № 80А и 74 (в зоне строительства). Мероприятия были направлены на изучение памятника археологии «Культурный слой г. Кургана конца XVII–XIX вв.», который находился в зоне строительства многоквартирного жилого дома на ул. Климова (бывшая Береговая).

Сведения о хозяевах усадьбы, граничащей по переулку с восточным участком, носят отрывочный характер. В 1859–1861 гг. здесь жил на временном праве купец И. И. Лапшин, приехавший сюда из г. Макарьева Костромской губернии [Васильева, 2010, с. 83]. В 1880-е гг. владельцами дома были наследники Осинцева. В 1890-е гг. дом принадлежал курганской семье Лапшиных, а точнее купчихе 2-й гильдии Акилине Павловне Лапшиой. Она торговала с 1895 г. бакалейными товарами в собственной лавке в пряничном ряду на Нижней Базарной площади [http://kurgan.pro].

Целью работ являлись аварийные охранные раскопки, которые позволили изучить культурный слоя г. Кургана как источника информации по истории развития материальной культуры населения Зауралья XVII–XX вв., в том числе составление хронологической карты, выявление периодов заселения, а также изучение материальной культуры выделенных хронологических периодов.

В результате исследований была получена коллекция более чем из 800 находок. Большую часть составляют фрагменты глиняных сосудов, фарфоровой и фаянсовой посуды, а также найдены стеклянные бутылки, монеты, металлические пломбы, гвозди и другие атрибуты материальной культуры [Чунина, 2009, с. 70].

Керамический комплекс представлен несколькими сотнями фрагментов. Основная масса фрагментов керамики принадлежит посуде грубого обжига предположительно XVIII–XIX вв. Обнаружены также более поздние фрагменты поливной керамики XIX – начала XX в. Судя по фрагментам, керамическую посуду можно условно разделить на несколько типов: крынки, кувшины, миски, тарелки, утятницы. Также была найдена целая крынка, относящаяся к нач. XX в. [Чунина, 2009, с. 71].

Кроме того, в результате исследований обнаружены фрагменты фарфоровой посуды, судя по маркировке, относящейся к XIX в. Наиболее интересной из фарфоровой коллекции является четырехугольная тарелочка с отколотым нижним правым углом, размером 8,5х14 см. На внутренней части тарелки располагался рисунок: на белом фоне изображены дама с собачкой на руках, смотрящие на колбасу. Сохранилась часть надписи «смотри... собла...». Предположительно, эта тарелочка была из серии, так называемой назидательно-нравоучительной серии посуды, выпускаемой Дулевской фабрикой имени Правды, Фарфортрест (вывод сделан на основании маркировки на внешней стороне тарелки) [Чунина, 2009, с. 71].

Среди изделий из металла были обнаружены следующие изделия: предметы конской упряжи, весы (советский период), набойка на сапоги, подковы, пули и патроны [Чунина, 2009, с. 70], а также деталь от снаряда, датируемая августом 1919 г., предназначенная для установления дальности [Новиков, Усачев, 2015, с. 27]. Также был обнаружен чугунный утюг хорошей сохранности.

Датирующими находками являются:

11 монет дореволюционного периода. Все эти монеты небольшого достоинства, датируемые сер. XVIII – нач. XX в. и изготовленные из меди, которые можно поделить на два периода, а именно:

Монеты догородского периода, времени существования слободы Царево Городище (1679–1782 гг.): 1 деньга, выпущенная в 1748 г. в период правления Елизаветы Петровны, является самой ранней из всей нумизматической коллекции; 1 деньга, выпущенная в 1749 г. в период правления Елизаветы Петровны; Монета Елизаветы Петровны номиналом в 1 копейку (1758 г.) с всадником-копьеносцем на реверсе, плохой сохранности. Наиболее ценными и интересными, на наш взгляд, представляются 5 так называемых сибирских монет (сибирская деньга) периода Екатерины II, ходивших в обращении до нач. XIX в. в Сибири и на Урале. Их историческая ценность заключается в том, что они не ходили в обращении в европейской части России и чеканились на Колыванском монетном дворе, который выпускал сибирские монеты в 1763–1781 гг. Монеты второй половины XIX – начала XX в.: 2 монеты номиналом по 2 копейки периода правления Александра I; 1 копейка периода правления Николая II (1914 г.), хорошей сохранности [Вохменцев, 2009, с. 16].

Найдены изделия из стекла, датируемые серединой и второй половиной XIX в.: Стеклянный бутылек высотой 151 мм, шейка – 60 мм, диаметр дна – 30 мм [Вохменцев, 2009, с. 16]; Стеклянный трехгранный бутылек для уксуса, длина грани – 32 мм, высота – 142 мм, шейка – 42 мм, на венчике имеется носик для слива. На одной грани имеется надпись Р. КЁЛЕРЪ и К^{o} [Вохменцев, 2009, с. 17]. Данный бутылек принадлежал фабрично-торговому (химико-фармацевтическому) товариществу Р. КЁЛЕРЪ и К^{o}, основанному в 1862 г. Романом Келером, для производства водочных и конфетных эссенций [Клуб любителей старинного стекла http://www.steclub.ru]; Стеклянный бутылек высотой 145 мм, шейка – 20 мм, диаметр дна – 45 мм. На стенке в верхней части

дугообразная надпись ТОВАРИЩЕСТВО, ниже изображение двухглавого орла, еще ниже надпись БР. МАМОНТОВЫХЪ [Вохменцев, 2009, с. 16]. Данный бутылек принадлежал Товариществу «Братьев А. и Н. Мамонтовых», которое было основано в 1840 г. Николаем Федоровичем Мамонтовым. Основной продукцией товарищества были лаки, краски и сургуч [http://www.steclub.ru]. Плоский бутылёк из зеленого стекла, высотой 90 мм с надписью «Аптека PHARMACIE» внутри имел масляничную жидкость и был закрыт герметичной пробкой. Парфюмерный флакон четырехгранный 50 мм высотой и с надписью «ФАБР. ТОРГ. Т-ВО А.І.ПОЛЯКЪ МОСКВА» изготовлен в начале XX в. Бутылка 235 мм высотой, имеет надпись на донышке «с/з КОМИНТЕРН БССР», изготовлена на стеклозаводе «Коминтерн», существующем до настоящего времени в Белоруссии [Чунина, 2009, с. 71].

Наибольший интерес вызывают найденные небольшие металлические торговые пломбы, датируемые второй половиной XIX в., диаметром от 12 мм до 25 мм, хорошей и удовлетворительной сохранности: Свинцовая пломба округлой формы 2х16х19 мм. На одной стороне в центре надпись ИЗД., по кругу ФАБ[...]РСТиПОЛУШ. На другой стороне в центре надпись ЛОДЗЬ, по кругу ПИЛИЦЕР[...]Ш [Вохменцев, 2009, с. 15]. Пломба принадлежала Фабрике шерстяных, полушелковых и шелковых изделий г. Лодзь [Виртуальный музей пломбочек [http://plombochka.ru/product/fabrika-sherstjanyh-polushelkovyh-i-shelkovyh-izdelij-lodz]. Свинцовая пломба овальной формы 2х20х 25 мм. На одной стороне в круге надпись Т.ТМ. На другой стороне в круге надпись [.]ТВЕР[Ъ] [Вохменцев, 2009, с. 15]. Пломба принадлежала Товариществу Тверской Мануфактуры г. Тверь 1857 г. Предприятие состояло из бумагопрядильной, ткацкой, красильно-отбельной, ситценабивной фабрик и механического завода. Вырабатывало вату, пряжу, хлопчатобумажные суровые и крашеные ткани, чугунные и медные запасные части для внутренних нужд. Основная часть капитала товарищества принадлежала купцам Морозовым [http://guides.rusarchives.ru/browse/ guidebook.html?sid=784830&bid=234]. Свинцовая пломба размером 4х18х19 мм. На одной стороне надпись курсором *S[.] TBEPE,* ниже две полоски [Вохменцев, 2009, с. 15]. Свинцовая пломба округлой формы размером 2х19х22 мм. На одной стороне надпись в круге Т.О. МОСКВА, на другой в два ряда в круге – СМСиК^0 [Вохменцев, 2009, с. 16]. Пломба принадлежала всемогущему клану мануфактурных королей Морозовых. Основателем династии был крепостной крестьянин Савва Морозов. После его смерти в 1862 г. управлять мануфактурой стал его сын Тимофей Саввич, который метил свои пломбы так: «Саввы Морозова Сын и К^0». В состав мануфактуры входили ткацкая, красильная, отбельная, отделочная фабрики и фабрика ручного ткачества. Склады товаров Тимофея Морозова были разбросаны по всей стране – от Баку и Самарканда до Омска, Одессы и, конечно же, Петербурга. Мануфактурное производство Товарищества «Саввы Морозова Сын и К^0» было одним из крупнейших в России [Учебные материалы / Жизнь Саввы Васильевича Морозова. URL: http://works.doklad.ru]; Свинцовая пломба округлой формы размером 3х15х19 мм. Надписи по кругу пломбы значительно повреждены и неразличимы.

Благодаря имеющимся данным в работах А. М. Васильевой мы можем проследить торгово-денежные г. Кургана. Для нашего региона основным источником информации являются торговые пломбы, позволяющие нам судить о торговых отношениях второй половины XIX в.

Таким образом, в результате исследования культурного слоя Кургана XVIII – начала XX в., площадью 1200 кв. м, мы смогли зафиксировать основные этапы бытования на территории между ул. Климова и р. Тобол, что совпадает, а в некоторых случаях корректирует данные архивов.

Литература

Васильева А. М. Курганское купечество. Т. II. Шумиха: ОГУП «ШМРТ», 2010. 320 с.

Виртуальный музей пломбочек / Фабрика шерстяных, полушелковых и шелковых изделий Лодзь. URL: http://plombochka.ru/product/fabrika-sherstjanyh-polushelkovyh-i-shelkovyh- izdelij-lodz

Вохменцев М. П. Отчет об археологических раскопках в г. Кургане на участке по ул. Климова между домами № 80А и 74 (в зоне строительства). 2009.

Государственный архив Тверской области. Путеводитель. Ч. 1. 1998: / Фонды промышленных предприятий. URL: http://guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html?sid=784830&bid=234

Клуб любителей старинного стекла / Р. Кёлеръ. Москва. URL: http://www.steclub.ru

Клуб любителей старинного стекла / Товарищество «Братьев А. и Н. Мамонтовых». URL: http://www.steclub.ru

Культурное наследие города Кургана / Жилой дом купчихи А. П. Лапшиной, ул. Климова, 78. URL: http://kurgan.pro/okn/n103/

Новиков И. К., Усачев Е. В. Эхо забытой войны (артефакты гражданской войны в городской археологии Кургана) // XIII Зыряновские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2015. С. 25–28.

Учебные материалы / Жизнь Саввы Васильевича Морозова. URL: http://works.doklad.ru

Чунина Е. Г. Коллекция находок с раскопок культурного слоя г. Кургана конца XVII – начала XX вв. // VII Зыряновские чтения: материалы всерос науч.-практ. конф. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2009. С. 70–71.

М. С. Бочагова (г. Курган)
Курганский государственный университет
Научные руководители: Д. Н. Маслюженко, к.и.н., доц.;
И. К. Новиков, зав. арх. лаб.

Охранные раскопки памятника «Культурный слой города Кургана XVIII–XIX вв.» в 2016 г.

Весной 2016 г. силами археологической лаборатории КГУ был исследован участок в исторической части города Кургана. С 2006 г. историческая часть города Кургана была зарегистрирована как памятник археологии [Бровко, 2006], что предопределило его безусловное исследование, предваряющее хозяйственное освоение.

Всего на участке, находящимся на ул. Куйбышева (бывшая Троицкая), было исследовано свыше 400 кв. м. Из архивных данных было известно, что

усадьба в разное время принадлежала нескольким владельцам, помимо владельцев менялись и очертания земельных участков. Первым, кто владел усадьбой, был Михаил Николаевич Юшков, словесный курганский судья. В 1866 г. дом отошел его сыну Николаю и жене Елене Ивановне. В 1885 г. усадьба с домом были проданы через торги. Спустя некоторое время новым хозяином усадьбы на Троицкой, на которой стоял деревянный дом и флигель, а также надворные постройки – амбар, погреб, конюшню и завозня, – стал П. А. Багашев. Он торговал винно-бакалейными и гастрономическими товарами [http://kurgan.pro/okn/n119/].

Соседний участок примечателен тем, что на нем находится дом-музей декабриста Кюхельбекера. Первым известным владельцем этой усадьбы был курганский мещанин Д. И. Шушарин, в 1837 г. продал дом с землей и постройками жене политического преступника Эразма Клечковского Анели. В 1842 г. Анели продает дом жене отставного сотника Ф. А. Киниженцева Марии Федоровне. В 1845 г. домом владеет семья Кюхельбекера. В феврале 1846 г. новым хозяином стал курганский мещанин Василий Федорович Романов (по некотором источникам, Романовы жили в этом доме и до этого). В сентябре 1871 г. продает усадьбу дворянке А. А. Буткевич. Но в 1876 г. дом числится за мещанкой польского происхождения Анной Коско. В конце XIX в. часть дома сдавалась в аренду. В 1922 г. усадьба перешла Галактиону Лукину Селеверстову, семья которого жила в доме до 1980-х гг. [http://kurgan.pro/okn/n003/].

Культурный слой был насыщен многочисленными находками, отражающими быт горожан, было выделено два основных этапа освоения участка: это вторая половина XIX – начало XX в. и 1940-е гг.

К 1940-м гг. были отнесены две большие мусорные ямы, в которых содержались находки советского периода. Примечательно, что при анализе материалов, полученных из этих закрытых комплексов, были выделены вещи, датированные концом XIX – началом XX в., что свидетельствует о долгом функционировании вещей дореволюционного периода на бытовом уровне.

К XIX в. был отнесен ряд сооружений, среди них три погреба и одна мусорная яма. Мусорная яма является закрытым комплексом, т. е. этот объект был сооружен, существовал какое-то время и больше не был использован. Именно этому закрытому комплексу будет посвящена наша работа.

Всего на территории закрытого комплекса найдено 1018 находок:

– 520 фрагментов керамики, из которых по венчикам, профилировке и элементам декора было выделено 31 сосуда, среди них 7 поливной керамики.

– Фарфор, фаянс – 179 фрагментов, выделяется 8 тарелок.

– Стекло – 125 фрагментов, выделяется 21 ёмкость.

– Железо 48 фрагментов, 14 гвоздей, 8 фрагментов металлических чашек, 1 ручка от сундука.

Остеологическая коллекция представлена большим количеством костей мелкого и крупного рогатого скота, а также птиц. Всего представлено 265 экз.

Нумизматическая коллекция представлена 7 монетами, позволяющими датировать данный комплекс: 2 копейки 1800 г., 2 копейки 1815 г., 1 копейка

1818 г., 1 копейка 1819 г., 1 копейка 1828 г., 1 копейка 1832 г., 1 копейка 1838 г.

Также немаловажным фактом являются находки, на которых есть клейма, что тоже позволяет нам датировать комплекс.

Клеймо Кузнецова было замечено на одном из фрагментов фаянса. (Клейма Дулевского завода Владимирской губернии) (1832–1917). Марка на фрагменте относится к раннему периоду деятельности Матвея Сидоровича Кузнецова (1864–1889) [Мусина, 1995, с. 45].

Клеймо Маркова на фарфоре донца. Заводы Марковых в Коняшино Боронницкого уезда Московской губернии Основаны Марком Назаровым в 1830 г. и около 1840 г. После 1852 г. заводы перешли к детям Антону и Николаю, которые в конце 1850-х гг. разделились, приняв фамилию Марковых [Мусина, 1995, с. 38].

Одной из характерных вещей для памятника археологии Культурный слой города Кургана являются фрагменты стеклянного кувшина, который фиксируется на большей части исследованных участков. Кувшин традиционно привязывают к слоям рубежа XIX – начала XX в.

Таким образом, данную яму, исследованную в 2016 г., можно датировать по нумизматической коллекции и датирующим артефактам второй половины XIX в., что позволяет нам датировать сопутствующий инвентарь и остеологическую коллекцию. Анализ керамической коллекции и костей животных позволит в будущем выделить характерную посуду второй половины XIX в. для города Кургана.

Литература

Бровко Д. В. ОТЧЕТ об археологических исследованиях на территориях Юргамышского района Курганской области и города Кургана в 2005 году. Курган, 2006.

Культурное наследие города Кургана / Жилой дом купца П. А. Багашева, ул. Куйбышева, 23. URL: http://kurgan.pro/okn/n119/

Культурное наследие города Кургана / Дом декабриста В. К. Кюхельбекера, ул. Куйбышева, 19. URL: http://kurgan.pro/okn/n003/

Мусина Р. Р. Марки российского фарфора (1744–1917). М.: Знание, 1995. 45 с.

К. А. Васильева (г. Пермь)
Пермский государственный национальный исследовательский университет
Научный руководитель: Г. П. Головчанский, к.и.н., доц.

Материальная культура поселка Орел

Пермские Строгановские вотчины, возникшие в 1558 г., представляют собой особый историко-культурный феномен. Влияние строгановских вотчин на ход русского освоения Среднего Урала столь велико, что иногда выделяется особый – Строгановский – этап колонизации края.

Начиная с XVIII в., привлекая корпус письменных источников, историки пытались изучить специфику Уральской вотчины Строгановых. Среди до-

революционных исследований стоит отметить работы Г. Ф. Миллера [Миллер, 1999], П. С. Икосова [Икосов, 1881], Н. Г. Устрялова [Устрялов, 1842], А. А. Дмитриева [Дмитриев 1889], Ф. А. Волегова [Волегов, 1895], Н. М. Колмакова [Колмаков, 1887], В. К. Коровина [Коровин, 1862]. Советский этап представляют А. А. Введенский [Введенский, 1962], В. А.Оборин [Оборин, 1990]. На современном этапе появились исследования В. В. Шилова [Шилов, 1995], В. В. Мухина [Мухин, 1992], Г. Н. Чагина [Чагин, 1995], Г. П. Головчанского и А. Ф. Мельничука [Головчанский, Мельничук, 2005].

В силу того что письменные источники, несмотря на свою обширность, позволяли раскрыть далеко не все вопросы, связанные со строгановской колонизацией края, археологическое изучение строгановских вотчин началось еще в советский период. При этом раскопки велись преимущественно на территории административных центров строгановских вотчин (Орел-городок, Нижний Чусовской городок, Пыскор, Усолье, п. Ильинский). Здесь стоит отметить вклад В. А. Оборина, который в течение нескольких лет (1951–1954 гг.) проводил раскопки Орла-городка. До него, еще в предвоенный период, здесь проводились небольшие разведочные работы, возглавляемые А. В. Шмидтом. В 70–90-е гг. XX в. начинается новый этап активного археологического изучения Пермских вотчин Строгановых. В 1973 г. Нижний Чусовской городок обследовал В. П. Денисов, в 1975 г. – В. А. Оборин, он же в 1977 г. и 1981 г. провел там небольшие археологические работы [Оборин, Корчагин, Мельничук, Соколова, 1994]. В 1992–1994 гг. В. А. Обориным и Н. Е. Соколовой проводились раскопки Усолья, эти раскопки были продолжены в 2003 г. Г. П. Головчанским. В 1993 г. проводился археологический зондаж села Пыскор и поселка Орел под руководством А. Ф. Мельничука, в 2002–2003 гг. Г. П. Головчанский исследует с. Пыскор. В 2000 г. в п. Орел Г. П. Головчанским были проведены археологические изыскания. В результате раскопок, проведенных в 1993 г. и 2000 г., удалось получить новые данные по истории и материальной культуре поселка Орел, а также уточнить дату перенесения на правый берег Камы Орла-городка.

Орел-городок (Кергедан) – одно из тех поселений, которые были основаны на раннем этапе русской колонизации Прикамья. Точная дата его основания известна из письменного источника – 1564 г., согласно жалованной грамоте Ивана IV 1564 г. Орел-городок стал вторым центром северной части строгановских вотчин: в 1570 г. сюда были переведены жители первого центра – Пыскора (Канкора). Древний Орел-городок располагался на правом берегу р. Камы, напротив устья р. Яйвы. Орел-городок выполнял несколько функций: он являлся солепромышленным, оборонительным центром, а также опорным пунктом в колонизации Прикамья. Орловский округ, как и сам Орел-городок, очень быстро разрастались: согласно переписи Ивана Яхонтова 1579 г. городок имел 92 двора (85 пищальничьих и крестьянских, 7 пустых), а также церковь и 13 соляных варниц, в округе имелось 3 деревни и 4 починка [Книги письма и меры И. Яхонтова]. Согласно переписи Кайсарова 1623–1624 гг. в городке имелось «5 деревень, да 6 починков, да 3 пустоши, а в

деревнях и в починках 2 двора их вотчинников да 21 двор крестьянских, да 2 двора бобыльских, а людей в них 61 человек, да 3 двора пустых» [Писцовые книги письма и меры М. Кайсарова 1624–1624 гг.]. К Орлу-городку была также приписана слобода Новое Усолье, построенная в 1606 г. Всего на территории посада, слободы, деревень и починков имелось 115 дворов. Примерно в начале XVII в. р. Кама стала менять свое русло, поэтому пришлось перенести поселение на правый берег нового русла реки – карта 1696 г. свидетельствует об окончательном заселении правого берега Камы и создании нового поселения. Об угасании городка (возможно в связи с переселением людей на правый берег) свидетельствуют данные переписной книги Прокопия Елизарова 1647 г. – 78 дворов. Об окончательном угасании городка говорят записи из Ландратской переписи 1715 г. по Орловскому присуду Г. Д. Строганова. По ее данным, к началу XVIII в. на территории Орла-городка не имелось ни одной церкви, все они были перенесены на другой берег. Кроме того, в переписи 1715 г. имеются сведения о Старой слободе, расположенной на территории бывшего вотчинного центра – в ней обитало всего 7 человек. Таким образом, природные условия стали главным фактором угасания Орла-городка: затопление территории городка мешало как проживанию, так и развитию соляного промысла. О дальнейшей истории уже поселка Орел в XVIII–XIX вв. сохранилось очень мало письменных источников, в связи с чем археологические источники имеют особую ценность.

Как было сказано ранее, интенсивное археологическое изучение поселка происходило в период с 1993 по 2000 г.

В ходе раскопок 1993 г. во главе с А. Ф. Мельничуком на месте шурфа площадью 26 кв. м, заложенного на пересечении улиц 1 Мая и Комсомольской, около дома № 39, были обнаружены фрагменты усадьбы. В 1999 и 2000 гг. Г. П. Головчанский продолжил изучение данной постройки. От постройки сохранились остатки полового настила в виде древесного тлена, а также глинобитная подушка, которая «вероятно являлась фрагментом основания печи». В пределах глинобитной подушки отмечена крупная прямоугольная плита из песчаника. Около печи были обнаружены фрагменты двух крупных столбов (диаметр 25–26 см). Данная постройка возникла в первой половине XVIII в. и погибла в пожаре первой четверти XIX в.

В шурфе площадью 16 кв.м., заложенном напротив церкви Похвала Богородицы, были обнаружены фрагменты сгоревшей деревянной постройки, развал грубых большемерных кирпичей с фрагментами изразцов, аналогичных тем, что создавались в Орле-городке в XVII в. Данная усадьба была построена во второй половине XVII в. и погибла в пожаре 1730-х гг. до возведения церкви Похвала Богородицы.

Фрагменты еще одной усадьбы были обнаружены на пересечении улиц 1 Мая и Якова Пирожкова, но данная постройка не изучалась. Однако удалось установить, что усадьба, так же как и предыдущие, погибла при пожаре.

В ходе раскопок было найдено большое количество фрагментов декоративной керамики, а именно изразцов и черепицы, это говорит о том, что пере-

селение на другой берег Камы не означало резкой смены деятельности. Однако, по мнению А. Ф. Мельничука и Г. П. Головчанского, Орел «формируется уже как крупное село, связанное с рыболовными и корабельными промыслами» [Мельничук, Головчанский, 1995, с. 46].

Также обнаружен разнообразный монетный материал (38 монет, найденных на площади 30 кв. м, относящихся к периоду от 1731 до 1800 г.). Интерес представляет «клад», состоящий из четырех пятаков времен Екатерины II и Александра I, который можно интерпретировать как искупительную жертву домовому.

К особым находкам относится гемма с изображением римского профиля, в медной орнаментированной окантовке, датируемая серединой XIX в. Геммы использовались в качестве печати или амулета, в связи с этим можно предположить, что в Орле, не смотря на то что он перестал быть вотчинным центром, проживали представители зажиточных слоев населения.

На эту же мысль наталкивает особая категория находок из металла (железные трехзубые вилки, в том числе и с сохранившейся костяной рукоятью), а также фрагменты стеклянных изделий (рюмок, штофов, клеймо винной бутылки). Ведь, как известно, у крестьян и других низших слоев населения данные столовые принадлежности отсутствовали.

Особый интерес представляет фрагмент китайского иероглифического письма со скорописью XIV–XVII вв. Данная находка свидетельствует о том, что вотчины Строгановых имели торговые связи не только внутри Русского государства, но и за его пределами. Вероятно, заграничные торговые связи были налажены через Соликамск и Бабиновскую дорогу (мнение В. А. Шмырова).

История археологического изучения позволяет выявить специфику строгановских поселений, особенности бытовой культуры, восстановить архитектурно-планировочную историю поселений. Кроме того, история археологического изучения позволяет выявить социальный состав жителей строгановских вотчин, род их деятельности.

Литература

Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI-XVII веках. М.: «Соцэкгиз», 1962. 308 с.: ил.

Волегов Ф. А. Родословная Строгановых // Пермский край: сб. сведений о Пермской губернии. Т. 3. Пермь, 1895. С. 176–199.

Головчанский Г. П. Отчет об археологических раскопках в поселке Орел Усольского района Пермской области в июле 2000 г. Пермь, 2001 // Архив КА ПГНИУ.

Головчанский Г. П., Мельничук А. Ф. Строгановские городки, острожки, села. Пермь: «Кн. мир», 2005. 232 с.: ил.

Дмитриев А. А. Пермская старина. Вып 1. Пермь: Тип. П.Ф. Каменского, 1889. 201 с.

Ильинский краеведческий музей. Осн. Фонд № 2038/156. Лл. 4–27.

Икосов П. С. История о родословии, богатстве и отечественных заслугах знаменитой фамилии гг. Строгановых, сочинена в 1761 году. Пермь: Изд-во В. Шишонко, 1881. 187 с.

Книги письма и меры И. Яхонтова. 1579 г. // Исторические документы Перми Великой. URL: http://zz-project.ru/1579-g-perepisi-solikamska-i-cherdyni (дата обращения 12.11.2016)

Колмаков Н. М. Дом и фамилия Строгановых // Русская старина. 1887. Т. 54. № 4. С. 71–94.

Коровин В. К. Краткий исторический очерк дома Строгановых, приобретение ими прав и последовательность их на обладание людьми и землями // Горный журнал. 1862. Ч. 3. Кн. 7–9. С. 392–400.

Мельничук А. Ф., Соколова Н. Е. Отчет о проведении археологического зондажа для определения охранных зон культурного слоя в пределах исторических сел Пыскор и Орел Усольского района Пермской области. Пермь, 1993 // Архив КА ПГНИУ.

Мельничук А. Ф., Головчанский Г. П. Орел-городок – центр северных строгановских вотчин в период социального и экономического угасания во второй половине XVII в. – первой половине XVIII в. (по материалам археологических исследований в пос. Орел в 1993 г.) // История и культура провинциальных городов пермского Прикамья. Березники: Изд. дом «Типография купца Тарасова», 1995. С. 43–46.

Миллер Г. Ф. История Сибири. Изд. 2-е, дополненное. Т. 1. М.: Изд. фирма «Восточ. лит.» РАН, 1999. 630 с.: ил.

Мухин В. В. «Строгановский» регион и его роль в формировании культуры дореволюционного Урала // Строгановы и Пермский край: материалы науч. конф. 4–6 февраля 1992 г. Пермь, 1992. С. 6–8.

Оборин В. А. Отчет о разведках и раскопках в Пермской области в 1975 г. // Архив КА ПГНИУ.

Оборин В. А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 168 с.

Корчагин П. А., Оборин В. А., Мельничук А. Ф., Соколова Н. Е. Нижний Чусовской городок: Каталог археологической коллекции. Ильинский, 1994. 28 с.: ил.

Переписная книга воеводы Прокопья Козмича Елизарова 7155 (1647) г. по вотчинам Строгановых // Труды ПУАК. Вып. II. Пермь, 1893. С. 87–147.

Писцовые книги письма и меры М. Кайсарова 1624–1624 гг. // Исторические документы Перми Великой. URL: http://zz-project.ru/1623-1624-cherdynskij-uezd (дата обращения 14.11.2016)

Устрялов Н. Г. Именитые люди Строгановы. СПб.: Тип. Штаба воен.-учеб. заведений, 1842. 131 с.

Чагин Г. Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI – первой половине XIX века. Пермь: ПГУ, 1995. 364 с.: ил.

Шилов В. В. Строгановы: из истории рода // Страницы истории Урала. Вып. 2. Пермь, 1995. С. 19–32.

М. С. Комарова (г. Пенза)
Пензенский государственный университет
Научный руководитель: Т. В. Осипова, к.и.н., доц.

Засечный вал XVII в. у села Пяша

Засечная черта – система оборонительных сооружений, применявшаяся с XIII в. на Руси и получившая особое развитие в XV–XVII вв. на южных границах Русского царства для защиты от кочевников, а также в качестве опоры при наступлении. Всем известно о Великой китайской стене, но мало кто знает, что в средневековой Руси были оборонительные сооружения, которые по своему размаху и протяженности (более 2 тыс. км от Днепра до Волги и Камы) не уступают китайскому памятнику. Так, при исследовании зоны сторожевого вала в районе станция Пяша Пензенской области была обнаружена уникальная конструкция.

Внутри вала расположены деревянные (дуб и сосна) брусья толщиной до 6 см и шириной до 12 см. В этих рамках сосредоточен слой глины. Все это может свидетельствовать о том, что брусья внутри вала располагались в виде срубов, внутрь которых заливали глину с водой, отчего она приобрела белесый цвет и комковатую структуру. Сверху деревянная конструкция перекрывалась берестой, что позволило хорошо сохраниться деревянным элементам.

При исследовании поверхности вала особый интерес представляет линза органики, золы, угля, дерева над засыпанным рвом. Можно сделать предположение, что со временем ров затягивался землей и через какое-то время наземные конструкции сторожевого вала были сожжены и обрушились в ров.

Особый интерес представляют столбовые конструкции с внутренней стороны вала. Вероятно, это опоры от деревянного помоста шириной до 2,5 м, идущего с внутренней стороны вала для удобного перемещения вдоль засечной черты.

Аналогов данного вала не было найдено, поэтому дальнейшее изучение объекта позволит расширить наши знания о внутривальных конструкциях. Именно поэтому данной проблеме следует уделить особое внимание.

Литература

Лебедев В. И. Легенда или быль: По следам засечных сторожей. Саратов; Пенза: Приволж. кн. изд-во, Пенз. отд-ние, 1986. 136 с.

Белорыбкин Г. Н. Отчет об археологических раскопках «Сторожевого вала» в Мокшанском районе Пензенской области. 2011 г.

И. А. Котов (г. Кострома)
Костромской государственный университет
Научныйруководитель: С. А. Каботов, к.и.н., доц.

Богоявленский и Успенский соборы Костромского Кремля: история разрушения

30-е годы двадцатого столетия вошли в историю России как годы грандиозных строек и коренных преобразований в стране. В то же время это были годы противоречий, оставившие трагических страниц в экономической, общественно-политической, духовной и культурной жизни. Одна из таких страниц связана с судьбой соборов Костромского Кремля, некогда украшавших город и придававших ему особое величие [Елизаров, 2008, с. 38].

Взрывы совершали в ночь на 8 июля 1934 года, чтобы исключить фактор вмешательства. Знатоки архитектуры прошлого времени относили эти соборы с колокольней к лучшим произведениям русского зодчества XV–XVIII вв. [Верховенский, 2013, с. 4]. «Впервые, пожалуй, у нас проведено использование взрывчатки при обследовании памятников архитектуры» [Верховенский, 2013, с. 5].

Постановление президиума ВЦИК «О сносе зданий бывшей соборной группы г. Костромы (зимнего и летнего соборов с колокольней)». Д. №644/2: «1.

Разрешить снос зданий бывшей соборной группы в г. Костроме» [ГАРФ Ф.Р-1235. Оп. 45 а. Д. 117. Л. 20]. По одной из версий решение взрывать храмы именно в 1934 году было связано с поисками сокровищ [Рубанкова, 1999, с. 6].

Археологические исследования (раскопки) на территории Богоявленского и Успенского соборов С.А.Каботовым и Е.А. Кабатовой в 2015–2016 гг. установили факт полного уничтожения зданий. Раскопки выявили факт разбора конструкций плоть до оснований, до валунов, на которых покоилась изначально кирпичная кладка стен; сами валуны местами до 600 кг. также вынуты из фундаментных ровиков практически везде. Кирпич (так называемый «большемерный») был использован при строительстве Зворыкинского льнокамбината и домов для его жителей. Площадка, где некогда высился прекрасный архитектурный ансамбль, была механизированным способом снивелирована, а строительный мусор (фрагменты кирпичной кладки, известь, фрески и т. д.), оставшийся после взрыва и разбора зданий, равномерно распределен по участку холма, образовав в советское время так называемую смотровую площадку.

Литература

Елизаров А.М. Как это было. Документы и материалы о сносе соборов Костромского кремля в 1934 году // Костромские епархиальные ведомости. 2008. № 7. С. 38–49

Верховенский К. Взорванная сказка // Акценты. Кострома. 2013. с. 4–5.

Рубанкова Г. Взрыв Костромского кремля // Костромские ведомости. 1999. № 14. С. 6.

Хлебников М. Взрыв над Волгой: 56 лет назад был уничтожен Костромской кремль // Молодой ленинец. 1990. 21 июля. С. 6–8

Уничтоженная легенда // Родина. 1991. № 3. С. 77.

В. П. Леконцева (г. Ижевск)
Удмуртский государственный университет
Научный руководитель: И. Г. Шапран, к.и.н., доц.

Перстни по материалам Марийских могильников XVI–XVIII вв.

Вещевой материал, полученный в результате стационарных и рекогносцировочных работ на марийских могильниках нового времени – Грековском и Кадочниковском, включает значительную коллекцию украшений. Особое место в коллекции занимает наиболее распространенная разновидность украшений рук – перстни. Перстень – это украшение рук, состоящее из одного (обруч/дужка) или нескольких конструктивных элементов (обруч/дужка, щиток, оправа, вставка). Каждый конструктивный элемент перстня предусматривает собственную форму, построение, способ соединения с другими элементами [Щапова, Лихтер, Столярова, 1990, с. 36].

В коллекции перстней Грековского могильника насчитывается 63 экземпляра, происходящих из 52 погребений (44 из которых женские, 15 – мужские, в трех захоронениях гендерная принадлежность не установлена). Коллекция Кадочниковского могильника содержит 60 экземпляров из 40 по-

гребений; перстни выявлены в 26 женских, 9 мужских и 1 детском захоронении, в четырех погребениях пол не определен. Таким образом, женские погребения содержат больший по объему материал для изучения.

Перстни в погребениях Грековского и Кадочниковского могильников располагались обычно в том порядке, в котором их носили при жизни. Обнаружены на пальце правой или левой руки умершего, одновременно на обеих руках, а также рядом с погребенным – в области черепа, грудной клетки, ключиц, около руки, локтя, в ногах, в количестве от 1 (в большинстве случаев) до 4 экземпляров (Греково, погр. 68, 75; Кадочники, погр. 10, 50, 89). Находки, обнаруженные рядом с погребенным, не исключают наличия украшения на пальцах руки. Довольно примечательно погребение 4 Кадочниковского могильника, в котором перстень обнаружен на пальце правой ноги погребенного. В исключительных случаях перстни были завернуты в бересту и являлись, по всей видимости, частью жертвенного комплекса. Иногда встречались жертвенные комплексы, завернутые в ткань или просто уложенные рядом с костяком [Шапран, Сенникова, 2014, с. 18]. Интересной является находка перстня в погребении 21 Кадочниковского могильника, который находился в заполнении погребения. Следуя древним обычаям, марийцы бросали в засыпь отдельные вещи, монеты, битую посуду, принося, таким образом, дар умершим [Никитина, 1992, с. 23].

Материалом для изготовления перстней в большинстве случаев являлась бронза, но встречаются и экземпляры из серебра (Греково, погр. 68, 126, 127, 132, 137, 147, 149, 185, 195, 297; Кадочники, погр. 34, 43). Если посчитать процентное соотношение серебряных перстней, найденных в марийских могильниках, от общего количества захоронений с перстнями, то получится: в Грековском могильнике – 16%, в Кадочниковском – 3%. Серебряные украшения, вероятно, носили более зажиточные марийцы. Этим объясняется представленная картина. Перстни из коллекции Грековского и Кадочниковского могильников изготовлены способом литья и ковки.

Интерес представляют изображения на перстнях. Орнаментальные узоры наносили резцом, иногда узор просто процарапывали острым предметом. На щитках перстней можно выделить геометрический и растительный орнаменты, изображения зоо- и антропоморфного характера.

Геометрический орнамент представлен насечками, зигзагами, ресничками, сегментированными фигурами и прорезными линиями. Т. Б. Никитина связывает такое орнаментальное оформление перстней с представлениями марийцев о сакральном значении воды, огня и деревьев, которым они поклонялись [Никитина, 1992, с. 40]. По мнению И. Г. Шапран и А. А. Русаевой, при нанесении изображения мастер не обязан был всегда вкладывать в него определенный смысл. При систематизации изображений возникают определенные трудности, так как зачастую исследователи по-разному интерпретируют изображения на перстне. Например, одни авторы определяют изображение как геометрическое, другие соотносят его с растительным орнаментом [Шапран, Сенникова, 2014, с. 242].

Достаточно часто на перстнях встречаются изображения зооморфного характера – птиц (Греково, погр. 185; Кадочники, погр. 10, 55, 73), шагающих зверей (Греково, погр. 76, 151, 152; Кадочники, погр. 11). Коллекции украшений также включают перстни с антропоморфными изображениями (Греково, погр. 23; Кадочники, погр. 23, 116). Выделяется еще один вариант орнаментации – буквенные изображения (Кадочники, погр. 102).

Самой массовой разновидностью перстней в марийских могильниках XVI–XVIII вв. являются пластинчатые щитковосрединные перстни, украшенные геометрическим орнаментом (Греково – 27 экз.; Кадочники – 15 экз.). Такой тип перстней представляет собой пластинчатый обруч с незамкнутыми концами и расширяющейся к середине частью в виде щитка овальной или ромбовидной формы. Т. Б. Никитина считает, что марийские овальнощитковые перстни имеют местные истоки [Никитина, 1992, с. 57]. В древнемарийских могильниках IX–XI вв. встречаются овальнощитковые перстни с «усами», у которых поверхность иногда орнаментирована декором, представленным гребенкой или зигзагом [Архипов, 1986, с. 150]. Исследователи предполагают, что со временем форма таких украшений значительно упростилась и их стали изготавливать без «усов» [Никитина, 1992, с. 57]. Аналогичные щитковосрединные перстни встречаются и в материалах удмуртских могильников XVI – первой половины XIX в. – Малиновском и Ореховском [Шапран, 1987, с. 117; Шутова, 1992, с. 221].

Подводя итог, можно выделить основные особенности использования перстней в погребальном обряде марийцев XVI–XVIII вв. Данная разновидность украшений рук являлась элементом костюма, эстетически дополняя комплекс. Можно предположить, что перстни выделяли своего носителя в среде других в социальном и экономическом отношении, что прослеживается по материалам Грековского и Кадочниковского могильников. Особо следует отметить сакральную функцию перстней. В частности, по представлениям мари, орнаменты, наносимые на перстни, оберегали их носителей от злых сил.

Литература

Архипов Г. А. Марийцы XII–XIII вв. (к этнокультурной истории Поветлужья). Йошкар-Ола, 1986. – 198 с.

Никитина Т. Б. Марийцы (конец XVI – начало XVIII вв.) по материалам могильников. Йошкар-Ола, 1992. 159 с.

Шапран И. Г. Малиновский могильник XVI–XVII вв. // Погребальные памятники Прикамья. – Ижевск, 1987. С. 112–123.

Шапран И. Г., Сенникова Л. А. Вятские марийцы в XVI–XVIII вв. (по материалам Кадочниковского могильника). Ижевск, 2014. 248 с.

Шутова Н.И. Удмурты XVI – первой половины XIX в.: по данным могильников. Ижевск, 1992. 264 с.

Щапова Ю.Л., Лихтер Ю.А., Столярова Е.К. Морфология древностей. Киев, 1990. 102 с.

А. К. Нурмаханов (г. Астана)
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
Научный руководитель: М. К. Хабдулина, к.и.н., доц.,
директор НИИ археологии им. К. А. Акишева ЕНУ им. Л. Н. Гумилева

Доисламские реликты в культовом зодчестве казахов Восточной Сарыарки

Чингистауская комплексная археолого-этнографическая экспедиция Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева в течение ряда лет ведет работы в восточной части Центрального Казахстана. Стационарным объектом является могильник Қырықүнгір, расположенный в 2 км севернее села Тохтамыс Абайского района Восточно-Казахстанской области. Памятник занимает возвышенное плато левого берега речки Шаған – притока р. Иртыш. На плато протяженностью более 1 км сосредоточено более 100 разновременных объектов от надмогильных конструкций бронзового века до сырцовых построек позднего средневековья. Северной и южной границей могильного поля являются два казахских кладбища (*зираты*) родовых подразделений родов «тобықты», «найман». Погребальные конструкции казахских кладбищ представлены кирпичными и сырцовыми мавзолеями различных архитектурных форм. Судя по надписям некрополи датируются концом XIX–XX вв.

Внимание привлекает южный некрополь, находящийся практически на окраине села Тохтамыс. На поверхности компактного мыса возведены казахские мемориалы в виде кирпичных *тортқулаков,* сырцовых многосемейных построек прямоугольной формы, у кромки берега сконцентрированы каменные наброски могил овальной формы, высотой до 1 м. Они небольшие по размерам 3,0х1,5 м, ориентированы широтно. Западный торец обозначен вертикально вкопанным камнем. Между современными мавзолейными конструкциями некрополя с западной стороны видны насыпи древних курганов, сложенных из земли и камня.

Среди сложного по структуре культово-мемориального комплекса Тохтамыс высотной доминантой выступают центрические мавзолеи конической формы. Они возведены из современного серого кирпича, имеют высокие конические своды. Всего насчитывается 7 таких мемориалов (Рис. 1).

По оформлению объема можно выделить две группы: мавзолеи с круглыми коническими сводами (2) и пирамидальные мавзолеи с четырехгранными сужающимися кверху сводами (5). Среди второй группы выделяются интересные конструкции с усеченно-коническими сводами, верх каждой грани завершен угловыми навершиями, как у торткулаков. Они в своей объемно-пространственной структуре совмещают архаический тип башенных мавзолеев и традиционные казахские торткулаки (мавзолеи без свода).

Два мавзолея круглой конической формы расположены на расстоянии 7 м друг от друга. Построены в 1971 и 1972 гг. и принадлежат представителям рода «Кыдыралы». В первом погребен юноша, скончавшийся в 17 лет (1954–1971 гг.), во втором – мужчина зрелых лет Еренғали Молдағулұлы (1924–

1972 гг.). Мавзолеи имеют многогранное основание, высоту 5,7 м и 5,0 м. Конический свод венчают полумесяцы. Мавзолей юноши шестигранный в основании, ширина грани 3 м, высота многогранного основания 2,2 м, стены покрыты цементом. Над цементными стенами основание конического свода окружает фриз из 4 слоев белых и красных кирпичей, расположенных в шахматном порядке. Мавзолей стоит на гофрированном фундаменте высотой 0,4 м. Вверху на плоскости кирпичного свода сделаны треугольные световые окошки. Мавзолей не имеет входа, вплотную к одной из его граней пристроена кирпичная постройка в виде шестигранной оградки. Глухие стены оградки декорированы нишами сводчатой формы. Углы граней оформлены выступающими полукруглыми колоннами серого цвета. Сверху колонны имеют маленькие металлические своды, увенчанные полумесяцем. Каждая грань оградки имеет декоративный узор, выложенный розовым кирпичом (стилизованные цветки лотоса, узор в виде буквы «Ф»). Верх каждой грани имеет кайму из одного ряда розовых кирпичей. Эта глухая постройка тоже без входа [Рис. 2].

Второй конический мавзолей поставлен на восьмигранное основание. Ширина грани 1,5 м, высота 2,2 м. Свод такой же формы и конструкции как в описанном выше мавзолее.

Вторая группа: пирамидальные мавзолеи имеют квадратное основание, высотой 2,2–2,5 м, сверху перекрыты четырехгранным коническим куполом. На гранях купола есть световые окошки, проем входа находится с восточной стороны. Три пирамидальные мавзолеи усеченно-конической формы увенчаны по углам выступающими навершиями из серого и красного кирпича. На самом верху мавзолея вмонтирован ажурный свод из железных прутьев, в центре свода высится полумесяц.

Пирамидальные мавзолеи имеют декор, фигурно выложенный красным кирпичом в виде зигзага, горизонтальных поясков, ромбов, тамги на грани свода, над входом выложены красным кирпичом имена, на гранях свода выложены цифры жизни (1930, 1971). Один из четырехгранных пирамидальных мавзолеев с основанием стен из бетонных плит имеет декоративное оформление каждой стороны. Поверхность бетонных плит побелена, рельефные узоры покрашены голубой краской. На фасаде с двух сторон от входа розетки, вписанные в серый многогранник и прямоугольник. На других гранях основания мавзолея выполнены рельефные растительные узоры, они также дополнительно выкрашены в голубой цвет. Краска местами облупилась, как и рельеф узоров. В целом пирамидальные мавзолеи имеют нарядный вид. Высота их 5 м.

На территории некрополя Тохтамыс расположены два – три ряда сырцовых квадратных и прямоугольных торткулаков с дверными и оконными проемами. В основании их фундамент из рваного камня на глиняном растворе. Они пристроены друг к другу, есть длинные постройки многосемейного характера. Высота сырцовых стен 1,2–1,6 м. Углы сырцовых сооружений увенчаны выступающими навершиями из сырца и современного кирпича. Судя по надписям, эти сырцовые мавзолеи были возведены в середине XX в. По внешнему виду они повторяют форму торткулаков. Сырцовые мемориалы обветшали, кирпичи упали. Некоторые несут следы ремонта, обновления.

Необычность культово-мемориальному комплексу Тохтамыс придают центрические мавзолеи с высокими коническими сводами. Они резко выделяются среди современных типов казахских надмогильных строений и находят аналогии в степном зодчестве доисламского времени – в башенных мавзолеях из камня-плитняка и сырцового кирпича.

Открытие и исследование башенных мавзолеев начато А. Х. Маргуланом в середине XX в. В отчете за 1947 г. он пишет, что наряду с мавзолеями, сложенными из обожженного кирпича, в степях Казахстана распространен еще один вид мемориального памятника, известного у казахов под названием *дынг, дынгек* [Маргулан, 1947, с. 6]. Это башнеобразные каменные пирамиды типа доисламских архитектурных сооружений. Они построены из плитняка, имеют округлые или квадратные основания, постепенно сужающиеся кверху. Каменные пирамиды полые внутри, имеют вход с северо-восточной стороны. А. Х. Маргулан считал эти сооружения кипчакскими и датировал VIII–X вв.

В дальнейшем эти доисламские архитектурные сооружения стали объектом изучения архитекторов Казахстана. В итоге были обнаружены многочисленные башнеобразные сооружения, сложенные из сырца и облицованные обожженным кирпичом [Кожа, 2011; 2016]. Самым знаменитым среди них является кимекский поминальный храм Козы-Корпеш и Баян-Сулу, датированный IX–X вв. Описание и зарисовки каменных скульптур, стоящих внутри, были сделаны Ч. Валихановым в 1856 г. [Валиханов, 1972, с. 22, 85]. О традиции возведения половцами остроконечных башенных погребальных построек пишет Г. Рубрук: они (половцы) «строят также для богачей пирамиды, т. е. остроконечные домики, и кое-где большие башни из кирпичей, кое-где каменные дома…» [Рубрук, 1997, с. 101].

На примере некрополя Тохтамыс мы наблюдаем удивительный факт сохранения в генеалогической памяти казахов архитектурных форм глубокой древности и воссоздания их в современном погребально-культовом зодчестве современным строительным материалом.

Рис. 1. Общий вид некрополя Тохтамыс

Рис. 2. Центрический мавзолей с конусообразным сводом

Литература

Валиханов Ч. Ч. Графическое наследие. Алма-Ата, 1972.

Кожа М. Монументальные древнетюркские сооружения Казахстана // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии: материалы II междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию независимости РК. Алматы-Актобе, 2011. С. 259–264.

Кожа М. Огузские поминальные храмы // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2016. С. 85–101.

Маргулан А. Х. Архитектурные памятники в долине р. Кенгир // Вестник АН КазССР. 1947. № 11. С. 62–71.

Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1997.

А. Д. Огородников (г. Йошкар-Ола)
Марийский государственный университет
Научный руководитель: Р. Г. Столярова, д.и.н.

Детская кожаная обувь Царевококшайска (по материалам археологических раскопок г. Йошкар-Олы в 2008-2012 гг.)

Изучению археологической кожи на материалах малых городов Среднего Поволжья уделено мало внимания. Между тем изделия из кожи являются как одним из этнических маркеров, так и показателем развития производственных сил местного населения и уровня общего благосостояния. Последнее можно проследить на основании такого специфического материала как детская кожаная обувь. Данная статья основана на изучении археологической кожи, полученной в результате полевых исследований г. Йошкар-Олы–Царевококшайска.

Коллекция археологической кожи Царевококшайска сформировалась в ходе масштабных охранно-спасательных работ в 2008–2012 гг. Основным источником поступления материалов в коллекцию стали археологические раскопки под строительство КИК «Царевококшайский кремль» 2008–2010 гг. и на бывшем Тихвинском некрополе 2012 г. – городском кладбище преимущественно XIX в. Раскопы 2008–2010 гг. дали информацию о быте и жизнедеятельности горожан в XVIII в., к сожалению, более ранний слой XVII века был уничтожен хозяйственной деятельностью горожан в более поздний период. Раскопки первого городского кладбища XVII–XVIII вв. не дали археологической кожи в связи с плохой сохранностью органических материалов в местных почвах. Таким образом, коллекция кожи, полученная в результате этих полевых исследований, хронологически относится к XVIII–XIX вв.

В ходе раскопок 2008-2012 гг. было найдено два детских сапожка. Они выполнены в целом по такой же технологии, что и обувь для взрослых. Имеют поднаряд в области головки и жёсткий задник, на подошве одного из них сохранились следы от гвоздей, в области каблука. Первый сапожок, судя по размеру, принадлежал ребёнку в возрасте до трёх лет, второй носил ребёнок 7–8 лет. В общем количестве находок кожаной обуви на этих раскопах детская составляет около 7%.

На Тихвинском некрополе к детской кожаной обуви относятся 14 находок. Это составляет 12% процентов от всех находок кожаной обуви на раскопе 2012 г. В соответствии с размером подошвы и костными останками всю обувь можно разделить на три группы. Четыре пары относятся к обуви детей

до года, шесть пар – к обуви детей до трех лет и четыре пары – к обуви детей от пяти до десяти лет. Всего детские захоронения (без грудничков), составляют 25% от общего числа, кожаная обувь встречается в 11% всех захоронений, в детских погребениях обувь встречается в 7% случаев.

Первая группа – это обувь, сделанная по упрощённой технологии. Отсутствует каблук, поднаряд и жёсткий задник. Верх обуви сделан из тонкой кожи толщиной 1 мм. Подошва соединяется с верхом потайным швом, отсутствуют стельки. Одна из пар по крою является упрощённым вариантом женских башмаков, описанных ранее.

Вторая группа также изготовлена по упрощённой технологии, поднаряд головки отсутствует, подошва тоже во всех случаях скрепляется потайным швом с верхом. Пять из шести пар находок обуви имеют упрощённый крой башмаков. В трёх случаях есть каблук из нескольких слоёв кожи, в одном случае в области задника поднаряд из одного фрагмента кожи. В двух случаях видны следы износа.

Третья группа – это обувь детей от пяти до 10 лет. Обувь этой категории отличается от взрослой только размером. Конструктивно она полностью соответствует современной на тот момент технологии изготовления. Из четырёх находок три представлены сапогами, одна пара представляет собой вариацию башмаков.

Таким образом, на основании археологических данных можно сделать следующие выводы.

Изготовленная специально под детскую ногу кожаная обувь встречается почти в два раза реже, чем во взрослых захоронениях Тихвинского некрополя, в отложенном материале базарной площади Царевококшайска она составляет всего десятую часть от археологической кожи.

По своим конструктивным особенностям и фасону детская обувь полностью повторяла обувь взрослого населения. Упрощённые варианты конструкций изготавливались для детей до трех лет. В более позднем возрасте дети получали обувь, отличающуюся от взрослой только размером.

Детская обувь, при её наличии, не имела большого распространения в Царевококшайске XVIII–XIX вв. Далеко не каждая семья горожан могла позволить себе предоставить своим детям полноценную обувь.

Е. С. Янченко (г. Курган)
Курганский государственный университет
Научный руководитель: Д. Н. Маслюженко к.и.н., доц.

Фарфоровые и фаянсовые изделия из культурного слоя Кургана на примере раскопа усадьб на углу ул. Советская–Пичугина

При исследовании культурного слоя г. Кургана было обнаружено множество фрагментов фарфоровых и фаянсовых изделий, что привело к необходимости не только их исследования, но также и изучения истории развития

производства фарфора и фаянса в Российском государстве. Основные различия между фарфором и фаянсом заключаются в составе исходных материалов, используемых для изготовления изделий, а также связанных с этим качеств полученных предметов. Не вдаваясь в подробности технологии изготовления фарфора и фаянса, следует отметить, что при изготовлении фаянса глина составляет гораздо большую часть массы, чем при изготовлении фарфора. В связи с этим фаянсовые изделия отличаются большей пористостью, шершавостью, в то время как фарфор высокопрочный, непористый, тонкий материал.

До XVIII в. фарфора в России не было. С начала XVIII в. возрастает потребность российского императорского двора в дорогой фарфоровой и фаянсовой посуде. Особенно ативно мода на фарфор в Российской империи стала проявляться после открытия в 1709 г. европейцами секрета производства фарфора. С этого времени начинают основываться государственные и частные заводы по производству фарфора и фаянса. Чаще всего на заводах производили как фарфоровые, так и фаянсовые изделия, однако были и такие заводы, где производили только фарфор.

Открытие первой фабрики по производству фарфора свершилось при Елизавете Петровне. В 1743 г. был заключен договор с Христофором Гунгером, который должен был заняться в России производством фарфора. Но Гунгер значительно преувеличивал свои знания и навыки в этом деле, что определило перекладывание основной тяжести работы по налаживанию производства на плечи Дмитрия Ивановича Виноградова. Благодаря его трудам в 1744 г. был открыт Императорский фарфоровый завод [Императорский фарфоровый завод: 1744–1904 гг., 1906, с. 1–10]. Большая заслуга Дмитрия Ивановича заключается также в том, что он создал первый в Европе теоретический труд по производству фарфора.

Продукция завода, естественно, предназначалась только для двора. Большинство населения даже не видели фарфоровых изделий. Императорский завод не мог полностью обеспечить возрастающие потребности внутреннего рынка. В связи с этим начинают основываться частные фарфоровые и фаянсовые заводы.

В 1766 г. открылся первый частный завод по производству фаянса и фарфора Ф. Я. Гарднера в Вербилках. Продукция завода Гарднера отличалась изяществом формы и высокой техникой рисунка. Характерной для гарднеровской посуды была яркая, сочная цветочная роспись, близкая русской народной керамике [Грабарь, Мезарёва, Т. 8. 1954–1969, с. 38].

Конец XVIII – начало XIX в. – время расцвета русского фарфора. Искусство фарфора развивалось вместе с архитектурой, воспринимало ее основные стилевые особенности. Барокко, ранний и поздний классицизм отражались в произведениях петербургского завода.

Среди частных предприятий был широко известен завод Попова, основанный в 1804 г. в селе Горбунове Дмитровского уезда Московской губернии. Завод Попова производил высококачественные фарфоровые изделия разнообразных форм с красочной росписью.

С возникновением частных заводов фарфоровые изделия стали доступны для большего круга лиц, нежели прежде, но использовались они либо в

качестве объектов коллекционирования, либо только для приема гостей. В быту же продолжала быть актуальной посуда из традиционных материалов.

XIX в. в России отличался быстрым развитием капиталистических отношений, интенсивным ростом заводов и фабрик. В сфере фарфорового производства на лидирующие позиции выходит фамилия Кузнецовых, представители которой завладели почти всеми фарфоровыми заводами страны: в Вербилках, Дулеве, Гжельском районе и др. Объединенные ими предприятия стали выпускать как высокохудожественную дорогую продукцию, так и доступные и массовые изделия. Фарфор благодаря Кузнецовым «пошел в народ» [Ермолова, 1989, с. 2–21].

В конце XIX в. в искусстве фарфора наблюдается упадок. Формообразование часто представляет собой бессмысленное усложнение форм и нагромождение деталей.

Во время революции производство фарфора и фаянса породило такое явление как агитационный фарфор, на котором изображались революционные лозунги. После 1921 г. агитационный фарфор уже не производили.

Осенью 2014 г. силами археологической лаборатории КГУ, под руководством И. К. Новикова, был исследован участок, при раскопках которого была получена самая многочисленная коллекция фарфоровых и фаянсовых изделий. Участок относится к раскопу усадьбы на углу улиц Советская – Пичугина. В XIX в. на этом месте располагалась усадьба, о владельцах которой, к сожалению, информация очень скудна. По устной информации известного курганского краеведа А. М. Васильевой, усадьба в 1810 г. принадлежала мещанину Ивану Александровичу Захарову. В 1846 г. Захаров продал ее унтер-офицеру Клементию Ивановичу Зиновьеву. Зиновьевы выстроили здесь двухэтажный каменный дом, а также двухэтажный деревянный флигель. После смерти Клементия Ивановича усадьба досталась его сыну Ивану. После смерти Ивана в усадьбе остались его вдова Анна Федоровна с детьми. Наследники Зиновьевых значились как проживающие в усадьбе в 1908 г.

Участок интересен своей стратиграфической позицией, слои отлагались последовательно, без нарушений. Общая мощность культурного слоя местами превышала 2 м, раскопки велись горизонтами, благодаря чему удалось выделить три основных слоя. На данном раскопе фарфоровые и фаянсовые фрагменты были обнаружены во всех семи горизонтах, однако с разной частотой, что напрямую связано с историей производства и распространения фарфора в Российской империи, основные этапы которой были описаны выше.

Общая численность коллекции фарфора составила 292 фрагмента. Подавляющая часть коллекции представлена столовой посудой: блюдца, тарелки, чашки, чайники и их фрагменты. Декоративных же предметов всего два. Большинство находок фрагментарны и, вследствие этого, сложно поддаются реконструкции. На изделиях преобладает красочный орнамент, особенно растительного мотива с изображением цветов, листьев и пр. При таком виде орнаментирования использовались яркие цвета (красный, синий, зеленый, желтый, коричневый, розовый и др.). Геометрический красочный орнамент в основном представлен горизонтальными полосами по краю борта посуды, а также в 5% случаев в виде прямо-

угольников. Орнамент с изображением пейзажа, людей встречается в 3% коллекции, 8% орнаментированной посуды имеет так называемый «рельефный орнамент», 12,6% изделий коллекции имеют клейма производителя.

В самых древних горизонтах 7,6 и 5, датированных первой четвертью XIX в., фарфоровых изделий очень мало, их орнамент достаточно простой. Резкое увеличение численности находок наблюдаем в горизонтах 3–2 (вторая половина XIX – начало XX вв.), что связано с началом деятельности заводов Кузнецовых. Подтверждение этому находим в клеймах изделий, обнаруженных в этих горизонтах.

В слое, датированном второй половиной XIX – началом XX в., было обнаружено донце с клеймом завода И. Е. Кузнецова в Волхове. Завод был основан в 1878 г. Марки были разнообразными; данное клеймо относится к числу самых ранних. Эксперты считают, что использование этого клейма не выходит за рубеж XIX–XX вв. [Мусина, 1995, с. 40].

Также среди находок горизонтов 3 и 2 выделяется клеймо, принадлежащее заводу Домны Андреевны Барминой в д. Фрязево Богородского уезда Московской губернии. Завод был основан в 1849 г., а сама Домна Андреевна умерла в 1878 г. Эксперты датируют данное клеймо периодом 1849–1876 гг. [Мусина, 1995, с. 8].

Вскрыша и горизонт 1 на основе нумизматики датированы первой половиной XX в. В этом слое было обнаружено два блюдца с идентичными клеймами. Как было установлено, клейма принадлежали Дмитровскому фарфоровому заводу. Конкретно данные клейма, изображенные на блюдцах, штамповались на посуде только в период 1925–1930 гг. [Дмитровский фарфоровый завод. Клейма].

Коллекция фаянсовых находок составила 636 обломков. Из них большая часть с трудом поддается реконструкции. Однако определить основной ассортимент фаянсовой посуды все-таки удалось: тарелки, миски, чашки, супницы. Встречаются наборы тарелок и мисок, одинаковых по орнаменту и формам, которые, возможно, образуют сервизы. В основном фрагменты имеют красочный орнамент с использованием красного, синего, серого, желтого, коричневого, черного, зеленого цветов. Преобладает растительный орнамент, но также присутствует геометрический. Орнамент с изображением пейзажей встречается в единичных случаях.

Среди фаянсовых находок 2-го и 3-го горизонтов встречается клеймо завода Г. А. Ушкова в Пермской губернии. Основан завод был в 1842 г., закрыт в 1861 г. [Мусина,1995, с. 60]. Аналогичное клеймо встречается в находках 5-го и 6-го горизонтов. Этому же слою принадлежит находка с клеймом завода братьев Александра Кирилловича и Мартина Кирилловича Чекановых. Основан завод в 1846 г. в городе Екатеринбурге [Подмосковные старообрядцы Афонины, Чекановы, Шуровы, Янины]. В этом же слое было обнаружено клеймо завода Гарднера, датируемое 1860–1880 гг. [Марки фарфора, фаянса, майолики, 2001, с. 191].

Также первому горизонту принадлежит фрагмент фаянсовой тарелки с клеймом завода имени Калинина в Конаково. Клеймо датируется 1941–1946 гг. [Конаковский фаянсовый завод. Клейма].

Таким образом, в горизонтах, датированных до второй половины XIX в. (4-й, 5-й, 6-й, 7-й горизонты), общее количество находок по каждому из этих горизонтов значительно меньше, чем в горизонтах 1, 2 и 3. Это говорит о том, что до середины XIX в. фарфоровая и фаянсовая посуда среди горожан Кургана была распространена в незначительном количестве и, скорее всего, основную роль повседневной столовой посуды выполняли изделия из дерева и керамики. Фарфоровая посуда при этом использовалась либо в качестве объектов коллекционирования, либо только при приеме гостей. Со второй половины XIX в. фарфоровая и фаянсовая посуда в связи со значительным расширением производства и ее доступностью уже прочно вошла в обиход горожан в качестве обыденной столовой посуды.

К тому же фарфоровые и фаянсовые изделия из культурного слоя г. Кургана на примере раскопа усадьбы на углу улиц Советская-Пичугина несут не только информацию о некоторых аспектах повседневной жизни горожан XIX – начала XX в., но также могут служить основанием для построения хронологии слоев, особенно в совокупности с данными нумизматики. Использование этого аспекта исследования позволяет датировать бытование сопутствующего материала.

Литература

Грабарь И. Е., Мезарёва В. Н. История русского искусства. М.: Изд-во АН СССР, 1954–1969. Т. 8. 584 с.

Императорский фарфоровый завод: 1744–1904 гг. СПб.: Изд-во управления императорскими заводами,1906. 447 с.

Дмитровский фарфоровый завод. Клейма // Клейма. URL: http://www.sov-art.net.ru/manual/clamp/7 (дата обращения: 06.12.2016).

Конаковский фаянсовый завод. Клейма // Клейма. URL:http://www.sov-art.net.ru/manual/clamp/25 (дата обращения: 06.12.2016).

Марки фарфора, фаянса, майолики. М.: Изд-во В. Шевчук, 2001. – 216 с.

Мусина Р. Р. Марки российского фарфора 1744–1917 гг. М.: Знание, 1995. 82 с.

Подмосковные старообрядцы Афонины, Чекановы, Шуровы, Янины жители Екатеринбурга // Старообрядческое Подмосковье. URL: http://www.genealogy-kzn.ru/podmosk_staroobr_ekaterinburg/ (дата обращения: 06.12.2016).

Русский фарфор XVIII – начала XX века. М.: Изобр. искусство, 1989. 18 с.

Н. С. Яранцева (г. Йошкар-Ола)
Марийский государственный университет
Научный руководитель: Ю. А. Зеленеев, д.и.н., доц.

Керамические ядра г. Царевококшайска

Царевококшайск был основан как крепость в 1584 г. Город-крепость был окружён с четырёх сторон земляными валами с деревянными стенами [Городской... 2011, с. 2]. Со временем город претерпел изменения от военной крепости, форпоста Русского государства на присоединенных марийских землях, до уездного города, административного и экономического центра Ца-

ревококшайского уезда Казанской губернии [Археологическое... 2014, с. 3]. Границы города вышли за прежние пределы. При нем возникли посад и слободы. Здесь начали селиться ремесленники, торговцы, крестьяне. Ныне город, претерпевший ряд переименований, носит название Йошкар-Ола.

Объектом статьи выбрана такая категория изделий, как керамические ядра. Это весьма часто встречающиеся находки при проведении исследований на территории г. Царевококшайска. Первоначально ядра были обнаружены в яме у линии укреплений, исследованной в 2008 г. В дальнейшем фрагменты керамических ядер и их целые экземпляры обнаруживались практически в каждом раскопе на территории Царевококшайска 2008–2013 гг. [Археологическое... 2014, с. 128–129]. В 2015 г. был заложен раскоп на пересечении улиц Вознесенской и Красноармейской. В результате среди массы керамических находок были также найдены керамические ядра.

Всего, по результатам исследований, обнаружено 74 ядра. Из них 34 полной формы, а 40 – сильно фрагментированные. Все изделия условно можно разделить на четыре группы. Критерием в данной ситуации выступает диаметр ядер. Классификации подверглись только полные формы.

1-я группа – от 1,5 до 4 см.

2-я группа – от 4 до 5,5 см.

3-я группа – от 5,5 до 7 см.

4-я группа – > 7 см.

Ядра первой группы немногочисленны и составляют всего 4 экз., вторая группа также немногочисленна – 5 экз., третья – 5 экз. Самой многочисленной группой является четвертая – 20 экз.

Все шары круглой формы, из ожелезненной глины с большими примесями в тесте. Добавки в тесте как естественного, так и искусственного происхождения. К искусственным примесям относится шамот (керамический бой, высушенная измельченная глина), а к естественным – крупно- и мелкозернистый песок. Шамот в тесте достаточно крупной и средней фракции. Формовка изделия грубая, ручная, о чем свидетельствуют следы, оставшиеся на поверхности. Кое-где прослеживаются и отпечатки ткани, по текстуре можно предположить, что это либо льняная, либо мешковина. По форме они приближены к шару, однако они не четко симметричные. При рассмотрении ядер складывается такое впечатление, что изготовлявший их мастер не стремился к приданию идеальных форм. Обжиг производился низкотемпературный, что дает нам возможность предположить о костровом, потому что на изломе поверхность комковато-обломочная, а на поверхности сохранились следы нагара. При осмотре ядер на изломе также можно отметить, что структура сильнопористая, поскольку при формовке не происходило уплотнение сырья, что тоже доказывает небрежность в изготовлении.

При изучении специальной литературы предназначение подобного рода керамических ядер выяснить не удалось.

Можно только предположить, что они могли использоваться в качестве пушечных ядер. На первоначальных этапах пушечного дела использовали ядра, сделанные из камня, но географическое положение Царевококшайска, а именно

удаленность от основных торговых путей и от центров снабжения, усложняет доставку камня, возможно, это вынуждало использовать снаряды из более доступного материала, такого как обожженная глина. [Археологическое... 2014, с. 128–129]. В письменных источниках есть информация о том, что при военных сооружениях города были железные ядра. Отдельным текстом говорится о других ядрах, возможно керамических [Иванов, 2011, с. 345–346].

Также данные керамические ядра можно интерпретировать как грузила. Большинство грузил для рыболовных сетей имели отверстия для крепления, однако в этнографическом материале можно найти другую технику крепления. Грузило оплетали прутом и берестой. В кольцо из прута вставлялся крупный камень, известняк или наскоро слепленный и обожжённый кусок глины круглой формы, который удерживался в этом круге несколькими лентами или плетёнкой из бересты или лыка. Такая более сложная и оригинальная конструкция грузил применялась для огрузки крупноячеистых стационарных сетей рыльево-маточной конструкции типа невода.

Таким образом, данные керамические ядра, на основании проведенных исследований, являются предметом не ремесленного производства, а домашнего кустарного изготовления. Они имели большую функциональную распространённость, связанную больше с хозяйственным применением, чем с военным делом. Однако вопрос об их предназначении остается дискуссионным, это вызвано тем, что представленная категория находок на данный момент не обнаруживалась еще в закрытых археологических комплексах, что усложняет их датировку.

Литература

Археологическое изучение Йошкар-Олы – Царевококшайска (к 430-летию города) / Е. Е. Воробьева, П. С. Данилов, Ал. Ю. Зеленеев. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2014. 183 с.

Городской еженедельник «Йошкар-Ола». Специальный выпуск. Генеральный план города от 3 марта 2009 года. URL: http://www.i-ola.ru/userfiles/file/gen_plan_A3_2009.pdf (дата обращения: 05.10.2015).

Иванов А. Г. Царевококшайск в конце XVI–XVIII вв. очерки по истории уездного города. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2011. 440 с.: ил.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ АРХЕОЛОГИИ

Е. А. Акулова (филиал в г. Нижний Тагил)
Российский государственный профессионально-педагогический университет
Научный руководитель: Ю. Б. Сериков, д.и.н., проф.

Малоисследованные святилища на вершинах гор на территории Среднего Зауралья

Культовые памятники на вершинах гор встречаются на всем восточном склоне Среднего Урала, и не случайно на протяжении длительного времени они интересуют исследователей. Однако широкие раскопки таких святилищ проводились очень редко. Полностью исследованным является святилище на вершине горы Голый Камень, которое находится в черте г. Нижнего Тагила [Сериков, Серикова, 2005]. Незначительные раскопки проведены на святилищах, расположенных на вершинах гор Синей (окрестности пос. Баранчинский) и Три Сестры (окрестности г. Новоуральск) [Мищенко, 2001 а]. Однако на территории Среднего Зауралья известен целый ряд малоисследованных святилищ, на которых производился в основном сбор подъемного материала. В их число входят святилища на горах Березовая (скалы Вороний Камень), Лубная, Караульная, Медведь-Камень, Попов остров, Голая, Деляночная, Пихтовая, Елевая.

Святилище, расположенное на скалах Вороний Камень, находится в северо-восточной части г. Березовой, в 5 км к северу от с. Таватуй (Невьянский район Свердловской области) и в 5 км к юго-западу от скал Три Сестры. Высота горы – около 104 м, на северо-восточном склоне горы находятся выходы гранитной гряды, высотой от 10 до 17 м.

Памятник был открыт О. П. Мищенко в 1998 г. Здесь почва так же, как и на предыдущих памятниках, насыщена дроблеными пережженными косточками, углем и золой, что говорит о кострищах. В слое сохранились следы плавки металла, присутствуют фрагменты тиглей, куски шлака. Индивидуальной находкой является бронзовая коньковая шумящая подвеска. Сверху у подвески имеется петля для подвешивания, оформленная в виде солярного знака. Кроме того, на святилище найдены обломок костяного изделия с гравировкой, керамические диск и пряслице, костяные наконечники стрел, кресальные кремни, фрагменты сосудов петрогромского типа VI–X вв. [Мищенко, 2001, с. 143–146].

Гора Лубная расположена в районе Шигирского озера (Кировградский район Свердловской области). Исследования на вершине горы проводились

А. С. Литвяком. Кроме находок керамики петрогромского типа была выявлена небольшая медная личина – идол. Изделие сильно вытянуто по вертикали, выполнено в технике плоского литья. Высота личины – около 8 см при ширине около 2 см. Прямых аналогий изделию найти не удалось, хотя по технике изготовления (плоское литье) личина близка к зауральскому производству. Датируется началом I тыс. н. э. [Мищенко, 2001, с. 143–145].

Гора Караульная находится в Ревдинском районе Свердловской области в 3 км от Северского завода на левом берегу Северского пруда (бассейн р. Чусовой). Памятник расположен на вершине горы. В конце XIX в. здесь рабочими были обнаружены предметы древности, переданные впоследствии в управление завода. В 1887 г. на месте находок произвели раскопки Д. Н. Анучин и Ф. А. Уваров. Кроме шлаков и обломков сосудов были найдены медные наконечники стрел, наконечник копья, пять птицевидных изображений, три из которых стояли вертикально. Всего с памятника в настоящий момент известно свыше 20 птицевидных фигурок [Викторова, 2004, с. 327]. Еще один клад, в который входили медный котел и 10 птицевидных идолов, был найден в 2015 г. «черными копателями». Местным краеведам удалось конфисковать семь идолов. В. Д. Викторова пишет, что клад XIX в. с птицевидными фигурками мог быть зарыт на месте покинутой металлургической площадки иткульской культуры. Среди изображений хищных птиц выделяется фигура совы. Возможно, в образах хищных птиц могли воплощаться души металлургов, умерших сородичей [Викторова, 2004 а, с. 159].

Памятник на вершине горы Медведь-Камень исследовался О. Н. Бадером. По анализу находок первооткрыватель относит его к типу костищ-кострищ. Там были найдены кальцинированные косточки, кремневые изделия и керамика. По его сведениям, вогулы почитали эту гору как священное место.

Гора на Попов-острове находится в болоте Светлое в 1 км к юго-востоку от пос. Нейво-Рудянка (Кировградский р-н Свердловской обл.). Заросшей протокой через 1,2 км болото соединяется с Шайтанским озером. Остров сложен гранитами, выходы которого присутствуют на всех уровнях горы.

На вершине острова находится гранитный шихан, вытянутый в длину до 20 м, а в высоту на 7–8 м с северной стороны и 9–10 м – с южной. На вершине шихана имеется естественная чаша. Еще одна чаша расположена у западного подножья шихана. Культурные остатки представлены обломками керамических сосудов, расколотыми кусками кварца и галькой. В тесте керамики присутствует примесь талька. Из других находок можно отметить пять кусков расколотого кварца и пять галек [Сериков, 2012, с. 43].

Стоит упомянуть об исследованиях, проводившихся около р. Чауж на скальных выходах горы Голой в Пригородном районе Свердловской области. На одной из вершин А. А. Герасименко были обнаружены следы пребывания человека. На верхней площадке отвесной скалы были найдены фрагменты керамических сосудов (67 экз.), костяные наконечники стрел эпохи средневеко-

вья, костяное острие, часть железного наконечника, обломки двух керамических пряслиц, бронзовая пластинка и украшение из низкопробного серебра с солярной символикой, а также три кусочка ошлакованной глины [Герасименко, 2002, с. 3].

Приведенная краткая характеристика памятников показывает, что, в целом, святилища на вершинах гор имеют сходные черты, например, наличие кострищ, жженных и кальцинированных косточек животных, признаки плавки металла, острые предметы (наконечники стрел и острий), фрагменты керамики. Но имеются и отличительные особенности, такие, как клады металлопластики, зооморфные скульптурные изображения, предметы металлургического производства и т. п.

Однако сведения об этих святилищах в большинстве представляют собой отчеты о находках с их описанием, и лишь немногие исследователи берутся интерпретировать находки. Тем не менее наличие на вершинах гор малочисленных пока находок свидетельствует о широком использовании гор в культовой практике древнего населения Среднего Зауралья.

Вероятно, найденные артефакты выступали в качестве жертвенных даров духам Верхнего мира. На шихане горы зажигался «священный», «небесный» огонь, который использовался и при плавке/выплавке металла. Стоит учитывать и семантику отдельных находок как знаков и символов (солнца, небесного огня, предков-металлургов и т. д.). В жертву приносились кости животных, а также сосуды и их фрагменты, острия и украшения.

Литература

Берс Е. М. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // Вып. 21. МИА, 1951. С. 182–248.

Герасименко А. А. Отчет об археологической разведке в бассейне реки Чауж и на Горбуновском торфянике (Пригородный район Свердловской области). Нижний Тагил, 2002 // Научный архив археологической лаборатории НТГСПИ. Ф. 2. Оп. 1. 18 с.

Викторова В. Д. Гора Караульная // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. С. 327.

Викторова В. Д. Клады на вершинах гор // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2004а. С. 158–172.

Мищенко О. П. К вопросу о происхождении, хронологии и сакральном значении медных и бронзовых изделий со святилищ в Среднем Зауралье // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 4. Екатеринбург, 2001. С. 140–148.

Мищенко О. П. Культовый комплекс с вершины Синей горы (по материалам раскопок А.И. Россадович) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 4. Екатеринбург, 2001а. С. 151–159.

Сериков Ю. Б. Новые скальные святилища Шайтанского озера // Вестник Пермского университета. Серия «История». Вып. 1 (18). Пермь, 2012. С. 38–49.

Сериков Ю. Б., Серикова Л. В. Святилище на вершине горы Голый Камень (Нижний Тагил). Нижний Тагил, 2005. 79 с.

А. А. Гутторов, М. В.Чевтаев (г. Пенза)
Пензенский государственный университет,
Научный руководитель: Т. В. Осипова, к.и.н., доц.

Применение аэрофотосъемки для исследования средневековых памятников Пензенского края

В 1887 г. французский фотограф Артур Батут разработал и впервые применил технику аэрофотосъёмки при помощи воздушного змея. Данная техника представляет огромный потенциал для искусства фотографии, таких наук, как география и геодезия, и, естественно, она может принести огромную пользу для исследования археологов. Стоит отметить, что метод съёмки археологических памятников с высоты птичьего полёта, при помощи воздушного змея, для составления полноценной картины, уже много лет используется нашими зарубежными коллегами. Например, украинский фотограф Дмитрий Следюк ведёт очень активное сотрудничество с археологами, предоставляя им качественные снимки исследуемых памятников, которые затем попадают в престижные научные труды (в книге «Хотинская битва 1621 г. Битва за Центральную Европу», получившей первую премию Президента Украины в 2012 г., в изобилии присутствуют снимки Хотинской крепости, сделанные при помощи аэро, фотооборудования). Однако на территории России аэрофотосъёмка в археологии применяется разве что на любительском уровне, оказываясь несправедливо игнорируемой технологией изучения памятников древности.

Итак, аэрофотосъёмка при помощи воздушного змея предоставляет целый ряд возможностей в изучении археологических памятников. Во-первых, возможность увидеть исследуемый объект с большой высоты, сделать снимки, на которых можно увидеть особенности и черты памятника, которые просто не будут замечены стоящим на земле человеком. Во-вторых, воздушный змей можно и имеет смысл применять в процессе археологической разведки, причина как таковая не меняется, с высоты птичьего полёта предоставляется возможность узреть то, что не видно, оставаясь на земле.

В-третьих, важно выделить, что при огромной пользе, которую может принести данный метод, он является вполне доступным и не требует постоянных материальных влияний. Комплект для использования в полевых условиях включает в себя непосредственно самого змея, леер, устройство смотки леера, возможно использования прибора для якорения змея, подвеску для фотоаппарата – пикавет – и собственно сам фотоаппарат или подобное ему устройство, можно использовать даже смартфон. Итак, из перечисленных выше составных частей половину можно изготовить самостоятельно, а тот же змей можно сделать достаточных размеров скрепив несколько обычных, детских воздушных змеев, камера же сама по себе всегда присутствует на раскопе. Проведя небольшой подсчёт, мы пришли к выводу, что подходящего змея-лифтёра, со всеми составными элементами съёмки, мы можем приобрести за 15–25 тыс. руб., покупка же геликоптера выходит гораздо дороже, а к

нему ещё необходима специальная камера и большое количество электроэнергии.

В-четвёртых, сам по себе воздушный змей достаточно прост в эксплуатации, научить человека методу использования аэрофотосъёмки в археологии не представляется большим трудом, пара дней практики даст необходимые знания, умения и навыки, следовательно, не возникнет проблемы в духе «оборудование есть, а использовать его некому». Найти человека, который может показать, как обращаться со змеем-лифтёром, тоже не особо сложно, сама по себе аэрофотосъёмка с воздушных змеев – капинг, довольно популярна в соответствующих кругах.

Любые утверждения, подобные вышеизложенным, должны проверяться на практике. Несмотря на то что технология аэрофотосъёмки с помощью воздушного змея по большому счёту является перспективной идеей, она уже применялась в 2015 году при исследовании Ражкинского могильника, расположенного на территории Пензенской обл., Нижнеломовского р-на, близ села Ражки. Полученные со змея фотографии внесли большой вклад в изучение данного могильника и в понимание структуры его расположения. Кроме того, технология вызвала большой интерес у руководства экспедиции и приезжих специалистов, и в дальнейшем ещё несколько раз применялась при исследовании археологических памятников Пензенской области.

Нужно понимать, что технология ещё мало изучена, отсутствует единый стандарт применения, а все возможности, как и возможные сложности использования, не раскрыты, однако, оглядываясь на опыт зарубежных коллег и оценивая перспективу, отметим аэрофотосъёмка при помощи воздушных змеев заслуживает к себе особого внимания и толчка к развитию.

И. А. Евдокимов (г. Йошкар-Ола)
Марийский государственный университет
Научный руководитель: Ю. А. Зеленеев, д.и.н., доц.

Использование технологии «дополненной реальности» при проведении полевых археологических исследований

На сегодняшний день ситуация в российской археологии такова, что довольно большая часть проводимых раскопок – это работа в области охранной археологи. В связи с эти, возникает ряд определённых трудностей.

Одной из главных проблем является частая несоразмерность объёма археологических работ, срокам установленным заказчиком. Это влечёт за собой ускорение темпа проведения раскопок, в некоторых случаях в ущерб установленной методике и, соответственно, науке.

Другой проблемой является неподготовленность молодых специалистов к полевой работе. Многие выпускники, будучи специалистами в теоретической подготовке, зачастую имеют малый опыт полевых работ, в особенности

зарисовки слоёв и объектов. Что также сказывается, на скорости и качестве проведения полевых работ.

За последнее десятилетие в археологии нашли применение большое количество новых методов исследования с применением высоких технологий, такие как фотограмметрия, лазерное сканирование, аэрофотосъёмка, ДЗЗ и другие.

Одной из стремительно развивающихся на сегодняшний день в повседневной жизни технологий является технология дополненной реальности (далее ДР).

Дополненная реальность (*англ.* Augmented Reality) – результат введения в поле восприятия любых сенсорных данных с целью дополнения сведений об окружении и улучшении восприятия информации в реальном времени.

На сегодняшний день в археологии начинают использоваться технологии, схожие с ДР по принципу действия, самым известным примером являются разрабатываемые археологические карты ГИС (Гео-Информационные Системы), где на фотографии или карте местности накладываются различные данные, необходимые пользователю [Беговатова, Кашина, Юрьева, 2014, 232], но данную технологию можно назвать ДР лишь относительно.

Одним из возможных применений ДР является использование данной технологии в археологии, для облегчения и ускорения процесса зарисовки.

По крайним точкам раскопа устанавливаются маркеры, считываемые прибором обработки визуальных данных. Далее компьютер создаёт виртуальную сетку разметки, которая с помощью электронного планшета (или другого устройства вывода) накладывается (на экране) на реальный объект. Далее пользователь может установить удобный для себя масштаб разметки и зарисовывать, опираясь на размер реального объекта, что предположительно должно ускорить процесс фиксации, в особенности сложных объектов, таких как кирпичная кладка, каменная кладка, погребение и пр.

Подобный процесс фиксации в теории должен свести погрешность в зарисовке к минимуму, а также сделать его гораздо легче, поскольку от рисовальщиков потребуется лишь обводить контуры на экране устройства вывода (планшета).

Также, поскольку, рисунок изначально создаётся в электронном виде, должна пропасть необходимость в «перебелке» чертежей, что упростит работу над отчётами.

На сегодняшний день в области электронной обработки чертежей различными специалистами ведутся исследования по разработке и внедрению новейших методов, призванных улучшить процесс чертёжной фиксации. Например, ручная обводка отсканированного изображения в разнообразных графических редакторах.

Другим менее распространённым направлением является метод ортогональной фотофиксации, но подобный процесс является довольно, трудоёмким из-за трудностей, сопряжённых со съёмкой, в некоторых случаях приводит к погрешностям в измерениях.

Ещё одним экспериментальным методом является обработка чертежей с помощью программы «АрхПро». Данная программа использует традицион-

ный метод бумажной фиксации с последующей обработкой чертежей через указанную программу с помощью послойных фильтров [Ульянов, 2015]. По замыслу разработчиков подобная технология должна в разы сократить время работы с чертежами без потери точности.

Но недостаток большинства вышеперечисленных методов в том, что они не исключают из процесса чертёжной фиксации работу с бумажными носителями. Это, в свою очередь, приводит к ряду проблем, связанных с традиционным методом. Главная из них – привязка к системе разметки с помощью физических колышков, что зачастую ведет к погрешностям и неточностям в фиксации, а также замедляет темп работы. Система же, использующая ДР, применяет виртуальную разметку, которая, в теории, должна свести ошибки в измерениях в минимуму.

Одной из технологий, которая возможно, подходит под функционал данной методики, является разработанная российской кампанией EligoVision, технология «живые 3d метки», создающая трёхмерное изображение, с помощью любого устройства обработки визуальных данных и маркеров задающих координаты изображения.

Другой, возможно, полезной, для развития данной методики разработкой является шлем-ДР «Microsoft Hololines». Прибор способен самостоятельно различать большинство поверхностей и создавать на них изображение.

Как видно из вышесказанного, технология ДР имеет большой потенциал для использования в археологических исследованиях. Но стоит заметить, что никаких практических разработок в этом направлении на сегодняшний день, не существует и все описанные достоинства ДР являются лишь умозрительными. Без практических испытаний невозможно сказать, окажется ли подобная методика жизнеспособной или нет.

Литература

Беговатов Е. А., Кашина О. А., Юрова Д. Е. ГИС «Археологические памятники среднего Поволжья и Предуралья» и её возможные применения// Труды IV(XX) всероссийского археологического съезда. – Казань: Отчество, 2014. С. 231–234.

Ульянов Д. Д. Применение программы «АрхПро» при археологических чертёжных работах // Археология и геоинформатика. – М.: ИА РАН, 2015.

В. А. Елкин (г. Москва)
Институт геотехники и инженерных изысканий в строительстве

К вопросу о происхождении поверхностных воронок в пределах урочища борок (Левобережье р. Актай, Республика Татарстан)

В рамках проведения работ по региональной оценке карстовой опасности и риска исследовались поверхностные отрицательные формы рельефа (воронки) с установлением их генезиса (природный карстовый/карстово-суффозион-

ный или техногенный: старые выработки и пр.) на одном из ключевых участков (территория, примыкающая к н.п. Ямкино, Алексеевский район, РТ). Далее по тексту приведены некоторые результаты специализированных работ.

Полевые работы включали морфометрические (диаметр, глубина) и морфологические описания изучаемой воронки с определением и уточнением ее планового положения, приуроченности к определенным геоморфологическим элементам. Далее выполнялась проходка шурфа по всему профилю воронки с последующим отбором образов грунта (заполнителя воронки). Радиоуглеродные анализы проводились сотрудниками лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Л. Д. Сулержицким и к.г.-м.н. М. М. Певзнер (ГИН РАН, г. Москва).

Изучаемый участок приурочен к холму в составе урочища «Борок». Расположен в 1 км северо-западнее н.п. Ямкино в пределах левобережья р. Актай (Рис. А).

Данное урочище прорезает денудационно-аккумулятивную поверхность III надпойменной террасы р. Актай (QII) и открывается на пойму р. Актай (QIV). Холм характеризуется следующими укрупненными плановыми размерами 425х300 м с абсолютными отметками поверхности от 70 м (в основании) до 74 м. Геологический разрез участка (согласно фондовым материалам, ФГИ РТ) по близлежащей скважине № 3 (а. о. – 65 м) характеризуется следующим строением: четвертичные аллювиальные отложения мощностью до 10 м, подстилаемые преимущественно терригенными верхнепермскими отложениями P_2t мощностью до 40 м, ниже по разрезу залегают потенциально карстующиеся верхнепермские карбонатные отложения P_2kz (трещиноватые известняки, доломиты) мощностью более 100 м. Современных поверхностных проявлений карстовых/карстово-суффозионных процессов не зафиксировано.

Особенности строения и возраст воронки

В ходе маршрутного обследования холма было установлено наличие мелких и средних (3–5 м) поверхностных отрицательных форм (округлые в плане) с задернованными склонами и кустарниковой/древесной растительностью, развитой в их контурах. В качестве типовой была выбрана блюдцеобразная воронка диаметром 3,5 м и глубиной 0,75 м (Рис. Б). В ее пределах пройден шурф глубиной до 3,0 м.

До изучаемой глубины вскрываются аллювиальные песчано-супесчаные отложения aQIII-IV(?) плотные и средней плотности с включением обломочного материала (гальки, гравия) до 10–15%, ненасыщенные водой.

В восточной стенке шурфа отмечаются две генерации темноокрашенных суглинков/супесей: первая в интервале глубин 0,6–0,8 м, вторая в интервале 1,7–2,5 м. Для определения возраста образования данной отрицательной формы из восточной стенки шурфа была отобрана проба с глубины 1,85 м на радиоуглеродный анализ из прослоя темноокрашенных суглинков с включением органики.

Следует отметить, что в западной стенке шурфа прослои темноокрашенных суглинков/супесей подстилаются пачками разнозернистых песков с

выраженной слоистостью по сравнению с восточной стенкой шурфа. Пески преимущественно, крупно- и среднезернистые с грубой косой слоистостью, переслаивающиеся с тонкой и неясной горизонтальной слоистостью. Косая слоистость подчеркивается редкими слойками черного тонкого суглинистого материала. Падение песчаных слойков – 20–30°.

Маркирующие фазы заполнения воронки

Слои прослеживаются по всему профилю воронки, однако отмечается:

1. Различный характер залегания (разные углы и азимуты падения, в частности по восточной стенке – разное залегание для верхней и нижней генерации темноокрашенных суглинков/супесей). Падение маркирующих прослоев в нижней части восточной стенки шурфа направлено к центру другой отрицательной формы (воронки?) – в современном рельефе уже невыраженной.

2. Несовпадение разрезов по западной и восточной стенкам шурфа, в том числе отличия в структурно-текстурных особенностях отложений.

При калибровке (переводе радиоуглеродного возраста в календарный) получено, что датируемый образец образовался в период с 343 г. н.э. (IV век) по 1221 г. н. э. (XIII век, начало). Интервал, в котором находится дата, большой, обусловленный, скорее всего, маленькой исходной пробой. Из восточной стенки с глубины 2,25 м была дополнительно отобрана проба с включением органики, но при лабораторной подготовке выяснилось, что данный образец содержит недостаточное количество органики (датировка не выполнялась).

В Национальном архиве Республики Татарстан по запросу получены следующие сведения, а именно: 1) в архивном фонде Казанской губернской чертежной в геометрическом специальном плане дачи, образовавшейся по специальному межеванию под названием деревни Ямкина Спасского уезда Казанской губернии за 1789, 1853 гг., холм-урочище «Борок» не значится; 2) в архивных фондах Казанской губернской землеустроительной комиссии, Спасской уездной землеустроительной комиссии, Спасской уездной земской управы сведений о холме-урочище «Борок» д. Ямкина Спасского уезда Казанской губернии за 1839–1917 гг. не обнаружено.

Исходя из имеющихся материалов, можно предположить, что в пределах восточной части воронки были древние «рукотворные» горные выработки либо осуществлялась другая техногенная деятельность человека. Получена относительно молодая датировка для толщи мощностью 1,85 м, однако, наличие одной датировки не позволяет с полной уверенностью говорить о скоростях осадконакопления и особенностях формирования заполнителя воронок.

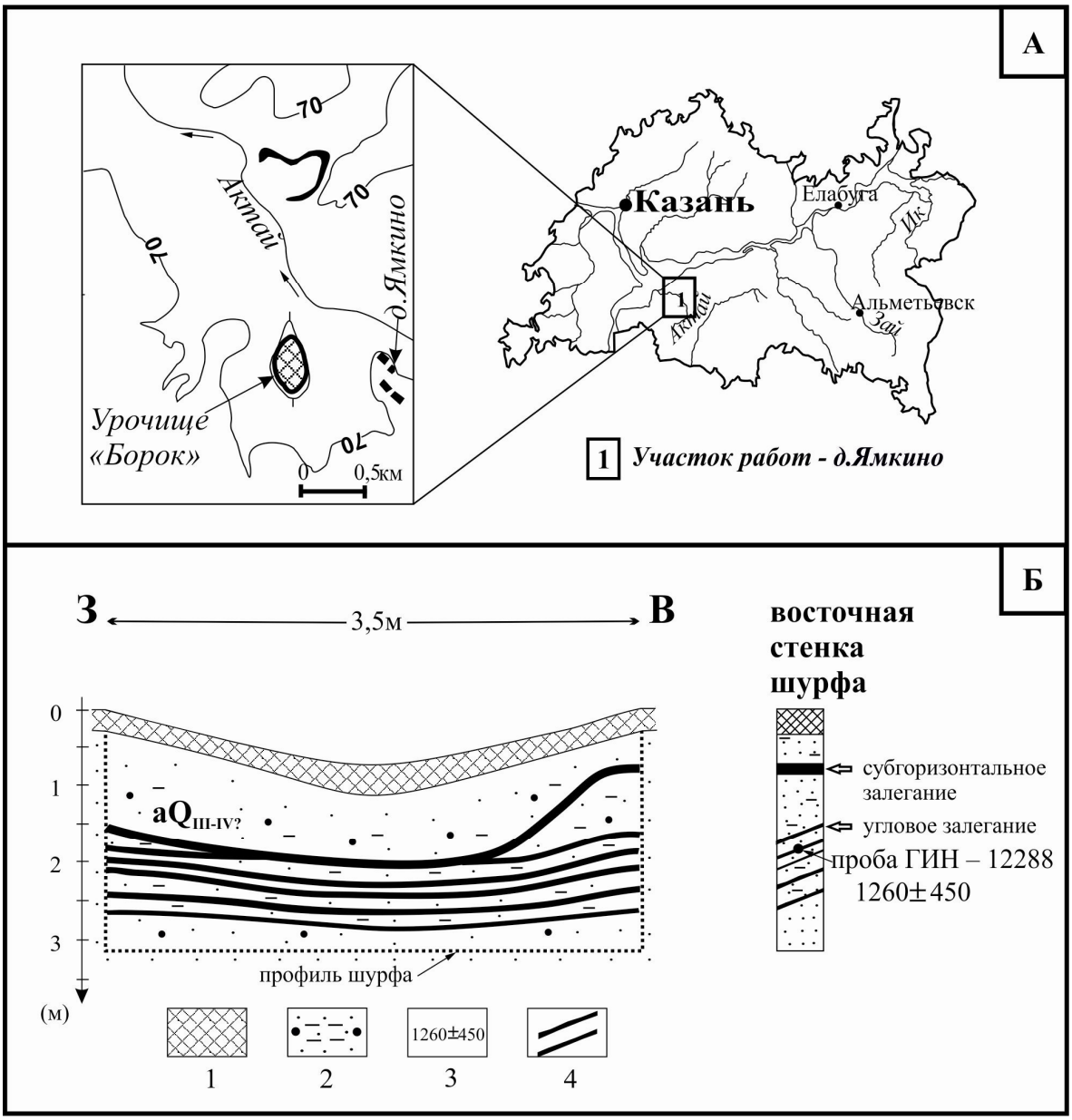

Рис. Обзорная карта-схема участка работ (А). Строение блюдцеобразной воронки, в пределах холма – урочища «Борок» (Б). Условные обозначения: 1 – почва, 2 – аллювиальные песчано-супесчаные отложения с включением обломочного материала до 10–15%, 3 – радиоуглеродный возраст (лет), 4 – прослои темноокрашенных суглинков/супесей с включением органики

А. Н. Медная (г. Пермь)
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
Научный руководитель: А. Н. Сарапулов, к.и.н., доц.

Поминальная обрядность финно-угорских народов Волго-Камского региона: археолого-этнографические параллели

Когда заходит речь об определенном народе, естественным кажется наличие у людей, к нему принадлежащих, отличных от других этносов традиций, обрядов и ритуалов. Поэтому изучение и выведение закономерностей в

обрядности не теряет своей актуальности в научном мире на сегодняшний день. Но можно ли выделить у нескольких народов, относящихся к одной языковой группе, что-то общее в проведении определенных обрядов? Есть ли возможность с помощью связей между археологией и этнографией прослеживать связи между этническими группами?

Целью исследования было определено нахождение археолого-этнографических параллелей в поминальной обрядности финно-угорских народов Волго-Камского региона.

Задачи исследования:

– рассмотреть поминальную обрядность финно-угорских народов Волго-Камского региона по этнографическим данным;

– рассмотреть поминальную обрядность средневековых культур, проживавших в районе Волго-Камского региона в IX–XII вв. н. э.;

– Попытаться вывести общие элементы поминальной обрядности в этнографических и археологических исследованиях, что позволит говорить о наличии археолого-этнографических параллелей в поминальной обрядности финно-угорских народов Волго-Камского региона.

Большое количество научной литературы, посвященной поиску археолого-этнографических параллелей, в основе своей содержит разбор погребальной обрядности различных культур и народов. Но постпогребальный (поминальный) обряд часто, вследствие сложности его фиксации при археологических раскопках, раскрывается скудно и бегло. Постпогребальная (поминальная) обрядность, по определению В. С. Ольховского, – это совокупность символических и реальных действий, совершаемых в соответствии с определёнными нормами и представлениями в процессе захоронения и в течение определённого времени после захоронения с пропициально-мемориальной целью [Ольховский, 1986, с. 70], то есть с целью вспомнить умершего и умилостливить его дух и души предков.

При изучении данной темы были проведены исследования марийской, удмуртской, коми-пермяцкой и коми-зырянской поминальной обрядности, и были сделаны следующие выводы.

У всех изученных народов существует обряд поминок с наиболее устоявшимися сроками проведения: день похорон, 3-й день, 7–9-й день и 40-й день. Различными являются списки блюд, используемые в поминальной обрядности. Наиболее устойчивым для принесения на кладбище (встречается почти у всех исследованных народов) блюдом является вареное яйцо. Возможно, это является отсылкой к финно-угорскому мифу о создании земли демиургом и его братом, в образе водоплавающей птицы [Петрухин, 2005, с. 63].

В марийской, коми-зырянской и удмуртской обрядности был отмечен ритуал оставления вещей покойного на кладбище. Впрочем, если относить посуду к вещам, то можно сказать, что оставление предметов быта (в том числе посуды) на кладбище является также наиболее устойчивым обрядом для всех изученных культур, с учетом особенностей. Особенностями оставления предметов можно считать «умерщвление» предметов, то есть их специ-

альнюу порчу (удмуртская и марийская обрядность), сжигание одежды на кладбище, оставление «качелей» – полотенца на дереве или на палке, воткнутой в могильный холм, оставление на могильном холме монеток (марийская обрядность) [Медная, 2016, с. 274].

Интересным ритуалом, отмеченным у коми-зырян и марийцев, является сажание деревьев на могильный холм в районе головы и/или ног погребенного.

Из перечисленного выше можно выделить археологизирующиеся компоненты:

1) Остатки еды, оставленной на кладбище: скорлупа от яиц, посуда, в которой оставляется еда, возможные органические следы, кости рыб и животных.

2) Вещи или части вещей, оставленных на кладбище.

3) Следы от посадки деревьев, органические остатки корней.

4) Прокалы на территории кладбища, оставшиеся от ритуалов сожжения вещей.

При изучении поминальной обрядности средневековых жителей Волго-Камского региона рассматривались следующие археологические культуры, относимые исследователями к возможным предкам исследованных выше современных народов: ломоватовская культура (V–IX вв.), вымская культура (XI–XIV вв.), чепецкая культура (IX–XV вв.), древнемарийская культура (VI–XI вв.). На могильниках данных культур фиксируются следы проведения обряда тризны – отмечается нахождение следов прокала от костров, либо наличие костей или зубов животных или птиц в межмогильном пространстве.

Также к поминальной обрядности исследователи относят и жертвенные комплексы, состоящие из орудий труда, украшений, одежды, предметов быта, найденные в межмогильном пространстве.

Таким образом, можно делать выводы об общих для финно-угорских народов Волго-Камского региона элементах поминальной обрядности с помощью археолого-этнографических параллелей.

Поминальная обрядность всех народов включает в себя поминки, что является современным вариантом тризны. Несмотря на изменение видового состава пищи, которую используют при поминовении, можно выделить яйцо, т. е. яичную скорлупу, как объект, который с точки зрения археологических данных объединяет поминальные меню нашего времени и средневековья. В то же время нельзя забывать, что не у всех изученных народов фиксируется обряд приношения пищи на кладбище [Медная, 2016, с. 191].

Двойной смысл приобретают прокалы и ямы, заполненные золой, отмечаемые на древнемарийских могильниках, вследствие нахождения такого обряда, как сжигание вещей умершего рядом с могилой после захоронения. Здесь возможно предположить, что ямы, заполненные зольным наполнением, являются остатками как от тризны, но не было обнаружено животных останков, так и от обряда уничтожения вещей умершего [Медная, 2016б, с. 275].

Наиболее сохранившимся является оставление вещей на кладбище, что связано с мифом об использовании покойником на том свете вещей, которыми он пользовался при жизни.

Таким образом, можно отметить, что нахождение бытовых предметов рядом с могилой будет типично для всех изученных народов, но наличие ткани выше линии фиксации погребения, а также ткани без костяных остатков в костровых ямах позволяет говорить о близости обряда к марийскому варианту. Нахождение саней, полозьев или иных остатков от них, а также обнаружение рядом бытовых предметов может отослать нас к обрядности коми [Медная, 2015, 2016а, с. 57, 149].

Таким образом, можно сказать, что проведение археолого-этнографических параллелей для финно-угорских народов Волго-Камского региона возможно, так как сохранились как минимум два обряда, явно имеющие более ранние корни.

Это обряд поминок, ранее являвшийся обрядом тризны, а также традиция приношения и оставления вещей на кладбище.

Литература

Медная А. Н. Поминальные обряды могильников ломоватовской культуры: попытка поиска этнографических параллелей // VIII Башкирская археологическая конференция студентов и молодых ученых. / отв. ред. А. Н. Султанова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015.

Медная А. Н. Поминальная обрядность удмуртов: археолого-этнографические параллели // Материалы и исследования по археологии Поволжья: сб-к науч-х ст. Вып. 8. XLVIII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК) / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2016.

Медная А. Н. Поминальная обрядность коми-зырян: археолого-этнографические параллели // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета: науч. журн. Сер. Stydia historica jenium. № 1 (12). 2016. / Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. Пермь, 2016а.

Медная А. Н. Поминальная обрядность марийцев: археолого-этнографические параллели // Проблемы археологии Восточной Европы: материалы XI Междунар. археол. конф. студ. и аспирантов. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2016б. С. 273–278.

Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // Советская археология. 1986. № 1. С. 65.

Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М., 2005. 463 с.

К. В. Михайлова (г. Йошкар-Ола)
Марийский государственный университет
Научный руководитель: Е. Е. Воробьева, к.и.н., доц.

Отражение языческих верований средневековых мари в современном этнографическом материале

Республика Марий Эл является уникальным регионом в мировоззренческом и культурном отношении. В республике живут люди самых разных национальностей и вероисповеданий. Культурное своеобразие состоит в том, что коренная национальность республики – мари – полирелигиозна. Часть из них исповедует православие. Другая часть марийцев придерживается древней веры предков – язычества. Но есть и такие, которые одновременно являются и

христианами, и язычниками. Иными словами, в республике существует и двоеверие, которое называется религиозным **синкретизмом.**

Марийские язычники называют себя **чимари** или **ошмари,** что означает «некрещеный», «чистый» мариец. На современной территории республики язычество распространено в Советском, Сернурском, Параньгинском, Новоторьяльском, Моркинском, Мари-Турекском районах Марий Эл.

В языческой религии мари религиозные верования сосредоточены вокруг двух стержней:

1. Отношение к природе.

2. Родоплеменные связи.

Археологические материалы средневековых марийских могильников (Нижняя стрелка, Русенихинский, Выжумский, Анаткасинский и др.) свидетельствуют о поклонении мари стихиям природы: огню, воде, солнцу, земле. В частности, в погребениях зафиксированы круглые медные бляхи, фрагменты сосудов с концентрическими кругами, символизирующими солнце [Данилов, 2016, с. 336]. Связь с культом воды прослеживается в изображениях птиц на керамике. Также встречаются привески в виде утиных лапок, костяные ложки, уточки. В средневековых марийских могильниках встречаются и угольки, указывающие на культовую роль огня в погребальном обряде.

Языческие верования нашли отражение и в традиционной марийской культуре. Так, этнографические свидетельства Паласса, Смирнова, Яковлева XVIII–XIX вв. говорят нам о том, что на могилах покойников зажигались костры. От почитания огня идёт обычай изгонять беду из дома зажжёнными можжевеловыми ветками. Считается, что с дымом быстрее доходя просьбы и подношения богам. В связи с этим у мари-язычников до сих пор пользуется популярностью такой праздник, как Кугече (день большого солнца) – день «возжжения свечей».

Мари имеют особое отношение к лесу. Исследователь марийского края С. Нурминский писал в XIX веке: «…Лес – волшебный мир Черемисина, около леса вертится все его мировоззрение. Весь сказочный мир черемис вертится около леса и его обитателей; все загадки и поговорки вертятся около него же…Лес, по воззрениям черемис, населён волшебными существами: в нём расхаживают боги, там же живут злые демоны. Поэтому богослужение, религиозные торжества и жертвоприношения совершаются в лесу» [Нурминский, 1862, с. 243].

Моленья верующих проходили и проходят в так называемых священных рощах, где преимущественно произрастают березы.

В Священной роще (кюсото) чимари проводят моления богам и духам около священного дерева (онапу) – ели, дуба, чаще берёзы. Священные участки леса содержатся в особой чистоте. Здесь запрещается пасти скот, собирать ягоды, грибы. В этих местах валежник собирался лишь для жертвенных костров.

В священных рощах молятся только взрослые, присутствующие дети являются наблюдателями. Раньше участники молений приносили в священную рощу по ведру каши и по ведру пива. Каша варилась наполовину из

пшена и ржаной муки. В каше делалось углубление и в него наливалось скромное масло. Моление ведут жрецы – карты. Обычно их было трое: два мужчины и одна женщина. 24 главным богам зажигались костры и ставились 24 ведра каши и 24 ведра пива (каждому богу по ведру). Боги призывались на угощение, произносились слова молитвы и заговоры, в костер бросались кусочки каши с хлебом. Когда, по предположениям жрецов, боги насыщались, ели сами жрецы, потом за длинные столы усаживались все участники молитвенного собрания и ели. В далёкие времена на главном молении приносились богам кровавые жертвы: лошадь или корова. Сейчас эти приношения стали скромнее, чимари бросают в жертвенные костры лишь косточки и кожу домашней птицы, а мясо съедают.

Сегодня особо популярным видом жертвенного животного является овца. Есть даже праздник «овечьей ноги» – Шорык йол. Праздник отмечается в январе и связан с гаданием на будущий хлеб. Вечером девушки шли в хлев, ловили в темноте овцу и дергали из её ноги шерсть. Какой был клок, таков будет урожай. Эта традиция сохранилась среди марийских язычников. Но этот праздник стал девичьим: девушки гадают на женихов. Если девушке удаётся поймать овцу, то она выйдет в предстоящем году замуж, а цвет шерсти овцы означает цвет волос будущего мужа. Интересны гадания в Башкирии, где проживает большое количество чимари. Девушки считают, что если им во время Шорык йол попадётся овца, то муж будет марийцем, если коза – татарин, а если попадётся свинья, то девушка выйдет замуж за русского.

Таким образом, священные рощи рассматривались как место временного обитания богов, как сакральная территория, в пределах которой возможен контакт человека с богом.

Проанализировав этнографические, археологические документы можно с уверенностью сказать, что языческие верования народа мари ярко отражены в современной традиционной культуре и сохраняются практически в неизменном виде.

Литература

Воробьева Е. Е. Отчёт «Археологические полевые работы на территории выявленного объекта археологического наследия «Анаткасинский могильник» в Мариинско-Посадском районе Чувашской Республики в 2013г. Йошкар-Ола, 2016 // Архив ИА РАН.

Данилов О. В. Языческие культы древнего населения Марийского Поволжья. Йошкар-Ола, 2016. 336 с.: ил.

Никитина Т. Б., Воробьева Е. Е., Федулов М. И. Украшения Анаткасинского могильника: к культурной принадлежности памятника // Поволжская археология. № 1. 2016. С. 121–138.

Нурминский С. Очерки религиозных верований черемис. Казань, 1862, 243 с.

Попов Н. С. Погребальный обряд марийцев в XIX – нач. XX вв. // Материальная и духовная культура марийцев. Археология и этнография Марийского края. Вып. 5. Йошкар-Ола, 1981. С. 154–173.

Попов Н. С. Марий Кумалтыш Мут («Марийские молитвы-заклинания»), Йошкар-Ола, 1991.

Яковлев Г. Религиозные обряды черемис. Казань, 1887. 87 с.

Р. Э. Мусакаева (г. Уфа)
Башкирский государственный университет
Научный руководитель: Р. Р. Русланова, к.и.н.,
ст. преподаватель кафедры истории Республики Башкортостан

Костюмный комплекс как исторический источник

Как отмечают исследователи «костюм – это устойчивые, типичные, общепринятые формы одежды для данного этноса, социальной группы, эпохи. То есть конкретный комплекс, состоящий из одежды, головного убора, обуви, украшений и прически, принадлежавший определенному классу людей» [Крыласова, 2000, с. 3]. К тому же это одна из форм материальной и духовной реальности, изменяющейся во времени и с наибольшей полнотой иллюстрирующей нам эти изменения. Костюм невероятно информативен: он сообщает о типах хозяйства и качестве ремесла, торгово-экономических связях и культурном смешении, социальной дифференциации, религиозно-мистическом представлении и художественно-эстетических вкусах населения данной территории.

Изучение костюмных элементов осложняется рядом проблем. Во-первых, плохая сохранность тканей и кожи часто затрудняет восстановление кроя и силуэта изделия. Во-вторых, некоторые архивные материалы не всегда пригодны для анализа в силу плохого качества описания места и характера находки; данные отчетов, полевых дневников и фотографий противоречат друг другу, часто отсутствуют прорисовки, а качество фотографий плохое. В-третьих, отсутствие единой методологии реконструкции костюма и слабой терминологии затрудняет деятельность исследователя.

Для реконструкции костюма, следуя методологии С. А. Яценко, требуется комплексное исследование источниковой базы: 1) данных археологических памятников – остатки частей костюма; 2) изображений костюма на каменных статуях, надгробиях, рельефах и т. д.; 3) письменных источников – трудов античных авторов и отдельных надписей; 4) этнографических костюмов современного населения, в котором, возможно, сохранились архаичные элементы; 5) лингвистических исследований, помогающих уточнить функции и давность бытования тех или иных предметов одежды; 6) крупных эпических сказаний [Яценко, 2006, с. 14–18].

Однако воспроизвести такое комплексное исследование возможно не всегда. Зачастую отсутствуют письменный или изобразительный материал. Да и остальные элементы часто фрагментарны и субъективны.

Несмотря на все проблемы и сложности, изучение костюма не прекращалось, а с недавнего времени приобрело все больший размах.

Освещение истории изучения костюма важно для изучения теоретической основы и разработанных методологических подходов в исследовании костюмологии.

Изучение костюма начинается в XVIII в. по этнографическим данным. Дальнейший сбор материала в XIX в. выявил необходимость его объединения и интерпретации.

Исследователь методических подходов Л. Ю. Фефилова всю историю изучения костюма распределяет на периоды: 1) дореволюционное; 2) 1940-е – 1980-е гг.; 3) 1990-е – начало 2000-х гг. [Фефилова, 2007, с. 8–11].

По ее мнению для дореволюционных исследователей характерно рассмотрение традиционного костюма как объекта культуры. Опираются на источники различных видов, без конкретного преобладания какого-либо (Д. К. Зеленин, Н. И. Гаген-Торн, Н. И. Костомаров, И. Е. Забелин).

Революционное время остановило изучение костюма. Оно было продолжено в прежнем русле в 1940–1980-х гг. – начинает восстанавливаться направление, разработанное дореволюционными исследователями, смотрящими на костюм как на объект культуры. С работ П. Г. Богатырева начинается формирование понимания костюма как исторического источника. Развивается и изучение археологического костюма. Археологи используют наиболее широкий круг источников, привлекая археологический, письменный и иллюстративный материал (В. В. Седов, М. Г. Рабинович, О. А. Сухарева, Н. В. Ушаков, Г. М. Майтдинова, Н. В. Хвощинская, А. А. Иерусалимская).

В 1990-х – начале 2000-х гг. в работах сохраняются источниковедческие традиции прошлого периода, окончательно формируется понимание костюма как элемента, по которому можно восстановить исторические реалии. (А. А. Купченков, Э. А. Хайретдинова, Д. Ф. Файзуллина, Н. В. Полосьмак, Л. Л. Баркова, З. В. Доде, А. Н. Павлова, Е. В. Куприянова, Л. А. Чвырь, И. А. Усова, В. Ю. Степанова). По целому ряду источников ими реконструированы костюмы различных этносов и эпох, разработаны различные методологии воссоздания костюма.

Реконструкция костюма – обширная тема, здесь представлена лишь часть историографической и источниковой базы. Создание теоретической основы, системы описания средневекового костюма местного населения Приуралья, исследование самих изделий и воссоздание костюма, является приоритетными задачами дальнейших исследований.

Литература

Фефилова Л. Ю. Методика исторического анализа европейского костюма конца XIX – начала XX вв. по фотоматериалам Урала и Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2007. 23 с.

Яценко С. А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Изд-во «Вост. лит.», 2006. 661 с.

Е. О. Чемкова (г. Кострома)
Костромской государственный университет,
Научный руководитель: С. А. Кабато, к.и.н., доц., зав. ЛАЭИ КГУ

Археология для детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста по средством игр и интерактивных моментов

Археология – наука, изучающая быт и культуру древних народов по сохранившимся вещественным памятникам.

Изучение археологии считается сферой высшего образования. Это объясняется сложностью изучаемого материала. Однако в силу своей специфики археология является привлекательной не только для взрослых «умов», но также и для детей. Обнаружение и рассматривание каких-либо находок уже само по себе интересно детям. Что уж говорить о «расшифровке» этих находок: о толковании древних символов, о необычном внешнем виде найденных предметов и разгадке тайны их предназначения. А дети, как мы знаем, известные любители тайн. Однако обилие специальных терминов и сложность изучаемого материала превращает археологию в нечто недоступное для детского ума.

Поскольку археология всё же интересна детям, целесообразно адаптировать сложный научный материал для данной целевой аудитории. Этому в наивысшей степени способствует включение в занятия по археологии интерактивных (игровых) моментов. Образовательное занятие по археологии стремится познакомить детей с археологической наукой: в процессе ребята узнают, какую роль в изучении истории играет археология, усваивают новые понятия и даже на собственном опыте знакомятся с особенностями археологических работ.

Данное мероприятие направлено на развитие у детей интереса и уважения к истории и культуре своей страны, формирование аналитических навыков и умения формулировать ответы на поставленные вопросы, а также на расширение словарного запаса (за счёт пополнения его новыми терминами, такими как, например, «культурный слой», «раскоп» и другие).

Дети, в особенности дошкольники, как известно, постигают жизнь через игру. Поэтому в занятии по археологии и присутствуют игровые, или интерактивные, включения. Они позволяют детям не только лучше воспринимать и усваивать научную информацию, но и сменить вид деятельности с пассивного (где ребёнок выступает в качестве простого слушателя) на активного (где он является непосредственным участником).

Вместо того чтобы рассказывать детям, как производятся археологические раскопки, можно предоставить им возможность самим в них поучаствовать (ребята просеивают песок и находят там «древние» находки); дать возможность детям изучить предмет самостоятельно с целью решения конкретных исторических задач (можно внимательно при помощи лупы рассмотреть камни, – на них размещены разнообразные рисунки и кириллические буквы, из обнаруженных на камнях букв составляется фраза).

Знакомясь с новыми понятиями (терминами), дети должны «подкреплять» своё знакомство визуальными образами. Поэтому, например, во время рассказа о культурных слоях дети изучают модель стратиграфии, а затем – на основании увиденного – создают свою собственную модель, сопровождая работу комментариями по поводу того, из чего состоит каждый слой.

Археологические находки, безусловно, привлекают внимание детей, вызывая их интерес. Но на расположенные в витрине «земные сокровища» (подлинные предметы) ребята могут только смотреть, хотя у них, несомненно, также возникает желание потрогать их руками. Эту детскую потребность – в тактильном контакте с предметом – можно удовлетворить с помощью современных реплик (копий), которые можно безбоязненно, не опасаясь за их сохранность, дать в руки ребёнку.

На основании всего вышеупомянутого можно прийти к выводу о том, что интерактивные моменты играют важную роль в образовании и воспитании детей.

Литература

Авдусин Д. А. Полевая археология. – М.: «Высш. шк.», 1980. – 335 с.

Алексеев С. И., Комаров К. И., Леонтьев А. Е., Ошибкина С. В., Рябинин Е. А. Археология Костромского края. Кострома: Изд-о-полиграф-е предприятие «Кострома», 1997. 276 с.

Казнина К. В., Чемкова Е. О., Кукушкина В. В., Шапошникова М. В., Парамонова М. А. Методическое пособие музейно-образовательного занятия «Тропою тайн». Кострома: ОГБУК «Костром-й гос.-й историко-архитект-й и худож-й музей-заповедник», 2015. 4 с.

Казнина К. В., Чемкова Е. О., Соболева М. А., Шапошникова М. В., Парамонова М. А. Методическое пособие музейно-образовательного занятия «Музейная бродилка. SMS из прошлого». Кострома: ОГБУК «Костром-й гос.-й историко-архитект-й и худож-й музей-заповедник». 2016. 13 с.

Фёдоров Г. Б. Дневная поверхность. М.: Гос. изд-во дет. лит-ы Мин. просвещения РСФСР, 1963. 47 с.

Н. Н. Шарнина (г. Чебоксары)
Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева
Научный руководитель: Н. С. Мясников, ст. преподаватель

О возможностях реконструкции чувашского костюма по археологическим данным

На сегодняшний день мы имеем представление о чувашском костюме только по этнографическим данным: изобразительным источникам, описаниям и сохранившимся деталям костюма, датирующимся временем в основном не ранее XVIII в. [Николаев, Иванов-Орков, Иванов, 2002, с. 17–18]. Тем не менее материал для реконструкции чувашского костюма более раннего времени есть. Это погребальные археологические памятники – могильники XVI–XVIII вв. Со-

гласно традиционным представлениям чувашского народа, человек должен был быть похоронен в лучшей праздничной одежде (даже в свадебной), которая отличается полнотой и богатством убранства [Фокин, 2009, с. 123].

Несмотря на то что, по подсчетам исследователей, изучено уже 1345 погребений [Федулов, 2012, с. 53], попыток реконструкции чувашского костюма практически нет. Делались графические реконструкции лишь отдельных украшений: масмак и хушпу Ю. А. Краснова [Зубарева, Краснов, 1972, рис. 37, 38] и головное украшение Б. В. Каховского [Каховский, 1978, рис. 21]. В то же время успешные подобные исследования проводились по материалам марийских и удмурдских могильников [Никитина, 1992, с. 61–62, рис. 25–28; Шутова, 1992, рис. 21–28, 34].

В ходе настоящей работы из всего корпуса археологических данных (отчетов о раскопках) отбирались наиболее представительные погребальные комплексы в каждой из территориальных групп чувашей. На основе описания погребений, анализа полевых фотографий и планов, с учетом этнографических аналогий была совершена попытка графической реконструкции костюмных комплексов[5].

К группе верховых чуваш относится Новоядринский могильник. В погребении 60 (вторая пол. XVI в.) на месте ступней были обнаружены сапожные гвозди, у чашечки правой ноги – металлическая пронизка. Слева от тазовой кости найден перстень с камнем, справа на месте предполагаемых фаланг пальцев правой руки – серебряный перстень. На уровне груди расчищен перстень с гравировкой, у правой бедерной кости – железный нож. У шейных позвонков – семь монет от шейного украшения типа «çуха» или «ама». Под черепом в изголовье найдено свыше 60 монет с отверстиями, остатки ткани и кожи, очевидно, от головного убора «хушпу». Справа от черепа находилась бусина. У висков найдены серьги в виде знака вопроса. Бронзовая сюльгама находилась в области грудной клетки. Несколько выше сюльгамы – две бронзовые булавки и бусина [Вайнер, 1971, л. 42–43, 66, рис. 63].

В погребении 95 (XVII в.), недалеко от южной стенки погребения, лежал железный нож. С правой стороны груди узкой полосой прослежена тонкая полоска бисера и бус, по-видимому, это остатки перевязи типа «хаçитте» или «тевет». У височных костей черепа найдены подвески типа «халха çакки». Вокруг черепа обнаружены бусы и 96 монет с отверстиями, под монетами – остатки кожи и материи. Очевидно, это остатки головного убора «хушпу». В области пояса у позвоночника – две бусины. Ниже груди находилась сюльгама с украшением в виде подвязанной к ее дужке снизу серебряных монет. На тазовых костях – остатки украшения типа «хюре» [Вайнер, 1971, л. 60–61, 67–68, рис. 100].

---

[5] Длина, покрой и орнамент рубах, обувь, которые не сохраняются в погребениях, реконструированы по этнографическим аналогиям. Датировки даны по нумизматическому материалу. Неоценимую помощь в работе оказал заведующий отделом научно-исследовательской работы Чувашского художественного музея Г. Н. Иванов-Орков, которому мы выражаем благодарность

Особенность костюма субэтнической группы вирьял чувашей, состоит в том, что «хушпу» здесь имеет вид невысокого обруча, обшитого монетами в четыре ряда [Николаев, Иванов-Орков, Иванов, 2002, с. 92; Гаген-Торн, 1960, с. 200; Хушпу]. В этом плане интерес представляет то, что в п. 60 и п. 95 остатки «хушпу» состоят всего из двух-трех рядов монет и без «хвоста». Вероятно, перед нами остатки наиболее ранних экземпляров.

К средненизовым чувашам относится Толиковский могильник. Наиболее интересно в нем погребении 2. Здесь в области шейных позвонков найдены две монеты царя Михаила Федоровича. Ниже груди находилась сюльгама. На теменной части черепа обнаружено украшение из кожи с геометрическим орнаментом из золотых нитей [Каховский, Каховский, 1974; Каховский, 1975, рис. 5, с. 200]. По нашему мнению, это масмак.

Размеры и место обнаружения масмака полностью соответствуют традициям северо-западной группы средненизовых чувашей, зафиксированным этнографами в более позднее время [Масмак; Николаев, Иванов-Орков, Иванов, 2002, ил. 102]. Средненизовые чуваши носят достаточно короткий масмак на непокрытой голове, выше лба. Однако позднее он был на тканой основе. Вероятно, перед нами остатки более раннего типа головного убора, из кожи, неизвестного по этнографическим данным.

На территории проживания ныне низовых чувашей расположен Бахтегильдинский могильник. Одно из самых интересных погребений в нем – погребение 55. В этом погребении вокруг черепа и под ним найдено 120 оловянных нухраток (имитация монет-«чешуек» XVII в.) и бисер, которые покрывали девичий головной убор типа «тухья». В области крестцово-поясничных позвонков найдено четырнадцать таких же нухраток. Наиболее вероятно, это остатки «шӳлкеме», известные у верховых и средненизовых чуваш. Девичье «шӳлкеме», в отличие от женского было одноярусным [Гаген-Торн, 1960, с. 97][6]. Справа рядом с черепом найдены тонкие пластинки, как считали авторы раскопок от музыкального инструмента типа пузыря (чув. «шăпăр») [Каховский В. Ф., Каховский Б. В., 1975, а, е, ж; они же, 1978, с. 85].

Важную этнокультурную информацию здесь несет «тухья», которая имеет форму шапочки, в данном случае без шишака, монеты располагаются в несколько рядов, присутствует бисер, что, скорее, соответствует «тухье» средненизовых чувашей [Тухья; Николаев, Иванов-Орков, Иванов, 2002, с. 122]. Вероятно, это связано с тем, что д. Бахтигильдино была основана в XVII в. переселенцами из Казанского уезда [Бахтигильдино], где были свои традиции в костюме, вероятно, близкие к средненизовым чувашам, что и отразилось на головном уборе одного из могильника.

Таким образом, археологические источники предоставляют интересный материал для реконструкции чувашского костюма. С определенными оговорками мы можем проводить данную работу на отдельных «богатых» комплексах. Важно, что иного источника о чувашской одежде ранее XVIII в. у нас

[6] женских атрибутов в погребении нет.

просто нет. Интерес представляет то, что наша работа позволила наметить некоторые специфические черты в костюме разных этнографических групп чувашей (во всяком случае, вирьял и анат енчи), которые имеют место уже в XVI–XVII вв.

Литература

Бахтигильдино // Чувашская энциклопедия. URL: http://enc.cap.ru/?t=world&lnk=198 (дата обращения: 10.11.2016).

Вайнер И. С. Отчет о работе 3-го Чувашского отряда Чебоксарской археологической экспедиции // НОА ИА РАН. М., 1971. 71 л.

Гаген-Торн Н. И. Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары: Чуваш-е гос. изд-во, 1960. 234 с.

Зубарева В. М., Краснов Ю. А. Средневековый чувашский могильник у дер. Новое Ядрино // КСИА. Вып. 129. М., 1972. С. 100–105.

Каховский Б. В. Толиковский могильник // История, археология и этнография Чувашской АССР: тр. ЧНИИ. Вып. 56. Чебоксары: ЧНИИ, 1975. С. 196–216.

Каховский Б. В. Раскопки Тегешевского могильника // Исследования по археологии Чувашии: тр. ЧНИИ. Вып. 80. Чебоксары, 1978. С. 129–151.

Каховский В. Ф., Каховский Б. В. Бахтигильдинский могильник. // Исследования по археологии Чувашии: тр. ЧНИИ. Вып. 80. Чебоксары, 1978. С. 78–94.

Каховский В. Ф., Каховский Б. В. Материалы Чувашской археологической экспедиции 1974 года: а) рисунки предметов погребений Толиковского могильника – II-1813 (7402); б) чертежи погребений Толиковского могильника – II-1813 (7403); в) фотографии чертежей погребений Толиковского могильника – II-1814 (7404); г) фотографии чертежей раскопов – II-1814 (7405); д) фотографии рисунков с находок – II-1814 (7406); е) чертежи раскопов – II-1815 (7407); ж) фотографии ЧАЭ 1974 г. (с. Стемасы Алатырского района, д. Толиково Чебоксарского района). Отпечатки, негативы (Хатаевский Ф. И.) – VIII-519 (4272-4273) // НА ЧГИГН – Чебоксары, 1974.

Каховский В. Ф., Каховский Б. В. Материалы Чувашской археологической экспедиции 1975 года: а) отчет (Каховский В. Ф. «Исследование средневековых могильников в Чувашии») – II-1808; б) полевая опись находок – II-1808; в) 2 дневника – II-1808; г) чертежи – II-1809; д) чертежи – II-1809; е) 2 фотоальбома – II-1810; ж) чертежи погребений Бахтигильдинского могильника – II-1811 (7399); з) фотографии ЧАЭ 1975 г. (Хатаевский Ф. И.) – VIII-618 // НА ЧГИГН. – Чебоксары, 1975.

Масмак // Чувашская энциклопедия. URL: http://enc.cap.ru/?t=publ&lnk=997 (дата обращения: 10.11.2016).

Никитина Т. Б. Марийцы (конец XVI – начало XVIII вв.): по материалам могильников. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1992. С. 139–156.

Николаев В. В., Иванов-Орков Г. Н., Иванов В. П. Чувашский костюм от древности до современности. М.; Чебоксары; Оренбург: ИПК «Газпромпечать»: ООО «Оренбурггозпромсервис», 2002. 402 с.

Тухья // Чувашская энциклопедия. URL: http://enc.cap.ru/?t=publ&lnk=508 (дата обращения: 10.11.2016).

Федулов М. И. Этнокультурные компоненты в погребальном обряде чувашей // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012 . № 6 (3). С. 53–61.

Фокин П. П. Семейная обрядность // Чуваши: история и культура. Т. 2. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 111–125.

Хушпу // Чувашская энциклопедия. URL: http://enc.cap.ru/?t=publ&lnk=507 (дата обращения: 10.11.2016).

Шутова Н. И. Удмурты (XVI – первой половины XIX вв.): по данным могильников. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1992. 264 с.

Научное издание

XLIX УРАЛО-ПОВОЛЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ

Материалы всероссийской конференции с международным участием

1–3 февраля 2017 г., г. Киров

Технические редакторы: *А. М. Борисова, Т. Ю. Казакова*
Корректор *О. И. Коробкова*

Дизайн обложки: *А. К. Долгова, А. М. Борисова*

Компьютерная верстка *Л. А. Кислицыной*

Подписано в печать 25.01.2017 г.
Формат 60×84/16.
Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 15,7.
Тираж 150 экз.
Заказ № 4227.

Научное издательство Вятского государственного университета
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
www.vestnik43.ru, www.vyatsu.ru
Тел. 20-89-64

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36